

Межрегиональные
исследования
в общественных науках

Министерство
образования и науки
Российской
Федерации

«ИНОЦЕНТР
(Информация. Наука.
Образование)»

Институт имени
Кеннана Центра
Вудро Вильсона
(США)

Корпорация Карнеги
в Нью-Йорке (США)

Фонд Джона Д. и
Кэтрин Т. МакАртуров
(США)

Данное издание осуществлено в рамках программы «Межрегиональные исследования в общественных науках», реализуемой совместно Министерством образования и науки РФ, «ИНОЦЕНТРОм (Информация. Наука. Образование)» и Институтом имени Кеннана Центра Вудро Вильсона, при поддержке Корпорации Карнеги в Нью-Йорке (США), Фонда Джона Д. и Кэтрин Т. МакАртуров (США). Точка зрения, отраженная в данном издании, может не совпадать с точкой зрения доноров и организаторов Программы.

**КИРИЛЛИЦА –
ЛАТИНИЦА –
ГРАЖДАНИЦА**

*Ответственный редактор
доктор филол. наук, профессор
Т. В. Шмелева*

Великий Новгород
2009

УДК 80
ББК 81
К 43

Рецензенты:

доктор филологических наук, доцент *Е. В. Огольцева*

доктор филологических наук, профессор *Е. В. Клубуков*

Печатается по решению Научного совета программы

«Межрегиональные исследования в общественных науках»

Кириллица – латиница – гражаница: Коллективная монография /
К 43 Отв. ред. Т. В. Шмелева / НовГУ имени Ярослава Мудрого. – Великий
Новгород, 2009. – 340 с. (Серия «Монографии»; Вып. 11).

ISBN 978-5-98769-068-0

Основу коллективной монографии составили материалы Интернет-конференции, проведенной Новгородским МИОН весной 2009 г. Авторы, представляющих 14 городов России, объединяет интерес к русскому письму в самых разных аспектах его бытования: алфавит и его история, кириллица и латиница, формирование орфографии и дискуссии вокруг неё, трудности овладения письмом и массовое сознание пишущих. Поэтому книга может привлечь внимание широкого круга специалистов – исследователей детской речи и школьных преподавателей, теоретиков письма и историков русского правописания, психолингвистов и семиотиков.

**УДК 80
ББК 81**

Книга распространяется бесплатно.

ISBN 978-5-98769-068-0

- © АНО «ИНО-Центр (Информация. Наука. Образование)», 2009
- © Новгородский государственный университет, 2009
- © Новгородский межрегиональный институт общественных наук, 2009
- © Коллектив авторов, 2009

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ (<i>Шмелева Т. В.</i>).....	7
Глава 1. РУССКОЕ ПИСЬМО В КООРДИНАТАХ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ	11
1.1 От старой азбуки до современного алфавита (<i>Григорьева Т. М., Осипов Б. И.</i>)	12
1.2 Алфавит в русской культуре (<i>Шмелева Т. В.</i>)	20
1.2.1 Алфавит, азбука, кириллица	21
1.2.2 Буквы и их имена	27
1.2.3 Алфавит в ономастиконе.....	45
1.3 «Препинание словес»	53
1.3.1 Пространственно-кинематическая концепция пунктуации (<i>Ким И. Е.</i>) ..	53
1.3.2 «Русская» точка: этимология и идиоматика (<i>Сперанская А. Н.</i>)	64
1.3.3 Точки наших дней (<i>Чабан Т. Ю.</i>)	70
Глава 2. КИРИЛЛИЦА	76
2.1 Паратекст древнерусской книги (<i>Семенова Н. В.</i>)	77
2.2 Скоропись в тобольских документах XVII–XVIII вв. (<i>Выхрыстюк М. С.</i>).....	88
2.3 Написание служебных слов в кириллических памятниках (<i>Сивкова Е. А.</i>).....	107
2.4 Значимость надстрочных знаков в письменной культуре староверов (<i>Бойко Е. С.</i>)	120

Глава 3. ЛАТИНИЦА	127
3.1 Латиница и русское письмо (<i>Кознева Л. М.</i>).....	128
3.2 Латиница против кириллицы и vice versa (<i>Григорьева Т. М.</i>).....	136
3.3 Латиница в ономастическом ландшафте современного российского города	151
3.3.1 Хабаровск (<i>Копытов Н. О.</i>)	152
3.3.2 Чита (<i>Филинкова Е. О.</i>)	167
3.3.3 Красноярск (<i>Сперанская А. Н.</i>)	170
3.3.4 Великий Новгород (<i>Шмелева Т. В.</i>).....	175
Глава 4. ГРАЖДАНИЦА: РУССКАЯ ОРФОГРАФИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ И ЯЗЫКОВОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО	180
4.1 «Русское правописание» Я. К. Грота в зеркале мнений «за» и «против» (<i>Григорьева Т. М.</i>).....	181
4.2 А. В. Миртов против Я. К. Грота (<i>Дежарев В. И.</i>)	195
4.3 Путь к реформе (<i>Григорьева Т. М.</i>)	208
4.4 Орфографическое строительство 30–50 гг. XX века (<i>Науменко С. В.</i>).....	225
Глава 5. СОВРЕМЕННАЯ ОРФОГРАФИЯ С ТЕОРЕТИЧЕСКИХ, ПРАКТИЧЕСКИХ И ДИДАКТИЧЕСКИХ ПОЗИЦИЙ	240
5.1 Церковнославянское и русское в современном правописании (<i>Мишланов В. А.</i>).....	241
5.2 Питер приехал в Питер, или о правописании буквы Э (<i>Федосюк М. Ю.</i>)	253
5.3 Обучение орфографии	260
5.3.1 Орфографическая зоркость (<i>Булохов В. Я.</i>)	260
5.3.2 Спонтанное усвоение орфографических правил (<i>Цейтлин С. Н.</i>)	264
5.3.3 Орфография мягкости в опыте первоклассника (<i>Степанова Т. В.</i>).....	273
5.3.4 Изменение орфографии в восприятии современного общества (<i>Синичкина Н. Е.</i>).....	276
5.4 Массовое письменное сознание (<i>Голев Д. В.</i>)	283
ЗАКЛЮЧЕНИЕ (<i>Шмелева Т. В.</i>).....	307
ПРИЛОЖЕНИЯ	309
БИБЛИОГРАФИЯ	314
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	335

ПРЕДИСЛОВИЕ

Наша коллективная монография – отражение, а может быть, и в некотором смысле продолжение конференции, которая «протекала» в пространстве интернета весной 2009 года. Её вызвали к жизни, с одной стороны, проект Новгородского МИОНа «**Культура русского письма в истории и современности**», а с другой – стечение исторических дат, важных для понимания судеб и современного состояния русского письма. В 2008 году исполнилось

- **1020 лет** присутствия в русской культуре **кириллицы**, пришедшей с принятием христианства и появлением славянских церковных книг;
- **300 лет** вхождения в культурный оборот **гражданицы**;
- **90 лет** орфографической **реформы**.

Три эти даты, в разной степени «круглые» и по-разному отмеченные в нашей стране и за ее пределами¹, вызывают к тому, чтобы сделать еще одну попытку осмыслить, с одной стороны, единство письменной традиции русской культуры, а с другой, – разные облики графической системы, обслужи-

¹ Назовем лишь некоторые из событий, призванных отметить эти даты. Первую дату отметили в Москве Архиерейским собором и Торжественным актом в Государственном Кремлевском дворце; в Сочи прошёл IV Международный Форум студенческих научных обществ и молодых ученых духовных и светских учебных заведений «1020 лет Крещения Руси: основа духовного единства славянских народов»; в Ярославле организованы Образовательные чтения «1020 лет Крещения Руси: Русская Православная Церковь и духовно-нравственная культура современного общества». Вторая дата послужила поводом для «круглого стола» на тему «Русский гражданский шрифт как основа культурного своеобразия российской цивилизации» в Федеральном агентстве по печати и массовым коммуникациям. Все эти события отражены в интернет-ресурсах и печатных изданиях.

вающей русское письмо, и ряды проблем, которые возникали в истории их использования и которые волнуют современное русское общество.

Разумеется, у нас есть понимание того, что три ипостаси русского письма, выявляемые названными датами, не исчерпывают всех возможностей его варьирования в разных сферах употребления. И действительно: бытовое письмо новгородских берестяных грамот не похоже на деловую скоропись московских указов, школьные прописи учащихся церковно-приходских школ не могли прочитать советские школьники...

Многоликость русского письма слабо выражена в терминах, тем более общеизвестных: все графические системы называют *русской азбукой (алфавитом), кириллическим письмом* или просто *кириллицей*. Большинство пишущих сегодня по-русски не сомневаются в том, что они пользуются *русским алфавитом, или русскими буквами*. Лингвисты же отдают себе отчет в том, что так можно говорить, если отвлечься от истории и происхождения нашей системы письма. Но с тем, что это *разные графические системы*, у каждой из которых своя история, своё место в русской культуре, думаю, не станет спорить никто. Мы выбрали для анализа

- *кириллицу*, именуемую в память об одном из её создателей святом равноапостольном Кирилле,
- *гражданицу*, или гражданскую азбуку, появившуюся в XVIII веке – как один из результатов Петровских реформ,
- пореформенное русское письмо, для которого нет особого термина, а вполне можно было бы говорить о «*новой гражданице*».

Но нельзя отрицать тот факт, что изучение истории русского письма невозможно без обращения к другой графической системе – *латинице*, оказавшей влияние на судьбу русского письма и сегодня присутствующей в нашей письменной практике. Это обстоятельство мы и хотели подчеркнуть названием конференции, которое мы сохраняем и для книги: КИРИЛЛИЦА – ЛАТИНИЦА – ГРАЖДАНИЦА.

Достаточно очевиден и тот факт, что говорить только об алфавитах графических системах невозможно: алфавит как система **графем**² плюс система правил соотнесения их со звуками (графика) обязательно сопровождается, с одной стороны, совокупностью параграфем (параграфемикой)³, а с другой – системой правил записи с его помощью слов (орфогра-

² Этот термин образован из корень *граф* – ‘писать, изображать знаки’ и суффикса – *ем(а)*, с помощью которого принято обозначать обобщающие языковые единицы (фонема, лексема, синтаксема).

³ Термин включает греческие морфемы: корень *граф* – ‘писать, изображать знаки’ и приставку *пара-* ‘возле, около, при’. В филологической терминологии используются включающие ее термины *параграф*, *паралингвистические средства*, *паратекст*, *паралитература*; в медицинской – *паранойя*, *парагрипп*, *паратиф*; известны общенаучные понятия – *паранормальные явления*, *парапсихология*. В нашем случае с помощью термина из греческого «материала» обозначается система значков, не

фия, или правописание). Неразрывность, неотделимость графемки от параграфемки и орфографии определили основные сюжеты нашей конференции и коллективной монографии, состав участников конференции и авторов книги.

Нам хотелось собрать тех, кто думает о судьбе русского письма в самых разных отношениях, чтобы высветить максимально большой круг научных тем, связанных с историей и современным состоянием русского письма. Актуальность такой постановки проблемы подтвердилась тем, что приглашение к участию в интернет-конференции приняли вузовские лингвисты из 12 городов России, еще шире география откликов на нашу конференцию.

Не претендуя на то, что поставленная проблема рассмотрена исчерпывающим образом, мы решаемся предъявить материалы дискуссии в виде книги, надеясь, что у неё найдутся читатели, заинтересованные в понимании проблем русского письма и современного письменной практики. Различие между конференцией и коллективной монографией можно описать с обращением к музыкальным параллелям: если конференция похожа скорее на оперу, где каждый ведет свою партию, то книга – больше похожа на хоровое пение, где если и выступают солисты, то лишь тогда и столько, когда и сколько предусмотрено. Если говорить более практично, что превращение серии докладов в коллективную монографию предполагает их новое редактирование, устранение обязательных для отдельных текстов зачинов и заключений, неизбежно возникающих повторов, составление общего библиографического списка и унификацию системы ссылок (в тексте все цитируемые и упоминаемые публикации обозначаются сокращенно – например, [Успенский 1994, 21]).

Изменяется несколько и расположение материалов, складываясь в композицию книги: в первой главе мы представляем «РУССКОЕ ПИСЬМО В КООРДИНАТАХ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ», следующие посвящаются одной из графических систем, обозначенных в названии книги, – КИРИЛЛИЦЕ, ЛАТИНИЦЕ, ГРАЖДАНИЦЕ. Если первым двум посвящаются отдельные одноименные главы (2 и 3), то гражданнице отведены две главы – 4 «ГРАЖДАНИЦА: РУССКАЯ ОРФОГРАФИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ И ЯЗЫКОВОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО» и 5 «СОВРЕМЕННАЯ ОРФОГРАФИЯ С ТЕОРЕТИЧЕСКИХ, ПРАКТИЧЕСКИХ И ДИДАКТИЧЕСКИХ ПОЗИЦИЙ». Каждая глава делится на разделы, название которых достаточно ясно представляет обсу-

имеющая звуковых соответствий, но **обеспечивающая** функционирования графем при отражении речи: это пунктуация, знаки ударения, различие размера букв, шрифтов и под. [Гельб 1982, 321; Григорьева 2003]. О значимости параграфемки говорит хотя бы тот факт, что она стала важнейшим моментом преобразований в ходе Петровской реформы русского письма (см. 1.1).

ждаемую там проблему. Общее проблемное поле главы обозначено в преамбуле.

Авторство каждого из фрагментов монографии указывается в Оглавлении. Если материалы публикуются не впервые, об этом сообщается. Мы специально подчеркиваем, что монографию составляют как специально созданные, так и уже опубликованные тексты, что позволяет хотя бы частично преодолеть неизбежную фрагментарность наших работ, собирая их под одной обложкой. В контексте общей монографии даже очень частные наблюдения и утверждения могут приобретать новое значение, укладываясь одним из камешков в мозаике, отражающей историю и современность русского письма.

Как и в случае с конференцией, мы будем рады узнать все впечатления и отклики на наши суждения и наблюдения. В продолжение нашего виртуального общения приглашаем писать по изветному участникам конференции и дискуссий адресу: Tatyana.Shmeleva@novsu.ru.

Т. В. Шмелева

Глава 1.

РУССКОЕ ПИСЬМО В КООРДИНАТАХ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ

В этой главе представлены данные об истории русского письма и о том месте, которое оно заняло в русской культуре. При этом письмо понимается широко – не только как графическая система (алфавит), но и как параграфемика – в первую очередь система пунктуации. Подчеркивая значимость исторического аспекта рассмотрения, раздел о параграфемике озаглавлен цитатой из Грамматики XVII века Мелетия Смотрицкого, где пунктуация именуется **препинание словесъ** [Грамматика Смотрицкого, 135].

Широко понимается и культура – как совокупность выработанных в обществе представлений о мире, способов именования его элементов, их уподобления друг другу и сопоставления. Это дает возможность увидеть, как элементы письма – будь то буква или точка – вышли за пределы собственно письма и его технических средств, включившись в семиотические механизмы языка и заняв свое особое место в языковой картине мира.

1.1 ОТ СТАРОЙ АЗБУКИ ДО СОВРЕМЕННОГО АЛФАВИТА⁴

Говоря о сложном пути русского письма от истоков до современности, необходимо вспомнить, что наши предки, создавая свою письменность, воспользовались чужой азбукой, которая в IX в. была создана св. Кириллом. Вместе с братом Мефодием он с помощью этой азбуки записал первые славянские переводы Святого писания.

Азбука Кирилла и Мефодия включала в себя 38 букв по принципу соответствия «фонема – буква». Большинство современных ученых единодушны в том, что это была та из двух древних славянских азбук, которую принято называть **глаголицей**. Начертания ее букв не похожи ни на современные, ни на те, которые составляют другую славянскую азбуку – **кириллицу**. Но славянские первоучители гениально решили главную задачу создания письменности: состав фонем славянской речи (видимо, южнославянской) был определен ими чрезвычайно точно, поэтому состав букв оказался столь удачным.

И все-таки эта древнейшая азбука содержала некоторые следы предшествующей письменной традиции – **греческой**, которая была принята первоучителями за образец. В греческом языке византийской эпохи фонемы [i] и [o] были парными по признаку долготы/краткости. Славянам это различие было чуждо, но в написании греческих заимствований Кирилл и Мефодий стремились его отразить, вот почему в их азбуке было две буквы для [i] и две буквы для [o]. Кроме того, были буквы для мягких [g'] и [k'], которые тоже встречались только в греческих заимствованиях.

Первоучители славянства, а затем их ученики и последователи осуществляли свою деятельность не в Македонии, говор которой послужил основой первой азбуки, а в Паннонии, Моравии, Восточной Болгарии и, наконец, на Руси. Говоры этих территорий несколько отличались от македонских. К тому же славяне еще до создания азбуки Кириллом стихийно использовали для записи своей речи греческие буквы. Эти два обстоятельства и определили дальнейшую судьбу русской азбуки.

⁴ Первая версия этой работы – [Григорьева, Осипов 2002].

В Восточной Баварии X века кем-то из учеников основателей славянской грамоты оригинальные начертания глаголицы были заменены греческими, и даже те буквы глаголицы, которые обозначали чисто славянские фонемы и не имели соответствий в греческом алфавите, были стилизованы под греческий шрифт. Так возникла азбука, которую принято называть **кириллицей**.

Греческое влияние в кириллице проявляется сильнее, чем в глаголице. И это касается не только начертаний, но и самого состава азбуки. Появляется еще одна буква, призванная передавать в заимствованиях греческую фонему [θ] – «фита», хотя в славянском произношении эта фонема совпала с [f], которая обозначалась буквой «ферт» (ф).

Были введены в славянскую азбуку и буквы, которыми обозначались на письме типично греческие сочетания [ks] и [ps] – «кси» (ξ) и «пси» (ψ). А вот вместо особых букв для [kʰ] и [gʰ] стал применяться надстрочный значок мягкости над буквами «како» (κ) и «глаголь» (γ).

Целый ряд специфических черт кириллицы связан с особенностями фонетики тех славянских наречий, на территории которой они применялись. Прежде всего – это так называемые йотированные буквы: **ѣ**, **кѣ**, **ѣж**, **ѣл**, а в древнерусской кириллице – также **ѣѣ** (йотированный *ять*), правда, быстро вышедший из употребления вследствие фонетических изменений древнерусского языка. Далее специальные буквы «юс большой» (**ѣ**) и «юс малый» (**ѣ**), которые имели, как уже было отмечено, йотированные пары. В других славянских языках носовые фонемы [o] и [e] обозначались сочетаниями букв, письменных эквивалентов носовых [o] и [e] с особым знаком.

Славянская кириллическая азбука включала в свой состав уже 43 буквы. В момент заимствования этой азбуки приспособление ее к живому древнерусскому языку носило не совсем последовательный характер. То есть уже тогда, у самых истоков, русская азбука не была согласована с фонемами собственно русского языка и заключала в себе недостатки, которые с течением времени становились все более явными и умножались, потому что русский язык изменялся в живом употреблении носителей, а письмо оставалось неизменным. Дисбаланс в соотношении живого русского языка и его письменности отразился на буквенном составе – возникли

«мертвые» буквы, и русское письмо постепенно, но неуклонно освобождалось от них.

Первыми из употребления выходят большие юсы: **ѣ** и **ѥ**. Дело в том, что древнерусский язык утратил носовые еще в дописьменный период. Вместо носового [o] русские стали произносить [u], а для обозначения этой фонемы было несколько букв «ук» (**ѹ**), «ик» (**Ѹ**) и «ю». Именно ими и были вытеснены оба больших юса. А вот на месте носового [e] возникла хоть и не носовая, но все-таки особая фонема, не совпадавшая с другими гласными древнерусского языка, поэтому оба малых юса (простой и йотированный – **ѧ** и **ѧѦ**) сохранились. В конце XIV–XV вв. была предпринята попытка восстановить употребление больших юсов и некоторых других уже утратившихся особенностей древнего письма, но она закончилась неудачей.

Фонетический процесс вторичного смягчения согласных в древнерусском языке привёл к переосмыслению множества букв русской азбуки, хотя состав её не претерпел заметных изменений. На это важно обратить внимание: письмо может меняться и тогда, когда внешне остается без перемен! Не останавливаясь на подробностях этих изменений, отметим только, что отпала необходимость в йотированных **ѣѦ** и **ѥѦ**, и они «уходят» из употребления. Но совпавшая по звучанию пара **ѧ** и **ѧѦ** ещё долго оставалась в русской азбуке.

Второй фонетический процесс – так называемое падение редуцированных (XII–XIII вв.) – тоже привёл не к изменению состава букв, а к их переосмыслению: буквы «ер» (**Ѥ**) и «ерь» (**ѥ**), обозначавшие особые гласные фонемы, превратились в «беззвучные буквы», что много позднее отразилось в их наименовании *твердый* и *мягкий знак*.

В жизни русского языка происходят большие изменения. Выделяется украинский, затем белорусский язык; формируется язык великорусской народности, что в основных своих чертах получит завершение с формированием русской нации и государства к XVIII в. И тогда встанет вопрос о необходимости реформирования русского письма.

К этому времени в кириллице накопилось не только много дублетных букв, но и всякого рода других избыточных знаков (параграфемных). Например, сложился обычай над гласными в начале слова и после гласных ставить запятую – *звательце*. Этот знак когда-то в греческом обозначал придыхание, но в русском письме не

имел никакого смысла. Сокращение слов обозначалось надстрочным знаком – **титлом**, под которым в церковных текстах писали определенные слова, в других ситуациях титлование стало мешать ясности текста. Многим казалось излишним и требование расстановки «**сил**» – ударений, широко распространившихся с XVI века.

Многое из этого было устранила **Петровская реформа 1708–1710** гг. Поданная на утверждение Петру новая русская азбука была меньше кириллицы на пять букв, которые к XVIII столетию практически уже не употреблялись, но в азбучном списке числились: **ѣ** – **іа** – **ѣ** – **ѡ** – **ѣ**. Государь собственноручно вычеркнул еще две «лишние» буквы: **ѣ** (пси) и **ѡ** (омега). Кроме того, были введены буква **Э** и **Я**, вместо буквы **ѣ** (юс малый) [Азбука гражданская, 1710]. Реформа коснулась и внешнего облика букв: приближенные к латинским, начертания новой азбуки стали удобнее в скорописи. Было отменено числовое значение букв русской азбуки: **А – 1; Б – 2; Г – 3; Д – 4; Е – 5** и т. д. (см.: Приложение № 1), а для обозначения чисел введены арабские цифры, как это было принято в Европе. Таким образом, петровские преобразования русского письма затронули собственно состав алфавита и параграфемные средства, что важно подчеркнуть для понимания исторического значения этого этапа в истории русского письма.

Одной из причин создания гражданской азбуки стало желание Петра приблизить русское письмо к европейским стандартам, и в первой половине XVIII в., как свидетельствует история, это вызывало самые положительные отклики. *«Прекрасна была, – писал В. К. Тредиаковский, – сия самая первая печать: кругла, мерна, чиста – словом, совершенно уподоблена такой, какова во французских и голландских типографиях употребляется... Сие очам российским сперва было дико и делало некоторое затруднение в чтении особливо таким, которые и старую московскую с превеликою запинкою читают»* [Тредиаковский 1748, 3]. А. П. Сумароков, обращаясь к типографским наборщикам, выражает требование *«сил не ставить нигде»*, потому что от них *«пестрота, обезображивающая нашу прекрасную нынешнюю печать»* [Сумароков 1787, 307–308]. В более поздние времена, правда, высказывалось сожаление, что *«не остались при славянском шрифте»* [Брандт 1910, 2]. Но как бы то ни было, устранение бесполезных дублетов реформаторская деятельность Петра заслуживает благодарной памяти.

Преобразованная Петровской реформой азбука подвергалась изменениям и в последующие годы. В 1735 г. распоряжением Академии наук были исключены еще две буквы: **з** (зело), которая еще в древности в результате фонетических изменений совпала по значению с буквой **з** (земля), и **ѣ** (кси), которую, по выражению Р. Ф. Брандта, Петр «оставил на недосмотре» – она тогда уже была лишней. Высказывалось и другое мнение: Петр оставил эту букву по ее необходимости в написании его отчества **Алѣксѣевичь**.

В 1758 г. Российским собранием при Академии наук новая азбука, получившая название «**гражданицы**» была утверждена для набора и издания светских, не церковных книг. Освободившись от бесполезных букв-дублетов, новая русская азбука стала намного меньше: включала в свой состав уже *37 знаков*, в том числе – введенные Академией наук **й** (и с краткой) и лигатура **іо**.

Введение последней связано с фонетическим процессом перехода [e] в [o]. Поскольку прежнее *нес* [n'es] трансформировалось в [n'os], то для обозначения нового звука и стали использовать знак **іо**, который введен В. Е. Адогуровым, автором первой русской грамматики на родном языке [Шмелева 2009], и отмечен в текстах с 1737 г., а в 1797 г. вместо этого знака Н. М. Карамзин в сборнике «Аониды или собрание разных новых стихотворений» впервые употребил букву **ѣ**, которая постепенно вытеснила малоудобный знак **іо**. В XIX в. делались попытки ввести другие начертания этой буквы, но карамзинский вариант сохранился поныне.

Важно подчеркнуть, что тогда не все лишние буквы русской азбуки были исключены. Для обозначения, например, звука [i] после всех азбучных перемен было целых три буквы с особыми правилами употребления:

- и (восьмеричное) – только в положении перед согласными;
- і (десятеричное) – только в положении перед гласными, за исключением слова *міръ* в значении *вселенная*;
- ѳ (ижица) – в словах греческого происхождения; в зависимости от положения она служила обозначением разных звуков: звука [ó] – *Евангеліе* и звука [i] – *міро*.

Вся последующая история азбучных дискуссий сводилась в основном к спорам об «однозвучных» буквах: **е** – **ѣ**; **ф** – **ѳ**; **и** – **і** – **ѳ** и «беззвучной» букве **ъ** на конце слов.

Реформы русского письма нашли отражение и в «Российской грамматике» М. В. Ломоносова. Его русская азбука включает всего 30 букв: исключены **і, ш, э, ѣ, іо, џ**. Рассуждения об этих буквах сводятся к тому, что хотя в российском письме употребляются **і, ш, э, іо**, однако «в азбуку свойственно принять быть и наряду числиться не должны для следующих причин»:

1) «Буква **і** произносится так же, как **и** и только ради того в употреблении осталась, чтобы частое стечение подобных букв не приятным видом взору не казалось противно и в чтении запинаться не принуждало... Ради сего **і** не больше принадлежит в азбуку, как **ѣ** для оказания краткости сей буквы надписанною скобкою»;

2) «**Ш** составлена из **ш** и **ч** не больше права имеет быть в азбуке, как **ѣ** и **џ**»;

3) «Вновь вымышленное или, справедливее сказать, старое **е**, на другую сторону обороченное, в российском языке не нужно, ибо буква **е**, имея несколько разных произношений, может служить и в местоимении этот и в междометии ей; для чужестранных выговоров вымышлять новые буквы весьма негодное дело...; ежели для иностранных выговоров вымышлять новые буквы, то будет наша азбука с китайскую; и таково же смешно по правде покажется, если бы для подлинного выговору наших речений, стоит буква **ы**, оную в какой-нибудь чужестранный язык приняли или бы вместо ее новую вымышляли» [Ломоносов 1755, 41–43]. Можно отметить, что в своем первом требовании Ломоносов не прав: писать одну букву в словах *эй* и *ей*, *эти* и *ети* – явное несоответствие письма звучанию. Поэтому буква **э** утвердилась в русском алфавите.

Ломоносов не отводит места в азбуке для вошедшего в правописный обиход «двуписьменного начертания» **іо**, но употребление его в нужных случаях считает возможным [Там же, 41–43]. Так он различает употребимость буквы и её право на место в азбучном списке (ведь и пару **и** – **і** он употребляет, не включая в азбуку).

Рассуждениям о букве **ѣ** в «Российской грамматике» посвящено два параграфа. Указав основные предписания об употреблении этой буквы (в отличие от **е**), Ломоносов останавливается и на тех написаниях, в которых «никаких правил показать нельзя»: они требуют «твердого учения грамоте и прилежного книг чтения». К тем, кто пытался «истребить» букву **ѣ** из русской азбуки, он обращается с наставлением: «сие как невозможно, так и свойствам российско-

го языка противно, ибо ежели без буквы **ѣ** начать писать, а особливо печатать, то и тем, которые разделять е от **ѣ** умеют не токмо покажется странно, но и в чтении препятствовать станет» [Там же, 53–54].

Мысль о ненужности **ѣ** на конце слов не нашла отражения в «Российской грамматике», но изложена в пьесе «Суд российских письмен», где букве этой посвящены такие слова: «**Ѣ** немой место занял, подобно как пятое колесо» [Ломоносов 1952, 388].

В «Российской грамматике» А. Барсова (1783–1788), которая, по мнению Б. А. Успенского, представляет наиболее полное описание русского языка XVIII столетия, русской азбуке были возвращены, за исключением **й** и **ѵ**, все отвергнутые Ломоносовым буквы [Российская грамматика 1981, 40–41]. В российской азбуке А. Барсова, которую он называет гражданской печатью, в противоположность церковной, **34** буквы с новыми именами: уже не **аз**, **буки**, **веди**, но **а**, **бе**, **ве** и т.д. А. Барсов говорит об излишестве второй буквы для [i] и [f], но настаивает на сохранении пары **и–і**. Сохранение же буквы **ѣ** обосновывает тем, что она и **е** «в порядочном чтении» (в отчетливом произношении), а у малороссиян и в просторечии различествуют» [Там же, 47].

Споры о лишних буквах нашли отражение и в СД: **ѣ** (фита) – пишется без нужды в греческих словах вместо буквы **ф** (ферт); **ѵ** (ижица) пишется в греческих словах, отвечая за **и** и **в**: **мѵро** и **Ѣѵангеліе**. Букву **ь** (ер) В. И. Даль характеризует как твердый полугласный, а ныне – безгласный – звук. «Как мы постепенно выкинули **ь** из середины слова (имеется в виду отражение процесса падения редуцированных), так точно он может быть откинут и в конце, а оставлен только перед согласным, в середине, где он нужен для произношения» [Т. 4, 659].

Буква **ѣ**, по определению автора словаря, – двугласная; ее значимость в русском письме он определяет так: нельзя сказать, чтобы «правописание через **ѣ** и **е** было у нас твердо установлено» [Там же, 513]; «смысл и значение буквы этой до того утрачено, что правописание через нее стало шатко». Для установления правил написания слов с этой буквой, в отличие от **е**, сообщает он, «прибегали то к малорусскому языку, то к особому списку слов». Отметив её разные звуковые «значения», сформировавшиеся в языке к тому времени, Даль приходит к заключению, что «с помощью других славянских

*наречий можно было бы разобрать эту путаницу и установить правило. Или же остаться при одном е». И здесь же: «букву ѣ, в которой был некогда смысл и значение, как и в юсах, а ныне отживающую свой век, нельзя выкинуть по привычке к ней, но можно ее исподволь выжимать... где нет настойчивого требования на ѣ, там пишу е» [Там же, 659] (сведения о букве ѣ см. подробнее: [Григорьева 1997]). Даль отмечает употребление буквы і перед гласными и в слове *міръ* (= *свет* и *люди*); по его мнению, «сомнительно, чтобы правильно было писать *Владиміръ*, и вероятнее – *міръ*» [Т. 2, 68].*

Букву ё он вообще не включает в азбучный список, упоминая о ней лишь в связи с буквой е [Т. 1, 513]. Между тем именно со времен выхода первого издания словаря СД статус буквы ё начинает укрепляться: если до этого она была факультативной, то с 60-х годов XIX в. устанавливается её регулярное употребление в текстах для юных читателей. Однако своё седьмое место в азбучном списке она заняла только в советскую эпоху, а с 1956 г. установлено её обязательное употребление в случаях типа *все – всё, узнает – узнаёт* и в редких словах.

В СД приводится десять корневых слов с буквой ѣ (ижица), хотя уже к концу XVIII – началу XX в. она остаётся только в слове *мѣро* «благовонное масло» и его производных: *мѣроносица*, *мѣропомазаніе* и немногих других. Именно поэтому акад. Я. К. Грота в работе 1885 г. «Русское правописание» не включил её в русскую азбуку, и этим избавил русское письмо от лишней буквы, хотя в употреблении она сохранилась вплоть до реформы 1917 г., когда произошло окончательное избавление от графических дублетов *і, ѣ, ѿ*, лишней буквы *ѣ* на конце слова и был утвержден алфавит из 33 букв. Его в настоящее время безо всяких оговорок можно назвать идеальным.

Сейчас в нашем алфавите нет ни одной лишней буквы, но только необходимые – между прочим, редчайший случай в алфавитных системах с длительной историей. И этим мы обязаны Ф. Ф. Фортунатову, А. А. Шахматову, П. Н. Сакулину, Р. Ф. Брандту и другим выдающимся языковедам конца XIX – начала XX в., которые привели русское письмо к реформе.

Иногда, правда, высказываются сомнения в необходимости буквы ѣ. Действительно, слова типа *съесть, объём* и подобные можно было бы писать с буквой ѣ. Но едва ли это рационально для таких

слов, как *сверхъестественный*, *трансъевропейский*, *двухъ-*, *трёхъ-*, *четырёхъярусный*. Разговоры об излишестве буквы **щ** стихли в XIX веке – с тех пор, как вместо петербургского произношения [s'c'] установилось и стало доминирующим произношение [s']⁵.

Мы можем с полным правом гордиться тем, что русская графика, как и письмо в целом, на протяжении веков шли путем медленного, но неуклонного совершенствования. Оно освобождалось от буквенного балласта: одни буквы утрачивались естественным путем; другие были исключены реформами; третьи – изменили свои начертания. И так мы пришли от **азбуки** из **43** букв к **алфавиту**, в котором **33** буквы⁶.

Так русское письмо выглядит в координатах истории: история русской системы письма – это история выполнения звуковых требований языка, история согласования графической системы с развивающейся системой фонем – звуков, выполняющих в языке смысловозначительную функцию.

1.2 АЛФАВИТ В РУССКОЙ КУЛЬТУРЕ

Факты, изложенные в этом фрагменте монографии⁷, показывают, что русский алфавит перерос свое предназначение – быть инструментом письма, он вошел в русскую культуру как ее особенное явление, получившее отражение в словаре. Эти факты собраны в три раздела, освещающие три связанные между собой вопроса: какова семантика слов алфавит и азбука?; какие значения выработались у имен букв, вошедших в устойчивые выражения?; как алфавит и его элементы входят в систему имен собственных (ономастикон). Обозрение всех значение слова *алфавит*, его синонимов, производных,

⁵ Время от времени высказывается (начиная с XVII в. и до наших дней) предложение ввести букву для щелевой пары фонем [g] – [ɣ]. Но число слов с [ɣ] (и [ɣ']) неуклонно сокращается: даже в формах слова *бог* всё чаще произносится [g] и [g']. Более того, в Им. п. ед. ч. развилось произношение [bok] вместо прежнего, считающегося правильным [boh].

⁶ Дополнительные сведения по истории русского письма можно найти в работах: [Григорьева 1996; Григорьева 1997; Иванова 1990; Иванова 1991; Осипов 1990; Осипов 1999, и др.]

⁷ Он представляет собой обобщение цикла статей [Шмелева 2004; 2004б; 2006 а-в; 2007 а, б].

элементов алфавита позволит нам составить особый алфавитный лексикон, и мы увидим, как он немал и разнообразен.

1.2.1 Алфавит, азбука, кириллица

Слова *АЛФАВИТ* и *АЗБУКА*, как хорошо известно, представляют собой заимствованное греческое слово и его славянскую кальку. Они сосуществуют в русском языке на правах синонимов, что отмечают соответствующие словари [СС, 15]⁸.

Напомним, что *АЗБУКА* – не единственная калька греческого *alfavita* в русском языке: у неё были конкуренты: *азъведи* [СЧ], *ABCD-arium* [Степанов, Проскурин 1993, 76], *абеседал* [Григорьева 2004, 9]. Это говорит о том, что со словом *алфавит* в русском языке не просто появился ряд лексем – заимствованная и калькированные, но и модель словообразования, которая «работает» и сегодня⁹, как будет показано в разделе, посвященном ономастикону.

Возвращаясь к *азбуке*, надо сказать, что она не только «обошла» своих конкурентов, но и обзавелась производными, указанными, напр., в СД: *азбучный, азбуковный, азбучник, азбуковина*. Сегодня в речевой практике представлено только первое из них как общеизвестное слово, примеры употребления которого ещё будут приведены, и *азбуковник* – как термин, известный специалистам по

⁸ Относясь к немногочисленным словам, «сделанным» из названий букв; они оказываются в одном ряду со словами *элемент*, которое состоит из названий латинских букв l, m, n (= эль, эм, эн) [Степанов 1993; Степанов, Проскурин 1993, 76–77], и научных терминов, образованных от названия греческой буквы χ (хи) – в лингвистике *хиазм* обозначает перекрёстное расположение элементов, как, напр., во фразе *Мы работаем, чтобы жить, а не живём, чтобы работать*; в биологии *хиазма* – форма перекрёста гомологичных хромосом в мейозе [СКр]. Выходя за пределы литературного языка, можно указать в этом ряду и «добродушные эвфемистические ругательства», состоящие из букв алфавита в алфавитном порядке *ё-ка-лэ-мэ-нэ* и *ё-пэ-рэ-сэ-тэ* [СРВ; СГ].

⁹ Её нельзя назвать специфически русской, она известна и польскому языку, где наряду с европеизмом *alphabet* и его производным *analfabeta* в значении ‘неграмотный взрослый, не умеющий читать и писать, то есть не знающий даже алфавита’, существует польское слово *abecadło*, которому посвящена особая статья в школьном этимологическом словаре [ДК, 11]. Оно составлено из названий первых трёх (!) букв латинского алфавита, который стал письмом для польского языка, – a, b, c и субстантивного суффикса *-dło* (аналога русского *-ло* в словах типа *мыло, весло*, то есть имеющее общеславянское значение ‘то, чем действуют’ в отглагольных существительных: *мыло, mydło* = ‘то, чем моют’).

древнерусской литературе [СКн; Ковтун 1989; Степанов 1993; Степанов, Проскурин 1993]. Кроме того, школьные педагоги придумали термин *азбуковедение* [Занимательное 1994].

Показательно, что слово АЗБУКА располагает не только морфемными, но и семантическими дериватами, или переносными значениями, распространяющими область его применения за пределы обозначений алфавитного письма.

Первое из этих значений позволяет говорить об азбуке как наборе любых знаков, оно представлено в ограниченном числе сочетаний типа *нотная азбука*, *азбука Морзе*, *азбука глухонемых*. Это значение можно назвать **семиотическим**, так как именно семиотика изучает разнообразные знаковые системы [Степанов 1983].

Второе значение следует назвать **текстовым** или **жанровым**; оно толкуется как ‘учебник грамоты, букварь’ [СД] и мотивируется текстообразующими свойствами азбуки, которые хорошо видны в Далевском толковании слова *букварь* – синонима слова *азбука* в этом значении: ‘*собрание букв и статеек для обучения грамоте*’ [СД]. С учётом того, что произошло с жанром после Даля, толкование можно расширить до такого: ‘собрание букв и картинок, статеек/небольших стихотворений для обучения грамоте’. Включение в толкование слова *картинки* принципиально важно, поскольку изображения в азбуках входит в культурный опыт русских людей, о чем говорит, скажем, анализируемый в [Зубова 2000, 374] пример из стихотворения А. Парщикова: *азбучный режут арбуз, раздают ломти*. Включение смысла *небольшие стихотворения* необходимо в силу того, что многие русские поэты – начиная, кажется, с Саши Чёрного создали свои стихотворные версии азбуки, сформировав своеобразный азбучный дискурс русской культуры, зафиксированный отчасти в книге [18 знаменитых 1996].

Помимо этого, слово АЗБУКА получило переносные значения ‘первоначальные сведения, основы’ и выводимое из него ‘бесспорное, очевидное’ (СК). Первое реализуется в сочетаниях типа *Вот вам азбука биологии* (Федин, пример МАС), *Шофёрская азбука* (рубрика в газете), см. также: *Господа, ведь это азбука: побеждают сплочённые между собой люди, зажжённые идей* (В. Вересаев, пример МАС); *И надо начинать сначала./ Хоть с азбуки и с «Отче наш»* (Д. Самойлов).

Это значение реализуется и в производном прилагательном *азбучный*, которое встречается чаще всего в сочетании *азбучные истины* (ср.: *азбучная молитва* – СКн): *То, что я скажу, конечно, азбучная истина, но я считаю нужным сказать её* (Гаршин, пример МАС); *Конечно, мне известна одна из азбучных истин общественных наук – поведение человеческих масс не сводимо к поведению отдельных людей* (В. Кочубей); *В большинстве же наших «средних» фильмов авторы убеждают меня в истинах столь азбучных, столь самоочевидных и усвоенных мною ещё в начальной школе, что ничего они, кроме, в лучшем случае, снисходительной усмешки не вызывают* (Ю. Эдлис); см. также – *Казалось бы: азбучная вещь: нельзя понять настоящее, не разобравшись с прошлым* (Ю. Каграманов).

Такое использование говорит о том, что прилагательное *азбучный* – одно из средств выражения модуса высказывания: оно участвует в обеспечении кодекса речевого поведения, точнее, правила «не будь тривиальным» [Шмелева 1983]. К этому правилу весьма внимательны пишущие в разных сферах, поскольку это влияет на имидж автора [Шмелева 2007], к услугам которого оказывается целый лексикон тривиальности [Шмелева 2004], единицы которого появляются в высказывании для объяснения и оправдания авторского речевого поведения. Прилагательное *азбучный* оказывается таким образом синонимом таких слов, как, с одной стороны, *прописной*, а с другой – заимствований типа *банальный*, *тривиальный*.

Однако сказать, что прилагательное *азбучный* не используется в своём прямом, относительном значении, было бы неверно. Характерно в этом отношении название выставки, проводившейся в 2006 году в Москве, – «Азбучная истина. Выставка азбук, букв и инициалов». Экспонатами этой выставки стали азбуки, созданные русскими художниками начала XX века – Александром Бенуа, Мстиславом Добужинским. Информация об этой выставке даёт пищу для понимания того, как далеко ушло значение слова азбука от школьной словесности. Оно стало обозначать собрание картинок и текстов, расположенных по алфавиту. При этом картинки могут носить характер потешный, как у Добужинского, создавшего азбуку из карикатур на своих коллег по «Миру искусства», или идеологический, как в советской «Антирелигиозной азбуке», автором которой был Черемных, сопровождавший свои рисунки текстами ти-

па «жреца жало жертву ждало» (<http://www.svobodanews.ru/Article/2006/12/08/20061208132505783.html>)¹⁰.

Конкуренции между словами *азбука* и *алфавит* практически нет, между ними как бы распределились обязанности: за первым закрепилось наименование русского алфавита и метонимически – основ образованности и общеизвестных, а потому бесспорных истин, а за вторым – общее обозначение систем алфавитного письма¹¹. Это касается и их производных: если в XIX в. использовалось выражение *в азбучном порядке* (мы знаем об этом по «Евгению Онегину», где *Татьяна в оглавление кратком находит азбучным порядком Слова: бор, буря, ведьма, ель...*; указывается на него и в СД), то современная речевая практика знает только *в алфавитном порядке* или *по алфавиту*. Помимо самого частотного

¹⁰ В подтверждение того, что азбука как художественный жанр существовал и до и после эпохи, представленной на выставке, можно привести два примера, далёких друг от друга по времени и по содержанию. «Теребневская азбука» – так называется серия графических листов скульптора И. И. Теребнева на темы войны с Наполеоном. Изданная как «Подарок детям в память о событиях 1812 года», она лубочно-карикатурно представляет серию эпизодов войны и воспитывающих стихотворных подписей типа *О – Один лишь Росс в врагах чтит христианску кровь / Сколь мьст его страшна, столь искрена любовь* [Азбука 1993]. «Азбука Битова» – одна из публикаций в журнале «Звезда» к 60-летию писателя. Это собрание афористических суждений о нём и его творчестве от «*Андрей Битов*» до «*Яркие воспоминания юности*» [Волков 1997].

¹¹ Указанные переносные значения появились и у польского слова *abecadło*; кроме того, у него есть специфическое значение 'игра'. Её участники поочередно – в строгом алфавитном порядке – приводят имя, топоним и предмет на одну букву алфавита; так, если первый играющий скажет «я *Адам*, еду из *Астрахани*, привез себе *атласа*», то второй должен сказать: «меня зовут *Борис*, еду из *Берлина*, привёз себе *букет*»; не успевший вовремя предъявить три нужных слова на очередную букву алфавита «платит фант» и теряет шанс быть победителем. Понятно, что такая дружеская игра, распространённая, как сообщает словарь, в XVIII веке, кроме забавы, стимулировала искусное владение алфавитом. Сегодня, как общается в том же словаре, её видоизменением оказывается школьная игра, по правилам которой нужно на очередную букву назвать город, государство и известного человека [DK], что требует большей эрудиции, но по-прежнему предполагает искусное обращение с алфавитом. Общим для русского слова АЗБУКА и польского *ABECADŁO* оказывается и то, что в прошлом у них было больше производных: так, в польском языке XVII–XVIII вв. бывали: прилагательные *abecadłowy*, *abecadlny* в том значении слова *алфавитный*, который используется в выражении *в алфавитном порядке* (сейчас говорят *w porządku alfabetyznm*); существительные *abecedariusz*, *abecedarz*, *abecedlarka* в значении 'ученик или учитель начальной школы, где изучают основы грамоты', последнее слово – ученица или учительница; и *abecadlnik* – 'учебная книга с изложением основ грамоты', ср. наше *азбука* [DK].

для него *порядка*, прилагательное *алфавитный* сочетается с такими словами, как *список*, *указатель* (терминологическое сочетание).

Другое производное слова алфавит – **алфавитизация** – не фиксируемое нашими словарями, относится к терминологической лексике; оно означает в лексикографии, делопроизводстве – **расположение** по алфавиту; в области языковой политики **разработку** алфавитов для новых письменностей (и в этом значении дает дериват *реалфавитизация* – изменения алфавита); в государственной политике (обычно по отношению к другим странам, в частности, говоря о Кубе) – **ликвидацию** безграмотности населения; в лингводидактике – **обучение** письменной форме языке, которая, как правило, следует за устным усвоением какого-го словарного запаса. Все эти разные значения вполне логично выводятся их значения слова *алфавит*, хотя в большинстве своем оказываются заимствованы из европейских языков, в частности, из английского

Интересно, что у слова *алфавит* в русском языке менее активны переносные значения. Можно привести случаи авторского употребления; например, в записках известного актёра Георгия Буркова находим фразу: *Приближение к душе зрителя при помощи нового театрального алфавита*; в работе М. А. Волошина о Сурикове (1916) встречаем подобное словоупотребление по иному поводу: *Глаз художника натолкнулся на один из основных знаков, составляющих алфавит видимого мира, и вокруг того сосредоточия стала заплетаться сложная паутина композиции*. Это значение можно назвать семиотическим: алфавит понимается как система знаков, выразительных средств. Совсем иначе использует слово Л. Улицкая: *На берегу происходило утро. Оно было крепким, как неразведённый спирт, голым, как свежеснесенное куриное яйцо, безукоризненным, как алфавит* (Путешествие в седьмую сторону света // Новый Мир. № 8–9. 2000). Но примеры такого рода редки, все приведённые взяты из Национального корпуса русского языка (ruscorpora.ru – далее обозначен значком РС), это и убеждает в том, что по части переносных значений *азбука* явно лидирует.

Таким образом, как можно убедиться, слово *азбука* в русском лексиконе больше, чем аналог алфавита, она обозначает начала образованности и тривиальность. О её синонимичности с *алфавитом* можно говорить осторожно, особенно учитывая множество производных и их сочетаемость.

Для характеристики функционирования слова АЗБУКА и его аналогов, важно отметить, что оно оказывается центральным элементом этого лексического поля в силу хотя бы того обстоятельства, что именно у него сложился ряд значений, которые мы определили как семиотическое, текстовое (жанровое), образовательное; и производных, которые вошли в состав идиом, пополнивших лексикон тривиальности.

Кроме того, слово АЗБУКА вошло в состав паремий, которые можно найти в далевском собрании пословиц: (1) *Азбуки не знает, а читать садится; У Николы две школы: азбуки учат да каноны твердят* и (2) *Азбука велика, а тридцать слов; Азбуку учат, во всю избу кричат; Азбука наука, а ребятам бука (мука)*. Как можно заметить, в них реализуются уже знакомые нам значения ‘основы образования’ (1) и новое в нашем рассмотрении ‘тяготы учения’ (2). Таким образом, использование в идиоматике и паремиях обогащает слово новыми связанными значениями. Нельзя, конечно, не заметить, что приведённые паремии не относятся к активной части современных запасов паремий, скорее всего они не известны большинству наших современников. Тем более интересно обратить на них внимание наших читателей и, возможно, вернуть в культурный оборот.

Особого внимания заслуживает собственно русское наименование русской азбуки, образованное от имени одного из создателей славянского письма – **кириллица**. Еще десять лет назад можно было сказать, что оно присутствует главным образом в лексиконе гуманитарной интеллигенции. Но сейчас это слово широко известно пользователям интернета, а это значит практически всем. Особый повод для обсуждения кириллицы – полемика вокруг идеи отказа от неё в пользу латиницы в интересах интернет-коммуникации [Ашнин, Алпатов 2001; Лесков 2001; Немировский 2004; Нехамкин 2005]; кстати сказать, в этих спорах появились новые дериваты *кириллофобия, кириллофобы* [Соколов 2001]¹².

Важно, что в современном языке кириллица воспринимается не только как система письма, но и как **шрифт**, которым часто пользуются издатели современной литературы, в первую очередь учебной и исторической, но не обходятся без него и оформители ряда изданий и сайтов, рекламы. Кириллица как шрифт в современной

¹² Поэты же привержены родному письму и «переводят тоску на кириллицу» (Н. Ямаков).

письменной практике – особый исследовательский сюжет, у неё свои выразительные возможности и своя коммуникативная ниша.

Присутствие *кириллицы* в русском языке означает, что в список значений суффикса *–ИЦ(а)*¹³ нужно включить ‘система письма’. Это значение не только обнаруживается в терминах *кириллица, глаголица, гражданница*, но легко прочитывается в словах *латинница, арабица*. Подтверждение тому, что в слове *кириллица* воплощена активно действующая словообразовательная модель, можно найти в текстах интернета, где фигурируют слова *казановица, буратиница* (запись русского текста латиницей) и окказионализмы *пиноккионица, чиполлиница*.

Итак, в современный русский лексикон входят слово *алфавит, азбука*, в том числе и в переносных значениях, *кириллица*, идиома *азбучные истины*, ряд паремий, среди которых и забытые или полужабытые. Полный список идиом и паремий см. в Приложении.

1.2.2 Буквы и их имена

Слово *БУКВА* в русском лексиконе не имеет конкурентов. Его этимология, отсылающая к *буку* как источнику материала для письма и германским языкам [Степанов, Проскурин 1993, 64–65], современными носителями русского языка не ощущается, хотя и сообщается в этимологических словарях [КЭС; СФ; СЧ; СШ]. Как не ощущается и древнерусское значение слова ‘письменность, письмо’ [СШ].

Его греческий аналог *грамма* статуса лексемы в русском языке не получил, присутствуя в качестве корня слов *грамматика, грамматология*, и множества слов со второй частью *–грамма*¹⁴; можно сказать, растворился в русском морфиконе.

Латинская *литера*, которую Даль толкует как синоним буквы, в современных словарях сопровождается пометой *устар.*, как специальное дается её значение наборного знака [СОШ; СК], устарела сама система типографского набора, что практически выводит и

¹³ В этот немалый список входят значения женскости (*владелица, кормилица, тигрица*), единичности (*крупница, луковица*), уменьшительности (*вещица*), помещения (*больница, теплица*), вмещающего предмета (*сахарница*), растения (*горчица, листовница*), состояния природной среды и социума (*распутница, безработица*) и др. [Русская 1980].

¹⁴ По данным СЗ их около 40: от *диаграмма* до *орфограмма*.

слово за пределы современного лексикона. Прилагательное *литерный* тоже не отнесешь к активным словам в современном словоупотреблении

Производные слова *буква*, по данным [СТ], представлены более чем двумя десятками лексем. Рассмотрим самые употребительные из них.

Начиная с естественного для любого существительного производного прилагательного, можно отметить, что *буквенный* – вполне может быть отнесено к активной части современного лексикона, его очевидное прямое значение легко трансформируется вслед за метонимическими сдвигами исходного слова; так, напр., в статье литературного критика Льва Аннинского оно включается в перифрастическое обозначение литературы: *Весь этот буквенный край возьмет да и отколетя, и отплывет во тьму архивов, то есть люди просто перестанут читать. Что сейчас, кстати, и происходит* (Знамя, 2000)^{RC}.

Удивительно, что его оказалось недостаточно, и в XVIII веке в язык входит словообразовательная калька французского производного латинской литеры *littéral* – *буквальный* [КЭС]¹⁵, которое вначале конкурирует с *буквенный* в значении ‘точный, дословный’, а затем «отвоевывает» это значение себе; ср.: *Преподал он царю преданий смысл буквальный и Буквенный смысл слова сего Антифон, знаменует по Гречески противупение* [С XVIII].

Аналогично складывались отношения производных от этих слов наречий *буквенно* и *буквально*. Сегодня активно используется только второе наречие, причем у него два значения: диктумное ‘точно’ и модусное – ‘не понимай буквально, здесь преувеличение’, этот факт отмечен в статьях о гиперболе [Крысин 2004, 254; Шмелева 1987].

От заимствованного прилагательного уже в «отвоёванном» значении образовались существительные *буквальность*, а также *буквализм* и *буквалистика*, практически совпадающие в значении ‘строгое соблюдение формальной стороны дела в ущерб его существу’, *буквалист* – тот, кто склонен к буквалистике [МАС]. Последние слова используются в текстах о переводе, толковании Священного писания, театральных постановках или экранизациях литературных про-

¹⁵ Отметим кстати французский суффикс прилагательного *-al*, превратившийся в наш интерфейс и ставший приметой галлицизмов типа *театральный*, *пирамидальный*.

изведений – одним словом, об интерпретации, которая может быть ориентирована на букву или на сущность текста. Интересно, что у слова *буквализм* в переводоведении появилось терминологическое значение ‘ошибка в переводе как результат буквального прочтения слова или идиомы’, напр., английское *journal* – как *журнал*, а не *дневник* или *газета* в зависимости от контекста. В этом значении слово имеет формы множественного числа *буквализмы*.

Из производных существительных отметим *буквица*, *буковка*, *букварь*.

Буквица могла бы быть отнесена к устаревшим или специальным, известным специалистам по палеографии и древнерусской литературе: ее нет в МАСе, но есть в СШ – с отсылочным толкованием «то же, что инициал»¹⁶. Но в последнее время буквица вошла в терминологические словари – издательские, дизайнерские, поскольку так стали именовать типографский прием оформления начала текста или абзаца и элемент форматирования текста в компьютерном наборе; это слово хорошо смотрится на панели компьютера, а на запрос *буквица* Яндекс выдает 175 тысяч ссылок¹⁷. О новой популярности слова говорит его использование в ономастиконе (см. 1.2.3).

Диминутив *буковка*, кроме того, что обозначает букву небольшого размера, участвует в выражении смысла полноты, напр., в идиоме *(всё) до буковки: А на самом деле, если уж совсем, до буковки, быть точным, то последние слова этой фразы звучали так* (А. Битов. Колесо (записки новичка)^{RC}; *надо было проверить, и она проверяла на совесть, до последней буковки, до точки с запятой, обильно посыпая страницы пеплом своих сигарет, которые курила непрерывно, с утра до ночи.* (И. Грекова. Скрипка Ротшильда)^{RC}.

Букварь толкуется как синоним *азбуки* в жанровом значении, однако свойственных ей вторичных смыслов не обнаруживает в

¹⁶ Значит, в нашем алфавитном лексиконе должен быть помещен и *инициал* – заимствованное из латыни (через французский) обозначение буквы в начале текста или его фрагмента, как правило, укрупнённой и декорированной [СП]. Вне сферы изучения древних рукописей это слово обозначает – в соответствии со своим буквальным смыслом ‘начальный’ – первые буквы имени и отчества в самых разных текстах от списков до обозначения автора под газетным, скажем, текстом, поэтому встречается чаще в форме множественного числа – *инициалы*.

¹⁷ Правда, часть из них относится к лекарственному растению, иначе именуемому полевой шалфей и т. д. Это значение слова зафиксировано еще в [С XVIII] с вариантом *буковца*.

литературном языке, в городской неофициальной речи у этого слова отмечают переносные значения для пренебрежительного обозначения человека – ‘зубрила’, ‘второгодник’, ‘ученик младших классов’ [СМА; СГ], а также для пренебрежительного обозначения всякой книги, газеты [СГ].

Отметим единственное из дериватов *буквы* сложное слово *буквоед* (по Далю – «шуточное прозвище педантических филологов»). О том, как это слово оказалось в современной городской среде, см. 1.2.3).

Что касается идиом, то слово *буква* образует терминологические сочетания с прилагательными: *заглавная, прописная, большая* ↔ *строчная, маленькая*. Все они связаны с письмом, и их устойчивость приводит к элиминации слова *буква*, в результате названные буквенные эпитеты используются как субстантиваты в выражениях типа *напишем с маленькой, начнём с прописной, слово пишется с заглавной*.

Особое место среди буквенных идиом занимают библеизмы – *буква закона, мёртвая буква* [РМ]. В ряду с библейскими идиомами оказываются более поздние устойчивые выражения *буква в букву* в значении ‘очень точно, буквально’ (повторять, передавать, запоминать) и *с большой буквы* в значении ‘настоящий, достойный называться так’ [ФСМ]. Последнее выражение *человек с большой буквы* стало знаменитым после очерка М. Горького о Ленине [ССЦ, 127] и имело широкое хождение в советской словесности; нельзя считать его забытым и сейчас. Об этом говорят заголовки газетных статей, названия книг, рекламные слоганы, которые предъясняет интернет по запросу; как показывает просмотр первых 200 ссылок (всего их 24 миллиона!), интересующее нас сочетание прилагается к наименованиям человека *профессионал, учитель, педагог, тренер, дизайнер* и т. п., а также к словам с семантикой таких важных понятий, как *жизнь, любовь, дружба*...

Таким образом, *буква* как элемент русского словаря обнаруживает возможности развития переносных смыслов, деривационный потенциал, хотя и менее впечатляющий, чем слово *азбука*.

Говоря об *ИМЕНАХ БУКВ*, нужно в первую очередь иметь в виду старую кириллицу с её выразительными именами букв, с затверживания которых начиналось обучение славянской грамоте; *аз, буки, веди*... Заменённые в ходе петровских реформ русского пись-

ма лаконичными несловесными названиями на латинский манер, они оставались в культурном сознании русских, поскольку всем приходилось изучать в школе Закон Божий и читать Евангелие. За советский период истории русского письма они практически ушли из культурного обихода. Характерно, что многие из них даются в словаре лексических трудностей и иллюстрируются примерами не только из Н. Гоголя, но и из М. Шолохова, М. Горького, Ильфа и Петрова [ММ, 21, 49, 57, 78, 93, 113, 117, 164, 179, 232, 272, 287, 307, 325, 366]. Только специалисты по истории языка знают настоящие имена таких букв, как ЕРЪ, известной теперь как ТВЁРДЫЙ ЗНАК, а ведь от этого имени существовали производные *ерик*, *паерок*, *паерчик* (так называли апостроф) и даже пословица *Ер да еры упали с горы* (всё это можно найти в СД).

Петровская реформа азбуки упростила буквенный именник, приблизив названия всех букв к их звуковому обозначению. То есть знать букву стало означать знать, какой звук она обозначает. Это не составляло труда для гласных: А, О, У и т.д. Но в случае с согласными возникли проблемы: название одной их группы представляет собой **открытый слог**, то есть слог, начинающийся с согласной и заканчивающийся гласной: **БЭ, ВЭ, ГЭ, ДЭ...** (всего 14, что составляет большинство); названия четырёх букв заканчиваются на *-а*: **КА, ХА, ША, ЩА**; названия остальных шести согласных букв – **закрытый слог**, начинающийся с гласной и завершающийся согласной: **ЭЛ, ЭМ, ЭН, ЭР, ЭС, ЭФ**. Именно этим буквам «не повезло», их произносят по инерции как открытый слог: *рэ, сэ, фэ*. Это составляет одну из проблем орфоэпии – произношение аббревиатур типа *ФРГ, ФБР* и под.; как сообщается в нормативном справочнике, по традиции аббревиатура США произносится как Сэшэ [ИЧ, 45]. Эти факты говорят о том, что хотя ситуация с заучиванием старых имен букв и упростилась, но не стала абсолютно беспроблемной.

Сегодня старые имена кириллических букв становятся не только всё более известными, но и модными. Это объясняется тенденцией «возвращения к дореволюционному прошлому» и, в частности, вниманием к дореформенной орфографии, появлением новой учебной и научно-популярной литературы об этих проблемах (см. напр., [Глинкина 2000; Григорьева 1996; 2004; Григорьева, Осипов 2002]). Сигнал модности старых имен кириллических букв – вхождение их в современный ономастикон, о чем пойдет речь в соответствующем разделе книги.

Здесь же важно отметить, что эти почти забытые, но заново изучаемые имена вышли за рамки алфавита и приобрели особые значения, что позволяет говорить об их лексикализации, то есть функционировании в качестве обычных лексем, фиксируемых в словарях. При этом выясняется, что у разных букв кириллического алфавита в этом отношении разная судьба. Как показал анализ, имена букв приобрели в русском языке два типа значений – фигуративные и символические.

Фигуративные значения развиваются у имен букв, поскольку их образы откладываются в сознании многих поколений и входят в русскую языковую картину мира, становясь эталонами, как геометрические фигуры круг, квадрат, эллипс. Это случилось с именами восьми букв старой кириллицы **А** (аз), **Г** (глаголь), **М** (мыслете), **О** (он), **П** (покой), **Ф** (ферт), **Х** (хер), **Ѡ** (**фига**), **Ү** (ижица).

А напоминала русским людям человека, точнее его широко расставленные ноги, что зафиксировано в выражении *Прописным азом ноги растопырил* [СД]. Поэт Арс. Тарковский увидел сходство этой буквы с движением руки: *Странным движением рук / Наподобие буквы «А» / На мгновение в воздухе пыльном / Оставалось это движенье / После того, как ладони / Уж завершали его*. И далее: *Вошел бы в маслячную рошу, / Светло-синее «А» начертил* (Масличная роша).

Г (*глаголь*) давала гораздо больше возможностей использовать её имя для обозначения кола, жерди соответствующей формы: – *От лесу будем начинать? – спросил Григорий. – Можно и с этого краю. Тут я глаголь вырубил лопатой* (Шолохов) [ММ]. Даль сообщает, что так именовались многие предметы подобной формы: *того же вида леса, или костыль, поставленный в стену; брус с бегами; журавец, жаравец для подъема тяжестей; такой же столбик или стойка с перекладиной, на мельнице, для поддержки ковша; стойка с плицей на барках, для отливки воды* [СД]. Глаголем же именовалась виселица [Шанский 1985, 296]; это значение реализуется в выражениях *он на глаголь лезет*, которое Даль поясняет «хоть на виселицу» [СД], и *не миновать глаголя: Уйти из плена нельзя не бояться: поймают, так вряд ли ему глаголя миновать* (В. Даль. Рассказ Грушина; пример РМ). Ещё более масштабным оказывается сравнение с формой буквы в выражении *Здание построено глаголем* [СУ]. Более сложные семантические преобразования имя

буквы претерпевает в идиоме *смотреть глаголом*, означающем быть «крючком, ябедником, сутягой» [СД]: её сходство с крючком служит основой метонимического обозначения письма в его бюрократическом аспекте (ср. семантику слова *крюкотворство*), а это значение переносится на человека как носителя соответствующих действий и качеств. Сравнений с этой буквой по форме характерно и для наших современников, хотя её старое имя основательно подзабыто. Наряду с известным шахматным *конь ходит буквой Г*, не зафиксированным, кстати, ни в одном словаре, можно привести примеры их поэтической речи: *Пока над ними кран, как буква «Г», / Не повернулся на одной ноге* (Арс. Тарковский).

М своей зигзагообразной формой вызывала ассоциации с траекторией движения пьяного человека, что объясняет идиому *мыслете писать* со значением «пьяну быть, выделывать, ходя, зигзаги» [РМ; СД], известную из «Женитьбы» Гоголя: *Смотрите, смотрите, на ногах не держится! Этакое мыслете он всякий день пишет*.

П (покой) стал фигуративным эталоном расположения зданий и столов: *Полтораста гостей сидели с внешней стороны поставленного покоем стола* (А. Толстой) [ММ]; выражение *поставить буквой П* вполне обычны и в современной речевой практике.

Ф (*ферт*) виделась в позе самодовольно подбоченившегося человека буква, *отсюда ферт* – ‘молодцеватый, щеголеватый и развязный самодовольный человек’ [МАС] и *фертом ходить / подпереться* [СУ].

Ф (**фита**), отменённая в 1917 году, затуманивает для нас сравнение *У нея ротик фитою* [СД], в таких случаях мы скорее скажем *губки бантиком*.

Х (*хер*) безусловно похожий на крестик, стал обозначать значок, с помощью которого зачеркивали слова при правке текста. Именно в этом смысле использовали этот семантический дериват имени буквы писатели пушкинской поры; так, В. Жуковский в послании Вяземскому пишет: *Но вы желаете херов, / И я хоть тысячу начертать их готов*. Далее в этом же тексте: *Позволь же заклеить хером / Твое мне вероломство* (1814). Проецировался образ этой буквы и на внешние данные человека: *ноги хером* [СД].

Форма ижицы **ѵ** тоже проецировалась на внешние данные человека: *ноги ижицей* [СУ]; *У Ивана Ивановича большие выразительные глаза табачного цвета и рот несколько похожий на букву*

ижницу (Гоголь) [ММ]. Кроме того, имя этой буквы входит в состав идиомы, смысл которой приходится разъяснять нашему современнику, поскольку в его зрительной памяти нет образа буквы *ижница*. Неудивительно, что идиоме *прописать ижницу* посвящен отдельный очерк в книге о русской фразеологии, где объясняется, что её значение весьма конкретно – выпороть плетью: *«при «хорошей», старательной порке (когда удары ложатся под углом друг к другу) на теле действительно возникает что-то вроде прописной ижницы»* [Шанский 1985, 203].

Как можно заключить даже по приведённым примерам, для имён букв в фигуративных значениях характерны синтаксически связанные употребления: они используются чаще всего в форме творительного сравнения или в составе конструкций с предикатами сравнения (*походить, быть похожим, напоминать, наподобие, как, вроде*). Сравнение с буквами были столь популярны, что можно встретить две таких конструкции в одном предложении: *Тогда **, растопыря ноги наподобие буквы хера и подбочась наподобие ферта, произнёс краткую и выразительную речь* (Пушкин, пример МАС).

Фигуративные значения имён букв реализуются и в их **производных**.

Прежде всего стоит отметить **диминутивы**: *херики и оники* – так называлась игра «крестики-нолики» [СД], значит, в XIX веке «играющие» фигурки напоминали букочки *хер* и *он*. В.И. Даль приводит такие речения: *Брюшко оником, ножки хером; Ротик оником, губки жемочком; Сам оником, ручки фертом*. Напоминающий буквы *ферт* щёголь мог называться **фертиком**: *У стенки фертик молодой / Стоял картинкою журнальной / Румян, как вербный херувим / Затянут, нем и недвижим* (Пушкин).

Самое известное производное из этой серии – глагол *херить* со значением ‘перечеркивать крестом, зачеркивать’, то есть производное от слова в переносном значении: *<Кантемир> говорит о том, как осторожно пишет свои стихи, не ленится их херить, прячет надолго в ящик и, собираясь печатать, выправляет* (Белинский) [МАС]. Уже упомянутый в связи с именем буквы *хер* В. Жуковский так писал в другом послании тому же Вяземскому:

*Потом и критику-богиню пригласили
Их с хладнокровием, ей сродным, прочитать.*

*Мы, слушая ее, стихи твои херили,
Тебе же по херам осталось поправлять.*

У глагола, точнее, у его префиксального деривата *похерить* появилось значение ‘убрать или спрятать, воспрепятствовать осуществлению чего-л.’: *похерить изобретение, последний абзац* [СК]; *я и для мартовской книжки приготовил несколько сказок, и теперь должен всю эту работу похерить* (М.Салтыков-Щедрин, письмо). Историей этого слова занимался В. В. Виноградов, выясняя, как из «разговорно-чиновничьего диалекта» оно перемещается в язык художественной литературы [Виноградов 1994, 525–527].

Итак, фигуративные значения имён букв мотивируются их формой и входят, как могут убедить даже приведённые материалы, в русскую языковую картину мира. О том, как непросто усваивались эти стандарты, говорит фраза из «Детства» М. Горького: *Слова были знакомы, но славянские знаки не отвечали им: «земля» походила на червяка, «глаголь» – на сутулого Григория* [ММ]. Тем не менее с обретением грамотности усваивались и фигуративные стандарты кириллического письма.

Сейчас, как уже отмечалось, многие из рассмотренных выражений забыты, о чём говорят некоторые факты их появления в современных текстах. Так, обозреватель «Известий» Ирина Петровская приводит такой пример из речи спортивного комментатора Уткина: *«Великолепно играет испанец – «на ять», «на ижицу»*. И рассуждает: *«И если «ять» употреблён по делу – действительно, есть такое выражение в русском языке, означающее мастерство, отменное качество дела, то с ижицей промашка вышла. «Ижицу» вообще-то в старину прописывали в качестве наказания, а попросту секли провинившегося. И поди догадайся, похвалил Уткин испанца или, напротив, изысканно съязвил по поводу его хвалёного мастерства»* (19.06.2004). В отличие от спортивного комментатора, который не имеет возможности тщательно редактировать свою речь, выпускающий редактор «Новгородский ведомостей» мог справиться о том, что значит выражение *прописать ижицу*, прежде чем выносить его на первую полосу праздничного номера газеты, посвященного Дню Кирилла и Мефодия. Тогда новгородцы не прочитали бы на фоне изображения Софийского собора и крестного хода «шапку» **ПРОПИСАЛИ ИЖИЦУ** и подзаголовков *Просветители Кирилл и Мефодий создали первую славянскую азбуку* (25.05.2004).

В современной речевой практике фигуративные значения имён букв привлекаются к обозначению пространственных отношений, вспомним выражения *поставить буквой П* или *конь ходит буквой Г*. Нельзя считать и абсолютно закрытым список кириллических букв, форма которых может навести на мысль о сравнении, см. напр.: *и улица вдалеке сужается в букву «у»* (И. Бродский).¹⁸

Символические значения имен букв развиваются на основе иных факторов, нежели их внешний вид, фигуративные впечатления. Здесь важным оказывается положение в алфавите, чем можно объяснить активную лексикаизацию имен первых и последних букв кириллицы.

Первая буква алфавита, которую можно считать чемпионом лексикализации, участвует в этом процессе под именем, которым она располагала в старой азбуке – **АЗ**, и под современным именем (общим для русского алфавита и латиницы) **А**. Её славянское имя стало знаком начальных, самых элементарных, минимальных знаний, что воплощается в форме множественного числа *азы*. Оно указывается в современных словарях [СК] и активно используется в текстах, напр., в газете «Известия»: заголовок *«Азы ратификационной грамоты. Парламентарии ведут тактические маневры вокруг стратегического договора»* или текст о Б. Грызлове, который *мало того, что оказался совершенно не убедителен как публицист, но и продемонстрировал беспомощность в азах составления речей, адресованных широкой аудитории*. В газетных текстах встретились *азы политико-экономической грамоты, азы древних языков и культур, азы риторики, азы лыжного мастерства* и множество других случаев, говорящих о свободном и активном использовании этой лексемы.

Не чуждо её использование поэтической речи, как показывают строки Д. Самойлова: *Всё это, относясь к азам, / Естественно в своей основе; Как трудно вновь учить азы науки / В забушевавшем университете!* или С. Гандлевского: *Суета сует и обман, / Словом, полный анжабеман./ Сунь два пальца в рот, сочинитель, /*

¹⁸ Интересно, что к этой «работе» привлекаются буквы других алфавитов: латинский **икс**, который называть удобнее, чем кириллический *хер*, скомпрометированный лексикализацией в неприличными последствиями: *ноги иксом* [СМА]; или соотносимое с этим выражением известное мне из разговорной речи прилагательное *иксатый*, – *иксатые ноги* (в словарях его обнаружить не удалось). В технике и моде используется прилагательное **В-образный** – двигатель, вырез. Сейчас экономисты дискутируют о сценариях кризиса, прибегая к фигуративным эталонам латиницы **L, V** или **W** (<http://news.mail.ru/politics/2662337>).

Чтоб остались только азы: / Мойдодыр, «жи-ши» через «и», / Потому что система – ниппель.

Это значение представлено в идиомах и поговорках, которые приводит в своём словаре и сборнике пословиц В. Даль: *не знать/ не мыслить/ не понимать ни аза; не видеть аза в глаза; сидеть на азах; Аз да буки – и все науки; Аз да буки не избавят от муки; За аз да за буки, так и указку в руки; Сперва аз да буки, а там и науки; Что было муки, доуки, а ни аза ни буки; Ни аза в глаза не знает.*

На этом фоне скромно выглядит один современный фразеологизм *не понимать ни а, ни бэ*, но в нём видна та же логика.

В соответствии с этой логикой последние буквы алфавита – ЯТЬ, ФИТА, ИЖИЦА – стали символом трудностей обучения грамоте, приобрели антонимичность *азам* в этом отношении. Это проявилось прежде всего в присказках школьного обихода: *От фиты подвело животы; Фита да ижица – к ленивому плеть ближится; Фита, ижица к розге ближится* [СД]. Характерна поговорка, в которой явно выражена эта антонимичность: *Сам ни аза в глаза, а людей ижицей тычет* [СД].

Своеобразное развитие эта семантика получила во фразеологизме *на ять*, который не фиксируют современные словари (напр., [СК]), видимо, как устаревший. Его семантику позитивной оценки связывают с эмоциональным восприятием сложностей освоения орфографии, где заучить все слова *на ять* удавалось не всем. В этом выражении видят осколок поговорки школьного жаргона *выгон на ять – голубей гонять*, поменявший свое негативно-оценочное значение на позитивное [Виноградов 1994, 362–364].

Итак, первый тип символических значений связан с учёностью, образованностью, ее элементарным и более продвинутым уровнем.

Второй тип переносных значений имён букв связан с восприятием азбуки как линейной последовательности знаков, отсюда обозначения с помощью букв начала, конца и полноты, исчерпанности – от начала до конца. Это значение представлено в идиомах *начинать с азов; от аза до ижицы; от а до ижицы; от а до я*¹⁹.

¹⁹ Такого рода символическое значение развивается у имен не только кириллицы, но и латиницы (*от а до зет; от А до Z*) и греческого алфавита (*от альфы до омеги; от α до ω*). Прототип последней идиомы – библейская формула обозначения Бога [Степанов, Проскурин 1993, 79]. Она популярна у современных авторов, в том числе журналистов: *Любой замешанный на сепаратизме конфликт имеет три стадии разрешения: силовую, политическую, хозяйственную. Перенос центра тяжести к*

Смысл исчерпанности действий проявляется в семантике заимствованного из французского языка фразеологизма **поставить точки над и** – ‘не оставить ничего недосказанным, неопределённым’ [СК, 838]. Оно считается переводом французского *mettre les points sur les i* [РМ, 2, 309; ФСМ, 452; СЯ, 169]. Об этом говорят и факты его употребления в XIX в. на языке оригинала, напр.: *Заплакал бы от радости, да кругом чиновники, я на службе был (когда пришло письмо), подумают, не рехнулся ли я. Но вы поймете и без всего этого, как я рад (надо ли еще) mettre les points sur les i?* (Гончаров, Письмо Е. В. Толстой 25 окт. 1865 г.; СИВ), и данные лингвистической литературы, где наш фразеологизм квалифицируется как калька [Шанский 1985а, 105].

В то время французское выражение было понятно читающим и на языке оригинала, и в переводе звучало вполне естественно, поскольку в еще не реформированном алфавите, как известно, была буква *i*. Фразеологизм остался в русском языке и тогда, когда «и с точкой» исчезла; правда, его уже нужно было сопровождать трогательным комментарием: «Наше выражение появилось тогда, когда еще в русской азбуке была буква *i*, отмененная реформой правописания 1917 г.» [СУ].

Пореформенное написание фразеологизма – **ставить точки над «и»** – вступило в противоречие с его смыслом и сделало его загадочным, но не менее употребительным. В таком виде он представлен в толковых словарях советской эпохи в статьях к слову ТОЧКА [СУ; МАС; СО; СОШ].

В последние годы, когда сведения из истории нашей орфографии становятся все более известными (см., напр., [Григорьева 1993; 1994; Григорьева, Осипов 2002]), изменилось и написание рассматриваемого фразеологизма: все чаще встречаются варианты **поставить точки над *i* / «i» / «I»**. Этот факт зафиксирован в словаре, при этом предлагается использовать строчную букву в кавычках [СК, 838].

В основе этой семантики лежит расширение смысла ‘текстовая деятельность’ до смысла ‘любая деятельность’. Внутренняя форма этого устойчивого выражения обращена к ситуации, когда пишут

последней – альфа и омега чеченского урегулирования; Обличение реформаторов 90-х гг. есть альфа и омега сегодняшней без лести преданной политической речи; Рейтинг – это альфа и омега рекламы. Пример использования в поэтическом тексте: вся страсть от А до Z (М. Цветаева).

текст, а потом над всеми буквами *i* расставляют точки. Это означает, что переносная семантика присуща не имени буквы, а идиоме в целом.

Интересно, что фразеологизм сохранился при исключении из русского алфавита *i* (совпадавшего с латинским), приобретя при этом некоторую загадочность (что за точки над *И*?), несмотря на это именно в такой орфографии он даётся в словарях, включая самые последние издания. При этом наблюдается орфографический разнотип и небывалая для устойчивых выражений вариативность: в глаголе варьируются приставки – *ставить* / *поставить* / *расставить*, существительное выступает в единственном и множественном числе, наконец, буква обозначается то как *И*, то как *i*, при этом то как строчная, то как прописная, да еще в кавычках и без.

Кроме того, фразеологизм используют в активном и пассивном залоге и даже «расширяют» за счет распространителей *все*, *всевозможные*. Вот примеры из прессы, демонстрирующие эту вариативность: *В Вашингтоне говорят, что поставит точку над i президент решил после переговоров в Москве*; *Войнович поставил точку над «I»*; *Поставить точки над «i» не удастся*; *Чиновники межведомственной комиссии ... встретятся с бойцами трудового фронта и расставят точки над «i» в актуальной повестке дня*; *премьеры пятерки расставят все точки над «и» в проекте договора о совместной охране внешних границ сообщества*; *председатель Счетной палаты ... в интервью «Интерфаксу» расставил точки над всевозможными «i»*; *окончательно точки над «i» были расставлены буквально несколько минут назад*.

Что касается множественности, то надо сказать, что она присутствует во французском оригинале, о чем говорит артикль *les*. В русском звучании из-за отсутствия артикля мотивированность множественного числа слова *точка* теряется; точнее, видимо, был бы перевод «ставить точки над буквами *i*». Но так как в употреблении вошел вариант с невыявленной референтностью, числовая форма существительного варьируется, что фиксируют словари, тем самым как бы разрешая оба варианта: *Ставить точку (точки) над «и»* [СОШ]. О преобладании множественности говорит подача фразеологизма в новейших словарях – без вариантов и к тому же с факкультативным распространителем, подкрепляющим идею множественности: *[все] точки над «i»* [СК: 838; СЖ: 132]. Однако наблюдения не подтверждают это (см. характерный в этом отношении заголовок статьи в «Общей газете» 4–10.04.2002 – «Множест-

во точек над украинским і»), но позволяют увидеть связь референции имени и семантики глагола, определяющей выбор его приставки или ее отсутствие.

Возможно, из-за утраты множественности в русском переводе фразеологизм стал приобретать значение однократности, его «двуязычное» употребление с русским глаголом совершенного вида зафиксировано уже у Лескова: *Подполковник Свиный чувствовал в нем [деле] какую-то незаконченность и почитал себя призванным **поставить points sur les i*** [РМ; СИВ]. Наличие такой семантики объясняет и фиксацию данного фразеологизма в идеографическом описании под рубрикой «Конец» с толкованием, взятым из ФСМ: «окончательно выяснять, уточнять все подробности, не оставлять ничего недосказанного; доводить что-л. до логического конца» [СЯ, 169]. Нельзя при этом не отметить и некоторого влияния (переклички ?) с фразеологизмом *поставить точку в чем-то*, который в словарях (да и в языковом сознании) оказывается рядом с анализируемым [ФСМ; СЯ; СК]: *Городское правительство поставило жирную точку в робких спорах по поводу целесообразности ЕГЭ в Петербурге* (Известия 31.01.2004). Видимо, в силу этих обстоятельств канонический, судя по словарям, вариант с глаголом *ставит* в современных текстах не встречается, хотя указывается во всех словарях.

Однако значение окончательности не исключает множественности объектов, которая продолжает витать над этим фразеологизмом, поддерживая его варьирование. В результате смыслового согласования формируются, как кажется, два выражения – *поставить точку* и *расставить точки*. Множественность актантов, задаваемая глаголом последнего варианта, подтверждается распространителями, эксплицирующими семантику множественности: ... *расставят все точки над «и» в проекте договора; председатель Счетной палаты ... расставил точки над всевозможными «і»*. В этом виде фразеологизм используется и как рекламный слоган: *Расставьте все точки над рі*.

Отражение вариативности фразеологизма в словарях ставит перед их пользователем задачу выбора варианта. Ведь пишущий не может представить фразеологизм так, как он дан в словарях: *Ставить точки (точку) над (на) И* [ФСМ]; *Ставить /поставить [все] точки над «и»* [СОВ, 151]; *Ставить (поставить) <все> точки над (на) «и»* [СЖ].

Самое простое в этой задаче – выбор из двух букв, тем более что современные тексты все смелее включают иноалфавитные элементы (что было невозможно для печатной практики советских времен с ее орфографическим режимом). А в оформлении буквы можно последовать за СК, помещая ее в кавычки, а можно и пренебречь ими: инографичность буквы служит сигналом ее автономного прочтения.

Остается только выбрать приставку для глагола, ведь бесприставочный глагол практически не используют, что вполне соответствует тенденции русского языка обозначать действие конкретно, привлекая префиксальные дериваты глагола. Здесь у пользователя свобода, стоит только помнить о законах смыслового согласования: если *поставить*, то возможно и *точку*, и *точки*, а если *расставить*, то предпочтительней множественное число существительного.

Волен пишущий и в выборе факультативных распространителей; только если *все* здесь вполне уместно и вместе с формой множественного числа вносит смысл исчерпанности, то такое прилагательное, как *всевозможные* вряд ли можно счесть удачным. Позиция прилагательного дает возможность ввести и другие атрибутивные смыслы, как напр., М. А. Булгаков в письме В. В. Вересаеву использовал авторский вариант идиомы *Вы... поставили жирные точки над «и»* [СОВ, 151].

Итак, заимствованный в XIX веке французский фразеологизм оказался приспособленным к реалиям русского языка и потребностям русской речи. Знать о его французском происхождении сегодня не обязательно для правильного использования, но для лингвиста соблазнительно видеть в иноязычном происхождении причину вариативности: проходя через ее горнило, он становится «более русским» – через подбор глагола, предлога, форм имени.

Судя по данным словарей, меняется и идиоматическая семантика: если в XIX в. она относилась к речи – «говорить о подробностях, договориться до большей ясности, точности» [РМ 2, 309], то сегодня всё чаще соотносится с глаголом *решить* – «не оставить ничего недосказанным, неопределенным» [СК, 838]. Налицо расширение семантики от речи к деятельности вообще, кроме того, современные тексты показывают: идиома тяготеет к средствам выражения межсобытийных отношений, при этом в субъектной позиции появляются не личные, а пропозитивные имена – *точки над «i» расставил забавный финал первого действия* (Общая газета 14–20.02.2002); *Признание в беско-*

рыстной любви General Satellite к искусству расставило все точки над «i» (Известия 9.12.2002); см. также примеры в СОВ.

Значение же «объяснять то, что и так ясно», отмеченное первым в СУ и проиллюстрированное примером из Достоевского *Неужели надо размазывать, ставить точки на и?*; см. также [РМ]; в современных текстах (и словарях) не встречается, значит, его надо признать утраченным?

Приведенные факты говорят о том, что канонический вариант рассмотренной идиомы ещё не сложился, и словарям только предстоит его зафиксировать, опираясь на противоречивые реальности современной речи. О популярности рассмотренной идиомы говорят факты ее использования в медийных заголовках, интересно, что он был обыгран в трёх газетах за один день в материалах на одну тему (данные сайта zagolovki.ru):

КОММЕРСАНТЪ

16 февраля 2008

Дмитрий Медведев расставил точки над «и»

Преемник Владимира Путина остался верен его обещаниям

РОССИЙСКАЯ ГАЗЕТА

16 февраля 2008

Точки над «и»

Дмитрий Медведев назвал четыре приоритета ближайшего четверехлетия: институты, инфраструктура, инновации, инвестиции

ТРУД

16 февраля 2008

Медведев расставил четыре точки над четырьмя i

Преемник Путина обнародовал свою программу

В завершение следует отметить, что семантика рассмотренной идиомы держится на представлениях не только о букве, но и параграфемном знаке – точке, поэтому неудивительно, что речь о нем пойдет в и в разделе о точке (1.3.2).

Другой вариант переосмысления пространственных отношений букв в азбуке – перенесение их на шкалу значимости. Это проявляется в одной из самых известных и часто звучащих поговорок «Я» – *последняя буква алфавита*, с помощью которой ставят на место собеседника, слишком большое место отводящего своей персоне

[СРВ]. Интересно, что на это есть ответ, опровергающий его фактом старой кириллицы, в соответствии с которой местоимение 1 лица было омонимично названию первой буквы: *да аз первая* [СД]. Эта шуточная полемика отражает сосуществование в культурном опыте русского человека XIX века и старой кириллицы, и граждалицы. См. использование этих паремий в романе Б. Акунина «Пелагия и черный монах»:

– *Желаете знать мое мнение про эти ваши мистерии? Я так думаю, что...*

– **«Я» – последняя буква алфавита**, – перебил мальчишку преосвященный...

– **«Зато «аз» – первая**, – бойко огрызнулся Ленточкин.

Значение ‘занимающий последнее место’ отмечается для буквы Ижица, завершавший азбуку. Оно обыграно Пушкиным: *Наши друг Фита, Кутейкин в эполетах, Бормочет нам растянутый псалом: Поэт Фита, не становись Фертом, Дьячок Фита, ты Ижица в поэтах* (ММ).

Этот же тип пространственных отношений переосмысливается как значение взаимообусловленности, неотвратимой последовательности жизненных поступков, необходимостью сделать нечто, что с неизбежностью следует из уже сделанного: сказав А, необходимо говорить Б и так далее: *...сказавшим сегодня «а» придется говорить и «б», и «в»; им говорить, а нам – слушать* (Известия 30.12.2003). Семантика последовательности отмечает присказку *Не суйтесь буки наперед азов* и выводимое из неё значение гадательности у слова *буки*: *Это ещё «буки», когда-то ещё будет* [РМ]. На этом же построен заголовок статьи в «Известиях» о действиях менеджеров «Альфа-Групп» в конфликте на Московском жировом комбинате: *Альфа, бета, гамма... МЖК может получить третий состав руководства*.

Особый тип символических значений возникает у имен букв из опыта их школьного освоения: этот опыт вызывает к жизни смыслы скуки, зубрежки, абсурдности учебных текстов. Даль приводится присловье, обозначающее «долгую, скучную, всем известную песню»: *Аз-алашки, буки-букашки (барашки), веди-валяшки, глаголь-голяшки...* [СД I, 352]; в ней семантика долготы и скуки создаётся алфавитным рядом и рифмующимися между собой ничего не

значащими словечками, поэтому смысл выражения в целом можно признать символическим.

Символическое значение отличия от всех, необычности выражается в поговорке, обыгрывающей название буквы *люди*: *Все люди, как люди, а мы, как мыслете*.

Таким образом, соположение букв в азбуке переосмысливается и дает целый ряд смыслов: фазисность, полнота, значимость и последовательность поступков, трудность освоения грамоты²⁰.

Стоит отметить, что появление новых смыслов у букв относится не только к прошлому. В обсуждении нашей конференции было обращено внимание на то, что в интернете популярны новые лигатуры со значением, близким к обценным. Такие лигатуры используются в качестве имен литературных персонажей, как в комиксах Линор Горалик (<http://linorg.ru/pts/pts1.html>). Могут украсить такие новые лигатуры и газетную полосу, напр., <http://www.novayagazeta.ru/data/2008/color50/01.html>.

²⁰ Интересно, что в формировании такого рода смыслов принимают участия иноалфавитные знаки – буквы иных алфавитов, что подчёркивает европейское пространство семиотизации алфавита и его элементов. Так, «минималистское» изображение греческой буквы *йота* – **ι** – дало основание для значения «самомалейшая частица чего-либо» [СД]; при этом более популярна отрицательная версия фразеологизма *ни на йоту*: *Вспомните, милостивый государь, ...английских аристократов. Они не уступают йоты от своих прав, и потому уважают права других* (Тургенев); ... *Андрей Иванович Тентетников, проходивший вместе с Обломовым... тьму ненужных наук и не умевший ни йоты из них применить к жизни* (Добролюбов) [СУ; МАС; ММ].

Форма буквы даёт повод для возникновения абстрактного значения, подобно тому, как в других случаях оно возникало на основе положения буквы в алфавите. Его можно встретить и в телевизионном репортаже: *всё это оставляет лишь йоту интриги в парламентских выборах* (РТВ 30.05.05) и в поэтическом тексте: *О если бы я мог, осмелился на йоту / В отвесном громыхани аллей / Вдруг различить связующую ноту/ В расстроенном звучанье дней!* (С. Гандлевский).

Символические значения имён букв могут быть связаны не только с их свойствами и положением в алфавите, буквы как бы вбирают в себя осколки смыслов слов, с которыми связано их использование. Таким примером индивидуального осмысления семиотики букв может послужить пассаж из книги Р. Барта, которая, кстати, и называется «S/Z»: *Z – жестокая буква: рассмотренная с фонетической точки зрения, она заставляет вспомнить о хлещущем звуке наказующего бича или о неотступном, словно Эринии, жужжании насекомого; с графической точки зрения, будучи наискось брошена чьей-то рукой посреди ровной белизны чистого листа, очутившись в соседстве с округлыми буквами остального алфавита, подобная преступному, кривому лезвию, эта буква взрезает, распарывает и полосует; с бальзаковской точки зрения, Z (входящая в имя Balzac) символизирует отклонение от нормы...* [Барт 1994, 124–125].

В целом факты современной речевой практики говорят о том, что алфавит остаётся в активном поле культурного языкового сознания русских не только как код, но и как текст – один из ресурсов лексикона и ономастикона. Как и многое в России, он «больше, чем алфавит» – используется для манифестации культурных и даже политических предпочтений. И языковая работа над алфавитом, и его культурное освоение не завершено, оно продолжается, обещая нам возможность новых исследований.

1.2.3 Алфавит в ономастиконе

Одно из самых убедительных свидетельств этого – вовлечение алфавитного лексикона в современный ономастикон [Шмелева 2006а]. Это новое явление возникло на перекрёстке двух тенденций.

О первой, обозначенной как *онимический взрыв*, говорим с начала 90-х: взрывообразное увеличение числа объектов, требующих собственных имён, вызывает увеличение объёмов ономастикона и расширение диапазона ономастической техники, или языковых средств производства онимов [Шмелева 1991; 1997; 1997а; 2001].

Вторую можно обозначить как *повышение культурной значимости алфавита*, она проявляется в дискуссиях о дореформенном правописании, о кириллице и латинице, о которых уже шла речь, в заострённом внимании к судьбе отдельных букв. Возникла эта тенденция под воздействием ряда событий, из которых главными можно считать переосмысление итогов орфографической реформы 1917 года, появление контрреформаторских настроений и распространение в связи с этим знаний об отменённых буквах; активное включение в письменную практику иноалфавитных знаков, в первую очередь латиницы [Григорьева 2004, 228–243].

Итак, на перекрёстке действия двух обозначенных тенденций алфавитные знаки и оказываются вовлечёнными в ономастикон. Чтобы составить представление об этом, постараемся прежде всего ответить на вопрос: в **каких его фрагментах** они оказываются востребованным?

Едва ли не наиболее востребованными оказываются алфавитные знаки в сфере *библионимов* – наименований книг и всяких иных печатных произведений [Подольская 1988, 42].

Слово АЛФАВИТ традиционно для библионимов духовной литературы: известны книги под названием АЛФАВИТ ДУХОВНЫЙ, принадлежащие Иоанну Златоусту, Исаие Копинскому, Димитрию Ростовскому... Можно встретить в близком значении и русские аналоги слова *алфавит*, приобретающие в составе библионимов значение 'полное и упорядоченное описание': *АБЕВЕГА РУССКИХ СУЕВЕРИЙ* (М., 1786).

Широко используется в названиях книг и *АЗБУКА*, реализуя значение 'основы знаний в определенной области', наименование области при этом обозначено родительным падежом существительного: *АЗБУКА ПОВЕДЕНИЯ* [Купина 1991], *АЗБУКА МУЗЫКАЛЬНО-ТВОРЧЕСКОГО САМОРАЗВИТИЯ* [Юдина 1994], *АЗБУКА СЛОВЕСНОГО ИСКУССТВА* [Стрельцова, Тмарченко 1998], *АЗБУКА ОБЩЕНИЯ* [Крейдлин, Кронгауз 2004; Позднякова, 2004].

Вторая формула библионимов со словом *азбука* содержит имя потенциального носителя этих основополагающих знаний (тоже в родительном падеже); см. напр., Нестор Махно *АЗБУКА АНАРХИСТА* (М., 2005). Можно смело сказать, что книг с «азбучными» названиями, построенными по этой формуле, – десятки.

Наверное, можно присоединить к библионимам и интернет-наименования на том основании, что они тоже именуют тексты или их совокупности. Так, в интернете невероятно популярна *азбука*, сайтов с включающими её названиями множество – от *АЗБУКИ ВЕРЫ* до *АЗБУКИ ВЕЛОТУРИЗМА*.

В значении 'основы знаний' могут включаться в библионимы и сочетания первых букв алфавита: *А, Б, В... химической кинетики* [Пурмаль 2004]. К ним можно присоединить названия изданий, использующие алфавитную формулу полноты от А до Я: – *Реклама от «А» до «Я»*. Словарь рекламных терминов (Казань, 1992).

Сложившиеся традиции, конечно же, не препятствие для авторского переносного использования слова алфавит в библионимах, см., например, название книги стихов М. Яснова *АЛФАВИТ РАЗЛУКИ. ПОДЗЕМНЫЙ ПЕРЕХОД* (СПб, 1995), В. Дударева *ГЛАГОЛИЦА* (М., 2004) и М. Игнатъевой *НА КИРИЛЛИЦЕ* (М., 2004). К ним примыкает название прозаической книги В. Аксёнова *АМЕРИКАНСКАЯ КИРИЛЛИЦА* (М., 2004).

Авторы детских книг, предназначенных для изучения начал грамоты, используют не только готовые «азбучные» слова, но и словообразовательную модель, по которой построены слова *алфа-*

вит и *азбука*, сооружая новые, но понятные обозначения, как, напр., *АБВГДейка* [Климанова, Макеева 2000].

Как бы в подтверждение лексемного статуса имени буквы оно используется как элемент словосочетания, напр., в названии публицистической статьи А. Агеева *ВОССТАВШИЙ «Ъ»* (Знамя. 1995. № 4).

Близки к библионимам наименования периодических изданий – *гемеронимы* [Подольская 1988, 46]. Здесь в первую очередь следует назвать газету для любознательных читателей *Алфавит* и «её» телевизионную игру на канале ТВЦ.

Самым ярким в ономастическом функционировании алфавитных единиц кажется вовлечение в ономастикон не лексем, а отдельных букв, которые вопреки своей семиотической природе – служить материалом для создания языковых знаков – выступают как самостоятельные знаки. Это появилось в первую очередь в библионимах и гемеронимах, для которых это кажется естественным как метонимическая связь с элементами алфавита:

ЯТЬ – русский деловой журнал и городская газета в Коломне;

ВЕДИ (ѣ) – телепередача исторической тематики;

Интересно отметить, что в качестве логотипа газеты КОММЕРСАНТЪ стала буква Ъ, что делает её частотной на газетных полосах и значимой вопреки её беззвучному присутствию в современном алфавите²¹.

Рассмотрение информативных онимов следует завершить анализом новых имен собственных, бытующих в виртуальном пространстве – это названия сайтов, интернет-изданий, программ. Активность алфавитной лексики среди таких онимов очень высока. Так, А. Н. Сперанской удалось найти 166 сайтов, в названии которых фигурирует слово *азбука*; вот некоторые из них: *АЗБУКА потребителя*, *АЗБУКА бухгалтера*, *АЗБУКА изобретений*, *АЗБУКА счастья*, *Дорожная АЗБУКА*, *АЗБУКА этикета*, *АЗБУКА воспита-*

²¹ Присутствие в библионимах иноалфавитных букв никого не удивляет, достаточно вспомнить книгу Роллана Барта – «*S/Z*» (Пер. с фр. М., 1994) или статью Мэлоу Стурра «*ABC И АЗБУКА СВОБОДЫ СЛОВА*», написанную связи с напумевшим интервью чеченского полевого командира; в заголовке обыгрывается логотип *abc* американской компании *Эй-би-си* (Известия 08.08.2005). Несколько лет назад буква *У* была логотипом полосы о науке в газете «Известия»; *Ψ1* – серии книг по психолингвистике в московском издательстве «Лабиринт». Среди библионимов можно встретить и алфавитные идиомы: *АЛЬФА И ОМЕГА* Краткий справочник. (Пер. с эст. Таллинн, 1991); *АЛЬФА И ОМЕГА*: Ученые записки общества распространения Священного писания в России.

ния, *Экологическая АЗБУКА*, *АЗБУКА MPS*, *АЗБУКА сновидений*, *АЗБУКА Кама Сутры*, *АЗБУКА секса*. Уточняя сферу применения сайтов, получаем продолжение списка:

АЗБУКА граждановедения (учебная программа),
Органная АЗБУКА для самых маленьких (музыкальный абонемент),
АЗБУКА призыва (пособие для призывников и их родителей),
Кирпичная АЗБУКА (строительный журнал),
АЗБУКА выживания (конкурс и сказка),
АЗБУКА эротической фотографии (фоторецептурный форум),
АЗБУКА страхования (образовательный портал),
АЗБУКА цветов (свадебный портал),
АЗБУКА женской души (художественное произведение),
АЗБУКА современности (комплект открыток Красноярской ярмарки).

Представлены алфавитные знаки в наименованиях объединений людей, или *эргонимах* [Подольская 1988, 151]. Здесь тоже популярна АЗБУКА: агентство по недвижимости АЗБУКА ЖИЛЬЯ, психологическая консультация АЗБУКА ДУШИ, компания АЗБУКА ПРАЗДНИКА, группа компаний АЗБУКА ЧИСТОТЫ...

Вовлечён в ономастикон и АЛФАВИТ: как показывают данные интернета, это имя носят гимназия, центр переводов, рекламное агентство, обувная, светотехническая и металлургическая компании, рэп-группа.

Из элементов азбуки наиболее востребованными оказались ЯТЬ – водочная артель (Мытищи), рекламная мануфактура (Красноярск), дизайн студия (Нижний Новгород); и ТВЁРДЫЙ ЗНАК – Российское общественное движение, объединяющее организации, имеющие в названии Ъ.

Отсюда алфавитные онимы легко переходит в ономастикон городской среды, или *урбанонимию* [Подольская 1988, 140], что воспринимается как новое явление современной ономастики. В названиях *издательств* и *типографий* АЗБУКА (Петербург), АЛФАВИТ 2000 (Москва), *КИРИЛЛИЦА* (Великий Новгород), АЗБУКОВНИК (Москва) лексемы этого ряда и их производные смотрятся естественно. А между тем их можно встретить и в названиях *торговых заведений*: известны сеть продуктовых магазинов АЗБУКА ВКУСА и сеть магазинов постельных принадлежностей АВС, что является аббревиатурой названия АЗБУКА

ВАШЕГО СНА. В Великом Новгороде появился магазин АЗБУКА СЧАСТЬЯ. В интернете находим магазин товаров для детей АЗБУКА РОСТА, веб-студию АЗБУКА СТИЛЯ и другие заведения с азбучными вывесками. АЛФАВИТ красуется на вывесках магазинов: в Магнитогорске это книжный магазин, а в Красноярске – одежды для детей и подростков. Обозначение алфавита через указание первой и последней буквы тоже можно встретить среди урбанонимов, напр., в названии питерской галереи «А/Я».

В городском ономастиконе слово *БУКВА* зафиксировано как название книжного магазина, *БУКВИЦА* – Детского центра в Москве, издательско-полиграфической фирмы в Хабаровске, фирмы, торгующей канцтоварами, в Благовещенске; *ЛИТЕРА* – типографии в Великом Новгороде.

Интересно бытование в городской среде названия петербургской сети книжных магазинов *БУКВОЕД*: в нём оживляется внутренняя форма за счёт актуализации буквенного значения и семы поедания, напоминающей об идиоме *глотать книги*. Всё это происходит как бы в опровержение семантики слова, которая толкуется как ‘формалист, педант, придающий значение внешней стороне дела в ущерб смыслу’ [МАС]. Не относящееся к активной лексике, это слово в новом ономастическом значении, многократно изображённое на вывесках и рекламах с ярким логотипом, стало заметным в городской среде Петербурга и Великого Новгорода, который тоже оказался «в сети». Эксперимент с введением этого слова в городской ономастикон показывает, что негативная оценочность слова – не препятствие для его новой жизни в городской среде.

В ономастикон городской среды проникают и буквы, становясь наименованиями различных заведений: *АЗЪ* – издательство, *ЕРЬ* – кафе в Москве; *ИЖИЦА* – предприятие в Красноярске [Григорьева 2004, 232, 235]; *К* – книжный магазин в Гатчине²².

Стоит отметить и случаи косвенного участия алфавита в онимизации апеллятивной лексики в целях пополнения урбанонимии. Их можно видеть там, где имя собственное создается за счёт моди-

²² Легко можно привести и факты вовлечения в городской ономастикон иноалфавитных букв: латинская *М* – сеть ресторанов «МакДональдс»; *Щ* – новгородская фирма, специализирующаяся на лечении от алкоголизма; *СИГМА* – туристическое агентство, сеть автозаправок, магазин бытовой химии в Иркутске; *АЛЬФА* – группа спецназа, разнообразные фирмы; на Среднем Урале, по данным газеты «Деловой вторник», так именовались 99 фирм [Шапошников 1998, 125].

фикации графического облика апеллятива с помощью букв, имеющих особую значимость в современной культурной ситуации. Так, придает архаичность и буржуазность присутствие в ониме Ъ, и название московских ресторанов *КУПЕЦЬ*, *ФЕДОРЬ* – уже не то же самое, что лексема *купец* или личное имя *Фёдор*; здесь использование Ъ можно рассматривать как средство онимизации апеллятива, тогда как в дореволюционной орфографии это было стандартное написание, не несущее никаких особых смыслов. Аналогично могут быть истолкованы названия магазинов *КОНКУРЕНТЬ* в Новосибирске, *НЕГОЦИАНТЬ* в Красноярске, новгородской *ГИМНАЗИИ*, другие факты см. в [Григорьева 2004, 228–243]²³.

Не обходится без алфавитных знаков и *нейминг*, или изобретение товарных знаков: салфетки и туалетная бумага *МЯГКИЙ ЗНАК*. Особенно популярна из букв *ЯТЬ* – ею названы водка, одноименная с названием «водочной артели», известный в России бренд; минеральная вода, стиральный порошок. Некоторые из такого рода фактов поддаются истолкованию в русле описанных закономерностей, другие оказываются смысловыми инновациями. Так, стиральный порошок и журнал, именуемые *ЯТЬ*, видимо, отсылают к рассмотренному фразеологизму *на ять*, намекая на высокое качество своего продукта. За названием туалетной бумаги *МЯГКИЙ ЗНАК* трудно увидеть прецедент, хотя ход мысли авторов этого названия понять можно: они играют на как бы ресемантизацию прилагательного *мягкий*²⁴. В медицинский нейминг прочно вошло слово *АЛФАВИТ* как название витаминного комплекса.

Важно отметить и то, что подобные наименования – эргонимы, урбанонимы, товарные знаки – обитают как в ономастиконе, так и в рекламе, представляя соответствующие корпорации, заведения, товары и задавая тон моде на архаику, отмеченную лингвистами (В. Г. Костомаров, И. П. Прядко и др.). Так что участие алфавита в

²³ Еще более очевидно онимизирующее использование латинских букв в составе русских слов, как в названии петербургской кофейни *Кофеюлка* и множестве примеров в [Григорьева 2004, 228–243].

²⁴ Интересно, что имена иноалфавитных букв входят в эргонимы и урбанонимы типа *АЛЬФА* – средство для мытья посуды и *АЛЬФА-БАНК*, *АЛЬФАГРУПП*, *АЛЬФА-КНИГА* (издательство), *СИГМА-ТУР* (туристическое агентство), превращаясь тем самым в аналоги не слов, но морфем. Значит, то, что происходит с именами букв, можно квалифицировать как лексикализацию в одних случаях и морфемизацию в других.

ономастиконе оказывается явлением, весьма заметным в массовой коммуникации.

Завершить обзор сфер ономастики, подвергшихся вторжению алфавита, можно *антропонимией* – именами собственными людей. Разумеется, здесь может идти речь только о фамилиях, псевдонимах и прозвищах, поскольку канонический именной исключает такого типа вторжения.

Что касается фамилий, то в первую очередь следует назвать *Азбукин*: её носит один их персонажей пьесы И. А. Крылова «Узнай свою дату смерти»; возникает она и в рассказе Н. Лескова «Умершее сословие» (1888). Поскольку в нём силен мемуарный момент, вполне можно допустить, что инспектор Орловской гимназии действительно носил фамилию *Азбукин*. Думать так позволяет и тот факт, что интернет предлагает информацию о носителях этой фамилии от известных учёных до простых пользователей (всего 14 тысяч страниц). При характеристике этой фамилии указывается, что наряду с ней существуют азбучные фамилии *Азов*, *Букин*, *Глаголев*. Последняя упоминается наряду с фамилией *Глаголевский*, при этом указывается, что это производные от слова *глагол* [Унбегаун 1995, 174], в чём можно усомниться, обратив внимание на мягкость согласного: от *глагол* можно ожидать форму **глаголов*. Среди бессуффиксальных фамилий Б. Унбегаун приводит *Ферт* [Там же, 131], а среди «причудливых» – фамилию персонажа А. Н. Островского *Юсов* [Там же, 195].

Можно встретить в антропонимии и собственно имена букв, без фамильного оформления. Если чеховские персонажи с фамилиями *Ижица* и *Ять* [Там же, 195] кажутся остроумным вымыслом писателя, то интернет позволяет убедиться в их реальности: на сайте «Московская семья» зарегистрировался пользователь *Илья Ять* 23 лет. Возможно, конечно, что это интернет-псевдоним (ник), для которых использование имен букв весьма характерно. Так, в знаменитом словаре И. Ф. Масанова указываются псевдонимы *Зетт*, *Игрек*, *Икс*. Понятно, что все эти буквы в результате использования их в математической символической приобрели семантику неизвестности, которая как нельзя более подходит для псевдонима. На этом их свойстве основаны номинации МИСТЕР X, ЛЕДИ ИКС, первое из которых носит заглавный персонаж оперетты Имре Кальмана, второе построено его образцу; интересно, что оба они выступают как названия магазинов в Великом Новгороде, впрочем, заимствование

имен торговых заведений из антропонимов – дело обычное для современной городской ономастики. Из псевдонимов «без налета неизвестности» интересен *Глаголь*, которым пользовался писатель С. С. Голоушев [Там же, 186].

Нынешние сценические имена предпочитают косвенное участие алфавитных знаков; самые известные примеры – сценические *Земфира* и *Глюк ОЗА*. Видимо, предполагается, что такие имена привлекательнее смотрятся на афише.

Из прозвищ интересно *Юс Юсыч*, которое приходится специально разъяснять в комментариях для современного читателя [Земская 2004, 326]: его смысл мотивируется тем, что обращение с *юсами* требовало особого знания, от чего один шаг к педантизму и занудству. Иначе говоря, здесь мы снова сталкиваемся с символическим значением имён букв. Ряд прозвищ алфавитного происхождения обнаруживаем в СП: *Букварь*, которое даётся человеку с широким кругозором, старательному ученику, учителям русского и иностранных языков; *Буквоед* – придирчивому пожилому учителю. Здесь находим традиционные школьные производные от имён букв, входящих в обозначение классов: *Ашка*, *Ашник*, *Бэха*, *Бэшка*, *Бэшник*, *Вэшка*, *Вэшник*, *Вешник* и множество прозвищ, образованных от инициалов – чаще всего учителей и вузовских преподавателей *БЭБЭ*, *ВЭВЭША*, *ГЭ-ЭН*, *ГээМ* и под.

Приведённые факты убеждают, как кажется, в том, что алфавит отвоёвывает себе место в ономастиконе, в его разных фрагментах. Экспансия алфавита расширяет **алфавитное пространство языка** – область его использования, где алфавитные знаки играют роль не тени звука, а самостоятельных знаков или популярного материала для их создания. Ядром этого пространства оказываются лексикон и идиоматика, насчитывающие полсотни «алфавитных» единиц. Интересно, что если «алфавитная» идиоматика обнаруживает тенденцию к сжиманию (многие идиомы наши современники не только никогда не используют, но и не понимают, напр., *прописать ижсицу*), то алфавитный ономастикон, как было показано, растёт, актуализируя алфавитность названий. Значит, это явление согласуется с вызовами современного речевого общения, преимущественно письменного.

1.3 «ПРЕПИНАНИЕ СЛОВЕС»

Как уже было сказано в Предисловии, рассмотрение русского алфавита невозможно без обращения к параграфемике – вспомогательным «беззвучным» знакам, обеспечивающим графическим знакам способность отражать речь – высказывания и тексты [Гельб 1982, 321; Григорьева 2003]. В контексте нашего исследования важно подчеркнуть, что параграфемика – обязательная часть системы письма, как и орфография, о которой еще пойдет речь. История и культурная значимость параграфемики – особый научный сюжет, который мы сможем осветить фрагментарно, обратив внимания на три знаменательных, как нам представляется, моменты.

Первый из них: пунктуация – самая значимая часть параграфемики – при всей ее условности может быть охарактеризована в плане пространственных и кинематических отношений, из чего выводятся существенные уточнения для ее описания (1.3.1).

Второй момент состоит в обращении к одному из пунктуационных знаков – точке с целью увидеть ее историю и выход в современную картину мира, где точка занимает место, большее, чем просто знак пунктуации (1.3.2).

Наконец, в разделе 1.3.3 приводятся факты, свидетельствующие о том, в рамках современной медийной практики, основанной на компьютерных технологиях, формируется новая параграфемика текста, что можно оценить как важнейший момент в развитии параграфемики и в целом русского письма.

1.3.1 Пространственно-кинематическая концепция пунктуации

Письменный текст представляет собой сложно организованное **пространство**: отдельный дискретный знак – это двухмерное изображение, состоящее из линий и точек (штрихов) и вписанное в прямоугольник или в параллелограмм (микропространство знака двумерно), а текст в идеале является одномерной (линейной) по-

следовательностью элементарных знаков (макропространство знака одномерно)²⁵.

Вследствие доминирующего принципа линейности русского письма в русской графической норме и практике наблюдается тенденция, возможно, под влиянием латинского письма, к **устранению вертикальности**. Так, петровская реформа письма отменила диакритики и многоуровневые лигатуры, оставив только две точки над *и* и *е* в буквах *й* и *ё*. Позднее две точки над *и* за счет соединительной линии превратились в «коромысло», а точки над *е* в письменной и печатной практике были утрачены и в настоящее время изредка употребляются для дифференциации омографов (графических омонимов), например: *Все врут календари* или *Всё врут календари?*; *Знакомые все/всё лица*, – а также для придания графического благообразия некоторым словам, например, *её* вместо *ее*. Точки над *е*, как и знаки ударения, последовательно используются в учебных текстах для осваивающих русский письменный язык.

Вертикальность обнаруживается в специализированных текстах, характеризующих специфические сферы общения: научную, официально-деловую, производственную. Она отражает сложность содержания текста, в котором используются индексы, сноски, формулы и примеры вычислений. Так, отмечена двух- и даже трехмерность языка химических формул [Налимов 1979, 62]. Однако в текстах «общего пользования» специфические многоуровневые графические конструкции подвергаются выравниванию в линию, например, m^2 заменяется в практике некоторых газет на *кв. м*, $\frac{m}{сек}$

²⁵ В реальности второе измерение макропространства графического знака (имеется в виду не перенос строчек при их расположении на странице ограниченной длины, который отсутствует, например, при размещении текста на узкой телеграфной ленте) наличествует, но оно ограничено шириной (высотой) строки. Элементы некоторых простых знаков выходят снизу или сверху за пределы строки, но в восприятии она кажется равной высоты по всей длине. Чисто линейным (одномерным) является только графическое обозначение знаков азбуки Морзе – простейшего телеграфного кода, использующего исключительно длительность сигнала, которая на письме передается двумя графическими элементами (точка, тире) и пробелами разной длины (короткими между элементами внутри знака и длинными между знаками, представляющими группы точек и тире). Стандартное нарушение «линейного» принципа заключается в вертикальном расположении знаков, то есть таком, при котором линейную позицию одного знака занимают сразу два и более знака, например, некоторые многоуровневые математические записи ($x = \frac{a}{b}$), записи с индексами (2^{x-2}) и т. п.

заменяется на *м/сек*. Не последнюю роль в этом играет удобство набора и верстки. Однако более важным фактором является общий пространственный принцип письма – линейный.

В **кинематическом** (двигательном) аспекте письмо как процесс представляет собой движения руки, инициирующие движения инструмента письма по поверхности писчего материала с целью оставить видимый след – линию. От инструмента и материала зависит типизированный облик элементарных знаков, их «стиль», или начерк, то есть набор начертательных характеристик, и, что очень важно, характер движений руки, см. [Рождественский 1979; Фридрих 2001, и др.].

При характеристике движений руки различают:

1) угловатость / округлость (ср. египетскую иероглифику и клинопись), что зависит в первую очередь от писчего материала;

2) наличие/отсутствие нажима, что в большой степени зависит от инструмента: кисточка не требует нажима, а перо и тем более инструменты для выдавливания и процарапывания предполагают обязательный нажим;

3) направление (ср. в китайских иероглифах и производных системах письма, например, корейской и японской – только вправо и вниз).

Понятно, что появление наборной печати, а в последнее время – компьютерной затемняет кинематическую природу письма, поскольку при печати она принципиально меняется: вместо мелких движений кистью руки параллельно плоскости листа – отвесные удары (или нажимы) пальцами по клавиатуре. Это приводит к увеличению дискретности сегментных графических знаков, но сопровождается увеличением плавности на суперсегментном уровне (параграфемика развивается вследствие больших возможностей компьютерной верстки: свободное варьирование гарнитур шрифтов, изменение кегля, цвета, насыщенности, разнообразные шрифтовые выделения). В итоге мы пришли к утрате позиций каллиграфии-чистописания, и, как иронически отмечает С. П. Руссков [1994, 37], замене его на «правильнописание»²⁶.

²⁶ Однако кинематические особенности письма отложились (в обобщенном виде) в гарнитурах шрифтов классической и переходной антиквы, ср. суждения о различных классических (гуманистических) и «гротескных» (рубленных, геометрических) гарнитурах и особенностях их восприятия [Кирсанов 1999, 126–133].

Различение пространственного и кинематического в письме важно для осознания того факта, что пространственные характеристики графики и параграфемыки более существенны для читающего, а кинематические – для пишущего. Но поскольку всякая стратегия письма ориентирована на дальнейшее восприятие, а чтение связано с учетом особенностей автора, и визуальный, и кинематический образы знака соседствуют у каждого человека, участвующего в обмене письменными знаками.

Пространственные характеристики пунктуации складываются из следующих признаков:

1 *Одно-/многокомпонентность* противопоставляет знаки **однокомпонентные** – точку (.), запятая (,), скобка (или), слэш (/), тире (–), апостроф ('); **двукомпонентные** – кавычка (« или »), двоеточие (:), точка с запятой (;), вопросительный (?) и восклицательный (!) – и состоящее из **трех компонентов** многоточие (...)²⁷. Как показывает современная пунктуационная практика и новые исследования по пунктуации, и точка, и другие знаки конца предложения могут использоваться не только в конце предложения, однако наличие точки в составе вопросительного и восклицательного знаков сыграло роль в оформлении их основной функции – знака конца предложения.

2 *Мерность* противопоставляет знаки нулевой мерности – не имеющие измерений, т. е. сопоставимые с точкой в ее математическом понимании – точку (.), запятую (,), апостроф ('), прямые кавычки (") и кавычки-лапки ("") – знакам одномерным и двухмерным. Если стремиться к бинарным противопоставлениям, этот признак можно охарактеризовать как **точечность / протяженность**. От этого признака зависят перцептивные свойства знака. Так, синонимия запятой и тире (как одиночных, так и двойных) с наличием дополнительной экспрессивности у тире объясняется протяженностью (мерностью) последнего и вследствие этого визуальной отдаленностью контекстов друг от друга.

Этот признак требует ввести для протяженных знаков два конкретизирующих параметра, образующих оппозицию **горизонтальности / вертикальности**:

²⁷ Кстати сказать, школьники часто называют его *троеточием* – по аналогии с двоеточием. Возразить им трудно.

2.1 *Высота* отличает знаки вертикальные (с высотой, равной или больше, чем у стандартного поля знака, например, скобки, слэш, двоеточие, восклицательный и вопросительный знаки, точка с запятой) от горизонтальных – запятой, апострофа, тире;

2.2 *Ширина* различает среди горизонтальных знаков широкие (тире, вопросительный знак, косой слэш, многоточие, дефис) и неширокие (двоеточие).

Сложной пространственной организацией обладают двумерные знаки – **вопросительный**²⁸, косой **слэш** (дробь), располагающийся по диагонали идеального прямоугольника, в который он вписан, **кавычки «елочки»**, обладающие большой выразительностью за счет двухкомпонентности, двухместности, нескольких начертательных и уровневых вариантов.

3 *Уровень* для невертикальных знаков, существенный в функциональном отношении: нижний, верхний, средний.

Наиболее значим нижний уровень, хотя в выразительности он проигрывает знакам среднего, лежащим на воображаемой линии движения глаз при чтении. С этим, кстати, можно связать употребление прописной буквы в начале предложения: точка, не являясь достаточно выразительным средством, не может обеспечивать сигнал границы предложений.

Самый слабый – верхний уровень, знаки которого не имеют функции границы: апостроф, маркирующий контраст; однокомпонентные кавычки, обозначающие лингвистическое толкование, и, в одном из вариантов, двухкомпонентные кавычки, также не имеющие функции указания на синтаксическое членение и поэтому при отсутствии других знаков препинания (как правило, тире, двоеточия + тире или двойного тире) надстраивающиеся над уже имеющимися синтаксическими маркерами, ср. [Чайковская 1988].

Интересна в этом отношении уровневая вариантность кавычек: елочки среднего уровня, лапки бывают нижнего (левый компонент) и верхнего (правый компонент) либо только верхнего уровня.

Причина максимальной значимости нижнего уровня параграфемики – в кинематической природе письма: движение руки как бы воспроизводит движение голоса. Точка – знак нижнего уровня – результат нисходящего движения руки, то есть знак понижения

²⁸ В устной беседе с автором К. А. Максимовичем была высказана версия о происхождении вопросительного знака из вертикального сочетания запятой и точки.

тона в конечной синтагме, характеризующейся максимальной коммуникативной значимостью [Ковтунова 1976].

4 *Направленность / ненаправленность* знаков, у которых есть выпуклость, обращенная влево или вправо, внутрь или наружу²⁹. Так, у запятой выпуклость направлена всегда вправо, а у скобки наружу, поэтому, поставив открывающую скобку, учащиеся редко забывают поставить закрывающую, в то время как пропуск закрывающей запятой – самая устойчивая ошибка. Для таких случаев в государственном тесте по русскому языку [Русский 1998; Русский 1999] отводится отдельное задание, и по моему опыту оно одно из самых сложных (наряду с пунктуацией при сравнительном обороте и различением однородности сказуемых / сложносочиненного предложения); например: *Заявки, присланные после 23 апреля 2001 г. рассмотрению не подлежат*³⁰. «Перцептивное» решение этой пунктуационной проблемы кажется несложным: необходимо открывающую запятую развернуть выпуклостью наружу, то есть влево.

Другой случай, связанный с направленностью частей двухместного знака, – замена в издательствах и автозамена в компьютерных программах-редакторах прямых или однонаправленных кавычек " _ " или " _ " на разнонаправленные: « _ » или “ _ ”.

5 *Одно- / двухместность* (обычно в литературе используются термины одиночность/парность; предлагаемый термин заимствован из теории сложного предложения, в которой таким образом определяют скрепы, части которых расположены в разных частях синтаксической конструкции) [Черемисина, Колосова 1987, 137–138]. Одноместные направленные знаки направлены вправо, включая даже такой мало отрефлектированный пунктуацией знак, как одиночная скобка, используемая, например, в рубрикации.

²⁹ Невозможна, а более точно, нерелевантна и поэтому нефункциональна направленность вверх или вниз, поскольку графическая линия горизонтальна. Эта особенность европейского письма нашла отражение даже в современных пунктуационных знаках, используемых в Интернете – смайликах. Смайлики имитируют выражение лица с помощью простых пунктуационных знаков, но это лицо как будто развернуто горизонтально, например, знак :-) обозначает простую улыбку. Замена смайлика на типизированное изображение (делается автоматически в некоторых «редакторах»), развернутое вертикально и представляющее собой рисунок, означает перевод в параграфическое средство.

³⁰ Инф. письмо. Московский общественный научный фонд, Министерство образования Российской Федерации, Институт перспективных российских исследований им. Кеннана (США) при поддержке Корпорации Карнеги в Нью-Йорке (США) и Фонда Джона Д. и Кэтрин Т. МакАртуров (США)

6 *Место пробела*: справа, снаружи, с обеих сторон от графического знака. Отсутствие пробела означает примыкание параграфного знака к контексту, включенность в него, в то время как наличие пробела указывает на отдельность от контекста. Наличие двух пробелов фиксирует равноправие контекстов, отсюда одна из функций тире – обозначение тождества.

Если речь идет о двухместных знаках – скобки, кавычки, то от правого или внешнего контекста пунктуационный знак отделяется пробелом, а от левого или внутреннего – нет (исключения составляют внутрисловные пунктуационные знаки – дефис и апостроф, а также тире: от него оба контекста отделены пробелом).

Особый случай представляет двойная запятая: пробел у открывающей запятой стоит не снаружи (то есть слева, как у открывающей скобки ли кавычки), а справа, как у одиночной запятой. Это вторая причина «забывания» закрывающей запятой: открывающий знак никак не «намекает» на наличие закрывающего. Проблему можно было бы решить путем приведения к общему употреблению двухместных знаков: ставить открывающую запятую с пробелом снаружи, то есть слева. Иначе говоря, открывающая запятая должна бы выглядеть как открывающая скобка нулевой мерности нижнего уровня. Но привычки пишущих, а также болезненность введения нового пунктуационного знака в практику делает это предложение нереалистичным.

Итак, шесть пространственных характеристик пунктуационных знаков отражают свойства микропространства знака (1–4) и макропространства (5–6).

С **кинематической** (двигательной) точки зрения различается направление движения руки: вертикальное / горизонтальное, при этом, как правило, вертикальное движение направлено сверху вниз, а горизонтальное слева направо. Для вопросительного знака, в наибольшей степени похожего на графические знаки, движение руки более сложное – слева направо, затем справа вниз-налево. Аналогично косой слэш исполняется справа – вниз налево.

Рассмотрение пунктуации знаков с учетом предложенных признаков приводит к заключению: для одних знаков важнее пространственные характеристики, для других – кинематические. К первым без сомнения можно отнести одномерные знаки. Как с пространственной, так и с кинематической точки зрения могут быть проинтерпретированы различия между вертикальными и горизон-

тальными знаками. Вертикальные знаки располагаются перпендикулярно воображаемой линии движения глаз при чтении и поэтому чаще служат знаками границы, в то время как горизонтальные лежат на этой линии, не прерывая ее и поэтому чаще служат знаками соединения и продолжения текста, как, например, тире в названиях поездов («Москва – Владивосток») или многоточие при купюре в цитате, ср., например: *У математического маятника, вечно качающегося от А к В и обратно, нет истории [...] В историю вообще, и в частности в человеческую, входят только неповторяющиеся, в своем роде единичные и своеобразные факты* (В. Н. Топоров. Судьба и случай; цит. из Питирима Сорокина – «Человек. Цивилизация. Общество»).

Можно говорить об «антонимии» двоеточия и тире: и пространственной организацией (вертикальность, «пограничность» двоеточия и горизонтальность – «соединительность» тире), и двигательными характеристиками (движение сверху вниз, поперек общего направления письма, и, кроме того, с перерывами у двоеточия и движение слева направо, по ходу общего направления письма, у тире) они противопоставлены как знак границы и знак продолжения.

Кинематически можно объяснить большое количество тире в поэтической речи и в неправленных рукописях: задача автора произведения – продолжить создание текста, а не остановить движение мысли и слова. Направленность знака слева направо, по ходу развития текста, позволяет автору выполнять эту задачу. И только при редактировании текста, сознательно, тире заменяются двоеточием в соответствии с правилами пунктуации.

Пунктуационные знаки с преобладанием кинематической характеристики выступают как иконические, изобразительные знаки, но именно как знаки, требующие прочтения, а не заменители интонации. В пользу такого подхода говорит практика изучения произвольной интонации актерами и профессиональными ораторами. В качестве одного из приемов изучения используется вспомогательное движение руки [Ножин 1973]. Кроме того, можно вспомнить дирижерскую технику: с помощью движений руки дирижер управляет ритмической и мелодической организацией оркестрового исполнения. Кинематическая характеристика **точки** связана с имитацией движением руки движения тона, сверху вниз, но надо понимать, что это не натуральное движение, а его психофизический образ.

Для понимания существа пунктуации следует указать на противопоставление графического пространства, в котором он «действует». В этом отношении различается пунктуация

- **слова** – дефис, апостроф, слэш (дробь): *диван-кровать, д'Артантьян, в/п* (вредная привычка);
- **графического предложения** – запятая: *Мне грустно оттого, что весело тебе;*
- **сочетания предложений** – точка + прописная буква: *Избушка – так себе, амбар, рядов в тринадцать-четырнадцать, в одно оконце, без сеней, а то и без крыши. Кто их издревле рубит по тайге?* (Шукшин. Охота жить);
- **сочетания абзацев** – тире :
 - *Кто там?*
 - *Я.*

Замечено, что «в XVIII и в начале XIX в. пунктуационные средства значительно шире использовались внутри слова: запятая как эквивалент современного дефиса (а,га), тире как знак пропуска (Г–вь); для современных русских пунктуационных знаков сфера слова – остаточная периферия. Зато связь «предложение – текст» все более укрепляется и расширяется» [Шварцкопф 1988, 13]. О текстовой пунктуации пойдет речь в 1.3.3.

Что касается функций пунктуации, то предложенное в [Шварцкопф 1988] различие трех функций: отделения, выделения и распределения – можно свести к одной макрофункции – функции **отделения** младшего контекста от старшего (левого контекста от правого, внутреннего от внешнего, «чужой» речи от авторской).

Кроме того, для современной пунктуации важны функции:

2) **соединения**: дефис служит для соединения частей сложного слова, например, *енот-полоскун*, а также является знаком переноса – соединения части слова в конце верхней строки с частью слова в начале нижней строки;

3) **контраста**: эту функцию выполняют знаки верхнего и среднего уровня; так, апостроф служит сигналом смены графической системы: *Robo Grill'ем* (Комок. 29.08.2000); кавычки служат знаком контраста между авторской и «чужой» речью – для отделения синтаксических единиц им необходима поддержка других пунктуационных знаков, что приводит к формированию «пунктуационных комплексов» (Б. С. Шварцкопф);

4) **изобразительная**: тире, обозначающее путь в названиях поездов: «Москва – Ташкент»; в авторитетном справочнике Д.Э. Розенталя рекомендуется ставить именно этот длинный знак с пробелами, а не короткий и беспробельный дефис;

5) **заместительная**: многоточие своей горизонтальной протяженностью замещает недосказанный текст, тире в эллиптическом предложении замещает пропущенное слово: *Четыре шага по мягкому ковру в одну сторону, четыре – в другую, остановка перед корреспондентами, улыбка, которая помогла ему всю жизнь* (В. Шукшин. Алеша Бесконвойный);

6) **противопоставления**: эту функцию выполняет слэш (дробь), например: *потенциально и/или ситуативно значимый* означает ‘потенциально значимый или ситуативно значимый или потенциально и ситуативно значимый’. Иными словами, слэш имеет значение логического оператора дизъюнкции; в идеале это двухуровневая запись:

$$\frac{и}{\quad} \quad \quad \quad \frac{м}{\quad}$$
или (ср. наглядную запись единиц скорости *сек*).

Пространственные характеристики позволяют объяснить принципы использования такого «молодого» пунктуационного знака, как **слэш**. В практике компьютерного набора используются три его разновидности: прямой (/), косой (/) и обратный (\); последний вызывает раздражение при чтении и используется крайне редко. Редко используется и прямой слэш. Как уже указывалось, макропространство письма представляет собой полосу, выше и ниже которой пространство как бы не существует. В этом «гипер»-пространстве могут существовать только диакритики, а индексы, например, должны хотя бы частью располагаться на строке. Все основные (алфавитные и словесные) знаки должны располагаться на одной

$$\frac{и}{\quad}$$
линии слева направо. Поэтому фрагмент текста типа *или* невозможен. Косой слэш имитирует эту воображаемую линию, своей диагональностью символизируя эту двухуровневость, как бы намекая на необходимость разворота в двухмерное построение. Обратный слэш *и\или* тоже отражает двухуровневость, но при этом меня-

$$\frac{или}{\quad}$$
ет порядок следования контекстов на противоположный: *и*, нарушая порядок следования, который задается линейно $и \rightarrow или$.

Противонаправленность двух порядков следования и создает дискомфорт, который возникает при восприятии этого знака. Прямой же слэш оказывается просто невыразительным, поскольку не связан с двухуровневостью. Поэтому наиболее приемлем именно кодой слэш, хотя технически доступны все три.

Схожим образом объясняется выпуклость **скобок**. Скобки можно представить как овал, в который заключается выделяемый фрагмент текста. Концы («усики») открывающей скобки направлены вправо, а закрывающей – влево, то есть обе скобки охватывают выделяемую часть текста. Открыв скобку, мы мысленно как будто продолжаем их загиб над и под строкой, охватывая сверху и снизу выделяемый фрагмент текста в круг, например:

Некоторые определения

(стоящие после определяемого слова)

выделяются скобками.

Но поскольку пространство за пределами строки для знаков письма является запретной зоной, продолжение линий не изображается, а домысливается. Если предположить, что зрительный образ скобок иной, направление их концов было бы произвольным.

Аналогично ведут себя кавычки, двойные и одинарные.

Функция пунктуационных знаков связана с их перцептивными характеристиками: чем сложнее устроен знак, чем больше он имеет дифференциальных признаков, тем определеннее, однозначнее его функция. Ср., напр., слэш и скобку, различающиеся наличием / отсутствием выраженного направления. Ранее слэш часто использовался вместо скобок, особенно при печати на портативных пишущих машинках, в которых экономия хотя бы одной литеры имела большое значение для компактности и веса. При типографском издании таких текстов в советское время слэш обязательно заменялся на скобки для облегчения восприятия текста и, в частности, для снятия омонимии открывающего и закрывающего слэшей, которые дифференцируются только по расположению пробела. Следует также учитывать, что такие слэши-скобки оказывались омонимичны также и слэшу в обычной функции. Для наглядности приведу один и тот же отрывок текста с направленными скобками и со скобками-слэшами в моноширинной гарнитуре Courier New Cyrillic, напоминающей гарнитуру шрифта пишущей машинки:

В высказывании /1/ кореферентность субъекта второй ПЕ /выраженного личным окончанием глагола/ субъекту первой ПЕ /выраженному местоимением МЫ/ выражается этой же морфемой и использует способ/механизм согласования /в данном случае – в лице и числе/;

В высказывании (1) кореферентность субъекта второй ПЕ (выраженного личным окончанием глагола) субъекту первой ПЕ (выраженному местоимением МЫ) выражается этой же морфемой и использует способ/механизм согласования (в данном случае – в лице и числе).

Таким образом, попытка пространственно-кинематического осмысления русской пунктуации приводит к возможности выяснить происхождение и семиотическую природу составляющих ее знаков, понять, в чем заключаются некоторые сложности пунктуационной практики и обучения этой части правописания в школе. Представляется, что у такого подхода есть перспективы как собственно лингвистические, так и дидактические.

1.3.2 «Русская» точка: этимология и идиоматика

Появлением точки как пунктуационного знака русского письма мы обязаны византийской традиции: она пришла с греческими и славянскими текстами. Об этом сообщается в вузовских учебных пособиях: *«Иногда предложения отделялись одно от другого **точкой**, которая, как правило, использовалась в функции запятой и ставилась не внизу строки, а посередине вертикальной линии букв... Кроме точки, иногда использовалось многоточие (:), (:), (:), (:), (:) – в конце главы, реже в конце предложения или фразы и точка с запятой (;) – в функции вопросительного знака»* [Войлова 2003, 37]; *«Конец главы обычно обозначался комбинацией точек и чёрточек (:, :- и т. п.). Знаков препинания в современном смысле не было, хотя отдельные предложения и конструкции могли (впрочем, далеко не всегда) выделяться точками»* [Ремнева 2004, 55]. Сплошное написание текста, крайне малоупотребительное использование пунктуационных знаков и их комбинированность – вот, пожалуй, основные знания о графических особенностях древних славянских текстов. Отметим ещё одно обязатель-

ное упоминание функции точки в старославянском тексте – обозначать число (совместно с титлом).

В [СЧ] отмечается, что «о *точке* как знаке препинания упоминается в некоторых сочинениях о церковнославянском языке XV–XVI вв. О правилах употребления точки идёт речь в московском издании 1648 года «Грамматики» Смотрицкого. В более ранних письменных памятниках древнерусского языка, кажется, не было известно».

Таким образом, запас сведений у человека, не занимающегося изучением вопросов пунктуации, невелик. Это не удивительно, если учесть, что и специалисты по изучению графико-орфографического облика древнего текста с осторожностью говорят о **системе** в расстановке знаков пунктуации, называя эту систему *гибкой* [Михайлов 1992], почти полностью заимствованной из греко-византийских источников [Накорякова 2004].

Что же касается «значения» знаков, то оно более или менее чётко (хотя и ориентируясь на интонацию) сформулировано: «При запятой удерживается голос столь долго, как можно вымолвить слово *один*. При точке с запятой: *один, два*. При двоеточии: *один, два, три*. При точке: *один, два, три, четыре*» [Барсов 1788, 76]; он в этом отношении сохранил церковнославянскую традицию понимания иерархии знаков препинания: «Трёхчастное членение высказывания: от запятой (мысленная пауза) через двоеточие (пауза с «отдыхом» в речи) к точке (длительная пауза, завершение высказывания)» [Кондратьев]. Как мы видим, особенность положения точки видна и в длительности паузы.

Итак, на фоне пунктуации древних славянских текстов и древнерусских рукописей заметна особая роль точки: в весьма разнообразной системе знаков (их количество исследователи определяют от 20 до 30) она достаточно частотна в различных комбинациях. И если первоначально расстановка графических знаков в строке именуется «строчным разумом», то по мере развития закрепляется другое – «точечный разум» [Михайлов 1992]. «В одной рукописной «Псалтыри» сохранилось наставление «ко учителем», перечислявшее их обязанности: «знати словеса книжные и разуметь их силу», говорить «дебело и тоносно», т. е. отчётливо и выразительно, и «соблюдати точечный разум» [Накорякова 2004, 97]. То, что *точка* стала мотиватором для образования слов, говорит о востребованности обозначаемого ею понятия.

Обратимся к этимологии, которая, возможно, пусть и косвенно объясняет частотность этого знака. Происхождение слова *точка* не вызывает затруднений: этимологические словари [СЧ; СФ; СШБ др.] отсылают к глаголу *ткнуть*, *тыкать*, исторически родственному *ткать* (*тъкнѹти). Слово «точка» – древнерусский суффиксальный дериват слова «точь» (*тъчь*). Таким образом, точка – это след тычка, точнее, следок.

Соотнося *точку* с латинским *punctum* (от *pungō* – колю), исследователи при этом не объясняют такую трансформацию – от укола (прокола) к следу (метке), ограничиваясь комментарием: «То, в чём мы увидели «тычок», римляне расценили как «укол» [Успенский 1971, 672].

Выскажу предположение, что на появление в славянском лексиконе слова «точка», возможно, повлияла характер писчего материала. Тексты греков и римлян преимущественно создавались на легко прокальваемых материалах: кроме папируса, были распространены покрытые воском дощечки, хотя, конечно, на них создавались скорее «бытовые» и «учебные» тексты. Но распространённость, первичность и востребованность этого материала были столь значительны [Малов 2002; Брукфилд 2001 и др.], что это нашло отражение в названии главного знака препинания.

Материал же древних славянских памятников и древнерусских рукописей – дорогой и достаточно плотный пергамен. Возможно, от того, что написанное на нем можно было счищать, на нём нельзя было оставлять проколы, чтобы не испортить, а лучше было прибегнуть к иному рода меткам. Конечно, богослужебный текст был в какой-то мере защищен от судьбы палимпсеста, однако византийская традиция наносить графические пометы краской формировалась не только при создании сакральных, но и светских текстов, и перешла к славянам уже сформировавшейся. Известно, что процесс заимствования русскими писцами графико-орфографических особенностей продолжался и в более позднее время: «С конца XIV века в русское правописание входят запятая и точка (А. И. Соболевский; цит по [Гальченко 2001, 343]). К этому периоду точка стала использоваться как завершающий предложение разделительный знак.

Займствуя знаки, писцы следовали традиции либо калькировать грамматические термины (грамматика понималась широко, как «наука, или знание исправно читать, говорить и писать на россий-

ском языке» [Барсов 1788, 39]), либо делать их максимально «прозрачными». В данном случае, *точка* представляет собой не лексическую кальку (**колк*, **сколка*), а «семантическую»: она отражает способ нанесения её на писчий материал.

Будучи самым частотным графическим знаком сначала в рукописных, а затем в печатных текстах, *точка* наряду с другими пунктуационными знаками стала средством членения текста и вошла в параграфетику системы русского письма. Однако сегодня *точка* является не только частью параграфетики и синтаксиса, но и русской идиоматики.

Рассмотрим идиомы, содержащие лексический компонент *точка*. Основным источником послужит [БМС], включающий около 6000 фразеологизмов, среди которых более десятка «точечных»: 9 основных, 2 варианта к ним и ещё 2 сочетания, не вынесённых в качестве толкуемых оборотов, а приведённых как синонимы.

Пожалуй, самым существенным по важности фразеологизмом можно считать РАССТАВИТЬ ТОЧКИ НАД «И», который в словаре представлен как калька с французского *mettre les points sur les «i»*. Оборот, как показала практика работы со студентами, понимается не всеми, но его общее значение – «уточнить, внести полную ясность, давать пояснения» – более или менее известно. Это выражение распространено во многих европейских языках, использующих латиницу, графика которой позволяет догадаться о его значении. Время его проникновения в русский язык авторы словаря затрудняются определить. Следует отметить, что *точка* в этом сочетании выступает как диакритический знак, написание которого вносит в текст не только полную ясность, но и завершённость (подробнее см. 1.2.1).

И в этом смысле выражению *расставить точки над «i»* близко не столько по смыслу, сколько по историко-культурному контексту, «по духу» сочетание НИ НА ЙОТУ («нисколько, ни на самую малость»). В этой полукальке со старославянского языка обыгрывается название греческой буквы «ι», которая передавала звук [i] и употреблялась в уменьшенном размере подстрочно. Иногда писцы её опускали, потому что смысл написанного от этого не страдал. «Выражение восходит к тексту Евангелия о том, что в религиозных заповедях (законах) ни одна йота (т. е. ни одна буква, чёрточка) не может быть изменена» [ШЗФ, 94].

Сближая эти идиомы, хочется отметить разницу, которую внесла в их значение сфера речи: если в религиозном тексте основной

была **точность** передачи сакрального текста, то в текстах других речевых сфер – **ясность**.

В пояснении к фразеологизму «расставить точки над «и» авторы словаря приводят следующее замечание: «На становление фразеологизма, по-видимому, повлияли другие устойчивые сочетания со словом *точка*: *ставить точку, до последней точки*» [БМС]. И если выражение (ПО)СТАВИТЬ ТОЧКУ можно признать полным синонимом рассматриваемого фразеологизма, то оборот (ДОЙТИ) ДО (ПОСЛЕДНЕЙ / КРАЙНЕЙ) ТОЧКИ имеет особое значение: «достичь предела, границы перехода в другое качество». Именно в таком смысле используется он в современных медийных текстах: «*Точка вкуса*» дошла до точки: розничный проект выходцев из «Мосмарта» закрылся через полгода (<http://www.rbcdaily.ru/2008/07/10/market/>).

Данная идиома служит материалом для языковых игр. Территорией столкновения смыслов в таких каламбурах является слово *точка*: читатель по инерции продолжает идиому, тогда как пишущий использует прямое значение слова: *Дойти до точки... безубыточности* (профессиональный термин «точка безубыточности», она же – точка равновесия, является переводом английской идиомы *break-even point*); *Дойти до точки: новые сферы применения азбуки Брайля* (азбука для слепых с рельефно-точечным шрифтом) и мн.др.

Следующие обороты объединены значением **точности** с различными уточнениями: ПОПАДАТЬ / ПОПАСТЬ В (САМУЮ) ТОЧКУ («говорить или делать именно то, что нужно»); ТОЧКА В ТОЧКУ («абсолютная точность»); ТОЧЬ-В-ТОЧЬ («совершенно точно, идентично, без каких-либо отклонений»). Только первое выражение, по мысли авторов, вероятно, является собственно русским и берёт своё образное начало от стрельбы по мишени, центром которой является точка. Не подвергая сомнению данную этимологию, отметим, что значение *точки* в данной идиоме не графическое. Тогда как *точка* в двух других оборотах – знак графической системы языка: «Образ, лежащий в основе выражения, связан с предельно точным попаданием в одну и ту же метку, мельчайшую круглую крапинку, оставленную уколom колющего или пишущего инструмента» [БМС]. При этом наречие «точь-в-точь» представляет собой полный повтор вошедшей в русский лексикон французской кальки «точка в точку» (*de point en point*). Как видим, одному галлицизму русский язык обязан двумя лексическими средствами.

Другое выражение – СДВИГАТЬ / СДВИНУТЬ С МЁРТВОЙ ТОЧКИ (придавать чему-либо подвижность, стронуть с места, преодолеть застой) – по происхождению является профессионализмом: в механике *мёртвая точка* – это положение механизма, когда все действующие части находятся в состоянии мгновенного равновесия. Положение опасно полной остановкой, и поэтому механики применяют маховые колёса, которые, вращаясь по инерции, сдвигают механизм с этой опасной точки. МЁРТВАЯ ТОЧКА, таким образом, в переносном смысле – это точка застоя, неподвижное, бездействующее состояние. Отметим кстати, что сочетание является заимствованием из французского языка (*point mort*). Ярко заметно переосмысление *точки*. Здесь она предстаёт как научное понятие, термин физико-математических наук.

Если продолжить дальше линию «профессиональных» по происхождению оборотов, то следует назвать НА ТОЧКЕ ЗАМЕРЗАНИЯ («без движения, на одном месте»). Фразеологизм связан с термином *точка замерзания* – 0° С, температура превращения воды в лёд. Как отмечает М. И. Михельсон, «на точке замерзания (иноск.) о деле – «ни взад, ни вперёд» – о полном безденежье и безвыходном положении» [РМ, 623]. Время появления этого термина относится к XVIII веку, к середине XIX становится обычным его переносное употребление.

Сочетание ТОЧКА ЗАМЕРЗАНИЯ также помещено в [БМС] с пометой *книжн.* и толкованием: «остановка в движении, развитии чего-либо». Определяя значение *точки* в составе этого сочетания, С. И. Ожегов считает, что это «предел, при котором наступает какое-либо явление. *Точка кипения. Точка замерзания*» [СО]. Примеры подобных сочетаний, использующихся в различных профессиях, можно продолжить: *точка прерывания* (отрыв самолёта от земли); *точка обстрела*; *точка обзора*; *точка вбрасывания* (шайбы в хоккее); *точка старта*; *точка запираания* (в дверях) и пр. Становится очевидным, что *точка* заменяет собой некое место. При этом его легко себе представить как в пространстве, так и графически – на карте, схеме, плане и пр., т. е. *точка* из геометрического знака через метонимический перенос становится пространственным ориентиром. Можно сказать, что это один из самых продуктивных контекстов употребления *точки* в современной речи.

Хорошо известный оборот ТОЧКА ЗРЕНИЯ (определённый взгляд на какой-либо вопрос, своё собственное отношение к чему-

либо) связан, как считают авторы словаря, с переносным употреблением математического понятия. Он входит в состав редкого для современной речевой практики выражения С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ВЕЧНОСТИ («о несущественности, мизерности чего-либо при более масштабном подходе»), восходящее к «Этике» Б. Спинозы [АА, 561–562].

В качестве последнего замечания о *точке* укажем на появившиеся в 1970-е годы публицистические обороты БОЛЕВАЯ ТОЧКА (о какой-либо назревшей, но не решённой проблеме, вызывающей тревогу) и ГОРЯЧАЯ ТОЧКА (о месте вооружённых конфликтов) [СНС]. Обыгрывая политическое и пунктуационное значение *точки*, военный обозреватель «Новой газеты» называет статью об опасности повторения военного конфликта в Грузии «ГОРЯЧАЯ ТОЧКА С ЗАПЯТОЙ» (27.10.2008).

Таким образом, *точка* в современном лексиконе занимает заметное место. Она входит в состав оборотов книжных, устаревших, профессиональных, а также продолжает порождать новые устойчивые сочетания политического дискурса. Фразеологические значения *точки* многообразны: конец, начало, предел, точность, ясность, центр, остановка, подвижность. Можно утверждать, что потенциал *точки* не исчерпан и рано ставить точку в этой теме.

1.3.3 Точки наших дней³¹

Современная медийная практика даёт материал для заключений о формировании новой параграфемике – текстовой пунктуации.

Её описание следует начать с ТЕКСТОВОЙ ТОЧКИ – особым знаком, которым в большом количестве газет и подавляющем большинстве журналов текст завершается. Она значительно крупнее обычной точки, в ряде изданий используется вместо точки последнего предложения, но гораздо чаще следует за ней.

По внешнему виду текстовые точки разных изданий существенно различаются. Если собственно точка – знак без формы (в геометрии это единственный объект с нулевой мерностью), то для текстовой точки форма более чем существенна – это всегда результат работы дизай-

³¹ Первая версия этого текста напечатана в «Российском лингвистическом ежегоднике» (Вып. 1 (8). Красноярск, 2006. С. 12–18).

нера. Она соотносится с общим стилем издания, другими элементами верстки – например, пагинацией, шрифтом заголовка и т. п., может выделяться по цвету, быть квадратной, прямоугольной, «фирменной», то есть содержать те или иные элементы логотипа или соотноситься с тематикой издания.

Так, в журнале «Домашний очаг» текстовая точка – это маленький красный домик с трубой, из которой идет маленький красный дым (см. рис. 1), в красноярском журнале «Праздники & подарки» это знак амперсанда (&) (рис. 2), в SHAPE – сжатый логотип (рис. 3).

Текстовую точку можно использовать как удобный носитель дополнительных смыслов и функций; например, в журнале «Эксперт» красный прямоугольник заканчивает редакционные материалы, синий, точно такой же формы, – рекламные. Но эти формальные признаки и соответствующие им значения, равно как и дизайнерские находки, у каждого издания свои, что позволяет считать и «силуэт» знака, и цвет, и все виды дополнительной смысловой нагрузки для точки точек факультативными.

Релевантными признаками текстовой точки, по всей видимости, следует признать размер, компактную форму и пространственное расположение знака. Высота ее всегда равна или сопоставима с высотой строки. Протяженность по длине и по ширине примерно одинакова. Это означает, что точка сомасштабна тексту примерно так же, как обычная точка – строке. Занимает она всегда правую нижнюю позицию, как и обычная точка. Это, по сути, и есть точка, только перенесенная в иное – текстовое – измерение. Такое понимание подтверждается и практикой ряда солидных журналов, таких, как «Деньги», «Вокруг света», которые выполняют знак конца текста безо всяких усложнений – в виде черного кружка, привычного носителю русского языка условного облика точки (рис. 4).

Совпадение важнейших формальных признаков точки текста и точки предложения позволяет выдвинуть гипотезу об их изоморфизме. Но, помимо соответствия по форме, изоморфизм предполагает соответствие функциональное. Точка предложения – знак полисемантический. Она, во-первых, маркирует конец предложения, а во-вторых, указывает на то, что предложение не является вопросительным или восклицательным. Кроме того, точка является знаком произвольного конца и противопоставлена по этому признаку многоточию. Текстовая же точка моносемантична, она не имеет значения невопросительности и невосклицательности, но, подобно точке

предложения, маркирует **конец сообщения**. Таким образом, гипотеза об изоморфизме поддерживается однородностью функции.

Вторым знаком, претендующим на включение в описываемую систему текстовой пунктуации, является «антоним» текстовой точки. Любому читателю хорошо знакома помета «продолжение (окончание) на с. ...», назначение которой – не только помочь ему найти продолжение (окончание) текста, но и проинформировать его о том, что текст не закончен, «скрепить» пространственно разделенные части текста, подтвердить, что это одно сообщение.

По отношению к слову аналогичную функцию выполняет **знак переноса**, или дефис³². Его текстовым аналогом во многих СМИ стала исполненная в том же масштабе, что и текстовая точка (высота – как минимум строка), **стрелочка или треугольник** в правом нижнем углу той части страницы, на которой помещается текст. Обращены они всегда вправо, в том направлении, в котором следует листать. Используется такой знак – назовем его **текстовый дефис** – тоже «поверх» традиционного, с тем же значением: «текст еще не закончился, продолжение ищите на другой единице текстового пространства, соразмерной знаку».

И переносный дефис, и «стрелочка» возможны только в текстах, расположенных нелинейно. Они помогают преодолеть «разрыв измерений», указывая, что продолжение нужно искать в другом пространстве. Только если для слова другое пространство – это другая строка, то для газетной или журнальной статьи – это другая страница. Используется текстовый дефис не так часто, как текстовая точка, увидеть его можно, например, в журналах «Дорогое удовольствие» в Красноярске» и «GEO» (см. рис. 5, 6), но зато форма его везде очень сходна. Вследствие иного масштаба и двухмерности «стрелочка» более выразительна, чем обычный дефис – это, как было показано выше, направленный знак. Но тем не менее знаки можно считать изоморфными: дефис по сути является проекцией «стрелочки» в одномерном пространстве, а поскольку движение в пространстве строки при письме и чтении в русскоязычных текстах всегда происходит слева направо, то знак традиционного дефиса тоже можно признать направленным.

³² О принадлежности дефиса к области орфографии или пунктуации ведутся споры (см., например, [Ким, Гетьман 2004]), и, похоже, наша гипотеза является косвенным аргументом в пользу последней точки зрения.

Исследование функции «стрелочки» помогает понять, что вызвало к жизни всю систему знаков, которую мы описываем. Появление ее именно в этой сфере и именно в постперестроечное время объясняется тем, что номер журнала или газеты, являющийся политекстом, в последние годы стал компоноваться так, чтобы в поле зрения читателя попало наибольшее число материалов. Соответственно, возникла «лоскутная» верстка, при которой, следуя за одним сообщением, читатель пролистывает множество страниц. Кроме того, и сам текст стал более полифоничным, в него стали включаться другие тексты – представляющие иные точки зрения, иные ракурсы темы, сопутствующие сюжеты. Монологичные тексты-«кирпичи» выглядят уже архаизмом. Существенную роль в формировании системы текстовых пунктуационных знаков сыграло и то, что в медийные тексты проникла реклама, которая зачастую стала встраиваться в «тело» другого сообщения. Есть и другие причины, которые, вместе взятые, заставляют располагать тексты в номере не последовательно, а попеременно. Соответственно, возникает необходимость помочь адресату увидеть границы отдельных материалов. А поскольку традиционные сигналы конца текста (конец страницы, подпись автора, заголовок следующего текста) при такой модели макетирования ненадежны, приходится пользоваться специализированными знаками.

Одни издания маркируют и абсолютный конец текста (текстовая точка), и те позиции, которые адресат может за него принять («стрелочка»); другие используют только точку, соответственно, немаркированный правый нижний угол страницы становится своего рода нулевым знаком со значением «это не конец сообщения, продолжение на следующих страницах». Это позволяет считать знак точки точек более сильным. Добавим, что ряд изданий (как правило, не первой величины) не использует знаки текстовой пунктуации, предоставляя адресату ориентироваться самостоятельно.

Самым слабым, самым нерегулярным элементом текстовой пунктуации является знак **начала текста**. Традиционный абзацный отступ таковым считать нельзя, поскольку он выделяет не только начальное, но и любое другое сверхфразовое единство. Пунктуационным маркером начальной границы текста можно считать **буквицу**, изоморфизм которой обычной прописной букве не вызывает сомнений. Буквица часто выделяется цветом, гарнитурой шрифта или другими типографскими средствами. Особо следует сказать о

ее размере. Высота буквы, в отличие от обычной прописной буквы, всегда превышает высоту строки.

Функции этих знаков в традиционном и медийном тексте практически тождественны. С одним замечанием: буква отмечает не абсолютное начало текста, а начало его основной части. Ей предшествуют выделенные особым шрифтом заголовок, подзаголовок, вводная часть (лид) и имя автора (оно все чаще оказывается в начале материала, а не в конце, как было принято еще 10 лет назад). Использование этих графических средств снижает значимость буквы, поэтому прибегают к ней немногие издания (в качестве примера можно привести еженедельники «Эксперт» и «Эксперт-Сибирь», см. рис. 7).

Помимо этого, печатные медиа используют ряд других знаков, с помощью которых в основной текст встраиваются микротексты: **вопросительный** и **восклицательный** знак, превышающие по размеру поле графемы, изображение **конверта** или **телефонной трубки**, знак **e** ('из Интернета') и т. п. Но относить их к пунктуации представляется неправомерным. Часть подобных знаков не просто членит политекст, но несет некоторую информацию о содержании мини-сообщения (например, помечая, что это письмо или звонок читателя, фрагмент, «позаимствованный» из Интернета). Пунктуационному знаку это несвойственно. Восклицательный и вопросительный знаки как элементы верстки тоже используются в роли, которая не соответствует их роли в предложении. Они не обозначают финальную границу сообщения, а служат способом привлечения внимания читателя («обратите внимание») или пометой того же читательского вопроса, реального или возможного. Все это можно назвать пиктографией медийного текста как части его паратекста.

Таким образом, систему собственно текстовой пунктуации образуют три элемента, функция которых – членение политекста. Задачи и принципы этой пунктуационной системы во многом аналогичны тем, с которых начиналась пунктуация вообще. Изменились лишь единицы, отношения между которыми обозначаются. Теперь это не слова, а фрагменты текста. Соответственно, и текстовые пунктуационные знаки, чтобы сохранить масштаб соотношения с обслуживаемой единицей, приобрели принципиально больший размер.

ательно
ком. Вот,

Рисунок 1

прекрасной ком
арен своим друз
ьем и готовы хот
в путь. &

Рисунок 2

держитесь на 10–20
вернитесь на левый
рите. SHAPE

Рисунок 3

списки аудиторов не ус
аивает требование ЦБ к бан
м доверять подтверждение
четности лишь аудиторским
армам, имеющим не менее
тырех штатных специалис
в с международно признан
ями аттестатами ●

Рисунок 4

дям открыт
обственном
ничего
ились.

Рисунок 5

север, все
а Пихангу.
я устремил
улая по зе
оставлен- ▶

Рисунок 6

КОММУНАЛЬНАЯ ПЕРСПЕКТИВА

В Барнауле 17 сентября состоялось совещание «Коммунальные системы» (РКС). Представители примера специалистов «Алтайских коммунальн

В совещании участвовали руководители предприятий коммунальных систем из Волгоградской, Тверской, Воронежской, Томской, Саратовской, Свердловской и других областей, в которых есть дочерние компании РКС. Как сообщил замести-

Рисунок 7

Глава 2. КИРИЛЛИЦА

Завершив Главу 1 материалом о текстовой параграфемике в современной практике русского письма – на страницах печатных и интернет-медиа, мы открываем Главу 2, посвященную кириллице, фрагментом о тексте древнерусской книги, в которой обрела своей существование кириллица. При этом обращается внимание не столько на сам текст, сколько на то, что окружает его, – паратекст, оказывающийся одним из средств проявления авторского начала текста¹. Этот материал, который позволяет читателю и чисто зрительно погрузиться в кириллический текст (спасибо возможностям современной техники).

¹ Термин *паратекст* был предложен Ж. Женнетом и сейчас довольно широко употребляется в различных гуманитарных сферах исследователями драматургии, литературной сказки, привлекают его рекламисты и философы. Обобщая эти не всегда абсолютно совпадающие толкования, можно сказать: произведённый от слова *текст* с помощью греческой приставки *para-* с семантикой 'возле, около, при', этот термин означает всё то, что окружает текст, предворяя его, следуя за ним, иногда вторгаясь в его ткань. К «окружению» современного медийного текста относят особые шрифтовые вставки или выделения, повторы наиболее важных – с точки зрения редакции или автора – высказываний, оформление заголовков, различные фотографии, которые в качестве визуального комментария сопровождают излагаемый материал и т. п. Паратекст напрямую соотносится с *авторским началом* текста, ведь в нем может быть сосредоточен комплекс авторских рефлексий и оценок, в том числе и самооценок [Шмелева 1998].

Содержание главы разворачивается во времени и пространстве: от XI века и, видимо, Киева мы перемещаемся в XVII–XVIII и далекую тобольскую землю, затем в XVIII и начало XIX века и Южный Урал, а потом к истокам Енисея и староверам, которым удалось преодолеть время, сохранив дораскольские традиции, в том числе и традиции обращения с письменными текстами. Это разворачивание стало возможным потому, что авторы этой главы представляют Великий Новгород, Урал и Сибирь, демонстрируя огромность пространства существования кириллицы и её исследования.

Стоит отметить, что все материалы этой главы поистине уникальны: они дают нам возможность познакомиться с удивительным явлением древнерусской литературы; документами, созданными неизвестными тобольскими и уральскими канцеляристами, которые, как выясняется, не зная об этом, участвовали в формировании традиции использования кириллицы; редким печатным изданием и культурой письма староверов, о которой в лингвистической литературе известно чрезвычайно мало.

2.1 ПАРАТЕКСТ ДРЕВНЕРУССКОЙ КНИГИ

Древнерусская книга привлекает лингвиста-исследователя в первую очередь как источник ценнейших сведений по истории русского языка. Интересна она, безусловно, своим содержанием, *текстом*, хотя именно для древней книги, а это всегда книга рукописная, *паратекст* иногда оказывается не менее говорящим.

Зададимся двумя вопросами: во-первых, вполне ли правомерно применять термин паратекст в отношении рукописных книг Древней Руси, и, во-вторых, возможно ли говорить об «авторском начале», «сосредоточием» которого, согласно современному его пониманию, является паратекст, применительно к древней рукописной книге.

Ответ на первый вопрос скорее должен быть положительным. Древние рукописные книги были, как известно, не просто текстом, они во многом являли собой образцы художественных произведений в прямом смысле этого слова: «художественный облик рукописной книги слагался из многих компонентов, начиная от графики букв и кончая окладом. Все компоненты, составлявшие древнерусскую

книгу, как правило, были подчинены внутренней логике целостности ее оформления и восприятия. Отсюда и обязательная согласованность и взаимоувязка формата листов, расположения текста, длины строк и межстрочных расстояний, высоты, ширины и графики букв как с отдельными элементами художественных украшений, так и с общим художественным стилем, в котором они были выполнены» [<http://www.ivki.ru/svitok/min/min.htm>]. Заметим, наблюдения над оформлением древнерусской книги дают немало исторических сведений палеографам и часто становятся почти единственным достоверным свидетельством возраста книги.

Как известно, украшали древние книги по-разному, но были и «обязательные составляющие»: орнамент, в стиле которого выполнялись заставки, концовки, инициалы, а также вязь, миниатюры и полевые цветки. Как правило, инициалы богато расцвечивались, и помимо чисто декоративных целей, они должны были привлечь внимание, «просигнализировать» о том, что начинается, например, новая глава. Роль заставки выполнял рисунок, находящийся над текстом, обычно – в начале главы, реже – в начале страницы. Так, в «**Остромировом Евангелии**» в качестве начальных заставок евангельских текстов даны изображения евангелистов Иоанна, Марка, Луки, а например, в знаменитом «**Изборнике**» Святослава 1073 в качестве заставки ко всему сборнику используется групповой портрет семьи князя: на переднем плане стоит сам Святослав с женой и маленьким сыном, за ними – четверо сыновей Святослава. Такая вот своеобразная «семейная фотография» XI века, дающая читателю «**Изборника**» представление о том, кому посвящалась составляемая книга. К слову сказать, «**Изборник Святослава**» отличается богатейшим, выразительным орнаментом-рамкой, великолепными миниатюрами, изукрашенными золотом и просто пестрящими яркими красками. Миниатюры Святославова «**Изборника 1073 года**» поразительны: здесь и семь святителей на золотом фоне, и павлины, считающиеся символами бессмертия, и львы, и триумфальные арки, и знаки зодиака и многое другое [Гиршберг 1977; Лихачева 1977].

Концовкой считается тот рисунок, который выносился в конец текста, отдельной главы или всей рукописи. Иногда, как отмечают исследователи, роль концовки играл колофон – конусообразно сужающийся книзу текст в конце всей рукописи, содержащий обычно сведения о дате составления книги, о том, кто её составил или пе-

реписал, о месте составления и под. Колофоны традиционно использовались русскими писцами как необходимый «оформительский» элемент вплоть до изобретения печатного станка, и нужно сказать, что и до сих пор термин *колофон* применяется в издательском деле для обозначения тех выходных данных, которые издатель помещают в конце любого изданного ими произведения.

Итак, даже такой беглый обзор свойственных древней книге графических, а точнее – параграфических элементов, даёт нам основание утверждать, что термин *паратекст* целесообразно употреблять и в отношении рукописных книг. Но возможно ли говорить о паратексте древнего текста как о «сосредоточии» авторского начала, ведь, как известно, авторство на Руси начинает осмысляться не ранее XVII века и одним из главнейших признаков древнерусской литературы всегда справедливо считалась её подчёркнутая анонимность?

Для ответа на этот вопрос попытаемся проанализировать паратекстовые элементы древнейшей из датированных книг Древней Руси – «**Изборника 1076 года**». Эта книга, ранее ошибочно называемая также «Святославовым Изборником», менее известна, чем уже упоминавшийся Изборник, составленный тремя годами ранее – в 1073 году. По формату Изборник 1076 года чуть ли не вдвое меньше своего «старшего собрата», гораздо менее роскошен и практически никак художественно не оформлен. По словам Н. А. Мещерского, «первый Изборник – торжественный фолиант, второй – «карманная осьмушка» [Мещерский 1977, 90–91]. В нем нет тех богатых миниатюр, которые мы находим в «Изборнике Святослава», скромная, написанная киноварью, единственная большая заставка украшает только заглавие первой статьи, да и она плохо сохранилась. Оригинальных рисунков по тексту книги практически нет, лишь в самом конце нарисованы грифон – полуптица-полужверь, крылатое животное с птичьим загнутым клювом, и гепард. Другие рисунки, не столь искусно выполненные, принадлежат более позднему периоду: возможно, их вносили уже переписчики или читатели. Текст написан мелким почерком, приближающимся к полууставу.

Не менее скромна «Изборник 1076 года» и по содержанию. Если «Изборник 1073 года» может быть практически полностью возведён к византийскому оригиналу, и в его тексте отчётливо вычитывается переписанная с болгарского оригинала торжественная похвала болгарскому царю Симеону, перепосвящённая сначала Изяславу, а затем и Святославу, то «Изборник 1076 года» обнаруживает лишь

косвенную зависимость от болгарских первоисточников, и он более практичен, «приземлён». Большинство его статей обращено к простому человеку, который хочет знать, как должно вести себя в обществе, в быту, в семье, как нужно относиться к старшим, к родителям, как воспитывать детей и т. д. Именно поэтому исследователи древнерусской литературы рассматривают «Изборник 1076 года» в одном ряду с «Молением Даниила Заточника» и «Поучением Владимира Мономаха» как «предтечу» «Домостроя» – свода моральных и нравственно-этических правил Древней Руси.

Отметим, что в Древней Руси имели хождение несколько разновидностей изборников. К XI веку они бытовали на Руси либо (1) в качестве соборников, заключающих в себе сочинения назидательного и житийного содержания, которые читались на соборе монахов; либо (2) как энциклопедические сборники, составленные любителями «книжного почитания» из выписок и различных статей случайного характера [Брокгауз, Ефрон 2004]. Совершенно очевидно, что «Изборник 1076 года» – яркий представитель второй, «энциклопедической», разновидности. Позднее, в XIII–XIV вв., на основе именно этого типа изборников оформляется «Измарагд» (сборник религиозно-нравственного содержания, известный в трех редакциях), складываются «Пчелы» (переводные с греческого сборники изречений о разных предметах, большей частью нравственного характера, заимствованные из св. Писания, святых отцов и учителей церкви) и получают развитие многие другие виды «сборных» сочинений, в частности, паремейники и палеи.

«Изборник 1076 года» был, по всей видимости, составлен для домашнего чтения. Небольшой его формат указывает на то, что предназначалась книга для повседневного применения: она легко могла уместиться на ладони, без особых хлопот ее можно было взять с собой в дорогу или пойти с ним в соседнюю избу, чтобы почитать вместе с кем-то. Составитель сборника, отбирая статьи, руководствовался одной целью: донести до неискушенного слушателя в доступной и понятной форме основы христианского верования, имевшего уже более чем тысячелетнюю традицию.

Конечно же, «Изборник», как и любая другая древнерусская рукописная книга, анонимен. У него нет автора, но есть составитель, присутствие которого так или иначе ощущается. Кто же он? Ответ на этот вопрос мы узнаём именно из паратекстового элемента – колофона, помещённого в конце всей рукописи. Итак, это первое самое яркое

свидетельство «авторского присутствия» в древнем тексте. Приписка-колофон сообщает, что составителем сборника является некий «**грѣшныи Иоанн**»², который «**коньяхъ книжькы сия**» при князе Святославе. О том, что пишет сам составитель, свидетельствует исключительно языковая форма – личное окончание аористой формы (1-ое лицо). Текст «Изборника», как свидетельствует колофон, собран из «**многъ книгъ княжихъ**», то есть составитель, по всей видимости, имел доступ к княжеской библиотеке – той самой, которая была основана Ярославом Мудрым и перешла затем к его детям.

Имя писца Иоанна известно историкам древнерусской литературы из «Изборника Святослава 1073 года». Предположение о тождестве писцов обоих изборников высказывалось с самого начала их изучения, однако существует много обстоятельств, противоречащих этой гипотезе. Н. Н. Розов, крупный специалист в области древнерусского словесного творчества, отмечает, в частности, такой момент: в «Изборнике Святослава» составитель именуется Иоанн-диакон, а в «Изборнике 1076 года» упоминания о духовном сане нет. Если составитель обоих изборников – одно и то же лицо, то почему во втором изборнике он не назвал себя диаконом? «Скорее всего потому, – полагает Н. Н. Розов, – что Изборник 1076 года он составил не по чьему-либо заказу, а для себя самого, быть может для своего сына, поскольку к последнему обращена одна из наиболее крупных и первая после вступительной статьи этой книги. Содержание этой статьи, производящей впечатление если не завещания, то интимной беседы старого и умудрённого житейским опытом человека, даёт основание видеть в её авторе лицо духовное, но отнюдь не монаха: в самом начале её говорится о плотском родстве автора и адресата, а о монашествующих упоминается лишь как о приходящих в дом последнего» [Розов 1976, 548–549].

Сказанное позволяет сделать вывод о том, что писцы изборников – разные люди. Вероятно, писец «Изборника 1076 года» работал в княжеской библиотеке, мог делать выписки из разных книг, о чём прямо и говорит, но не имел того социального статуса, который имел Иоанн – автор «Изборника Святослава». По-видимому, они соотносились между собой как учитель и ученик. По крайней

² Все ссылки на источник даны по изданию 1965 г.: Изборник 1076 года. М.: Наука, 1965. – 1092 с.

мере, к такому мнению приходят в последнее время те, кто изучают рукописную традицию Древней Руси.

В «Изборнике 1076 года» составитель явно проявляет себя ещё трижды, и опять же с помощью, как мы бы сказали, паратекста. Он вводит колофонное оформление внутрь текста сборного сочинения и делает это только в трёх случаях: в т.н. «**Афанасиевых отвѣтахъ**», статье «**Святого Василия како подобаетъ человеку быти**» и в статье «Съборъ отъ многъ отецъ тълкования о неразоумьныхъ словесьхъ в еуангелии и апостолѣ и в инѣхъ книгахъ вкратцѣ съложены на память и на готовъ отвѣтъ». Учитывая, что колофонная структура наблюдается всего лишь у этих трёх текстов, следует признать, что именно они, по всей видимости, имели наибольшую важность для составителя «Изборника», именно их он стремился выделить единственно возможным ему способом.

Попытаемся понять, почему же именно эти статьи удостоились особого внимания составителя.

«**Афанасиеви отвѣти противу нанесенымъ ему отвѣтомъ отъ нѣкихъ правовѣрныхъ о различныхъ главизнахъ**» – самая пространная статья «Изборника». Она имеет форму диалога, что, в общем-то, весьма характерно для греческой книжной традиции, унаследовавшей подобную манеру изложения ещё от знаменитых Платоновых диалогов. Действующих лиц в диалоге два: некий Антиох, которому адресованы все ответы (исторический прототип его неизвестен), и Афанасий, епископ Александрийский (IV в.). Учёные доказали, что прямым источником этой статьи является статья «Изборника Святослава 1073 года» «**Вопросы Анастасия Синаита**» – древнего перевода греческого оригинала.

«Афанасиевы ответы» представлены как наставления отца церкви своим духовным детям, новообретённой пастве, и потому здесь, в отличие многих других статей «Изборника», поднимаются глобальные мировоззренческие вопросы, в первую очередь, конечно же, вопрос веры. Так, Антиох спрашивает: «**Къи есть грѣхъ тяжии вьсѣхъ грѣхъ**» (т. е. «Какой грех тяжелее всех грехов?»). Отвечая, Афанасий не просто «транслирует» религиозный взгляд на проблему греха, а в развёрнутом виде иллюстрирует собственно христианское представление о моральных и нравственно-этических качествах человека: «... **яко же рече апостолъ боле вьсего есть добрая любви разоумен яко пакы боле вьсего есть злая нена-**

висть братьня и немилосрьдье и немилостыня» (т. е. «...и если/как сказал апостол, что более всех <добродетелей> есть любовь, то разумей, что наибольшее зло есть ненависть <между людьми, «братьями»> и немилосердие, и немилость»). Вспомним, что именно христианство выдвигает в качестве добродетелей как положительных нравственных свойств характера человека **веру, надежду, любовь**. Именно их христиане противопоставили древним греческим добродетелям, определяемым волей и разумом, – мудрости, мужеству, справедливости и умеренности.

Мировоззренческий вопрос задаёт Антиох и тогда, когда спрашивает: **«Всемоу ли грѣху и блуду виной есть дьявол»** («Всеми ли греху и блуду виной есть дьявол?»). Ответ Афанасия демонстрирует столь свойственный именно христианскому мировоззрению философско-этический взгляд на проблему добра и зла. **«Дьяволъ никого же не ноудитъ нѣ тѣкъмо насѣваетъ а зълѣ наоукѣ ноудитъ челоуѣка яко же и дьявола паче зълѣни есть наоукѣ и крѣплии да подобаетъ себе зазирати»** («Дьявол же никого не заставляет, но только насевает <сеет подобное зерно>; а злая наука <злые устремления, невежество>, которая хуже и сильнее дьявола, заставляет человека. От неё себя следует охранять»).

Просвещение – одна из главных задач первых русских книг, и потому просветительские идеи отчётливо видны в каждом ответе Афанасия. Строго следуя важнейшей христианской идее, он наставляет Антиоха: в земном мире только человеку дано право выбора между тёмным и светлым, добро и злом, человек сам выбирает свой жизненный путь и то, как и каким образом ему жить и каким правилам следовать. «Злые и хульные мысли», отвечает Афанасий далее, бывают **«отъ величания и гордости»**, а господь, напоминая он, гордым противится. **«Гордость и зла поминание»** более всего неприятны богу, и как не вспомнить тут евангельскую притчу о должнике, который молил простить ему долг в **«тѣмъ талантѣ»** и получил прощение, а сам не простил брата, должного ему **«пѣнанъ долга»**. Если не **«оставите челоукомъ прѣгрѣшения ихъ»**, будете упорствовать в своём зле, то и отец небесный не оставит вам вашего долга, – читаем на страницах «Афанасиевых ответов». **«Злыми продолжены обычия»** (т. е. упорство в своём зле) более всего подвигает человека на грешные

действия, и потому именно это упорство, говорит Афанасий, и является одним из самых «трудноочистимых» грехов.

Последние строки текста «Афанасиевых ответов», постепенно уменьшаясь, образуют колофон. Почему составитель «Изборника» выделил эту статью так? Думается, что именно таким образом он хотел привлечь, «заострить», внимание читателя на том, что излагалось. А излагались здесь, как видим, важнейшие вопросы христианского мировоззрения.

Самого пристального внимания заслуживает колофон статьи, приписываемой святому Василию: он чрезвычайно заужен и вытянут практически на всю страницу. Удивительнее всего, однако, то, что по бокам столь необычного колофона находятся единственные во всём «Изборнике» изображения: на полях, ближе к низу страницы, киноварью, с лёгкой голубой подкраской, нарисованы грифон и гепард. Источники этих изображений исследователи без особого труда отыскали на стенах Софийского собора в Киеве: грифоны нарисованы там около хризм, а гепарды – в знаменитой сцене охоты [Мавродин 1967]. Гепарды, кстати, были изображены и на полях «Изборника Святослава 1073 года». Н. Н. Розов считает, что «появление этих изображений в книгах, связанных с княжеской библиотекой-скрипторием, находившейся на хорах Софийского собора, не представляется неожиданным». По его мнению, «это обстоятельство указывает на неразрывную связь, установившуюся между искусством книги и другими видами изобразительного искусства уже в первый век существования русской книги» [Розов 1976, 552]. Внимательный же читатель «Изборника 1076 года» может сделать здесь и другой важный вывод: если рисуночного оформления удостоилась всего лишь одна статья, и это статья о том, **«Святаго Василия како подобает человеку быти»**, то, скорее всего, она и является ключевой во всём сборнике.

Сравнительно небольшая по объёму, она считается практически полным славянским соответствием греческому тексту произведения Василия Кесарийского (Великого) – «Слову о подвижничестве, как подобает украшать себя монаху». Однако между греческим оригиналом и представленном в «Изборнике» его переводным вариантом есть весьма существенное отличие: если греческое «Слово» обращено к монахам, то «изборниковская» статья – вообще ко всякому человеку. Эта замена адресата последовательно выдерживается на протяжении всего текста статьи. Подобный подход к переводу иноязычного текста нужно признать довольно прогрессивным для своего

времени, ведь таким образом переводной текст, адресованный избранной и просвещённой аудитории монахов, становился по своему духу и ментальным установкам гораздо ближе и понятнее любому древнерусскому человеку, приобщающемуся к христианству. Составитель «Изборника», который, как известно, не принадлежал к верховной церковной власти, именно таким способом старался «приблизить» к «человеку из простой среды» светлое Слово христианского учения.

Вот почему общечеловеческие и христианские ценности тесно переплетены в наставлениях святого Василия, и вот почему евангельские реминисценции здесь искусно перемежаются с практическими, житейскими, советами, а мораль и этика соседствуют в одной строке.

Итак, что же, по словам святого Василия (и, заметим себе на полях, в интерпретации «Изборника 1076 года») «**Дѣло есть челоуѣкоу имѣти паче вьсего жития?**

Да не прилежитъ имѣньи зѣло •

но тѣлеси въздержанне •

оудобрение норочу •

гласоч оумиление и оудобрение:

ѣдение и питие без говора съ оудержаниемъ •

Прѣдъ старьци молчанне • прѣдъ моудрыми послоушанне •

съ тѣчьными любовь имѣти •

съ меньшими любовьное съвѣщанне •

Отъ плотьскыхъ и любосластьныхъ вештии бѣгати •

мало глаголати • а множѣе разоумѣвати •

не дерзоу быти словомъ • ни прѣрѣковати въ людехъ

Тому читателю «Изборника», который был более или менее знаком с христианскими заповедями, сразу становилось понятно после начальных строк, что речь идёт здесь ни о чём ином, как о семи смертных грехах, точнее – о том, как нужно жить, чтобы не впасть в них. Здесь даны советы, как избежать грехов скупости (жадности) и чревоугодия (в том числе и пьянства), гнева и высокомерия (гордыни), сладострастия и зависти, праздности (лености души). Вчитываясь в слова святого Василия, о том «**како подобаетъ челоуѣкоу быти**», древнерусский человек, с одной стороны, должен был усвоить, что нужно «**о надежди радовати ся • молити ся непрестаньно**» и «**любити господа вьсѣмъ серьдцемъ • и ближняго яко самъ ся**

(т. е. как самого себя)», а с другой стороны, – прочувствовать, что надо «**послушливоу быти до смърти•троужати ся до смърти**». Более приземленными выглядят на этом фоне житейские советы, во многом, даже можно сказать, бытовые. Например, такие: «**Бѣган пиянства•и от печали жития**», но пуше всего избегай «**всѣдѣ женьскихѹхъ и срамныхѹхъ словесъ: медѣ бо и жены отъвращають и смыслныя** (т. е. сбивают с пути и разумных)».

Особо следует отметить, что в статье святого Василия многократно указывается на недопустимость клеветы и «срамословия». «**Никако же послушати клеветания**», предупреждает автор, «**но все съ испытаниемъ**», лучше «**осуженоу быти неже осудити**», «**паче похулену быти неже хулити: обидимоу быти а не обидѣти**» и «**ничьсо же съ завистью творити**».

Такое внимательное отношение к слову и вообще ко всему, что связано с речевой деятельностью человека, мы обнаруживаем практически в каждой статье «Изборника 1076 года». Не касаясь здесь подробно этого вопроса, поскольку он заслуживает отдельного рассмотрения, заметим лишь, что «Изборник» по праву называют первой на Руси «Похвалой книге».

Подбор статей в «Изборнике 1076 года» удачен ещё и в том плане, что практически в них во всех очень чётко прослеживается именно моральная направленность на обличение человеческих пороков и недостатков. Думается, что именно таким образом составитель «Изборника» хотел утвердить в головах своих читателей этические ценности, которые несло с собой христианство. В разных статьях, в разных формах и образах, через разные метафоры передавались нравственные правила общества, которое должно жить по новой – для древнерусского человека XI века – вере.

Третьим колофоном, как уже говорилось, составитель выделил статью «**Съборъ отъ многъ отецъ**». Эта статья – типичное «сборное» произведение, по своему характеру более всего соответствующая поздней патристике. «Сбор» – это выдержки из Слов Иоанна Златоуста, апостола Павла, святого Василия, святого Георгия и др. Здесь представлены наиболее важные – с точки зрения составителя «Изборника 1076 года» – советы отцов церкви о правилах человеческого общежития: о воздержании, о посте, о том, «как подобаеъ честить попа», об исповедании грехов и т. д. Составитель «Изборника» не видел ничего предосудительного в том, чтобы по-

местить рядом небольшие выдержки, например, из «Послания к Галатам» апостола Павла и слова пророка Иоилы «О пьянстве». Наряду с христианскими добродетелями, которые красной нитью проходят через все статьи книги, указываются тут и самые простые бытовые правила. Например, такие: «**чистѣ имѣнн языкѣ отъ всякого осуждения всякого человека•понеже тѣмъ съ ангелы славши бога**»; «**милостивъ боуди на оубогыя•милосърдье бо милость обрящеть**»; «**пни вино по малоу... толнко даи чревоу еже довѣль•а не елико хощеть**».

Если подвести краткий итог, то следует сказать, что, по всей видимости, выделение именно этих трёх статей в «Изборнике» неслучайно. Все они представляют собой *отеческий наказ*: «Афанасиевы ответы» – это наказ авторитетного, как мы бы сказали, отца церкви, человека, умудрённого в вопросах христианского учения и потому достойного давать советы своим духовным детям; статья святого Василия о том, «како подобает человеку быти» – своеобразное отеческое наставление молодому человеку, мало искущённому в житейских законах и только вступающему во взрослую жизнь; «Сбор» мудрых изречений – это завещание отцов церкви, духовное послание к тем, кто хочет жить по новым – христианским – правилам. Вероятно, для составителя «Изборника» именно эти «отеческие наказы» показались весьма важными, и он захотел, чтобы и другие читатели обратили на них особое внимание. Прямо высказать своё отношение он, естественно, не мог – канон составления текста не позволял, и потому он использовал единственную доступную ему возможность: графическое – паратекстовое – выделение в виде колофона и потрясшего его, видимо, изображения «заморских» зверей, которые он подглядел на стенах Софийского собора.

Таким образом, мы можем ответить теперь и на второй вопрос, поставленный в начале статьи: можно ли говорить о паратексте древней рукописной книги как о «сосредоточии» авторского начала? Ответ скорее «да». Авторства прямого в то время, конечно, и быть не могло, но «личностное начало», даже «личностное присутствие» того, кто взялся составить в 1076 году «Изборник», безусловно, ощущается.

Приведенные факты убеждают в том, что кириллическое письмо в Древней Руси обеспечивало создание и бытование текстов, сложнейших по своему содержанию, структуре, оформлению.

2.2 СКОРОПИСЬ В ТОБОЛЬСКИХ ДОКУМЕНТАХ XVII–XVIII ВВ.

Абсолютное большинство кириллических памятников XVII–XVIII вв. написано скорописью. В отличие от полуустава и устава, которые представляли собой рисованное письмо, в скорописи появляется почерк – «индивидуальные особенности письма отдельного человека», «между тем особенностью почерка является его непосредственность» [Осипов 1993, 20].

Появление и распространение скорописи характеризует время, когда письмо не только обслуживает потребности культуры, но также преследует чисто деловые практические цели, например, служит орудием удовлетворения нужд гражданского правооборота, административно-правительственной и хозяйственной переписки, письменного оформления все растущих международных связей и дипломатических сношений Московского государства с другими странами. В скорописном письме главным стимулом становится стремление обеспечить быстрые темпы, добиться максимальной экономии времени и места.

Рукописные памятники XVII–XVIII вв. Тобольска³ дают разнообразную картину графики отдельных знаков. Скоропись памятников сохранила почти все буквы кириллицы, но функции некоторых из них изменились. Выбор того или иного варианта буквы находится обычно в зависимости от требования удобства или скорости письма.

Основными внешними признаками скорописи как разновидности письма XVII в. являются выносные буквы, прямой либо с небольшим наклоном почерк, отсутствие промежутков между словами, чаще всего служебных частей речи в соседстве с самостоятельными. Непоследовательно употребляются заглавные буквы. Скоропись второй половины XVII в., рассчитанная на ускорение процесса письма, демонстрировала большую свободу нажимов и взмахов, допускала безотрывное написание некоторых соседних букв, многочисленные сокращения. Это давало возможность писцу более сво-

³ Источники: Фонд И 70. Скорописные документы Тобольского мужского Знаменского монастыря.

бодно по сравнению с уставом или полууставом, распоряжаться графикой, вырабатывая, таким образом, индивидуальный почерк.

Скорописные документы конца XVII – начала XVIII вв. Тобольска написаны несколькими почерками. Красотой и четкостью почерк писцов рукописи, к сожалению, не отличаются. Наблюдается разница в наклонах, величине букв, а также в их написании, в употреблении дублетных, выносных букв, лигатур и взметов. Скоропись XVII в., а особенно XVIII в., является трудночитаемым типом письма, а значит, требует углубленного рассмотрения, изучения и анализа.

Состав алфавита анализируемых документов XVII – конца XVIII вв. в основном соответствует общероссийскому алфавиту гражданского письма этого времени. Новые буквы используются не всегда последовательно (*Й: таболской, сибирской, императорской*, но: *новои, оноі* и др.) или в отдельных словах (*Э: экспедиція, резстръ, эЗемляръ*) употребляются отмененные реформой Петра I «*омега*» (*веленѡ, онаго, ѡт*), «*зелю*» (*по укасу, ни со кемь*), «*кси*» (*Але Зей. Але Зандръ, Ма Зютов*).

Своеобразием текстов является обозначение [ʼo] под ударением: *пришюль, чортъ, шока* [И 70–1–25–5]. Введенная Н. М. Карамзиным в 1797 г. буква *Ё*, видимо, была незнакома писцам, так как ни разу не встретилась: звук [ʼo] обозначался соединением «ио»: «...*вместо еио другой пришюл*» (И 70–1–25–34 об.).

В исследуемом материале встречаются буквы, которые к XVII в. утратили различие в произношении. Так, буквы *Ѕ* (ук), *Ѕ* (зелю), *і* (и десятеричное), *З* (кси), *Ѳ* (фита), *Ѡ* (от) в скорописи уже в XVII веке используются как дублиеты букв *У*, *З* «земля», *И* «иже» восьмеричное), *КС*, *Ф* «ферт», *О* «он». Буква *А* «аз» часто заменялась греческой буквой *α* (альфа), появившейся в русской письменности как результат второго южнославянского влияния. Буква *Ψ* «пси» уже в XVII в. употреблялась очень редко, только в цифровом значении (=700), а в монастырских текстах XVII–XVIII вв. не встречается ни разу. Считаем, что большой разницы в употреблении дублетов не было.

Ѣ «ять» в памятниках XVII в. занимает более прочную позицию по отношению к вышеназванным буквам, хотя встречаются слова, в которых на месте *Ѣ* употребляется *Е*: *апреля, белый, здесь, делать, цена, место, хлебъ, нетъ, мера, река, советникъ* и др. *Ѣ* вместо *Е* встречается реже: *дѣнь, губѣрнской*. В XVII в. *Ѣ* еще отличался в

произношении от *E*, и эта разница отражалась в орфографии. Возможно, недостаточно грамотный писец, автоматически записывая звучащую речь, плохо знал правила орфографии, путал **Ѥ** и *E*. А может быть, в этой местности они звучали одинаково. В соответствии с правилами **Ѥ** традиционно написан в большинстве слов: **с лѣтами, повелѣтъ, опредѣлено, стѣйшаго, имѣній** и других. Встречаются и оба варианта: *место* – *мѣсто*, *церкви* – *цѣркви*, *копеекъ* – *копѣекъ*, *мне* – *мнѣ*, *лето* – *лѣто*. Тенденция к сближению звуков [e] и [Ѥ] полностью подтверждается материалами изученных текстов.

Введение Петром I в 1708 г. гражданского шрифта повлекло за собой упрощение скорописи, исключение большинства дублей, выработку у чиновников так называемого «писарского почерка». Во второй половине XVIII в. из скорописи почти исчезли **А**, **Ѧ** (юсы), **Ѧ** фита, «йотированные» буквы, **Ѣ** (кси), совсем исчезли **Ѩ** «пси», **Ѫ** «ижица».

Известны три основных типа почерков гражданской скорописи XVIII в.: *готический тип* – прямые, остроконечные буквы; *английский* – курсив, высота букв вдвое больше ширины и *французский* – круглый, крупный [Рейсер 1970]. Почерк писцов тобольских деловых текстов XVIII в. не относится ни к одному из них, но все же ближе к последнему типу: почерк не крупный, но округлый. Обычно писцы работали на одном месте по многу лет, поэтому почерки анализируемых документов повторялись и не зависели от жанра документа и года написания. Красотой и четкостью почерк писцов, к сожалению, не отличался. Находим разницу в наклонах, величине букв, а также в их написании; отмечаем разницу в употреблении дублетных, выносных букв, лигатур и взмѣтов. Частота употребления дублетных букв во многом зависела и от самого писца, от особенностей его почерка: в документах, написанных одним почерком, графических дублетов мало, в других значительно больше. Таким образом, варьирование наблюдается в документации всей канцелярии.

В XVIII в. наибольшей устойчивостью в письме обладала **Ѧ** «фита», взаимозаменяемыми являлись **Ѣ** и **Ѥ**, **Ѧ** и **Ѩ**, **Ѫ** и **Ѭ** причем **Ѭ** проявляла особенную неустойчивость, **Ѩ** была ограниченной в своем употреблении, **Ѣ** писалась в заимствованных словах.

Буквой **Ѩ** «омега» пользовались лишь некоторые писцы, чаще она употреблялась в предлогах и приставках **ѨТ-**, **Ѩ-**: *Ѩт домѣ*, *Ѩ выходѣ*, *Ѩт города*, *Ѩт Ѩноі*. Лигатура **Ѭ** использовалась до-

вольно широко: *указѸ*, *сыскѸ*, *домѸ*; часто в одних и тех же словах *У* и *Ѹ* заменяли друг друга: *Тоболску-ТоболскѸ*; *городу-городѸ* и др., допускалось написание *У* и *Ѹ* даже в одном слове: *указу унѸстиль*. Буква *Ѹ* «фита» встречается лишь в личных именах *Ѹеофанъ*, *Ѹеодоръ*, *Ѹеодора*, *Ѹекла*.

Итак, в текстах делопроизводства Тобольска второй половины XVIII в. полностью взаимозаменяемыми являлись *З* и *С*, *Ѹ* и *У*, *О* и *Ѡ*, *а* и *α*, хотя вторые были более ограничены. Примеры подтверждают параллельное употребление разных букв в одних и тех же словах: «*Ея императорскаго величества УкасѸ*» (И 70–13–14); «*Ея императорскаго величества укасѸ*» (И 70–13–32); «*императорскаго величества Указа*» (И 70–13–14); «*Ея императорскаго величества укасѸ*» (И 70–13–31); «*со оныхъ списавъ копию*» (И 70–13–15); «*Ѡбител – обител*» (И 70–13–28); «*Надзиратель – надзиратель*», «*Наум – Наум*» (И 70–13).

В целом буквы гражданского шрифта в обширных текстах делопроизводства более употребительны, чем их дублетные варианты, хотя старые кириллические буквы сохранялись, как бы демонстрируя сопротивление скорописи гражданскому шрифту.

В дублетной паре *И* «ижеи» – *І* «десятеричное» использование *І* составляет, по нашим данным, 30 % от возможного числа употреблений. Меньшая частотность *І* по сравнению с *И* объясняется тем, что *І* последовательно употребляется чаще в определенных позициях: в именах существительных в позиции перед гласным: *усердіе*, *согласіе*, *питіе*; перед гласным или *Й* в именах прилагательных: *абалацкіе*, *монастырскіе*, *монашескій*, *тоболскій*, *сибирскій*; в местоимениях: *сія*, *сіе*, *такія*; в суффиксах абстрактных существительных *-еніи-*, *-аніи-*, *-ниі-*: *владѣніи*, *доношеніе*, *именіе*, *прошеніе*, *попеченіе*, *услуженіе*, в начале слова: *іменіе*, *імени*; в роли сочинительного союза: *Михаиль і Яковъ*, *ячменя і ярицы*. Многие из подобных написаний были традицией, идущей от грамматики М. Смотрицкого [Тарабасова 1982, 262]. Из этого следует, что к концу XVIII в. использование *И* – *І* подчинено установившейся норме, которую знают и в центре, и на периферии. Но в тобольских рукописных текстах нет строгого соблюдения этих правил, поэтому в анализируемых текстах XVIII века встречаем и другие написания: *всякие*, *имперію*, *мужские*.

Буква *ѣ* «ять» встречается в официальных текстах XVIII в. также непоследовательно. От нее отказались многие писцы, и во многих документах она отсутствует, что может быть связано с отражением на письме совпадения живого звучания [*ѣ*] и [*E*], а также с недостаточно высоким уровнем грамотности писавших. Во многих случаях вместо *ѣ* пишется *E*: *апреля, белый, железо, меди, советника*; *ѣ* вместо *E* встречается реже: *пѣчать, губѣрнской*; т. е. писцы, не знавшие, когда нужно употребить *ѣ*, старались ее не использовать.

Отметим случаи, когда буква *ѣ* в XVIII в. продолжает активно использоваться наряду с *E*. Наиболее частотное употребление *ѣ* в корнях слов: *бѣлой, вѣдомости, мѣстахъ, цѣна*, в грамматических формах: *в городѣ, двѣ, четырьѣ, числѣ*. Употребление же *ѣ* в ряде документов имеет грамматическую (*ко мнѣ, по справкѣ*) или лексическую (*здѣшняго, мѣста, совѣтника*) закрепленность.

Таким образом, употребление *ѣ* в тобольских текстах хоть и не всегда последовательно, но все-таки свидетельствует о формировании орфографического правила в отношении букв *E – ѣ*. Доля *ѣ* в числе всех употреблений составляет от 15 % до 64 % в зависимости от ведомства и уровня грамотности писавших, т. е. это объясняется знанием или незнанием ими слов и форм слов с *ѣ*.

К концу XVIII в. в алфавите уже отсутствуют буквы *Ѡ* («омега»), *Ѳ* «кси», *ѳ* «зело» (хотя о последней напоминают некоторые начерки буквы *З*), поэтому количество букв в нем меньше, чем в начале XVIII в. (35 по сравнению с 38). Буквы *Й, Э* употребляются последовательно, буква *Ѣ* в наших материалах до конца XVIII в. не встретилась.

К концу XVIII в. сокращается количество дублетных букв в связи с окончательным устранением из графики букв *Ѳ* и *Ѡ*. Употребление *Ѳ* становится единичным, характерным для личных имён. Возможно, использование этой буквы в конце XVIII в. нужно было только в церковной письменности, для деловых бумаг этого времени такой необходимости не было. В целом можно говорить о растущем упорядочении в употреблении дублетных букв к концу XVIII в. по сравнению с его серединой. Уровень грамотности (графической и орфографической) канцеляристов в конце XVIII в. всё меньше зависит от их территориальной принадлежности, как это было в XVII в.

Чтение и изучение скорописных начертаний затрудняет *графическая омонимия*, которая заключается в одинаковой графической подаче разных букв, в результате чего встречаем совпадения в написании букв: **Ъ** и **Ь**, **К** и **П** и др.

Рисунок 1 – Начерки букв **Ъ** (ер) и **Ь** (ерь)

Унификация начертаний привела к расцвету в этот период графической омонимии, поэтому скорописные тексты второй половины XVIII в., несмотря на их кажущуюся разборчивость, во многих случаях читать труднее, чем скоропись XVII в.

Несколько иначе обстоят дела с рукописями, составляющими не единичные документы, а цельные тексты, значительные по объёму. К таковым относятся памятники церковного характера – богослужебные тексты, включающие сведения о жизни Христа, святых, тексты молитв и проповедей («Сборник старообрядческий», «Житие и дела Марка Аврелия», «Страсти Христовы», «Сборник проповедей» и др.), а также источники, содержащие как научные, так и донаучные сведения («Летопись «О народах Сибири», «Летопись сибирская Ивана Черепанова», «Хронограф XVIII в.», «Каталог, или летописание», «Врачебные наставления», «Травник XVIII в.», «Рассуждение о языке XVIII в.» и др.).

Памятники являются собранием написанных или переписанных красивым почерком текстов, что отличает их от рукописных текстов делового характера, записанных подчас на слух писцами различной выучки. Автор каждого текста – один человек, о чем свидетельствует меньшая степень вариативности букв, чёткий единообразный почерк. Это подтверждают и другие факторы: отсутствие описок и ошибок, строгое и единообразное написание букв-дублетов (особенно в текстах церковного характера), отражение в графике текстов общерусских орфографических особенностей исследуемой эпохи, в некоторой мере южнорусских фонетических явлений, когда шло формирование норм русского литературного языка с учётом живого звучания (источники, содержащие как научные, так и донаучные сведения, особенно «Лечебник» XVII в., «Врачебные наставления», «Травник» XVIII в.).

Во второй половине XVIII в. получила распространение *вариативность* начерков букв, каждая из которых могла предстать в нескольких начерках, иногда, повторяясь в одном слове, одна и та же буква выглядела по-разному:

Рисунок 2 – Образец вариантов начерков буквы К

Рисунок 3 – Образцы соединений строчной буквы и выносной

Характерной особенностью скорописи считаются лигатуры, взметы, выносные буквы, прямой либо с небольшим наклоном почерк. Часто слова не отделялись друг от друга промежутками, особенно служебные части речи в соседстве со знаменательными. Все эти приемы способствовали сокращению числа букв в строке.

Скоропись, рассчитанная на ускорение процесса письма, предоставляла большую свободу нажимов и взмахов, допускала безотрывное написание некоторых соседних букв, многочисленные сокращения. Это давало возможность писцу более свободно по сравнению с уставом и полууставом распоряжаться графикой своего письма; со скорописью появилось понятие «почерк» как индивидуальной особенности письма.

Скорописные документы Тобольского мужского Знаменского монастыря [Фонд И 70] написаны несколькими почерками. Под большинством документов указаны фамилии писавших: *Архимандритъ Михаилъ семинарии Ректоръ, канцеляристъ Емельянъ Кожевниковъ, Канцеляристъ Василий Андронников, подканцеляристъ Прокотий Шестаков, подканцеляристъ Дмитрий Старцевъ, Протопопъ Василий Русановичъ* и некоторые другие. Примеры начерков заглавных, строчных и выносных букв представлены в таблице 1.

Таблица 1 – Начерки написаний строчных букв
памятников XVII–XVIII вв. г. Тобольска

буква	XVII век	XVIII век	
		начало	середина
А азъ	а ааа	а а	а а а а а а а а
Б буквы	б б б б б б	б б б	б б б б б б б б
В вЪди	в в в в в в в в	в	в в в в в в в в
Г глаголи	г г г	г г г	г г г г г г г г
Д добро	д д д д д д	д д д д д	д д д д д д д д
Е есть	е е е	е е е	е е е е е е е е
Ж живЪте	ж ж ж	ж ж ж	ж ж ж ж ж ж ж ж
С сЪло	с с	с с	с с с с с с с с
З земля	з з з з	з з	з з з з з з з з
И ижеи	и и и	и	и и и и и и и и
І иже	і і	і і і	і і і і і і і і
К како	к к	к	к к к к к к к к
Л людие	л	л л л	л
М мыслете	м м м м м м	м м м м	м м м м м м м м
Н нашъ	н н н н	н н н н	н н н н н н н н
О онъ	о о	о о о	о о о о о о о о
П покои	п п п п п п	п п п п	п п п п п п п п
Р рьци	р р р р р р	р	р р р р р р р р
С слово	с с с с с с	с с с	с с с с с с с с
Т твЪрдо	т	т т	т т т т т т т т
У оукъ	у у у у у у	у у у у у	у у у у у у у у
Ф фьрътъ	ф	ф	ф ф ф ф ф ф ф ф
Х хЪрь	х х х х	х х х	х х х х х х х х
Ѡ ѡтъ (омега)	Ѡ Ѡ	Ѡ Ѡ Ѡ	Ѡ Ѡ Ѡ Ѡ Ѡ Ѡ Ѡ Ѡ
Ц ци	ц ц	ц	ц ц ц ц ц ц ц ц
Ч чръвь	ч ч	ч ч	ч ч ч ч ч ч ч ч
Ш ша	ш	ш ш ш	ш ш ш ш ш ш ш ш
Щ шта	щ щ	щ щ щ	щ щ щ щ щ щ щ щ
Ъ ерь	ъ	ъ ъ ъ	ъ ъ ъ ъ ъ ъ ъ ъ ъ
Ы еры	ы ы	ы ы ы ы	ы ы ы ы ы ы ы ы
Ь ерь	ь ь ь ь ь	ь ь	ь ь ь ь ь ь ь ь
Ю ять	ю ю	ю ю	ю ю ю ю ю ю ю ю
Я	я я я я я я	я я я я я я	я я я я я я я я
Ѧ юсь малый	Ѧ	Ѧ Ѧ	Ѧ
Ѩ юсь большой	Ѩ	Ѩ	Ѩ
Ѫ кси	Ѫ Ѫ Ѫ	Ѫ Ѫ	Ѫ Ѫ Ѫ Ѫ Ѫ Ѫ Ѫ Ѫ
Ѧ фита	Ѧ Ѧ Ѧ	Ѧ Ѧ	Ѧ Ѧ Ѧ Ѧ Ѧ Ѧ Ѧ Ѧ
У ижица			

Таблица 2 – Начерки вариативных написаний прописных букв памятников XVII–XVIII вв. г. Тобольска

буква	XVII век	XVIII век	
		начало	середина
А азъ	а ааа	аа	а 2а 2а у 2
Б буквы	б б б б б б	б б	б б б б б б
В вѣди	в в в в в в	в	в в в в в в
Г глаголи	г г г	г г г	г г г г г г
Д добро	д д д д д д	д д д д д д	д д д д д д д д
Е есть	е е е	е е е	е
Ж живѣте	ж ж ж	ж ж ж	ж ж ж ж ж ж
С сѣло	с с	с с	с с с
З земля	з з з з	з з	з з з з з з з з
И ижеи	и и и	и	и и и
І иже	і і	і і і	і і і і і і
К како	к к	к	к к к к к к
Л людие	л	л л л	л
М мыслете	м м м м м м	м м м м м м	м м м м
Н нашъ	н н н н	н н н н	н н н н н н
О онь	о о	о о о	о о о о о о
П покои	п п п п п п	п п п п	п п п п
Р рши	р р р р р р	р	р р р р р р
С слово	с с с с с с	с с с	с с с с с с
Т твѣрдо	т	т	т т т т т т
У оукъ	у у у у у у	у у у у у у	у у у у у у
Ф фьртъ	ф	ф	ф ф ф ф ф ф
Х хѣръ	х х х х	х х х	х х
ω отъ (омега)	ω ω	ω ω ω	ω ω ω ω ω ω
Ц ци	ц ц	ц ц	ц ц
Ч чръвь	ч ч	ч ч	ч ч ч ч ч ч
Ш ша	ш ш	ш ш ш	ш ш ш ш ш ш
Щ шта	щ щ	щ щ щ	щ щ щ щ щ щ
Ъ ерь	ъ	ъ	ъ
Ы еры	ы ы	ы ы ы	ы ы ы ы ы ы
Ь ерь	ь ь ь ь	ь ь	ь ь ь ь ь ь
Ъ ять	ъ	ъ	ъ ъ ъ ъ ъ ъ
Ю	ю ю	ю	ю ю ю ю ю ю
Я	я я я я я я	я я я я я я	я я я я я я я я
Ѧ юсь малый	Ѧ	Ѧ Ѧ	Ѧ
Ѩ юсь большой	Ѩ	Ѩ	Ѩ Ѩ Ѩ Ѩ Ѩ Ѩ
Ѣ кен	Ѣ	Ѣ Ѣ	Ѣ Ѣ Ѣ Ѣ Ѣ Ѣ
Ѧ фита	Ѧ	Ѧ Ѧ	Ѧ Ѧ Ѧ Ѧ Ѧ Ѧ
V ижица			

В скорописных текстах XVIII в. обращает на себя внимание малое количество (или даже отсутствие) прописных букв, а также их непоследовательность. Часто можно увидеть написание имен и фамилий самих писцов со строчной буквы: «Архимандритъ Михаилъ въ должности секретаря канцеляристъ Василии Андрониковъ» (И 70–1–25–23); «...канцеляристъ Василии Андрониковъ», «Нікіта

Протопопъ Софійскій в должности секретаря Канцеляристь василіи Андроников: 1766 Марта 29 дня № 488» (И 70–1–25–11); «...В должности приказного Надзирателя Подканцеляристь Димитрій старцев» (И 70–1–13–3).

В исследуемых текстах постоянно встречаются соединения (написания) букв, показанные в Таблице 2.

Эти начерки «пограничны» между взметами и выносными буквами, лигатурами.

Представим наглядно вариативность прописных букв в рукописных текстах XVII–XVIII вв. Как видно из примеров, в частной деловой переписке прописная буква еще не играет той важной роли, которая отведена ей в официальных государственных документах в XVIII в.

Одной из особенностей графики скорописи тобольских деловых документов конца XVII–XVIII вв. является широкое употребление выносных букв. Сравнив графику текстов указанного периода, отметим следующую закономерность: постепенное их увеличение к середине XVIII в. и значительный спад к концу. **Выносными** в скорописи называются буквы, которые пишутся не в строке, а над ней (для экономии времени и бумаги); они могут иметь форму строчной буквы или специальный значок. К XVII в. принадлежит только один рукописный памятник – «Лечебник XVII в.» и 1 ед. хранения (И 70–1–1) из фондов Тобольского мужского Знаменского монастыря «Переписи-челобитной с московским патриархом о земельных угодиях, об отдаче деревень в пользование монастыря, прошения оброчных крестьян о земельных угодиях» (1651 г., 102 стр.).

Исследуя систему выносных букв тобольских памятников XVII в., приходим к выводу о том, что в XVII в. выносились:

1) конечная согласная буква **Б, В, Д, Ж, З, Л, М, Р, С, Т, Х**: *бобов, вытянет, глух, горох, гореч, даем, дягил, измяв, запечатав, мед, медом, диким, сном, обоих, о костях, приложим, смрад, сок, ужас, хмел, чеснок, чернобыл, шафран* и др.;

2) согласная перед согласной в середине слова **В, Ж, Т, Д, С, Н, Р, З, Б, Л, М, К**: *афендроновый, болезнь, буквица, велми, всмятку, горло, гвоздика, горазд, горло, горчица, держи, долго, инбирь, капля, кедровый, козловый, короста, кудри, масличный, маслом, мастика, медвежий, медвяной, мелко, миндальный, мозг, мокрость, нитка, ноздри обмочим, одна, проскурникъ, сверчок, свер-*

беж, селезенный, скорлупа, сусло, терпеть, флегма, черника, час-то, чистый, шафран, ядра и др.;

3) согласная **Г** в конце слова: *оно́й, одно́й, лихо́й, свое́й, уголно́й* и др.;

4) двойные согласные (из двух одинаковых согласных выносной становилась первая), часто таковыми являлись сонорные **Л, М, Н**: *вЪтчинный, деревянный, дынный, винный, иссушит, омморокъ, пяддесят, подлинно, предписанныя, пельный, полложки, полын-ный, прокаженный, рубленных, сварабаринный, селезенный* и т. д.;

5) буквы **Д, Т, В, С, З**: на конце предлогов: (**в**) *воде, (в) вечеру, (из) груди, (из) крови, (из) слины, (из) трав, (над) медным тазом, (от) кашля, (с) листьем, (от) всяких дел (от) цынга, (от) того, (от) ужаста, под липой, под губой, (под) ногами, (под) пазахой* и т. д.;

6) на стыке морфем: *возми, родится, утолки, толченный, и-толки, престанет, обморокъ, обвяжи, обиватца, обходит, чер-нобыльного, пресный, красны, угольной, зубков, отводитъ, свекол-ный, конский, безсумнительно, смрадное, наскреби, (по) рассужде-нию, голодный, исцеляет, обмывать, изгинут, измяв, изсушит, ис-пытана, искроши, выступит, (из) него, ползолотника, огородный, девясилный, медным, отпуститъ, подряд* и т. д.;

7) согласная с необозначенной мягкостью: *белмы [бел`мы], василков [васил`ков], веселство [весел`ство], возми [воз`ми], воло-вью [волов`ю], воробевый [вороб`евый], выгонииш [выгонииш`], ден [ден`], закутат [закутат`], кашел [кашел`], маленько [мален`ко], меньше [мен`ше], обстоятельно [обстоятел`но], огонь [огон`], оле-них [олен`их], помаленку [помален`ку], сум [сум`] сол [сол`], трелник [трел`ник], поставит [поставит`], прозба [проз`ба], сквоз [сквоз`], тоненко [тонен`ко], черненка [чернен`ка] и др.;*

8) буква **Ж** в середине и в конце слов, частица и часть слов, образованных с ее помощью: *каждое, между, осторожность, нижний, также, того же, падеж* (скота) и т. д.;

9) в глагольных формах, а именно:

- 1 лица множ. числа настоящего времени: *будем, помазуем, по-строим, счистим, усмотрим;*
- 2 лица: *будеши, хочещи, испортиши, умываеши;*
- 3-го лица настоящего и будущего времени: *згонит, помазует, уздравливаает, не сладит, вычищаает, примаает, шумит, чис-тит, здравит, плюнут, спустит, обходит, престанет, при-стоит, выступит, бывает, выдет, щемит, живут, болят, уз-дравливаает, толкут, отводит, наводит, будет, опухнет;*

- прошедшего времени, един. числа мужского рода: *взял, выпотел, испил, истратил, съел, настоял, натопил*;
- условного наклонения перед частицей **бы**: *взял бы, натопил бы, пил бы, стоял бы*;
- повелительного наклонения: *изреж, маж, намаж, отреж, помаж, полож*;
- инфинитива: *всыпат, взять, истратит, писат, пуцат, уздравливат*;

9) встречаются выносные слоги: **-ам, -да, -де, -ду, -же, -ими, -ми, -му, -ок, -ом, -ти, -ть**: *больному, (в) вечеру (в) воде, костями, (к) тому, меду между, мазать, наставлениями, паду, по вышенаписанному, по своему, поясницу, силу, с пуда, тоже* и др. В основном они выносились в конце слова или строки;

10) достаточно устойчивы выносные буквосочетания выносных в середине слова: *будет, будут, падучею, недугуют, мужески, теплостно* и др.;

11) сочетания согласных в конце слова: *болезн, глухост, мокрост*;

12) частицы: **БЫ (Б), ДЕ, Ж, ЖЕ**: *будем де давать, вылечил де, начал де, пошел де, принес де, столко ж, терпеть де, то ж, что б, уварить де* и др.;

13) при написании количества каких-либо предметов, особенно после цифр, выносились буквенные сочетания: *1-м, 25-х, 20-ко, 2-ко*;

В одном слове могло быть две и даже три выносных буквы: *афендронмовым, выступит, зубков, изреж, иссушит, масляных миндалные, отводит, отдал, послать, пристойит, подписанных, предписанья, разсуждению, сверчок, (по) толкут, угольной, уздравливаает* и т.д.

Длина слова не всегда являлась причиной для вынесения согласного или слога. Так, в слове *осинник* (3 слога) – 2 выносных буквы, в слове *миндалным* (3 слога) – 3 выносных буквы, в слове *утверждает* (4 слога) – 1 выносная буква, а в слове *уздравливааеть* (5 слогов) – нет ни одной выносной. В среднем на листе располагается от 126 до 148 слов, на них приходится от 40 до 60 выносных знаков.

Выносные буквы, уменьшая буквенный состав строчного слова, ускоряли письмо. Вместе с выносными буквами не писались **Ъ** и **Ь**, следовавшие за ними: *больше, гнал, денги, писал, пришел, сколько, тобольский, ударил, чем, чтоб, шел* и др.

Скоропись середины и второй половины XVIII в. демонстрирует те же условия выноса букв и слогов, что и XVII в., но отличается частотой и разнообразием начерков. В XVIII в. выносились:

1) конечная согласная буква слова: **Л, М, Х, Д, Ж, Т, В, Б, Р, З, С** – *Андрьян, впрѣд, в руках, в тоболском, всех, год, медных, монах, нам, наших, определил, о том, печам, пуд, рублев, расход, труб, указ, чем, человек, чтоб, хлѣб* и т. д.;

2) конечный гласный **і**: – *всякоі, епархіі, из духовноі, оноі, подлинноі, полученноі, покоі, при доношеніи, стѣшии, тоболскоі, упущенноі* и т. д.;

3) согласная перед согласной в середине слова: **В, Ж, Т, Д, С, Н, Р, Б, Л, М, К** – *вползатъ, должны, дватцети, епархіи, імеющимся, мнстырскому, обмочим, селезенный, велми, горчица, короста, леденца, мокрость, мудро, свербез, после, продолговато, проскурникъ, обжсегъ, отдача, петръ, тепло, трицеть, соборнаго, сибирскаго, судно* и т. д.;

4) встречаются выносные слоги, в основном в конце слова: **-ам, -де, -да, -ду, -зу, -ми, -му, -ов, -ом, -тъ** – *бухарцов, в городе, ведать, выдать, года, году, десять, духовному, жемчугов, завеса-ми, запираеть, наряду, мнстрскому, между, мазать, костьми, паду, силу, товаром, тоже посему, по присланному, присылать, пятьдесятъ, послать, преосищенному, сибирскому, семнатцать, тоболскому, указа, указу, учинить, чинить и т. д.;*

5) достаточно устойчивы выносные буквосочетания в середине слова: *падучею, недугуют, мужески, теплостно* и др.;

6) первая из двойных согласных: **Д, Ж, Л, М, Н** – *вожжи, единственнаго, імянных, коллегия, селезенный, предписанья, омморокъ, подлинно, рубленных, подлинно, пяддесать, суммы, рубленных* и т. д.;

7) буквы **Д** и **Т** на конце предлогов и приставок: *грудн, под губой, из крови, под ногами, под пазахой, из слины, отпустить, подряд, от всяких дел, под липой, от всяких дел, отдавать, отдача, отпустить, от 5, подрядкоі, подписал, под № 7, предписал* и т. д.;

8) частица **де**: *будем де давать, будем де давать, пошол де, принес де, начал де, терпеть де, вылечил де, уварить де пошол де, принес де* и т. д.;

9) при написании количества предметов, особенно после цифр, выносились буквенные сочетания: **20 ко, 2 ко, 1-м, 25-х, 20-ко, 2-ко** по № 2202-м, 1750-го года и т. д.;

10) согласная с необозначенной мягкостью: *болие, болюй, василков, весма, кашел, сун, сол, ден, прозба, обстоятелно, обстоятелно, отнюд, помаленку, по прозбе, прозбе, семдесять, столко, тоболскаго, толко, трелникъ* и т. д.;

11) буква **Ж** в середине и в конце слов, частица и часть слов, образованных с ее помощью: *вожжи, каждое, ложное, между, осторожность, нижний, падеж (скота), (покупка) же коже, прежде, сапожная, також, того же* и т. д.

В одном слове могло быть две и даже три выносных буквы: *водных, гладких, за отцов, ис коллежских, імяных, отдал, подрятчиков, послать, подписанных, предписанныя, отдал, послать* и т. д.

Выносятся почти все согласные буквы, реже гласные **И, Е, ѡ, Ь** в составе слогов, чаще других выносными бывают **В, Д, Ж, М, Т, Х**. Иногда выносятся две гласные буквы, стоящие рядом: *вследствие, коллегия*.

Типичными позициями для вынесения буквы являются конец слова (*бухарцов, товаром, у них*) и положение в середине слова перед согласным (*предписано, серебром, таможни*). Реже буквы выносятся в конце строки, в единичных случаях – в середине слова перед гласной (*каменев, предосторожность*) и в начале слова (*жемчугов*). Преобладание выносных букв в конце слова объясняет большую, по сравнению с другими буквами, частоту вынесения **В, М, Т, Х**. Это связано с тем, что в конце слов находятся падежные окончания и другие формообразующие аффиксы.

Выносные буквы в середине слова перед согласной часто находятся на границе морфем, в таком положении выносятся **Б, В, Д, Ж, З, К, Л, М, Н, Р, С, Т**: *полосного, таболская, размерь, сибирская, рудниковъ*. Часто выносными бывают частицы **Ж, БЫ (Б)**, а также **Д** и **Т** на конце предлогов и приставок: *то же, что же, 2 же писма, штоб, сколько б, от гнева божия, отпускъ, поддержано и др.* Из двух одинаковых согласных букв, стоящих рядом (вне зависимости от морфемного шва), всегда выносится первая: *коллегш, коммоды, рисованная, суммы*. Чаще всего двойными согласными, одна из которых выносная, бывают сонорные. В середине слова перед гласной чаще выносится не одна буква, а две, причем второй является **Ь** или **Б**: *жалованя, каиеневъ, объявили*. Иногда над выносными буквами сохраняется титло. Употребление выносных букв в начале слова можно считать окказиональным: *(во) сне, другой*. По нашим данным, есть некоторая зависимость между употреблением вынос-

ных букв и длиной слова: выносные буквы чаще употребляются в словах, состоящих из в себе 6–10 букв.

Таким образом, факторами, способствующими вынесению буквы в письме конца XVIII в., являются позиция (конец слова, середина слова перед согласной), граница морфем и, возможно, длина слова. Лист документа содержит в среднем 27 выносных букв, а такой же объём текста в документе из вышестоящей инстанции – в среднем 9 выносных, что свидетельствует о постепенном сокращении выносных букв в скорописи XVIII в. и некоторой графической архаичности региональных материалов.

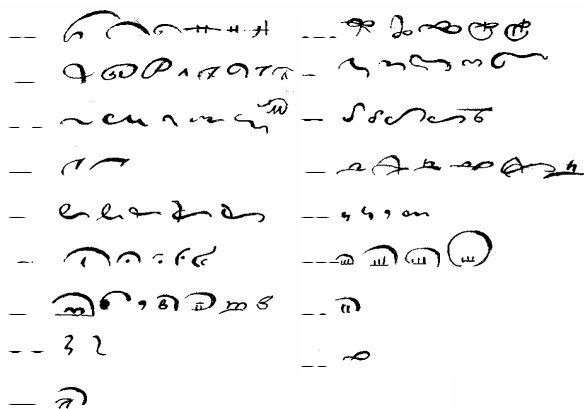

Рисунок 4 – Образцы начерков выносных букв

Итак, при анализе выносных букв рукописных текстов Тобольска выявлены закономерности:

- 1) из двух одинаковых согласных букв, стоящих рядом, всегда выносится первая;
- 2) вне зависимости от морфемного шва на стыке двух и более согласных выносится первая;
- 3) перед гласной в середине или в конце слова выносятся две буквы: согласная и мягкий или твердый знаки: *воловою, олених, поставит, выгониии;*
- 4) длина слова не всегда является причиной для вынесения согласной или слога.

В тобольских рукописях часто встречаются сокращенные слова, о чем обычно свидетельствует знак *титла*, поставленного над

словом. Сокращения способствовали ускорению записи звучащей речи, а вместе с тем и чтения текста: во многих словах были опущены одна или несколько букв.

Ученые отмечали, что сокращения слов возникли в древности в христианских текстах под влиянием тетраграммы, означающей имя бога. Слово сокращалось по принципу стяжения. Считалось, что сокращению подлежали только слова *nomina sacra* (имена священные), но в скорописи нельзя отметить действия этого правила. Очевидно, что сокращению подлежали слова, наиболее распространенные и часто встречающиеся в тексте.

Выделим обнаруженные группы сокращённых слов:

1) слова церковной тематики: *архиерство* – архиерейство, *блго* – благо, *бгъ* – бог, *бгдохновенный* – богодохновенный, *бгродская* – богородская, *дховная* – духовная, *млтивой* – милостивой, *мнтръ*, *мнстръ*, *мнстырь* – монастырь, *преосщенство* – преосвященство, *преоститель* – преосвятитель, *стая* – святая, *стейший* – святейший, *сщенникъ* – священник, *сщеннослужитель* – священнослужитель, *црквъ*, *црковь* – церковь, *црквяная*, *црковная* – церковная;

2) обозначения людей по родственным или другим связям: *гднь*, *гспинь*, *гспдинъ* – господин, *гсдрь*, *гсдарь* – государь, *гсдрыня*, *гсдарыня* – государыня, *млнцъ* – младенец, *кнзь* – князь, *снь* – сын, *члвкъ* – человек, *црь* – царь;

3) названия мер, временных отрезков: *гдь* – год, *мсьць*, *мсьць* – месяц, *ндля* – неделя; *нн* – ныне;

4) общепринятые и общеизвестные всем слова: *глва* – глава, *дрвний* – древний, *срце* – сердце, *днги*, *днга* – деньги; *нне* – ныне, *гдрственный* – государственный.

Сокращения частотных слов требовали формирующиеся нормы делопроизводства, особый жанр деловой письменности, который использовал определенное количество постоянно повторяющихся слов: они-то и сокращались.

Палитра и частотность сокращений зависели от характера памятника и от выучки писца. Гораздо больше сокращений в неписанных памятниках, написанных писцами на слух. Интереснее с этой точки зрения тексты делопроизводства Тобольска XVIII в. Меньше сокращений в источниках, текст которых писец переписывал старательно, не спеша.

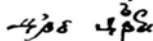
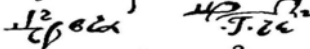
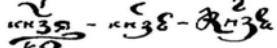

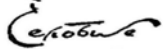

	- государю
	- царю
	- царевича
	- князя
	- казна
	- господину
	- человек
	- сына
	- челобитье
	- превеликого
	- алтын
	- четверть
	- пети
	- милосердный
	- с осминою

Рисунок 5 – Ксерокопии сокращённых слов в памятниках второй половины XVIII в.

Для графического обозначения сокращений в рукописных текстах используется особый значок в виде надстрочной волнистой линии *титло* – надстрочный знак, употреблявшийся в древней и средневековой письменности для указания на сокращенные слова. Возникли титулованные сокращения, которые во время образования славянской письменности и в XVII–XVIII вв. стали традиционными. Так слово сжимается, из него удаляются средние, менее характерные элементы, а сохраняются крайние границы – начало и конец слова. Данные примеры демонстрируют образцы сокращенных слов, которые встречаются в тексте несколько раз.

В тобольских текстах XVII–XVIII вв. представлено несколько видов сокращений.

1. Первый тип сокращений под знаком титло. В наших материалах XVII–XVIII вв. под титлом идет три четверти всех сокращений. Отметим несколько способов сокращений слов, или выброс:

– одной гласной в корне слова: *блго* – благо, *бгъ* – бог; *бгдохновенный* – богдохновенный, *глва* – глава, *дрвний* – древний, *днги*, *днга* – деньги; *нне* – ныне, *кнзь* – князь, *снь* – сын;

– двух гласных из слова: *бгродская* – богородская, *днгъ* – денег, *члвкъ* – человек, *мцъ* – месяц, *ндля* – неделя;

– слога из слова: *миць* -*мцъ* *сщеннослужитель* – священнослужитель, *преосщенство* – преосвященство, *преосщитель* – преосвяtitель, *стая* – святая, *стейший* – святейший;

– слога и гласной из слова: -*мцъ*-*месяц*, *гдинь* – господин, *гдрственный* – государственный;

– двух и более слогов: *гднь* – господин, *гдрственный* – государственный, *гсдрь*, *гсдарь* – государь, *гсдрыня*, *гсдарыня* – государыня.

Выявим особенности сокращений: 1) из слова, в первую очередь, выбрасывались гласные, поскольку произвести огласовку чаще всего нетрудно; 2) из согласных в наших примерах в первую очередь исчезают **С** и **В**: *гднь*, *гдрственный*, *гсдрь*, *гсдарь*, *гсдрыня*, *гсдарыня*, *мцъ*, *млтивой*, *мнтръ*, *мнстръ*, *мнстырь*, *стая*, *стейший*. *сщеникъ* и др.; 2) частотны варианты сокращения одного и того же слова: *гднь* – *гспинь* – *гспдинь*, *гсдрь* – *гсдарь*, *гсдрыня* – *гсдарыня*, *мцъ* – *мцяцъ*, *мнтръ* – *мнстръ* – *мнстырь*, *црквь* – *црковь*, *црквяная* – *црковная* и др.

При сокращении слово сжимается, из него выбрасываются средние, менее характерные элементы, а сохраняются крайние пределы – начало и конец [Добиаш-Рождественская 1987, 179]. Титлованные сокращения возникли во время образования славянской письменности и в XVIII в. являются традиционными.

2. Новыми для наших материалов можно считать точечные сокращения: *пач.* – пачек, *канц.* – канцелярия, они составляют лишь четверть сокращенных слов. Доказательством того, что этот тип сокращения еще только формируется, служит, во-первых, разное графическое оформление сокращений: с точкой или двоеточием, или без знака, указывающего на сокращение: *ар.*, *арш.* – аршин, *ш.* и *шт.* – штук; во-вторых, наличие сокращений, понятных только в данном контексте: *п.* – пограничная, *о пр.* и о прочем.

3. Третий тип сокращений, встречающийся в наших материалах, принадлежит, вероятно, только деловому письму и представляет собой сокращение, заканчивающееся на гласную букву и чаще всего графически не оформленное: *де* – день, *дю* – дюжин.

Но при всем разнообразии почерков, вариантов прописных, строчных и выносных букв, сокращений слов существенных различий в графике документов не отмечается. Графику текстов можно считать однородной, не отступающей от норм языка исследуемого периода.

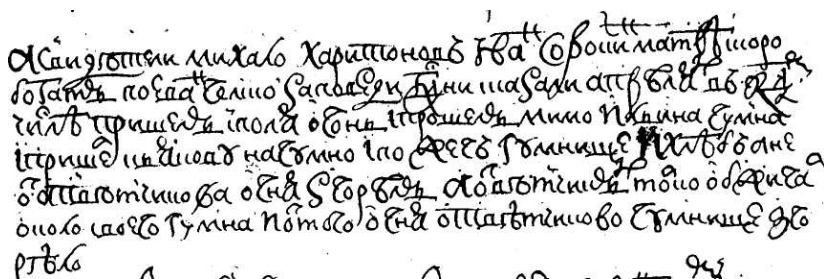

Рисунок 7 – Образец текста XVIII в.

2.3 НАПИСАНИЕ СЛУЖЕБНЫХ СЛОВ В КИРИЛЛИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКАХ

Работа над уральскими деловыми документами XVIII века показывает, что раздельное написание служебных частей речи с самостоятельными еще не стало «необходимостью» для канцеляристов: орфографическая норма складывается стихийно, но уже можно ощутить ее зарождающиеся тенденции. Для этого проанализированы слова с названной орфограммой в скорописном «Экстракте из рассуждения тайного советника В. Н. Татищева и генерал-майора Соймонова», который создан 14 июля в Мензелинске в связи с бунтом башкирцев, в настоящее время документ хранится в 248 фонде РГАДА [Летопись 2008, 24–27].

Из 400 служебных слов, найденных в «Экстракте» 1737 г., почти половину (189–47,25 %) составляют предлоги: первообразные *без/бес, в/въ/во, до, за, из/ис, к/къ/ко, на, над, о, от, по, под, при, с/съ/со/з* и производные *для, кромѣ, между, противѣ, ради, сверхъ,*

через [СФ]. Предлоги анализируемого документа выражают, в основном, обстоятельственные и объектные отношения.

Самое частотное среди последних – место: *учинили вмензелинску, уволить отфарпостовъ, отправлять вказань, удалень отказани, набрано в уѣѣ*, затем образ действия: *неспущать другъ здругомъ, ѣздить списмами, происходить вбзтраші, подчинить восо бои суд* – и цель: *имѣются для обороны, раздѣлить для покорности, вывести для помощи, для тогъ оставить*.

Другие обстоятельственные значения (времени, причины, условия, уступки) в тексте единичны: *учинили въ 14 июля 1737, отправить занемѣниемъ надежного командира, будутъ полезны в случае нужды, кромѣ озера рѣкъ нетъ*. Примеры объектных отношений: *привести кпкорности, скурзурскихъ татар нетребовать, оставит снимъ*.

Преобладание предлогов над другими служебными частями речи в тексте «Экстракта» 1737 г. обусловлено его содержанием: необходимость подавления бунта «*башкирцевъ*»; отсутствие надежного командира «*всибирской сторонѣ*»; захват зачинщиков бунта и удержание их в качестве заложников; необходимость собрать верных и полезных государственному делу воевод, офицеров и солдат для подавления бунта; отсутствие денег, провианта, амуниции и оружия для набираемого «*ландмилицкого*» полка. Очень сложное положение в регионе требовало от правителей понимания положения дел в разных населенных пунктах (обстоятельственные отношения места), четкой постановки задач (обстоятельственные отношения цели), понимания способов их решения (обстоятельственные отношения образа действия), а также выделения конкретных объектов приложения задач (объектные отношения). Все эти важные смысловые составляющие и свойственны предложно-падежным формам, поэтому предлоги, передающие обстоятельственные отношения места, цели и образа действия, а также объектные отношения, можно считать одним из текстообразующих факторов «Экстракта».

Анализ написания предлогов в исследуемом тексте показывает следующее.

Все производные предлоги «Экстракта», как это видно из таблицы 1, написаны с самостоятельными словами раздельно: *между оными, для усмирения, противъ иску, чрез их, сверх тигъ*. Канцелярист, писавший документ, ощущал или их производность,

или их внешнюю схожесть с самостоятельными словами: 4–7 букв вместо 1–3 в первообразных предлогах⁴. Большинство же непроизводных предлогов записано в рассматриваемом документе слитно с самостоятельными частями речи: *сротою, отгенерала, покоторои, извъдомства, беспрогоновъ, вполкахъ, нааренбускую, прикторых*. На 157 слитных написаний приходится всего 10 отдельных, причем отдельно пишутся лишь предлоги *в, с, к* в определенных орфографических вариантах: *въ/во, съ, къ*. Можно выделить следующие позиции раздельного написания непроизводных предлогов перед:

- числовым обозначением: *во 120 верстах, съ 500 члвкъ, въ 14^е июля*;
- географическим названием: ***въ иѣѣ*** [город], ***въ ѳѣѣ, въ ѳѣѣ, къ ѳѣѣ***.

На наш взгляд, раздельные написания второго типа говорят о желании пишущего выделить имя собственное, т. е. они отражают не только начальный этап формирования традиции раздельного написания служебных слов в деловой документации, но и начальный этап выделения собственных имен. Но при помощи такого графического средства, как пробел, а не противопоставления прописной и строчной букв. Написания *в руках, в новособираемой* можно считать сделанными по аналогии, поскольку в анализируемом документе именно непроизводный предлог *в* чаще других пишется раздельно с самостоятельными частями речи. Такие написания, как *вчѣбаркулѣ, вкунгур, вказань*, свидетельствуют о непоследовательности складывающейся традиции.

Мы видим, что большинство предлогов «Экстракта» написано слитно, т. е. канцелярист записывает фонетическое слово как единый графический комплекс, но появились и новые – раздельные написания, связанные с выделением на письме производных предлогов и отделением от предлогов пробелом чисел и географических названий. Общая картина написания предлогов отражена в Таблице 1.

⁴ Это же ощущение руководит современными школьниками, когда они записывают короткие глаголы типа *был, мог* слитно с *не*, т. е. самостоятельное слово, в их создании, должно быть длинным (более 3 букв).

Таблица 1 – Слитное и раздельное написание предлогов
в «Экстракте» 1737 г. (Мензелинск)

Предлог	Слитное написание	Раздельное написание	Сомнительные случаи и конец строки
1. <i>без/бес</i>	3 (100 %)	-	-
2. <i>в/въ/во</i>	40 (83,3 %)	8 (16,6 %)	-
3. <i>до</i>	5 (100 %)	-	-
4. <i>за</i>	3 (100 %)	-	-
5. <i>из/ис</i>	13 (100 %)	-	-
6. <i>к/къ/ко</i>	22 (95,6 %)	1 (4,3 %)	-
7. <i>на</i>	18 (94,7 %)	-	1 (5,2 %)
8. <i>над</i>	1 (100 %)	-	-
9. <i>о</i>	4 (100 %)	-	-
10. <i>от</i>	14 (93,3 %)	-	1 (6,6 %)
11. <i>по</i>	11 (100 %)	-	-
12. <i>под</i>	4 (100 %)	-	-
13. <i>при</i>	1 (50 %)	-	1 (50 %)
14. <i>с/съ/со/з</i>	18 (94,7 %)	1 (5,2 %)	-
15. <i>для</i>	-	10 (83,3 %)	2 (16,6 %)
16. <i>кромѣ</i>	-	1 (50 %)	1 (50 %)
17. <i>между</i>	-	1 (100 %)	-
18. <i>противъ</i>	-	1 (100 %)	-
19. <i>ради</i>	-	-	1 (100 %)
20. <i>сверхъ</i>	-	1 (100 %)	-
21. <i>чрез</i>	-	1 (100 %)	-
Итого	157 (83,9 %)	25 (12,5 %)	7 (3,5 %)

Треть служебных слов (146–36,5 %) в рассматриваемом документе составляют **союзы**. Как видно из Таблицы 2, они разнообразны по происхождению и структуре. Простые первообразные союзы *и, а, но, да*, за редким исключением, записаны слитно со следующими словами: *игенерал, ивърных, анаипаче, ноиподполковника, давгуберниях*. Союзы *и, а* наиболее частотны, поэтому получается, что большая часть употреблений (61,6 %) представляет собой слитное написание, но это только за счет четырех вышеназванных союзов. Все остальные простые первообразные и производные союзы записаны со следующими словами раздельно: *чтоб дворянь, ежели они, хотя нужна, нежели ползы, или прапорищика, понеже оная, токмо ружья, что отзаводовъ, ибо тотъ*.

Таблица 2 – Слитное и раздельное написание союзов в «Экстракте» 1737 г.

Союз	Слитное написание	Раздельное написание	Сомнительные случаи и конец строки
1. <i>а</i>	21 (100 %)	-	-
2. <i>да</i>	3 (100 %)	-	-
3. <i>доколе</i>	-	-	1 (100 %)
4. <i>ежели</i>	-	1 (100 %)	-
5. <i>если</i>	-	1 (100 %)	-
6. <i>и</i>	60 (96,7 %)	1 (1,6 %)	1 (1,6 %)
7. <i>ибо</i>	-	2 (100 %)	-
8. <i>или</i>	-	2 (100 %)	-
9. <i>нежели</i>	-	1 (100 %)	-
10. <i>но</i>	5 (100 %)	-	-
11. <i>однако</i>	-	1 (100 %)	-
12. <i>пока</i>	-	1 (100 %)	-
13. <i>понеже</i>	1 (12,5 %)	7 (87,5 %)	-
14. <i>также</i>	-	1 (100 %)	-
15. <i>то</i> (вторая часть союзов <i>понеже...то, ежели... то</i>)	-	3 (100 %)	-
16. <i>токмо</i>	-	1 (100 %)	-
17. <i>хотя</i>	-	3 (100 %)	-
18. <i>что</i>	-	3 (75 %)	1 (25 %)
19. <i>чтоб</i>	-	10 (100 %)	-
20. <i>а именно</i>	-	1 (100 %)	-
21. <i>для того что</i>	-	1 (100 %)	-
22. <i>для того чтоб</i>	-	2 (100 %)	-
23. <i>как то</i>	-	-	1 (100 %)
24. <i>не токмо но и</i>	-	-	2 (100 %)
25. <i>равно как и</i>	-	1 (50 %)	1 (50 %)
26. <i>так как</i>	-	1 (100 %)	-
27. <i>так как и</i>	-	-	2 (100 %)
28. <i>також и</i>	-	-	1 (100 %)
29. <i>того ради</i>	-	-	2 (100 %)
Итого	90 (61,6 %)	44 (30,1 %)	12 (8,2 %)

Отдельно следует рассмотреть составные союзы, поскольку они имеют разное написание:

1) раздельное – *для того чтоб чрез их, для того что вполкахъ, понеже для предбудущаго, такъ какъ увимская, то весма, аимянно исприбыльных* (вопроса о слитном/раздельном написании самих составных союзов мы здесь не касаемся);

2) часть союза написана раздельно, часть слитно – *нетокмо доходы... ноиприбыль, такъ же какъ иосу, равно какъ иосинскому.*

Написания, подобные последним, вероятно, можно объяснить тем, что последние части составных союзов *не токмо... но и, так же как и, равно как и* омонимичны союзам и частицам, пишущимся с самостоятельными словами слитно.

В целом, для данного документа можно сформулировать следующее правило написания союзов: односложные союзы пишутся слитно со следующими словами, союзы, состоящие из нескольких слогов или частей, – раздельно. Канцелярист почти не нарушает данного правила, но не всегда ощущает все части составных союзов.

Среди сочинительных союзов наиболее часто в тексте «Экстракта» используются союзы с соединительным и сопоставительно-противительным значением. Сложившаяся к 1737 г. обстановка на Урале требовала решения множества проблем; в парах однородных членов предложения с соединительными союзами выражается ограничения приложения действий, сами действия, их цели и способы проявления: *волости и дрвни; судить и всякую воеводскую отпращу чинить; для учинения надворами башкирцами поиску и вѣрныхъ защищения; подкрѣпимъ карауломъ ибестолмача.*

В «Экстракте» представлена оценка сложившейся ситуации и программа действий. Последняя грамматически оформляется нанизыванием предикативных частей, связанных соединительными союзами: *и мещераковъ подчинить вособои суд ипосему пункту быть удобн[ее] ... и воевод втѣ пригороды надлежитъ посылать отСената.*

Сочинительные союзы с сопоставительным значением используются при разграничении полномочий и наложении запретов: *отСената анеотгубернии; жалованье определить асбашкирцовъ подарки и взятки брать жестоко запретить.*

Сочинительные союзы с противительным значением употребляются при описании уже сделанного и имеющихся трудностей: *набрано 500 члвкъ токмо ружья иаммуниции нѣтъ; но многия вещи надо купить.*

Среди подчинительных союзов наиболее частотны в тексте «Экстракта» целевые и причинные: с их помощью оформляются конструкции, объясняющие задачи высшего командования в конкретной ситуации: *чтоб воров ннѣшим лѣтом привесть коусмирению; для того чтоб чрез их удобнѣе других воровъ кпкорности привесть; некоторое изобявленных 50000 ру дать невозможно понеже видимо что воренбурхѣ идругих крѣпостях вденгах состоит краиня нужда; ѣздитъ попрежнему беспрогоновъ для того что вполкахъ ивканцеляріи башкирскихъ дѣл напрогонъ днгъ неимѣется.*

Полная картина написания всех типов союзов представлена в Таблице 2.

Количество **частиц** по сравнению с другими служебными словами в тексте «Экстракта» 1737 г. невелико: 7 в 65 употреблениях (16,25%), большая часть из них записана с самостоятельными частями речи слитно (см. Таблицу 3).

Таблица 3 – Слитное и раздельное написание частиц с самостоятельными словами в тексте «Экстракта» 1737 г.

Частица	Слитное написание	Раздельное написание	Сомнительные случаи и конец строки
1. <i>б</i>	1 (100 %)	-	-
2. <i>же/ж</i>	20 (83,3 %)	3 (12,5 %)	1 (4,1 %)
3. <i>и</i>	7 (100 %)	-	-
4. <i>не</i>	27 (96,4 %)	-	1 (3,5 %)
5. <i>ни</i>	3 (100 %)	-	-
6. <i>только</i>	-	1 (100 %)	-
7. <i>якобы</i>	-	1 (100 %)	-
Итого	58 (89,2 %)	5 (7,6 %)	2 (3 %)

В написании частиц наблюдаем те же тенденции: слитно пишутся односложные *не, ни, же, и* и однобуквенная *б*, раздельно – многосложные (*только для того, якобы она*). В тексте документа найдено также раздельное написание частицы *же* с географическим названием: *въ исѣ же*, в сочетании *так же как* и, вероятно, по аналогии: *ниѣ же*.

Не и *ни* записаны слитно с разными частями речи:

1) прилагательными – *анеглавных, немалои, инегодная, непотребна*; 2) наречиями – *невесма*; 3) словами категории состояния –

невозмо, неизвѣстно, невозможно, необходим; 4) местоимения – *нѣкоторыя, никакихъ*; 5) глаголами – *неспущать, неговорили, нетребовать, недостаётъ, насыщется, непроизошло, неимѣется*; 6) предлогами – *анеотгуберніи*; 7) частицами – *нетокмѡ*.

Мы видим, что канцелярист не различает частицы *не* и *ни* и омонимичные им приставки.

На втором месте после отрицательных частиц, частое использование которых косвенно свидетельствует о тяжести сложившейся ситуации, – частицы усилительные, выделяющие по большей части объект, о котором идет речь, или его обобщенный признак: *воеводамже, кнемууж, идорогъ, другоеже, оноиже, онагоже*.

Частицы в данном тексте не играют текстообразующей роли, что объясняется стилем текста: деловой документ не должен отражать эмоции, чувства его автора. А раз они находятся на периферии текста, то почти и не выделяются графически – слитны с другими словами.

Рассмотрим общую картину слитного / раздельного написания служебных слов, для этого данные всех трех таблиц сведены в Таблицу 4.

Таблица 4 – Слитное и раздельное написание служебных частей речи в рукописном «Экстракте» 1737 г.

Часть речи	Слитное написание	Раздельное написание	Сомнительные случаи и конец строки
1. Союз	61,6 %	30,1 %	8,2 %
2. Предлог	83,9 %	12,5 %	3,5 %
3. Частица	89,2 %	7,6 %	3 %

Мы видим, что большинство служебных слов в рукописном «Экстракте» написано *слитно* со следующими за ними словами. Наибольший процент раздельных написаний наблюдается среди союзов, что можно объяснить как текстообразующей ролью союзов в деловом письме, так и употреблением большого количества простых многосложных и составных союзов. Предлог тоже выполняет текстообразующую функцию в деловом документе, но он «не живет» вне словоформы, поэтому записывается канцеляристом XVIII века слитно с именем.

Итак, основное правило написания служебных слов: если служебное слово односложно или однобуквенно – пиши его слитно со следующим словом; если состоит из двух и более слогов – пиши раздельно со следующим словом. Раздельное написание более вероятно, если служебное слово 1) производно; 2) употребляется рядом с числовым обозначением или 3) географическим названием. Этими правилами пользовался создатель рукописного «Экстракта из рассуждения тайного советника В. Н. Татищева и генерал-майора Соймонова» 1737 г.

Другое соотношение слитных и раздельных написаний служебных слов⁵ выявляет анализ напечатанного «**Цветника**» священноиннока Дорофея нач. XIX в. из библиотеки профессора Челябинского государственного педагогического университета Л. А. Глинкиной; 41 страница (2–20, 86–87 об.)⁶.

Таблица 5 – Слитное и раздельное написание служебных слов в «Цветнике» священноиннока Дорофея

Часть речи	Слитное написание	Раздельное написание	Сомнительные случаи и конец строки
1. Союз	15 (6,2 %)	211 (88,2 %)	13 (5,4 %)
2. Частица	45 (33,3 %)	76 (56,2 %)	14 (10,3 %)
3. Предлог	28 (26,6 %)	65 (61,9 %)	12 (11,4 %)

Примечание. Выделение сомнительных случаев в орфографии напечатанной книги связано с разным расстоянием между буквами (от 0 до 7 миллиметров), при определении слитного/раздельного написания в «Цветнике» автор исходил из следующего положения:

⁵ Автор осознает абсурдность использования термина «написание» для печатного текста и использует его для сохранения единообразия терминологии.

⁶ Исследуемый южноуральский экземпляр «Цветника» Дорофея имеет на последней странице запись «издано в типографии Гроденской, в лето **3678**», т. е. в 1790 г. (7298). Наполовину сохранившийся кожаный переплет на досках, голубоватый цвет бумаги и ее фактура не противоречат отнесению книги к концу XVIII века. Рассмотрение филиграней показывает, что фактически «Цветник» издан позже. Бумага памятника однородна: «Pro patria» российского производства (женщина со скипетром сидит на троне, а лев стоит на задних лапах, изображение окружено забором), литературная часть состоит из заглавной буквы Б и даты выпуска бумаги – 1804. Следовательно, рассматриваемый экземпляр «Цветника» Дорофея издан не ранее 1804 года.

расстояние между буквами в слове – 0–1 мм, между словами – 1,5–7 мм, сомнительные случаи – 1–1,5 мм.

Данные таблицы 5 показывают, что в напечатанном «Цветнике», увидевшем свет более чем через полвека после скорописного «Экстракта», господствуют уже отдельные написания, и на первом месте среди них по частотности (239 употреблений) и по «раздельности» союз, именно он выполняет текстообразующую функцию в произведении духовной литературы.

Таблица 6 – Слитное и раздельное написание союзов в «Цветнике священноинюка Дорофея

Союз	Слитное написание	Раздельное написание	Сомнительные случаи и конец строки
1. <i>a</i>	-	1 (100 %)	-
2. <i>аще</i>	-	18 (94,7 %)	1 (5,2 %)
3. <i>аще убо</i>	-	7 (100 %)	-
4. <i>да</i>	1 (25 %)	3 (75 %)	-
5. <i>еже</i>	-	6 (100 %)	-
6. <i>и</i>	11 (7,6 %)	128 (88,8 %)	5 (3,4 %)
7. <i>или</i>	-	5 (71,4 %)	2 (28,5 %)
8. <i>како</i>	-	2 (100 %)	-
9. <i>но</i>	1 (25 %)	3 (75 %)	-
10. <i>понеже</i>	-	2 (100 %)	-
11. <i>токмо</i>	-	1 (100 %)	-
12. « <i>ко</i> »	-	28 (84,8 %)	5 (15,1 %)
13. « <i>коже</i> »	-	2 (100 %)	-
14. « <i>ко же тако</i> »	2 (28,5 %)	5 (71,4 %)	-
Итого	15 (6,2 %)	211 (88,2 %)	13 (5,4 %)

Мы видим, что рассмотренные страницы «Цветника» в два раза беднее «Экстракта» по количеству использованных союзов, большую часть употреблений имеет союз *и*: *и прейдетъ, и ничтоже, и дастся, и темница, и родители, и родомъ*, соединяющий ряды разных однородных членов предложения: *свѣтей бѣсовскихъ, и страстей грѣховныхъ, и прелестей мира сего, свѣтлыи и спасительный путь; многоскорбно и многоболѣзненю*. Основная цель «Цветника» – поучение, наставление людей, для того чтобы сделать его понятнее,

разнообразнее, ярче, и нужны ряды однородных членов предложения с союзом *и*.

Наборщик начала XIX в., в отличие от канцеляриста 40-х годов XVIII в., ощущает односложные союзы *и*, *а*, *да*, *но* как отдельные слова (75–100 % раздельных написаний), 12 слитных написаний этих союзов – ошибки, хранящие в себе воспоминание о прошлой «слитности»: *ипросвѣщаетъ, направѣ, даждолѣю, шинь, итако*. Все остальные союзы, кроме двух ошибочных употреблений «*ко же тако*, *какв страсти, понеже* «*коже в зеркалѣ, или единаго, аще хоцещи*».

На втором месте по частотности среди служебных частей речи частицы: «Цветник» содержит изречения святых отцов с пояснениями и небольшими дополнениями составителя и призван воздействовать не только на мысли, но и на душу человека, поэтому в нем должны отражаться эмоции. Покажем представленность частиц и их написание в проанализированном отрывке текста (см. Таблицу 7).

Таблица 7 – Слитное и раздельное написание частиц в «Цветнике» священноинока Дорофея

Частица	Слитное написание	Раздельное написание	Сомнительные случаи и конец строки
1. <i>бо</i>	-	14 (73,6 %)	5 (26,3 %)
2. <i>бы</i>	1 (33,3 %)	2 (66,6 %)	-
3. <i>да</i>	4 (66,6 %)	2 (33,3 %)	-
4. <i>же</i>	21 (44,6 %)	22 (46,8 %)	4 (8,5 %)
5. <i>и</i>	1 (12,5 %)	7 (87,5 %)	-
6. <i>ли</i>	2 (66,6 %)	1 (33,3 %)	-
7. <i>не</i>	16 (42,1 %)	19 (50 %)	3 (7,8 %)
8. <i>ни</i>	-	8 (88,8 %)	1 (11,1 %)
9. <i>токмо</i>	-	-	1 (100 %)
10. <i>точію</i>	-	1 (100 %)	-
Итого	45 (33,3 %)	76 (56,2 %)	14 (10,3 %)

Конечно, основная тенденция написания частиц в проанализированном отрывке «Цветника» – раздельность: *да не еще, копаше же, и другую, не ѿврати, вы ли, ни соломонь, всехъ бо, точію ѿгласа, не бы далъ*; но и доля «слитности» еще велика – треть: *емуже, нерадити, давнищаетъ, «ѣкѣ исвиней, дшали*.

Судя по собранному материалу, правило слитного / раздельного написания *не* и *ни* к началу XIX в. еще не сформировалось: глаголы написаны с ними и так, и эдак: *немогу, непротивитисѣ, неподкопываютъ, неможете, нерадити – не подидохъ, не убиеши, ни крадутъ, не быхъ, не насытихсѣ*. Тенденции, которые можно выделить в отношении этой орфограммы, – раздельно пишутся: существительные с отрицательными частицами *не дшали, ни тлѣ, ни червь*; частица *ни* со следующими словами: *ни собираютъ, ни к стенѣ, ни соломонъ*. Можно сказать, что раздельность написания частиц в начале XIX в. еще только формируется; отставанию от союзов в этом процессе способствует то, что большинство найденных частиц односложно и многие из них находятся в постпозиции к самостоятельному слову.

На последнем месте по частотности среди служебных слов в проанализированных страницах «Цветника» предлоги, по представленности сравнимые с предлогами «Экстракта», но по количеству уступающие им вдвое (см. Таблицу 8).

Предлоги в «Цветнике» написаны в большинстве случаев раздельно: *на земли, сего ради, въ животъ, ко цремъ, посредѣ кѣли, противу сонной, ѿ земныхъ*. Но почти треть из них по-прежнему записывается слитно: *доконца, послѣ, снимъ, оутебе, вперси подкровъ*, такое написание имеют односложные или однобуквенные первообразные предлоги.

Большее разнообразие предлогов, союзов и частиц в 11 страницах рукописного «Экстракта» по сравнению с 41 страницей печатного «Цветника» объясняется, вероятно, жанром исследуемого делового документа: он весь состоит из 11 страниц и заключает в себе выжимку из более обширных документов – рассуждения; а «Цветник» заключает в себе 485 страниц, и рассматриваемый фрагмент меньше его десятой части.

«Экстракт» написан скорописной гражданцей, «Цветник» начала XIX века напечатан кириллицей, но тенденции слитного/раздельного написания служебных слов они отражают общие: в текстах XVIII в. формируется раздельность написания служебных частей речи, начиная с производных слов и позиций перед числовым обозначением и географическим названием; возглавляет этот процесс союз, как часть речи, выполняющая текстообразующую функцию в текстах делового и духовного содержания. Предложно-падежные формы и сочетание самостоятельного слова и частицы

(особенно в постпозиции) ощущаются канцеляристом и наборщиком как одно слово и во многих случаях пишутся/печатаются слитно.

Безусловно, узуальный процесс формирования отдельных написаний служебных слов к началу XIX века не завершен, раз треть написаний даже печатного издания «слитна», но его активность показывают отдельные написания приставок в «Цветнике»: **БЕЗЪ** **ГЛЪ** **МНЫМИ**, **В** **ЗЯТИ**, **ЗА** **ТИ**, **В** **НИТИ**, **Ѡ** **ВЕРЖЕТСЯ**.

Таблица 8 – Слитное и раздельное написание предлогов в напечатанном «Цветнике» священноинока Дорофея

Предлог	Слитное написание	Раздельное написание	Сомнительные случаи и конец строки
1. <i>в/въ/во</i>	6 (16,6 %)	27 (75 %)	3 (8,3 %)
2. <i>до</i>	2 (66,6 %)	1 (33,3 %)	-
3. <i>за</i>	-	1 (100 %)	-
4. <i>к/ко</i>	-	5 (100 %)	-
5. <i>на</i>	4 (33,3 %)	6 (50 %)	2 (16,6 %)
6. <i>о</i>	-	4 (66,6 %)	2 (33,3 %)
7. Ѡ	4 (25 %)	12 (75 %)	-
8. <i>по</i>	6 (100 %)	-	-
9. <i>под</i>	1 (100 %)	-	-
10. <i>посредѣ</i>	-	1	-
11. <i>пред</i>	-	-	1 (100 %)
12. <i>противу</i>	-	1 (100 %)	-
13. <i>ради</i>	-	6 (75 %)	2 (25 %)
14. <i>с/со</i>	4 (66,6 %)	2 (33,3 %)	-
15. <i>оу</i>	1 (100 %)	-	-
Итого	28 (26,6 %)	65 (61,9 %)	12 (11,4 %)

Приведенные здесь факты убеждают в том, что история кириллицы не может быть рассмотрена без истории формирования ее параграфемике и, в частности, такого ее средства, как пробел между служебным и знаменательным словом. Это аспект функционирования кириллического письма предстает сегодня как одна из проблем орфографии, доставляющих массу проблем школьным учителям русского языка.

⁷ Предлоги *к*, *под*, *пред* во многих случаях употреблены с паерком на конце.

2.4 ЗНАЧИМОСТЬ НАДСТРОЧНЫХ ЗНАКОВ В ПИСЬМЕННОЙ КУЛЬТУРЕ СТАРОВЕРОВ⁸

Интересные материалы для изучения церковнославянской орфографии и истории русского письма в духовной сфере дает исследование письменной культуры староверов на Енисее⁹. Материалы собраны в основном у беспоповцев стариковского (=часовенного) толка. Достоверность собранных материалов определяется двумя обстоятельствами: 1) сбор проходил длительное время без перерыва (с 1967 года и до сих пор), 2) автор является выходцем из стариковских староверов. Собранные нами материалы у староверов на Енисее по значению знаков письма церковных текстов, как правило, не зафиксированы в исследованиях ведущих учёных-лингвистов. На наш взгляд, это связано с тем, что преследование староверов не допускало и мысли изучать их речь, потому что общение с ними каралось вплоть до смертной казни.

Староверы стариковского (часовенного) толка бежали в Сибирь в царствование Николая I после разгрома двух духовных центров: Керженского и Иргизского¹⁰. Кержаки заселили земли в центре бывшей Енисейской губернии, поэтому вскоре всех староверов на Енисее стали звать *кержаками*, включив в это наименование и негативную оценку (якобы присущие староверам скаредность, жадность, недоброе отношение к людям и т. п.). Староверы с Иргиза поселились на юге Енисейской губернии и в Урянхае (Тува) и называли себя «самарскими», потому что Иргиз протекает по Самар-

⁸ Первая версия этого материала под названием «Орфография церковнославянских текстов» опубликована в [Письменная 2008, 21–25].

⁹ *Староверы* – это русские люди, исповедующие исконное русское Православие, которое было официальной религией на Руси до 1652 года. Когда патриархом русской Церкви был избран Никон, он во главе с царём Алексеем Михайловичем провёл реформу по обновлению Русской Православной церкви. Многие этого обновления не приняли, поэтому на соборе 1666–1667 года их отлучили от церкви и издали циркуляры на преследование их. Отлученные покинули обжитые места и ушли от преследований в отдалённые уголки России. Отсутствие церковного единения преследуемых привело к тому, что появились различные толки исповедующих Древнее Православие. На Енисее староверы подразделяются на пять толков: австрийцы (=белокриницкие), беглопоповцы (=древлеправославные), единоверцы – поповцы; поморцы, стариковские (= часовенные) – беспоповцы. Поповцы и беспоповцы объединяются тем, что одинаково исправляют Службу с книгами, изданными до раскола или перепечатки с них.

¹⁰ Керженец и Иргиз – притоки реки Волги.

ской и Саратовской губерниям. В силу изолированности от других староверов¹¹ у них наиболее полно сохранились *чины* (правила) чтения церковных текстов и идентичной передачи их на письме. Известно, что иргизские староверы были наиболее *грамотными и в духовном плане*: с ними считались и на Рогожской заставе в Москве, куда они поставляли священников: «На Рогоже вздохнут – Иргиз попов дадут» [Мельников-Печерский 1909, 133].

В речевой деятельности староверов письмо было распространено не меньше, чем чтение, потому что старые книги ветшали, а типографии были закрыты (работали только подпольные типографии да в Москве у единоверцев, где печатались дораскольские церковнославянские книги). Рукописные тексты, находящиеся в обороте у староверов, относились к таким жанрам: каноны, отрывки из Евангелий, чин крещения, похоронный чин, рукописные книги для крюкового (знаменного) пения, Ветхий Завет, Житие Марии Египетской и др. Имеется большое количество записей духовных стихов, но орфография в них уже не всегда каноническая.

В процессе Богослужения староверы используют книги, изданные до раскола, или перепечатки с них, а также рукописи. Чин чтения и показатели смыслов в тексте, на наш взгляд, тоже восходят к дораскольному времени. В новоправославии многое из исконных чинов (правил) вытравлялось. Кто не принимал новшества, считая их неправильными, погрешительными, тех сжигали, четвертовали, морили голодом и т. д. За контакты со староверами тоже преследовали или старались вызвать отвращение к ним, создавая различные небылицы о чудовищах-старообрядцах. Все это привело к тому, что ученые даже не пытались исследовать чин чтения у староверов, на котором бы утраченные особенности старорусской орфографии в процессе реформ Петра I раскрылись. Да и староверы едва ли бы допустили исследователей до себя, потому что боялись преследований. Автор данной статьи – выходец из староверов, поэтому, волей случая, нам удалось зафиксировать с различной полнотой те или иные особенности значения различных графем.

Нами обследовано более 7000 человек. Первые информанты – грамотные староверы, родившиеся ещё в XIX веке (10 человек – 1879 года рождения, 53 – 1881, 12 – 1887 и т. д.). Среди староверов много долгожителей, и до последних дней жизни у них сохраняется

¹¹ Тува вступила в состав СССР только в 1944 году, а границу открыли в 1954.

ясный ум и физическое здоровье. Следует отметить, что поколение староверов, рождённых до 1920 года, проживающих на Малом Енисее и на юге Красноярского края, сознательно владело правилами церковнославянского правописания. Каждый третий мог объяснить, почему избран тот или иной способ написания, и понимал, какой смысл передаётся им. В настоящее время только единицы имеют представление об этом.

Собранные нами материалы убеждают, что показателями смысла в церковнославянских текстах являются не только слова, но и варианты букв и надстрочные знаки.

Рассмотрим теперь опознавательные знаки, формирующие смысл в церковнославянских текстах. Надстрочные знаки появились примерно в XIV столетии («Первый Чудовский новый завет»). Просодии (различные типы ударений) стали писаться в русских памятниках с конца XIV века как «централизованной кодификации правописания, связанной с так называемым вторым южнославянским влиянием» [Осипов 1992, 79]. Н. А. Мещерский отмечает, что надстрочные знаки письма характерны только для всего XV и начала XVI столетия, исчезают они совсем после широкого распространения книгопечатания [Мещерский 1958, 25]. В ходе реформы русской графики Петр I ликвидировал знаки ударения [Черных 1952, 93; см. также 1.1]. В письменной культуре староверов эта система дополнительной графики сохранилась.

В качестве иллюстрации приведем такие примеры.

В церковнославянских печатных памятниках используется три буквы для обозначения звука [и]: и «иже», ї «и» (перевод: «он», «его»), – ѵ «ижица» и каждая из них играет собственную их роль в образовании смысла. Опознавательные знаки для гласной фонемы – это различные типы просодий. Буква ї – «и», как отмечают исследователи, передает то звук [j], соединяясь лигатурой с последующей гласной буквой: (ѣ [jа]), ю [jу] и т. д., а без лигатуры включает в себя и значение <j> и <i> в начале слога. Такое произношение напряжённого [и] наблюдается и в современной живой речи староверов. С другой стороны, все буквы несут на себе определенное ментальное значение. Так, буква ї в начале слова перед согласной буквой показывает значение высокого, божественного. Слово їсусь под титлом всегда пишется с буквой ї ѣѣ. Совокупность этих графических средств и формирует значение – Бог, Сын Божий.

Без титла это слово пишется с буквой **н** – «иже»: **Нѣꙋꙋ ъ**. Совокупность этих знаков формирует на письме значение личного имени человека, например: *Исус Навин*.

Следует отметить, что и в начале слова перед гласной в словах, обозначающих личное имя, тип начертания буквы тоже избирается в зависимости от «значения», где буква **ѣ** несет значение «духовности», а **Н** – земного, например: **ѣ ѿ а н н ъ** (= пророк, святой) и **Н ѿ а н н ъ** (личное имя несвятого) и др.

Такую же картину указывали староверы и в отборе букв в личных именах, где буква стоит в положении между согласными. Очень показательны в этом плане имя *Симон*. Например, в предисловии к «Апостолу» из «Сказания святого Епифания» рассказывается, что «Святой Петр, Сѣмонъ сынъ Юнинъ, от племени Сѣмѣона» и там же: и Симону волхву. Данные графические знаки, передающие то или иное значение, сопровождаются и смыслом, который формируется в контексте. Значение слов: «племя Сѣмѣона» связано со святостью апостола Петра, поэтому в них избирается буква **ѣ** и **ѿ** (он великий), а СИМОН – волхв (=колдун, служитель сатаны), поэтому и имя его передается «небожественными средствами» – буквами «и» и «о».

Согласные невыносные буквы, обозначающие звук [з] буквами: «земля» **ѣ** и «зело» **ѿ**, избираются на основаниях отмеченного противопоставления. Распределение староверами слов с буквами, обозначающими один и тот же звук, по двум смысловым каналам – не новое явление, оно унаследовано: сохранено от дораскольного периода, потому что в «Азбуках» XVII века указано: слобу всякоу и слое, и слыхъ пиши «селом» [ДРС, 37]. Староверы на Енисее букву «зело» еще называют «змейкой», связывая это значение со «змеем-обольстителем» – сатаной.

Обобщая приведенные примеры, стоит подчеркнуть, что из всех смыслов, сформированных в нетрадиционной системе знаков кириллического письма, мы актуализируем только два: мировоззренческий и грамматический. К мировоззренческим мы относим все смыслы, связанные с духовной стороной Православия – благочестием и греховностью. Благочестие ведёт к наследию Царства

Небесного, а греховность – к наказанию в аду. Этот смысл мы определяем как *этический* и обозначаем его как *Православный менталитет*. В Православии основным знаком является такое поведение, которое позволит обрести Рай в загробной жизни, но выполнить это очень трудно. Мешает этому унаследованная греховность от Адама и действия сатаны. Актуализированное положение менталитета распределяется по двум линиям противопоставления: *небесный и земной*, каждая из которых имеет свой набор слов.

Небесный	Земный
Божественный	Греховный
Горнии	Дольнии
Богъ	Сатана
Святой	Грешник
и т. д.	и т. д.

Значения этих противопоставленных рядов могут сужаться, выражаясь в определенной конкретике, или расширяться до обобщений (обобщенных смыслов).

Проанализируем два предложения, в которых дано слово «бог» в формах, где наблюдается вторая палатализация, т. е. словоформы со звуком [з]: 1. *Нэсть подобен тебѣ в боээхъ ꙗи*. 2. *О ꙗѣ ствримъ силу и той оуничжитъ стужающыя намъ..* В первом предложении слово прописано полностью и с буквой «сзлѣ» (=змежкой), а во втором – с титлом и с буквой «земля». Набор графических средств позволяет перевести в первом предложении слово как языческие боги – идолы, а во втором – как Живой Бог. Поэтому перевод всего предложения староверы представили так: 1. Нет подобных тебе в языческих богах (=идолах), Господи. 2. Обратимся в своей вере к Живому Богу (=уверимся в Живом Боге), и тот уничтожит противников (смущающих на грех: сатану; людей, смущающих на поступки, не угодные Богу).

Грамматическое значение тоже может передаваться типом графемы. Так, Ѡ (он) и ѡ (омега) разграничивают формы дательного падежа единственного числа и множественного числа: рабѠм (=рабОм) и рабѡм (рабАм). Выбор буквы е (есть), є (есть) и э (ять) служит разграничением личных и возвратного местоимений, например: мене /менэ; глаголов (в спрягаемой форме и в повелитель-

ном наклонении), имён существительных (в звательном падеже и словоформ дательного и местного). Буква *есть* стоит после твёрдых согласных, а *ятъ* – после мягких, поэтому словоформу можно определить и на слух. Правильно произносили данные словоформы и безграмотные староверы, знавшие много текстов наизусть, например: [мэнэ / мэн'е] (=меня и мне).

Разграничение смысла проходит и на основе знака-просодии или титла. Значение «небесный» на письме обозначается или титлом, или выносной буквой, которая может употребляться как без дополнительного знака, так и с дополнительным знаком над ней. Дополнительные знаки – это титла. Используется три графемы для обозначения титла:

1) ~ , 2) , 3) . Два последних: (= «камора») и («апостроф (-фь) великий») являются одновременно и знаками-просодиями, которые (=раб) и рѣбъ (=рабов). Различаются эти слова не только визуально (знаками-просодиями – оксией и каморой), но и в процессе чтения, где смыслы слов разграничиваются интонацией. Первое слово читается (произносится), как в современном русском языке, а во втором слове гласный «а» под знаком каморы произносится как закрытый долгий, поэтому на слух и улавливается разница в значениях слов. Таким образом, надстрочные знаки выражали разные грамматические смыслы слов, написанных в строке одинаково. Если сокращённое церковнославянское слово написано под титлом с выносной буквой, то буква и титло являются, во-первых, одним знаком, в котором закладывается два смысла: символика горнего и особый тип интонации.

С другой стороны, знак – выносная буква всегда раскрывает способ чтения сокращённого слова: знак-звук, фонему, например: **КРѢЪ**. Смысл данного слова формируется двумя знаками: титлом, являющимся опознавательным знаком символического значения *духовный, горний*, и выносной буквой, соответствующей фонеме <с>. В-третьих, выносная буква носит имя «слово», указывая на то, что смысл слова *крест* – духовный, горний, это крест, на котором распяли Христа – Бога-Слова, Иисуса Христа. Значение «числа» у данной буквы староверы актуализировали так: *«У выносной буквы есь ишо один вид. Это Христос в двух ипостасях: Бог и Человек. Ну знак-то этому число двести в букве “слово”. Умножение два на сто говорит о бесконечности этих ипостасей»*.

В качестве знака у выносной буквы может быть и значение, которое формируется типом начертания буквы, например, в слове

ѢѢѢѢѢѢ выносная буква имеет три знака: первый опознавательный знак формирует смысл на основе имени буквы «глаголь» (=благовествовать, то есть сообщать, говорить о чём-то духовном, горнем); второй знак оформляется в начертательном типе буквы, которая имеет форму угла, ассоциируемого со значением *Бог*, поэтому значение данного слова на основе опознавательных знаков можно по-русски понимать как «говорит Господь», а он может только *благовествовать*, то есть вещать о спасении человеческого рода. Символический знак числа «три» *знаменует Святую Троицу, о чём Христос благовестует. Христос в Евангелии раскрыл, что Бог – это Троица: Отец, Сын и Святой Дух.*

Таким образом, описанные знаки в строке и над строкой позволяют управлять всеми видами речевой деятельности: процессом чтения, письма, говорения и аудирования. Это приводит к выводу об особой значимости надстрочных знаков, которая продолжала культивироваться в письменной культуре староверов, когда уже в других сферах использования кириллического письма обсуждаемые значимости были утрачены. В контексте нашей коллективной монографии важно подчеркнуть, что эти данные красноречиво говорят о возможностях кириллического письма, не востребованных в современной письменной практике¹².

¹² Данные материалы могут использоваться и при выпуске духовной литературы, т. к. большинству издателей эта «азбука» не известна. Староверы и автор теперь видят ошибки в употреблении вариантов букв в строке, использование знака титла и т.д. Рассмотрение особенностей знаков письма в строке может быть использовано и исследователями в вопросе по развитию аканья и появлению в русском произношении триады длительности гласных звуков.

Глава 3. ЛАТИНИЦА

В этой главе рассматриваются отношения латиницы и кириллицы в русской письменной практике разных эпох. В разделе 3.1 в соответствии с его общим названием «ЛАТИНИЦА И РУССКОЕ ПИСЬМО» дается обзор оценок латиницы и ее значения для отечественного письма в историческом аспекте – от IX века до наших дней. Раздел 3.2 «ЛАТИНИЦА ПРОТИВ КИРИЛЛИЦЫ И VICE VERSA» содержит интереснейшие факты, говорящие главным образом о противостоянии этих двух систем письма. В разделе 3.3 «ЛАТИНИЦА В ОНОМАСТИЧЕСКОМ ЛАНДШАФТЕ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ГОРОДА» в подтверждение мысли о новом современном этапе отношений кириллицы и латиницы приводятся факты из городской среды российских городов – ХАБАРОВСКА (3.3.1), ЧИТЫ (3.3.2), КРАСНОЯРСКА (3.3.3) и ВЕЛИКОГО НОВГОРОДА (3.3.4). Квалификации авторов разных фрагментов главы могут расходиться, но разнонаправленность и создает коллективное поле анализа и оценки, нужное для нашего жанра и неизбежное в нем.

3.1 ЛАТИНИЦА И РУССКОЕ ПИСЬМО

Известно, что латинский алфавит, используемый во всех частях света, был создан, как и кириллическая азбука, на основе греческого. Их сходство в наши дни очевидно: совпадают начертания целого ряда современных прописных букв, хотя звуковые значения их могут различаться – **А, В, С, Е, Н, К, М, О, Р, Т, Х**. Но это сходство сформировалось не так давно, как результат реформы Петра I (см. раздел 1.1). До реформы оно обнаруживалось лишь в трёх случаях: **і – і; к – како, о – он** (а также **о Magnum**) [Копиевич 1700, 3].

Сосуществование двух графических систем в славянском мире сложилось исторически. Как известно, выбор того или иного алфавита (азбуки) был связан с вероисповеданием. Распространение латиницы предопределялось экспансией католицизма. А в православии использование латиницы считалось неприемлемым, непризнание богослужения на латинском языке – одно из основных образцовых отличий православной церкви.

Вместе с тем латинский язык был издавна знаком славянским книжникам. О знакомстве с латинским (и греческим) алфавитом древних славян писал черноризец Храбр: **«Словене... крестивше же ся, римьскими и гръчьскими письмены нуждахуся писати»**. Но латинскими и греческими буквами нельзя было передать многие славянские звуки. Так называемые Эммерамские глоссы в каноническом сборнике последней трети IX в. (самые архаичные славянские глоссы в латинском тексте из числа известных), представляющие использование латиницы в качестве славянского алфавита (**isiku, komusdo, imeti, bepoveleni**), свидетельствуют о «неустроенности» латинского алфавита для славян: им невозможно передать ни носовые гласные, ни произносительное качество ятя (скорее всего, дифтонга), ни различия между звонкими и глухими согласными, ни конечного (слабого) ера, ни других фонетических особенностей [Верещагин 2001, 8–9].

Благодаря Кириллу и Мефодию славяне получают возможность использовать свою письменность, свой язык: **«Аще въспросниши словенския бѹкаря, глаголя: кто вы писмена сотворишь естъ, или книги прѣложилъ. То вси ведятъ, и отвѣщавше рекѹтъ: стынъ Константинъ Философъ, нарицаемыи Кирилъ, тъ намъ**

писмена сотвори и книги прѣложи, и Мефодіе, брат єго» [Цит. по: Селищев 1951, 67]. О замене латинских букв вновь изобретенными славянскими буквами говорится в анонимной записке “Об обращении каринтийцев”, составленной в 873 г.; там отмечается, что тем самым вытеснялось и римское учение, унижалось в глазах народа славянского отправление богослужения на латинском языке [Макарий 1994, 53]. Знакомство славянских книжников с латинским языком отражается и в древних славянских текстах, где встречается наречие *по-латиньскы*. и *бѣ написано євренскы и гръчьскы латиньскы* (Зогр., Мар., Ас., Боян., Сав.) [СтС, 304].

С деятельностью Кирилла и Мефодия связано и первое упоминание слова *латины* – в Лаврентьевской летописи под 898 г. в рассказе о «пилатниках», которые, борясь с Кириллом и Мефодием, признавали языками богослужения лишь греческий, латинский и еврейский («не достоит никоторому же языку иметь букв своих разве еврей, грекъ и латинь»). Под 988 г. помещено епископское наставление Владимиру: «не переимай же учение от латин, их учение развращено» [Полное 2001].

Таким образом, первые упоминания латинского языка (и латинского алфавита), свидетельствуя о существующей традиции использования его как языка церковного, вместе с тем сообщают о его чуждости славянам, стремящимся иметь свою азбуку, свой язык богослужения. И для Древней Руси *латинский* – это не только «написанный на латинском языке», не только «римский», но и «своейственной чуждой вере» – «католический».

В восточнославянских текстах конца XV–XVII вв. круг производных лексем от корня *латин-(латын-)* расширяется: *Латина*, *латына*, *латыня*; *Латининь* и *латынин*; *Латинникъ* и *латынникъ*; *Латинный*; *Латинномудренник*; *Латиномудренный*; *Латинство* и *Латынство*; *Латинствовати*; *Латынцина* [С XI, 178–180]. Более частотными у данных лексем являются значения, связанные с католицизмом: «католичество, католик, католические страны, католическая церковь». Продуктивность этих новообразований во многом обусловлена культурно-языковой ситуацией юго-западной Руси, где церковнославянский язык, став символом сопротивления католицизму, полонизации, противопоставлялся языку латинскому и польскому. И новые значения у уже бытовавших лексем, и новые

слова были необходимы для именования и обличения приверженцев католического вероисповедания.

В XVII веке на Руси наряду со стремлением к самобытности, к сохранению традиционных ценностей начинает проявляться интерес к ранее чуждой европейской культуре. Влияние западноевропейской образованности допускается в Москве в силу практических потребностей страны, которые не могли быть удовлетворены своими средствами. Так, еще Максим Грек, говоря о необходимости учения, восхвалял западные школы (тотчас оговариваясь, что хвалит не латинство, а науку). Со времени Алексея Михайловича становится очевидным начало преобразований в жизни Московского государства [Платонов 1917].

Нужда заставляла правительство приглашать иноземцев – в Москве появилось и осело много военных и торговых иностранцев. И хотя чистота национальных верований и образа жизни оберегалась от них, их влияние на русскую книжность, на образование было весьма заметным, появляются пока немногочисленные переводчики с латинского языка и с западноевропейских языков.

В XVII в. знание латинской книжности, не только греческих, но и латинских источников уже не редкость в Москве. Так, составитель Четиих Минеи митрополит Ростовский хорошо знал классиков, следил за ученой латинской литературой и ужасался невежеству духовенства в своей епархии. При патриархе Филарете, много делавшем для просвещения, в Чудове монастыре была заведена патриаршая греко-латинская школа, которая в 1633 году уже подавала иностранцу-путешественнику Олеарию надежды на лучшую будущность. В 1648 г. боярин Ф. М. Ртицев построил близ Воробьевых гор Андреевский монастырь, где также основал греко-латинскую школу [Якимович 1985, 8]. В описях книг царевича Алексея Алексеевича (во второй половине XVII в.) значатся лексиконы письменные: словенский с греческим и латинский со словенским [Пекарский 1862, 188]. В восьмидесятые годы XVII в. создается Славяно-греко-латинская академия. В XVIII в. её наставники, а нередко и ученики, вызывались из Киева; а науки преподавались на латинском языке.

О распространении латинского языка на Руси в XVII в. свидетельствует и употребление латинского алфавита в качестве тайнописи. «Несомненно, при этом известную роль играла и школа с ее латинским языком преподавания: поэтому и записи латиницей часто находим в XVII в. и еще чаще в XVIII в. именно на книгах либо

школьных, либо писанных или принадлежащих бывшим школьникам или преподавателям» [Сперанский 1929, 70]. Отмечается, что «провести границу между тайнописью и обычной записью иногда невозможно. Такого рода – большинство случаев, когда русский писец начинает писать латиницею самые обычные вещи. Из массы примеров подобного сорта достаточно привести для того, чтобы судить о характере применения к русскому письму латинской азбуки, хотя бы следующее: на евангелии б. Виленской публ. Библ. XVII в. № 31(1) по листам внизу читаем: «Siu knihu nazvanuiu ewanhelia kupiu jnok otes Hury w horodi Newliu y dal za nego Rusky monety rubli czety» [Там же, 71]. Учёный замечает, что подобные записи могли быть вызваны желанием щегольнуть знанием латинского алфавита.

Осознание латинского языка как языка духовного образования, как языка европейской науки приводит к составлению словарей и учебных книг. Издаётся целый ряд латинских грамматик, среди них уже упомянутая первая латинская грамматика, предназначенная для учеников, говорящих на русском языке [Копиевич 1700]. Показательно, что составлена она соратником Петра И. Ф. Копиевичем, принявшим активное участие в преобразовании церковной печати и в издательской деятельности конца XVII – начала XVIII вв. Для нужд академии составляется из разных учебников Греции и Италии Славяно-греко-латинская грамматика [Пекарский 1862, 190]. Латинско-славянский лексикон подготовил во второй половине XVII в. Епифаний Славинецкий. **Лезіконъ трезычный** (славянский, греческий и латинский) издаёт в 1704 г. Ф. Поликарпов. Среди более поздних учебных пособий можно назвать **Начала писменъ дѣтемъ къ наставленію на латінскомъ языкѣ** (Напечатано в Московской типографии в 1739 «повелением императорского величества Анны Иоанновны при позволении Святейшего Синода»). В этом издании, предназначенном, по-видимому, для семинарий, латинский текст дублируется церковнославянским.

Подобное совмещение латиницы и кириллицы отмечалось ранее в текстах Западной Руси, хотя время их бытования непродолжительно: с конца XVI в. до 30-х годов XVII в. [Толстой 1988, 67]. Появляются и книги на европейских языках, использующих латиницу: немецком, итальянском и др. Активизируется деятельность переводчиков. Позже латинский язык используется и в государственных документах.

Известно, что при реформе русской азбуки, ставшей символом преобразований Петровского времени, начертания букв приблизились к латинице, получив закругленную (латинизированную форму). Ведь именно на латинский алфавит, ориентировался Петр, иницируя создание нового гражданского шрифта, связывающего Россию с европейской культурой. Знакомство Петра с латинским алфавитом, алфавитами европейских языков позволило ему достичь своей цели: новая русская азбука – гражданница, предназначенная для светских текстов (исторических и мануфактурных книг) приблизилась к образцам печати европейских книг.

Однако новая азбука не была совершенной, и это осознавалось не только в академических кругах XVIII–XIX вв., но и образованными людьми разных профессий, что приводило к поискам путей исправления азбуки и даже её перемены: желающие усовершенствовать русскую азбуку неоднократно предлагали её латинизировать. Такого рода идеи высказывались как в XIX в., так и в XX в.

Обзор попыток латинизации русской азбуки в XIX в. представил Я. К. Грот, разбирая:

- изданную в 1833 г. брошюру «Новые усовершенствования литеры для русского алфавита» неизвестного автора;
- две работы К. М. Кадинского – [Кадинский 1842; 1857];
- книгу Засядько «О русском алфавите» (М., 1871) [Грот 1876, 256, 258, 259, 266].

Упоминает Я. К. Грот в этом контексте и В. Г. Белинского, который «доказывал, как было бы хорошо дать нашей азбуке более латинский характер, изменив значение некоторых из её букв и введя новые же латинские буквы, вместо тех которые бы таким образом остались за штатом» [Грот 1876, 257–258]. Необходимость преобразований мотивировали как эстетическими критериями, так и прагматическими: русская азбука, по мнению В. Г. Белинского, недостаточно изящна и чётка; с неудобством русского шрифта связаны неясность при чтении и опечатки; орфография произвольна и трудна и т. д.

Я. К. Грот, весьма критически оценивавший эти работы, заключает: «Попытки ввести у нас латинский алфавит никогда не будут иметь успеха, как не имели его до сих пор. Полуторавековое существование русского гражданского письма и довольно уже богатая

литература, распространение в русской печати, навсегда обеспечивают сохранение нашей национальной азбуки» [Грот 1873, 120].

Однако серьезные социальные изменения в стране пробуждают интерес к вопросам графики, приобретающим идеологическую значимость. Не случайно к мыслям о латинском алфавите вернулись в двадцатые годы XX в. В 1929 г. при Главнауке (Наркомпрос) была образована и работала подкомиссия по латинизации русского языка (руководил ею проф. Н. Ф. Яковлев). Одно из существенных ее положений: русский алфавит – безусловный анахронизм при строительстве социализма, требуется алфавит интернациональный, а таким является латинский. Однако подготовленные подкомиссией материалы оказались невостребованными [Ашнин, Алпатов, 2001]¹.

Девяностые годы XX в. можно назвать временем сокращения сферы использования кириллицы: о нецелесообразности использования кириллического письма заговорили прежде всего в неславянских регионах страны (и бывшего СССР), где ранее существовала иная система письма. Так, Узбекистан, несмотря на весьма негативные культурно-образовательные следствия, отказался от кириллической азбуки, перейдя на латиницу. Не используют её более Азербайджан, Туркмения, Молдавия. Попытки отказаться от кириллицы предпринимает Татарстан. Подобная смена алфавита помимо культурно-исторических факторов, несомненно, имеет и политическую подоплеку. И даже в российских средствах массовой информации появлялись призывы отказаться от традиционного письма и перейти на латиницу. Мотивируются такие предложения новой идеологией «экономической и культурной целесообразности».

Возможно, эти предложения находят сочувствие у некоторой части наших сограждан. Однако очевидно, что такие идеи, вполне

¹ Переход на латиницу активно обсуждался образованными представителями разных народов страны. В 20–30 гг. арабское письмо и иные графические системы, которыми пользовались ранее, вытеснялись латиницей. Во второй половине 30-х гг. латиница начинает сменяться кириллицей, что объясняется изменением национально-языковой политики страны: «советское правительство... приступило к реализации плана ускоренного сближения и слияния народов в «единую советскую нацию» [Шарифов 2007]. Таким образом, например, узбекский язык после отмены арабского письма во второй половине 20-х гг. стал использовать письменность, созданную на основе латиницы, а в 1940 г. перешёл на модифицированную кириллическую азбуку. Использовалась кириллица и в других среднеазиатских республиках, в Молдавии, Азербайджане. Пользовались кириллицей также при создании письменности для ранее бесписьменных народов страны. Была принята кириллица и в Монголии.

вписывающиеся в идею мировой глобализации, отнюдь не безобидны, Кириллическая письменность с ее тысячелетней традицией способствовала становлению государственности на Руси, ее развитию. Общеизвестны достижения нашей письменной культуры: в древности Слово о полку Игореве, Домострой, Житие Аввакума и многие другие памятники, произведения А. С. Пушкина, Л. Н. Толстого, Ф. И. Достоевского, А. П. Чехова. Невозможно представить все эти тексты, написанными латинскими буквами. Сам дух этих произведений, их гений неразрывно связаны с кириллическим письмом. Смена алфавита – это не только разрыв с многовековой традицией, но смена культурной ориентации, переход от унаследованной от предков греко-византийской традиции к традиции римско-католической в ее современном виде.

Думается, что введение латиницы нашей стране все же не грозит, однако очевидно, что употребление ее в современных средствах массовой информации, рекламе, иных текстах городской среды расширяется. Свою роль в современной латинизации кириллической страны играет Интернет и мобильная связь. Современная городская улица пестрит разнообразными вывесками, надписями, рекламными щитами, афишами. Именно те буквы, слова, предложения, что на них начертаны, – «поле битвы» кириллицы и латиницы. При этом нередко кириллица «проигрывает»: она вытесняется латиницей. Внимание потенциальных покупателей, клиентов привлекается различными способами, в том числе и использованием латинского алфавита и иноязычных надписей. Употребление латиницы как бы доказывает высокое качество товара, особенно, если это известные торговые марки (например, *Kodak*). «Иностранное – значит отличное», – так должен думать потребитель товара, услуги (например, *spa*) и т. п., перефразировав известный лозунг советских времен.

Глобализация предопределяет латинизированную (англоязычную) унификацию товарных знаков, торговых марок, «технологических параметров», каких-то характеристик товара. Давая советы по приобретению той или иной бытовой техники, средства массовой информации объясняют вводимую этой машиной в наш быт англоязычную терминологию и даже дают ее варианты. Так, при описании холодильника газета «Мир новостей» использует целый ряд англицизмов и приводит их перевод (!): *Side-by-side* («вариант... когда морозильная и холодильная камеры располагаются бок о бок»), *Зона BioFresh, Fresh Box, Flex Cool* («автономный отсек с так

называемой нулевой зоной, разные производители называют ее по-разному: «Зона свежести», «Зона BioFresh», *Fresh Box*, *Flex Cool*, «0-зона» и т. п.), No Frost («...холодильники оснащены системой размораживания *No Frost...*»), *Multi Air Flow* («многопоточная система охлаждения»), система очистки и ионизации воздуха *Hybrid Plasma*. Степень бережного отношения холодильника к электроэнергии обозначается латинскими буквами от А до G.

Важная роль отводится в современном письме и игре со шрифтами, необычным графическим начертаниям. Латинская буква может появиться в середине написанного кириллицей слова. При этом предпочтительно, чтобы она была прописной вопреки правилам написания русских слов. Особенно широко это практикуется в молодежной субкультуре: при написании имени певицы, названия фильма и в других случаях появляется латинская буква: *МакSum*, *ЖаRa*.

На афишах, сообщающих о развлекательной программе в кафе, клубах, можно наблюдать разные степени латинизации текста. Текст кириллический, но название заведения пишется латиницей: Бар «*SPD*». В других объявлениях кириллические фрагменты сочетаются с англоязычными: обычно латиницей обозначается DJ и его имя. Кириллица используется при указании на праздник. Так, например, *ДИСКО-КЛУБ* (Череповец) сообщает: *22 ФЕВРАЛЯ для вас играет DJ MaxReeva*; здесь же надпись: *С ДНЕМ ЗАЩИТНИКА ОТЕЧЕСТВА*, а ниже *SPECIAL STRIP-SHOW*.

А вот кафе, названное «Поручик Голицин», которое, казалось бы, должно архаизировать свои тексты, используя ер, ять или даже юс малый, вывешивает афишу, где лишь одна фраза кириллическая: *С Нами Праздник Ярче!* Другая фраза слегка латинизирована: *ГалЯ рулит*. Всё остальные надписи англоязычны: *part 1*, *part 2*, *BODY MUZIC*, *LADIES NIGHT*, *girls free to 00.00*, *man 100*.

Необычность графического облика слова, несомненно, привлечёт внимание потребителя, а это и требуется для того, чтобы «товар» покупался.

Это касается и современных модных писателей, в названии книг которых стоит написанное латиницей иноязычное слово, словосочетание (*Media Sapiens* С. Минаева, *Casual* Оксаны Робски). Название другой книги С. Минаева *The Тёлки* использует и латинскую, и кириллическую графику, разрушая привычный облик русского названия и, видимо, как считает автор, создавая тем самым новые смыслы.

Вот уже и будущие учителя русского языка и литературы, подверженные воздействию подобных текстов, в отчете о педагогической практике пишут «*Читаю text*», «*студенткой филологического факультета*». Можно понять такое использование букв в частных записях, личной переписке, но не в официальном документе.

Оценивая использование латиницы в современной печати, средствах массовой информации, текстах городской среды, можно вспомнить о том, что в различных странах наблюдается небезразличное отношение к использованию чужих алфавитов, чужих языков. Так, в Канаде франкоязычный Квебек запретил использование англоязычных надписей, затем позиция законодателей несколько смягчилась и сейчас англоязычные надписи допускаются, однако они должны быть меньшего размера сравнительно с французскими. «Квебекские законы, например, предписывают буквам английского текста на вывесках иметь вдвое меньший размер и быть менее яркими, чем буквы французского текста, и это еще очень либерально: в предыдущем законе, отмененным Верховным судом, английские надписи запрещались полностью. За всем этим строго следит специальная полиция» [Успенский 2005]. Думается, что регламентация использования чужого алфавита должна быть осуществлена и в нашей стране.

3.2 ЛАТИНИЦА ПРОТИВ КИРИЛЛИЦЫ И VICE VERSA

Противостояние латиницы и кириллицы пронизывает историю не только нового русского письма, но и формирования письма других славянских народов.

Опыты внедрения латиницы в кириллический текст можно наблюдать на рубеже XVII–XVIII веков, когда Россия по воле Петра устремилась к «европейскому мундиру», когда русский язык испытал мощное западноевропейское влияние и в процессе реформы русской азбуки кириллические начертания букв были упрощены на манер латинских. В неофициальных письмах Петра встречаем *недостойный Petrus, Piter* (в формулах прощания) и *Sir* как приветствие в письмах официального характера и др.

В первой половине XIX века в русле дискуссий об упрощении русской орфографии решительно возникла мысль о возможности и даже в какой-то степени необходимости замены кириллического алфавита алфавитом на латинской основе. Так, К. М. Кадинский (Кодинский) в 1842 году выступил с программой перехода на латиницу, видя в этом возможность упрощения русского правописания [Кадинский 1842; Кадинский 1842а]. В рецензии на его сочинение в декабрьском номере журнала «Отечественные записки» за 1844 г. В. Г. Белинский выявил в этой программе недостатки и выступил со своим проектом замены кириллицы латинским алфавитом, так же считая, что это станет одним из возможных путей упорядочения русского письма [Белинский 1845].

Через пятнадцать лет после первой публикации К. М. Кадинский вновь обратился к вопросу о латинизации с новым усовершенствованным проектом, в котором изложил свои аргументы в пользу латиницы. При этом он учитывает все факторы, влияющие на выбор алфавитной системы: *лингвистический, экономический, психологический, политико-культурный и эстетический*. В частности, он считал, что латинское письмо «имеет неоспоримое преимущество перед нашим: оно «чище, красивее, разборчивее и занимает меньше места», а «наша варварская азбука придает нам неприятный скифский оттенок, который портит блеск нашей образованности» [Кадинский 1857, 6]. Один из важных его аргументов за латиницу – ее компактность. «История государства российского» из 10-ти томов, например, в латинице могла бы занять всего 5 томов, потому что одна только русская буква *т* занимает 6 % в речи и 9 % на письме. Кроме того – в результате введения латиницы письмо станет «разборчивее и красивее», письменное пространство сократится на 15 % при том же почерке; печать станет «чище и красивее» и печатное пространство сократится вдвое и, как следствие, книги станут дешевле и доступнее для читателя. Кроме того, это станет одним из способов упрощения русского письма – будут устранены лишние буквы [Там же, 16]. И «если мы хотим считаться цивилизованным народом», то мы «должны употреблять азбуку образованных народов» [Там же, 19]. Его заключение решительно и однозначно – латинская азбука выражает звуки русского языка «самым точным образом, на что не способна никакая другая азбука» [Там же, 31].

Программа получила неодобрительные оценки: она «неправильна, ошибочна, груба, даже кое в чем смешна и невежественна»,

потому что «нововведение только там простительно, где без него страдает смысл» [Сенковский 1857, 638, 639; см. также Сенковский 1858].

Вторая половина XIX века – это период, когда вопрос о латинице как возможном эквиваленте кириллицы не утратил своей актуальности, в числе прочих он обсуждался на заседании петербургских педагогов в 1862 г. (Орфографическая комиссия под руководством В. Я. Стоюнина), но не получил всеобщего одобрения [По вопросу 1862]. Дискуссии о переходе на латиницу вызвали мощную волну противостояния. Защитники кириллицы выступали со своими аргументами за утверждение ее в правах, и одной из спланированных контрмер была программа внедрения кириллицы в польское письмо.

«Образцы польского языка в прозе и стихах для русских, изданные П. Д.» – «Wzory języka polskiego. Proza i wierszen dla rossyan, wydane przez P. D.» [Дубровский 1852] – эта книга профессора Петра Павловича Дубровского, заключающая в себе 1) пословицы и поговорки, 2) отрывки из новейших польских писателей в прозе, 3) стихотворения Яна Кохановского и др., адресована тем россиянам, кто имеет интерес к польскому языку. В предисловии её сообщается, что замечательная богатством своих произведений польская литература, «может быть любопытным предметом просвещенных русских читателей, тем более что она принадлежит народу нам соплеменному и нераздельно соединенному с нашим отечеством». Автор уверяет читателя, что «изучение польского языка для русских нетрудно, так же как для поляков изучение языка русского» – некоторым препятствием является лишь алфавитное различие. Цель этой книги – сделать польский язык доступным для русских, и именно поэтому польские слова передаются и в их польском звучании, но графическими средствами русского языка. Очевидно, что книга служила пособием для изучения польской речи преимущественно в ее устном варианте: автор заботился о том, «чтобы для начала, хотя приблизительно показать польское словопроизношение, надеясь со временем представить аналогическое изложение польско-русского правописания» [Там же, II].

Здесь же автор сообщает, что русская азбука использовалась в польском языке «в давние времена», о чем свидетельствуют многие исторические памятники. Так, в «Симбирскомъ Сборникѣ» (М., 1845) (раздел *Малороссія Дѣла*) многие грамоты представителей

польской государственности XVII столетия написаны на польском языке кириллицей. Издатели Симбирского сборника расценивали это как факт исторической значимости, отмечая, что «польские начальники переписывались с русским воеводой и наместником на чистом польском языке – только русскими буквами; ... русский воевода и его подчиненные без всякого труда понимали поляков на их собственном языке» и препятствием служила лишь одна латинская азбука. Фрагмент письма великого гетмана Вишневого к Киевскому воеводе князю Трубецкому выглядел так: *«Любо насъ смерць вруля его мосци, свентеї паменци пана нашего, вишстикхъ турбовала, радзиць еднакъ о своей цалосци Речь Посполита не престане, якобысмы прендоко нашего и сченсливего пана на троне польскимъ мець могли, где разъ поставиона приязнь з Царемъ Его Мосци Московскимъ потвердзона ве вишстикхъ пунктахъ од Речи Посполитеї бендзе. А яко сполне належи нашимъ обоимъ народамъ, такъ вашему, яко и нашему, брониць вяры Христианскеи, такъ счерзе намъ собе допомагаць в тымъ потреба»* [Дубровский 1852, II–III].

Далее отмечается: «хотя и не всегда такое правописание польских грамот точно передает польское произношение, но оно необходимо, чтобы «польский язык был понятнее для русских», и поэтому весь учебный материал книги дается в кириллице: *Къды tego нѣ можемъ, цо хцемы, хцѣмы, но можемъ; Цось учинилъ доброго, нѣжалуй нигды tego; Триеба не доспаць, кто хлѣба хце достаць; Цо любѣмы, то добремъ зовѣмы; Робота никаму не сромота; Строино а глодно, свѣтно а хлодно* и др. [Там же].

В рецензии на эту книгу дается самая положительная оценка этому опыту «замены чуждых латинских букв в письменном употреблении сродственного нам языка нашими», и выражается уверенность, что этот опыт может принести «обильные плоды на почве общеславянских литератур» [Гречулевич 1853, 1–23].

Российская традиция польского письма в кириллице распространилась и на Польшу. После событий 1863–1864 годов «русские устроители и учредители» польского края на волне «патриотизма» «задались донкихотской целью из говорящих на польском подданных Российской Империи сочинить 2 польских народа». Среди «чистой публики» (крамольная интеллигенция и шляхта) было дозволено печатать польские книги и повременные издания в латинице, но при непременном условии русификации местных названий, и в результате этого «под бдительным наблюдением цензуры» авто-

ры таких слов, как *Mińsk, Piotrków* и под. вместо *Minsk, Petrokow* подвергались штрафу. Простонародие же стало «этнографическим материалом для умножения великорусской национальности» [Бодуэн де Куртэнэ 1912, 118]. Именно для внедрения кириллицы были опубликованы учебные материалы для изучения польского языка в кириллице и для россиян, и для поляков, в частности – *Элементарь для дзеци вейскихъ* (СПб., 1865. – 120 с.): *Я естъ Пань Богъ твоѣй, ктѣрымъ цѣ вывѣдль зь земли Египетскей, зь дому неволи; разного рода Граматыки ѣзыка польскаго и Буквари.*

Доказательством преимуществ кириллицы перед латиницей для передачи украинской речи стали работы на украинском языке, написанные в связи с изданием в Галиции и Прикарпатской Руси украинских книг латиницей. Эти работы заключали в себе решительные возражения против латиницы, авторы их доказывали преимущества кириллицы для передачи звуков украинской речи [Богдан 1859; Дедицкий 1859 и др.].

История борьбы русинов за кирилловскую письменность, против латинизации алфавита изложена в «Прошении русских выборных людей в Вене о сохранении прав русского народа относительно его языка, представленное государственному министру 30 сентября 1861 г.» (опубликовано в журнале «День» за 1861. № 9).

В публичных лекциях, прочитанных в Нежине и Киеве в 1877 г., профессор А. С. Будилович дает сравнительную характеристику истории русского и сербского письма, отмечает общее в развитии русского и сербского литературных языков в XVII–XVIII вв. и представляет кириллицу как средство общеславянского единения [Будилович 1877].

Натиск сторонников замены кириллицы латинским алфавитом был по-прежнему силен, и свою позицию в этом противостоянии занял академик Я. К. Грот. Он дал ответ тем, кому русская азбука «кажется безобразною», а русское письмо в целом оценивается как «самое неграциозное и неловкое отродье щеголеватого письма греков». В защиту русского письма он писал, что русские буквы не так резко отличаются от греческих или латинских, а некоторые совершенно тождественны, и лишь те немногие, которые обозначают особые звуки, имеют «своеобразное начертание». Но, отмечает автор, ... «едва ли труднее удержать в памяти фигуру, напр., нашего *ч* или *щ*, нежели при изучении хоть польского языка, употребляющего латинское письмо, запомнить значение соответствующих им

сложных начертаний *cz* и *szcz*». Главная трудность, по его мнению, не в знаках, а в звуках, ими выражаемых. Он отмечает также, что попытки ввести латинский алфавит «никогда не будут иметь успеха, как и не имели до сих пор», поскольку «полуторавековое существование русского гражданского письма и довольно уже богатая литература, распространенная в русской печати, навсегда обеспечивают сохранение нашей национальной азбуки» [Грот 1873, 163].

Прием употребления слова в его исконном графико-орфографическом облике был распространен в русском языке XIX века и в дооктябрьский период XX – отсюда значительное присутствие латиницы в русских текстах. В языке Пушкина нетранслитерированные явления из разных языков занимают значительное место не только в романе «Евгений Онегин», но и в других его текстах разных жанров: в лирике и поэмах, в прозе и публицистике, в исторических сочинениях, автобиографических заметках и письмах [Васильев, Савина 2000]. Всем хорошо известен роман Л. Толстого «Война и мир» с его страницами текста на французском языке.

Показательны в этом отношении примеры из «Полного словаря иностранных слов, вошедших в состав русского языка» (Изд-е Е. В. Печаткина; СПб., 1861), где некоторые словарные единицы даны в графико-орфографическом облике языка-источника:

Abat-vent (*аба-ванъ*) *фр.* Навѣсъ отъ вѣтра или дождя.

Alzamento di mano (*Альцаменто ли mano*) *Итал. Муз.* Поднятие руки.

Dames d'honneur (*дамъ д'оннеръ*) *фр.* Почетные дамы.

Vice-verse (*вице-верса*) *лат.* Наоборотъ и многие другие.

Это свидетельства законности латиницы в пределах кириллического текста. Как и конкретное высказывание: «... Есть много латинских слов, вошедших в наш язык, которые пишутся по-русски, и только весьма немногие почему-то сохраняют преимущество являться в латинской графической подлинности. К таким словам относятся *taxitum* и *minitum* ...» – это свидетельство конца XIX века [Бычков 1889, 42].

В общем контексте проблемы представляет интерес работа «О рациональной передаче греческих и латинских слов в русской речи и в письме» [Иванов 1881]. Систему передачи греческих и латинских слов на русский язык, которая нашла сочувствие в среде многих филологов и имела некоторое практическое воплощение, уче-

ные оценили «ложной и бессмысленной», «унизительной для национального достоинства», «насилием над родным языком» и нарушением его прав [Соболевский 1882].

Вопрос о латинице как о возможном эквиваленте кириллицы не обсуждался на заседаниях орфографических комиссий, деятельность которых была направлена на подготовку реформы орфографии, хотя в этот период он не только не утратил своей актуальности, но получил дальнейшее развитие. Так, предлагается народная русская азбука из 24 букв, как и в латинском, взамен имеющихся 36 [Езерский 1914], затем высказывается мнение: переход на латиницу – это необходимая мера для величия России, которая должна быть во всех отношениях европейской: «великая европейская держава, а не азиатская, как стараются уверить немцы»; это необходимо, чтобы «грамотный русский солдат» не оказывался в тупике «перед немецкой картой, потому что Berlin и Suvalki будет написано одинаково» [Васильев 1916, 8].

В период проведения орфографической реформы в 1917 году вопрос о возможной латинизации снова возник, но только в послеоктябрьский период ее проведения в «недрах» советского правительства. Он обсуждался в неофициальном порядке, однако был снят с повестки дня по причине его несвоевременности и с намерением вернуться к нему в лучшие времена. Об этом свидетельствует высказывание В. И. Ленина, приведенное А. В. Луначарским в статье 1930 г. «Латинизация русской письменности», которая в общем контексте орфографического движения и латино-кириллического сюжета не была случайной: *«Если мы сейчас не введем необходимой реформы – это будет очень плохо, ибо и в этом, как и во введении, например, метрической системы и григорианского календаря, мы должны сейчас же признать отмену разных остатков старины. Если мы наспех начнем осуществлять новый алфавит или наспех введем латинский, который ведь непременно нужно будет приспособить к нашему, то мы можем наделать ошибок и создать лишнее место, на которое будет устремляться критика, говоря о нашем варварстве и т. п. Я не сомневаюсь, что придет время для латинизации русского шрифта, но сейчас наспех действовать будет неосмотрительно. Против академической орфографии, предлагаемой комиссией авторитетных ученых, никто не посмеет сказать ни слова <...> Поэтому вводите ее (новую орфографию) поскорее. А в будущем можно заняться, собрав для*

этого авторитетные силы, и разработкой вопросов латинизации. В более спокойное время, когда мы окрепнем, все это представит собой незначительные трудности» [Луначарский 1930, 22].

В 30-е годы пережит серьезный всплеск стремления к латинице. Как указывает А. В. Луначарский, в это же время турецкое правительство «с большой энергией начало проводить у себя латинизацию», и это «отбило возможность для всяких пантюркистов играть политическую игру на фоне якобы верности старой культуре, чисто мусульманской и турецкой, и объяснять латинизацию шрифтов “гонением” на эту старую культуру со стороны большевиков» [Там же, 20]. Сообщалось, что латинизация в Турции коснулась не только турецкого языка, но и арабского: стамбульское издательство Hilmi Kitaphanesi при издании Корана классический арабский язык передает латинскими буквами. Автор статьи, отмечая поистине изумительную «приспособленность церковников к новым поворотам жизни», пишет: «...безбожная латинизация на Востоке столь успешна, что с ней приходится считаться даже духовенству»; «латинизированная паства постепенно забывает арабский шрифт», создавая невероятную ситуацию: мулла становится «латинизатором арабского языка» [Юшманов 1930, 181–182].

К этому моменту уже была проведена латинизация алфавитов входящих в состав СССР народов, пользовавшихся арабской письменностью; латинский алфавит был введен «в школы, издательства и делопроизводство». В залах Коммунистической академии была проведена выставка латинского алфавита восточных народов, которая продемонстрировала большие успехи [Луначарский 1930, 20–21]. Журнал «Революция и письменность» (!) публикует несколько материалов о латинизации письма в Туркестане [Юнусов 1932], в Узбекской ССР [Юнусов 1932а], на Северном Кавказе [Тахтамышов 1932].

Именно с успехами латинизации на Востоке и латинизации письменности восточных народов СССР связана идея латинизации русского (а с ним украинского и белорусского) письма, которая масштабно развивалась в 30-е годы. В переходе на латиницу выделялись большие выгоды: «максимальная международность», объединяющая не только с Западом, но и «обновленным Востоком»; сокращенное количество букв; облегчение в обучении грамоте; «убористость типографского знака» и – как следствие последнего – экономия [Луначарский 1930, 23]. Для разработки нового алфавита параллельно с орфографической комиссией при Главнауке, которая

занималась подготовкой проекта реформы русского правописания, работала особая комиссия с участием профессоров Жиркова, Коринского, Щелкунова и Яковлева. Нарком просвещения выражал уверенность, что идея латинизации со временем «возобладает и в жизнь будет введена» [Там же, 26]².

Редакция журнала «Культура и письменность Востока» «в виду спорности некоторых положений и аргументов» публикует статью, где введение Петровской реформой гражданского шрифта по латинскому образцу расценивается как «частичная латинизация славянской кириллицы», которая коснулась лишь графической стороны, но требует логического завершения, «дальнейшего шага в сторону фонетической, то есть полной латинизации русской графики» [Яковлев 1930, 27]. «Русский алфавит представляет собою безусловный анахронизм, писал он, – род графического барьера, разобщающий наиболее численную группу народов Союза как от революционного Востока, так и от трудовых масс и пролетариата Запада. ... Сейчас должен быть создан новый алфавит – алфавит социализма» [Там же, 35].

В вечернем выпуске «Красной газеты» был опубликован материал, где профессор Н. С. Державин выразил поддержку давнему замыслу перехода на латиницу, не видя в этом противопозитивных ни с научной, ни с практической точки зрения. Он считал, что нет необходимости «до сих пор путаться с кириллицей, с этим наследием византийщины, когда перед нами стоят широкие задачи международного культурного и хозяйственного общения». Он уверенно заявлял, что «мы подойдем к латинизации и будем решать этот вопрос в международном масштабе для успехов культурного общения». Выступая за создание единой международной латиницы взамен существующей, он вместе с тем отмечал, что это дело будущего [Языковеды 1930]. Хотя «переход на латиницу встретит гораздо большее сопротивление общественной инерции, чем реформы орфографии», считал проф. Б. И. Ларин, но все-таки «недалеко время введения у нас латиницы» [Там же].

Это были последнее выступление советского периода за латинизацию русского письма. В дальнейшем после неудачных попы-

² Следует особенно подчеркнуть, что в повестку дня предшествующих орфографических комиссий (Орфографическая комиссия под рук. Р. Ф. Брандта (1901); Орфографическая комиссия 1904 г.; Орфографическая подкомиссия, возглавляемая Ф. Ф. Фортунатовым; Подготовительная комиссия 1917 г., возглавляемая А. А. Шахматовым) вопрос о латинизации не был включен и не обсуждался.

ток ее внедрения в русское письмо латиница несла на себе яркую печать враждебного буржуазного мира, и графические иноязычия были допустимы лишь в терминосфере, особенно в области медицины, фармакологии, музыки.

Постсоветский период обозначил новый поворот в развитии латиницизма. Лингвистические исследования постсоветского периода отмечают характерную для русского языка конца XX – начала XXI столетия свободу его реализаций; указывают на сверхактивную жизнь языка, характеризуя этот период как период интенсивного действия всех его механизмов. Выявленные особенности жизни языка нашли отражение и в его письменности, и одним из проявлений его свободного существования (наряду с параграфемикой и внедрением элементов дореформенного письма в современный текст) оказалась латиница, которая проникла в письменность городской среды, в периодическую печать, в рекламные тексты.

Это со всей очевидностью проявляется в том, что названия иностранных реалий (фирм, магазинов, журналов, газет, фильмов и т. д.), которые в советский период передавались посредством транслитерации или транскрипции – но только кириллицей, входят в современный русский текст в своем исконном, инографическом для русского письма, облике:

ежедневная деловая газета «Ведомости» издается совместно с «*THE WALL STREET JOURNAL & FINANTIAL TIMES*»;

марки автомашин *Carisma, Land Cruiser, Mazda, Pajero, Nissan, Honda* и другие;

маски *Commedia dell'arte*,

товары фирмы *Adidas*,

напитки *Coca Cola, Sprite* и пр.;

Jack Pot – зал игровых автоматов;

фильтр *Stream Tee*;

золотая медаль *Grand Prix*;

британская компания *Pearson* и китайская *CTV Media*;

компания *Encore International Liberty*,

подразделение *Media Group*;

муз. группа *Scorpions*;

диск *John Lennon. Come Together* и другие.

В иноязычном облике предстают современные преysкуранты: преysкурант в буфете Российской государственной библиотеки (февраль 2001): *Dirol* – 10 р. *Dirol kids* – 5 р. 50 к.; *Stimorol* – 9 р.

Stimorol (ananas, real mint) – 5 р. 50 к.; *Super* – 12 р.; *Mynthon* – 10 р.; *Chewits* – 8 р.; *Boomer* – 2 р. и множественные другие.

Письменное пространство современного города, периодических изданий и телеэкрана активно включает графико-орфографические элементы иносистем для письменной фиксации русского слова: бистро *STOPKA*; магазины *ALEXANDRA* и *Mashunya*; *Bank Enisey* и другие; наряду с русским именем – его транслитерация средствами латинского алфавита (издательство «Планета» – «*Planeta*»); рядом с русским – иноязычное («*Обувь*» – «*Shoes*»; «*Currency exchange*» – «*Обмен валюты*»); Степан Мезенцев и К – *Stepan Mezentcev & C*); иноязычное и его транскрипция средствами русского алфавита (журнал «*Fit for fan*» – «*Фит фор фэн*»; магазины «*Second hand*» – «*Секонд хэнд*», *L'eskal* – *Л'эскаль*, *Loreal* – *Лореаль*); трехвариантное название банка в Москве (Б. Никитская, 57): *Объединенный банк* – *Objedinenny bank* – *Joint-stock commercial bank*; спектакль по пьесе У. Шекспира «Макбет» в Красноярском драматическом театре – *MacBeth*.

Случаи трансформации иноязычного слова средствами русского письма редки: бар *КОФЕ ХАУЗ* в Москве (Гоголевский бульвар 3/2); *М-р Доорз*, *Бесм Керамикс* и немногочисленные другие.

«Союз» латиницы и кириллицы создает своеобразный русско-латинский гибрид в пределах словосочетания или фразы:

– **фраза:** щитовая реклама в Москве: *Работа студентов в American Camp* к *American Chickens*; *Бальзам после бритья Nivea for men*; *Купи a la Carte*, *Магазин Nota bene*; *Итоги вместе с Newsweek*; *Братство from USA*; *Иванушки International* (молодёжный ансамбль); *Hyundai Flantra* под европейским соусом; Тестдрайв *ELANTRA*); В фокусе – *Focus* и другие.

– **слово:** *CLASSIC* мебель, *DISKO* город, *TOYOTA*-центр; спектакль театра им. М.Н. Ермоловой *Сальери Forever*; х/ф «*STAR TREK – ЗВЕЗДНЫЙ ПУТЬ*»; *Союз Travel* (тур. фирма); телепрограмма *GALADANCE-шоу*; «*АДРЕНАЛИН WEEKEND*»; *Master* своего дела (АиФ на Енисее. 2004. № 37. С. 5); *Honda* Центр; *TOYOTA*-центр в Красноярске; Иван *Smith*, автор статьи «Современный антиквариат» (Новое лит. обозрение. 2001. № 5. С. 368–370) и другие.

Латиница внедряется в русское слово, взрывая словообразовательную модель и разрушая присущий ему орфографический облик:

– **словокомпонент:** программа на MTV о жизни знаменитостей *Starmрек*; торговый дом *SIBсервис* и предприятие по авторемонту *АвтоZONA*; сибирские *BEST'ш*; *Corientiry* в красноярских газетах; *Deadушки* (рок группа); *Newвинка* (надпись на аудиокассете); *RECORDные* новости и *SOLOвьева* (телеведущая программы «Снято» на московском канале ТВ-6) и *NOSTALьгия* – название рубрики в газете «Вятский край», посвящённой В. Набокову; журналы «*Ровесник*», «*Week-end Курьер*»; *HeIDEALный* бизнес – заглавие статьи в газете «Петербургский час пик» от 13.09.2000; *FANTАстическая* экзотика в рекламном плакате напитка; *ДУХLESS*. Повесть о ненастоящем человеке С. Минаева (М.: Хранитель, 2006); *ЖУРАWELL* – студенческая газета на факультете филологии и журналистики Красноярского госуниверситета; материал под заголовком *БЕЗОПАСНОЕ УДОВОЛВСТВО* в журнале «Cosmopolitan» (1997. № 9) и другие.

– **буква:** сборник новой танцевальной музыки (1999. № 7) – *Просто offигенный сборник*; щитовая реклама *Защити свою идею*. *РегистRация товаRных знаков*; *NZбанк* (Нац. залоговый банк) в Москве; *Дентана* – стоматология; *ЭПИЦЕНТР* – широкоформатный кинотеатр – в Красноярске; магазин *ПРОСПЕКТ* в Улан-Удэ; диско-клуб *КАZАНТИП* и муз. группы *СТРЕЛКИ*, *ИЗЮМ*, *Светская Хроника* от Резанова-Хорошиловой (Комсомольская правда. 2000. 15–22 дек. и другие), журналы «*Новый иностранец*» и периодические издания «*Иностранец*», *GAZETA. com.*; книга А. Тилле *Занимательная юриспруденция* (М., Галарт, 2000) и *ОВИДИЙ* (М., Экспо-пресс, 2000); фамилия модного писателя *Илья Стогоff*; магазин *Живые вина. Попkoff*; охранные системы *Аллигатор*; настоящий автомобильный журнал *АВТОR* и агентство *КОММЕРЧЕСКАЯ НЕДВИЖИМОСТЬ* (www.KN24.ru) в Красноярске; рекламная газета *TEVEВИЗОР* и другие.

Со временем латиница как средство письменной фиксации слова в сознании россиян стала вполне привычной. В русле данной тенденции стали возможны такие графические гибриды, которые уже стали привычными: *Коммерсанть-daily*, *SHЭЙKERS*, *Глюк'OZA*, *САРенина* в программе ТВК-Домашний; *SNOWИДЕНИЕ* профессора (статья А. Боссарт в «Новой газете» за 2002 г. № 75); название книги Т. Огородниковой «*Брачный КОНТРАКТ* или *Who is ху*»; издательская серия *ЖЗЛ* (Жизнь *за*прещенных людей) (см. об этом: [Казначеев 2005]); *ДWESTИХИИ* – две стихии на одной сцене (рок и

электроника) – объявление о концерте музыкальной группы, под-держиваемой компанией «West»; *PrintКОПи* – компьютерная распечатка и ксерокопия.

«Союз» латиницы и кириллицы выражается в таких, например, уличных объявлениях о работе и щитовой рекламе (Москва): *SENATOR restaurant. ROZYCK!* (официант; бармен; администратор), *РЕГИСТРАЦИЯ ТОВАРНЫХ ЗНАКОВ*

Иноязычный словокомпонент *super*, наряду с *new* (*new*-досуг), *lux* (*lux*-тренинг), *VIP* (*VIP*-стоянка, *VIP*-мебель), обнаруживает высокую продуктивность: *super*-мебель; универсальные *super*-шпоры; безумные *super*-новости, *super*-новинка, *super*-читатель, *super*-фанаты, *super*-обзор, *super*-мнение, *super*-фишка, *super*-досуг и другие.

Названия рубрик молодежного журнала «Бумеранг» обозначили основные иноязычные графические элементы в русском письме (*ЧЕЛОВЕК – СПОРТ – ВИДЕО – ЛЮБОВЬ – МУЗЫКА – БЕСТСЕЛЛЕР*). Лидерами графического иноязычия являются литеры **D** и **Z**:

1. *Дивино* (парфюмерный магазин и журнал); *Диско* «Искра» – ночной клуб; *СТУДЕНЧЕСКАЯ ПЛАНЕТА* (рубрика в газете Компартии «Правда России»); *ДОМ КУЛЬТУРЫ* (снимок в газете «Правда Бурятии». 16–23.09.1999.); *НОВОГОДНЕЕ* украшение 2000; фильм А. Иващенко и Г. Васильева *Натуральный кислород* и другие.

2. Магазины *БАРГУЗИН* в Красноярске и *ДИВИЗИОН* (цифровые технологии) в Новосибирске; *сезон охоты, за кадром, за сценой, знакомство, кинозал, звезда, почтовоз, зачитай, засмотри, вруби музыку, из студий, живой звук*, рубрика “*Про жизнь, про секс*” в газете *SPEEDinfo*; *заметки, записки* в молодежной интернет-газете, кинолента *Шуза* и другие.

Знаки латинского алфавита, кроме того, становятся символами русских имен: **i** – информация и знак федеральной целевой программы «Интеграция»; **G** – *ГУТА БАНК* в Москве; **PSB** – *Промсвязь банк* в Москве; **Z** – логотип имени популярной эстрадной певицы *Земфиры*, мебельный магазин *Фронда* и компания *Флагман* – **F** – в Красноярске и другие.

Помимо того, знак доллара все чаще выступает эквивалентом буквы «с»: *Кур\$ валют*; «*Страсти по капу\$те*, или кто зайдет в

огород» – название статьи (Московский комсомолец 20–27.09.2007) и многочисленные другие.

Проявлением иноязычия в русском письме является английский знак «амперсанд»: **журналы КРАСОТА & ЗДОРОВЬЕ; РАБОТА & ЗАРАПЛАТА; ОБУЧЕНИЕ & ТРУДОУСТРОЙСТВО, ЧЕЛОВЕК & КАРЬЕРА** и другие;

рубрики в журнале: СПЕЦИИ & ПРЯНОСТИ, КОРОТКО & ЯСНО;

предприятия ВЫВЕСКИ & ПОЛИГРАФИЯ, ДИЗАЙН & ПОЛИГРАФИЯ; ОКНА & ДВЕРИ и другие;

магазины КОМПЬЮТЕРЫ & ПРОГРАММЫ; ОН & ОНА; КОЖА & ДУБЛЕНКИ; ЧЕБУРЕКИ & ШАШЛЫЧКИ в Москве; **МЕХА & КОЖА** в Барнауле; **ДИВАНЫ & ДИВАНЧИКИ** в Москве, Красноярске и других городах России;

музыкальная группа ПРЕЗИДЕНТ & АМАЗОНКИ;

реклама САМЫЕ СОТОВЫЕ ТЕЛЕФОНЫ & САМЫЕ СНИЖЕННЫЕ СКИДКИ.

В последнее время этот знак проник и в научную литературу: *Быкова & Гуревич, 1955; Живов & Успенский, 1987; Лотман & Успенский, 1982; Панченко & Успенский 1983* – так представлены авторы научных трудов в списке цитируемой литературы в работе Б.А. Успенского «Царь и император» (М.: Языки русской культуры, 2000). Выразительный пример использования этого знака заключен в статье «**ТЕЛЕВИЗОР & КРОВАТЬ** (взгляд на экран с высоты 16 лет)» А. Карахана, где феномен «*телевизор & кровать*» используется как выражение виртуального мира «*поколения next*» (Лит. газета. 1998., 4 нояб.). Помимо всего прочего, латиница выступает в разнообразных вариантах в электронной коммуникации, поскольку многие серверы не принимают кириллицу.

СИВ, выдержавший несколько изданий, включает около 14 тысяч иноязычных выражений, которые употребляются в русском языке в нетранслитерированном виде. Но это выражения из иностранных языков, это иноязычное явление в пределах русского языка, переданное средствами языка-источника. Современный же процесс внедрения латиницы охватывает не только собственно иноязычия, но и явления русского языка

Представленные проявления свободы в русском письме имеют всероссийское и даже (в случае электронной коммуникации) международное распространение. Большой материал, отражающий совре-

менный процесс варваризации, динамику и стратегию использования графико-орфографических иноязычий в латинском облике, их структурные особенности изложены во многих публикациях последнего десятилетия [Шмелева 1997; Григорьева 1998; Григорьева 2004; Дьяков 1999; Эпштейн 2000; Пономарева 2001; Филинкова 2001; Науменко 2003; Филинкова 2003; Эпштейн 2005 и другие]. При этом отмечается, что при передаче русских имен латиницей латиница не гомогенна, а используются достаточно разные ее варианты [Галенко 2000].

Процесс внедрения латиницы в русский текст в постсоветский период является новым только в сравнении с советским периодом. В действительности же его можно считать продолжением традиции, которая была прервана ситуацией орфографического режима советского периода с его строгой ориентацией только на кириллицу. Этот процесс, принявший вызывающие тревогу масштабы в первые годы постсоветского периода, небезосновательно стал основой для прогнозов возможности, а в некоторых случаях даже необходимости перехода на латиницу, что оценивалось как непременная цивилизационная акция в общемировом процессе глобализации и компьютеризации: «... если Россия хочет идти в ногу с прогрессивным миром, хочет быть частью Европы, она должна полностью перейти на латинский алфавит, и рано или поздно она к этому придет» [Арутюнов 2001]. Если этого не случится, по мнению автора, то «другие народы России будут опережать русский народ в своем цивилизованном развитии» [Там же].

Стремления перейти на латиницу и стать частью Европы не чужды Болгарии, которая является колыбелью кириллической письменной традиции. Сербы обеспокоены судьбой кириллицы. Кириллица или латиница? Что лучше для казахского алфавита? – эти вопросы разрешаются в Казахстане. Известно, что в Беларуси создание текста средствами латинской графики для националистически настроенной интеллигенции считается признаком элитарности, знаком оппозиции, противостоящей официальной кириллице [Нарлох 2006]. Татарстан вынашивает планы перехода на латиницу и т. д.

Сложившаяся ситуация порождает пессимистические прогнозы, и латиница в русском тексте оценивается как покушение на кириллицу; представляется нежелательной перспективой XXI в.: «великий и могучий Алфавит, подаренный нам славянскими святыми Кириллом и Мефодием, принесен в жертву кумиру золотого тельца» [Казначеев 2005].

Этому алфавитному пессимизму противостоит другой взгляд на сложившуюся графико-орфографическую ситуацию; взгляд, утверждающий бесперспективность прогнозов о торжестве латиницы (по крайней мере, для русского языка): латынь «спотыкается» о русское слово; посягательство на кириллицу – это «какое-то мертвенное неуважение» к великим культурным традициям православного славянства и младописьменных народов, имеющих письменность на кириллице, а мысли о преимуществах латиницы – антикультурный миф – таково мнение О. Н. Трубачева [Алфавитная 2001]. Хочется верить, что многовековая традиция русского кириллического письма и созданной на нем литературы позволит сделать выбор (конечно же – кириллица) и продолжить тот опыт сосуществования двух систем, который сложился в XIX веке, когда латиница (более старшая по возрасту) выступала как некоторого рода инкрустация кириллического письма.

Есть еще и третий взгляд: в период всеобщей глобализации назрела необходимость в создании общеевропейского алфавита, в котором могут быть использованы не только элементы кириллицы и латиницы, но и ресурсы других алфавитных систем [Ившин 2005; Ившин 2005а; Попков 2007; Осипов 2008; Осипов 2008а]. Но это дело совсем неблизкого будущего.

3.3 ЛАТИНИЦА В ОНОМАСТИЧЕСКОМ ЛАНДШАФТЕ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ГОРОДА

В этом разделе пространство рассматриваемого функционирования латиницы сужается до городской среды. При этом авторов объединяет отношение к городским именам собственным как ономастическому ландшафту города [Шмелева 2007], где сосуществует множество разнообразных и в том числе разноязыких фрагментов, и каждый что-то вносит в ландшафт и зависит от него одновременно [Шмелева 2008; Шмелева 2008а]. Ряд оказавшихся в фокусе нашего внимания городов, конечно же, сложился случайно, тем не менее мы полагаем, что выборка характеризует современный российский город вообще. Во всяком случае, материал и суждения располагают

к дальнейшим наблюдениям и сопоставлениям, а также прогнозам и обсуждениям тенденций.

К сожалению, этот раздел в наибольшей степени страдает без иллюстративного материала, который представлен в интернет-версиях материалов; заинтересовавшегося читателя отсылаем к ним: <http://www.mion.novsu.ac.ru/gev/projects/cur/Kopytov.pdf>; <http://www.mion.novsu.ac.ru/gev/projects/cur/Speranskaya.pdf>.

3.3.1 Хабаровск

В конце 2008-го года произошло, на наш взгляд, знаковое для словаря Хабаровска событие. Наряду с уже имеющимся магазином «**III de-Beaute**» (ул. Муравьева-Амурского, 24а) был открыт магазин «**Иль де Ботэ**» по адресу ул. Муравьева-Амурского, 48.

В 1990-е на главной улице города, ближе к Амуру, то есть к центру исторической части города, неподалеку от Почтамта и краевой Думы, напротив зданий купеческой краснокирпичной, де рюсс и модерн архитектуры встал современный ребристый бетонный куб с большой вывеской по-французски «**III de-Beaute**», без каких-либо русских транскрипций. Правильно прочитать ее могли только знатоки этого самого французского³ да самые преданные покупатели парфюмерии и косметики, которых, конечно, намного меньше, чем тех, кто часто мимо этого здания проходил. В городском диалоге он обозначался описательно, примерно так: «Ну вот дойдете до главпочтамта, дальше будет *такой большой белый парфюмерный*, а там через дорогу и ваше Управление ДВЖД».

Горожан приучали к французскому наименованию с помощью появившейся потом на здании наружной рекламой, где рядом с французским именем бренда красовалась его русская огласовка. Зимой – вошедших в Хабаровске в моду в 2000-х ледовых скульптур и ледовой же наружной рекламой, где «**Иль де Ботэ**» было обозначено уже только буквами русскими. Таким образом, появле-

³ Они, конечно, заметили, что правильно было бы *L'île de beauté*. Кстати, современные предприниматели и имядатели не утруждают себя знанием языков, вывески на которых кажутся им престижными. Это наблюдается в разных городах, см. о Красноярских фактах [Шмелева 2008].

ние кириллического варианта бренда как бы символизировал паритет латиницы и кириллицы.

Хабаровск, как и большинство российских городов, в 1990-х гг. испытал острую моду на иноязычные названия своих объектов – прежде всего магазинов, мест развлечений и заведений общепита.

Пик популярности латиницы в городской среде Хабаровска приходится на конец 1990-х – начало 2000-х годов, что объяснимо. С одной стороны, это годы выхода из кризиса, когда экономическая, коммерческая пассионарность черпалась из самого дефолта 1998-го, то есть недоверия к старым отечественным векторам хозяйственного, финансового, экономического развития, и одновременно веры в зарубежные – американо-западноевропейские «тренды». С другой стороны, в Хабаровске ни на уровне мэрии, ни на уровне краевого правительства, ни на уровне любого из уровней законодательной власти никогда не было ни решений, ни законов, ни даже инициатив, ограничивающих присутствие иноязычной лексики и графики в городской среде⁴.

Готовя этот материал, мы зашли в Юридический отдел администрации (мэрии) г. Хабаровска с вопросом: нет ли в Хабаровской мэрии структуры, которая бы занималась контролем названий городских объектов, в частности, вывесок над предприятиями и учреждениями, их информативной адекватности профилю, выполнения на русском языке или иностранных? Ответ городского юриста был весьма витиеват, но из него всё же можно было понять, что нет такой структуры. А еще был совет перечислить ФЗ «О рекламе» и почему-то обратиться в краевую налоговую инспекцию.

Впрочем, почему бы не обратиться. А обратившись, мы узнаем, что большинство магазинов, поименованных в городском ландшафте «модно, стильно, по-европейски», официально являются индивиду-

⁴ У нас не издавалось законов, подобных знаменитому Областному закону «Об использовании иностранных слов и письменных знаков в рекламе», принятому Думой Свердловской области 28 июня 1996 г. и направленному «против неоправданного увеличения иностранных заимствований, ведущих к утрате национального самосознания» (<http://pravo.levonevsky.org/bazazru/texts23/txt23170.htm>) или постановлению Правительства Москвы от 22 января 2002 г. с детальными императивами, как и что можно и как и что нельзя размещать на «средствах оформления наружной рекламы, информации и оформления города», в частности: «тексты, содержащиеся на вывесках, должны выполняться на русском языке (включая зарегистрированные товарные знаки, логотипы и знаки обслуживания)» (http://www.adenstudio.ru/reg_1.htm). Пресса Хабаровска равнодушна к теме «словарь города», в отличие, например, от прессы Санкт-Петербурга или Махачкалы.

альными предприятиями с вполне традиционными, согласующимися с паспортами владельцев фамилиями, именами и отчествами. Например, «магазин GLAMOUR» на первом этаже отнюдь не гламурного дома на углу Амурского бульвара и ул. Знаменщикова проходит по налоговым документам как «ИП Иванна Ивановна Иванова» (ФИО изменены); флагман хабаровской торговли – торговый комплекс (самопозиционирующий термин – «мегацентр») «НК Сити» недалеко от мэрии, естественно, на центральной улице, принадлежит предприятию со сложным двузаковыченным названием «ИП “Народная компания” Олег Николаевич Пак» (здание столь величественно, что словечко «Сити» на вывеске под крышей вполне русским шрифтом, видно даже с крупнейшего городского моста-развязки).

Нельзя сказать, что в конце 2000-х годов в Хабаровске всё еще продолжается «мода на латиницу». Большинство недавно появившихся заметных объектов торговли, прежде всего продуктовых супермаркетов, именуются вполне патриотично: «**Тамара**» на ул. Ким Ю Чена напротив «Росбанка»; «**Седьмая столица**» на ул. Волочаевской (ост. «Уссурийская»); «**Монетка**», «**Три толстяка**»; «**Пеликан**» и т. д. Любопытно название супермаркета – оптовой базы «**Сам бери**» на ул. Карла Маркса за ул. Большая. Большинство маленьких продуктовых магазинов вообще не утруждают себя номинативной креативностью и называются просто «**Продукты**» или в лучшем случае «**Продукты круглосуточно**».

Большинство хабаровских **банков** – традиционны, то есть ведут свое начало с «перестройки» и вполне «русскоязычны» и «русскографичны»: «**Сбербанк-Хабаровск**», «**ВТБ 24-Хабаровск**»; «**Далькомбанк**» и «**Региобанк**». Особенно важно, что банки, появившиеся в Хабаровске в конце 2000-х, несут на своих вывесках русскую графику: «**Роял Банк**» (так же именуемый в печатно-листовочной рекламе как Royal Bank), и даже филиал «**Райффайзенбанка**» украшают вывески на новой русской гражданке, а не на латинице.

Большинство хабаровских **ресторанов и кафе** – «русскоязычны», и/или их вывески отталкиваются от кириллицы: «**Русь**» в начале суперглавной улицы Хабаровска Муравьева-Амурского, «**Амур**» на ул. Ленина в одноименной гостинице; «**Парус**» в одноименной гостинице в скверике на берегу Амура, где раньше ставили свои особняки дореволюционные губернаторы⁵. Весьма любопытно на-

⁵ «Парус» – для VIP-клиентов, что немаловажно: Аллу Пугачеву и Deep Purple, как только они появляются в Хабаровске, прямоком везут туда.

звание недорогого (активно предлагающего комплексные обеды) кафе **«Азартный француз»** на улице Шевченко, вниз от Комсомольской площади, недалеко от здания, где до революции помещалась первая гимназия городка Хабаровки; по-восточному дорогой и колоритный, но абсолютно русскоязычный ресторан **«Баку»** в районе городских прудов. К сожалению, не дожило до сего дня кафе **«Ясная Поляна»** на улице Льва Толстого. Даже «англоязычное» кафе на Пушкина **«Стейк Хаус»** кириллоцентрично.

Разумеется, «тезка» Хабаровска Ерофей Павлович Хабаров неоднократно отражен в городской топонимике – ресторан на ж/д вокзале (рядом – памятник Хабарову) называется **«Ерофей»**, так же, кстати, как и самая крупная парикмахерская города на ул. Муравьева-Амурского, почти напротив здания Правительства Хабаровского края, имеющая высокий статус еще с советских времен, сегодня несет на своей вывеске признаки чуть ли не петровской гражданницы.

Традиционны и большинство хабаровских **кинотеатров**: их названия – из словаря русского языка, вывески выполнены в графике русского алфавита: **«Гигант»** и **«Совкино»** на Муравьева-Амурского, **«Дружба»** на Амурском бульваре, **«Восход»** в Южном микрорайоне, и даже **«Маджестик»** (вывеска на пятом этаже мегacentра «НК Сити» и строка в афишных колонках городских газет – в русской графике). Исключение – появившийся в 2007-м г. киноцентр **«Hollywood»** на Тургенева, 46.

Ночные клубы Хабаровска⁶, до недавнего времени стопроцентно англоязычные, разбавились русскими именами, например, клубом и соответственно вывеской **«Небо»** (ул. Тургенева, 46).

Центральное спортивное (а, как водится в России, одновременно – и концертно-зрелищное) сооружение Хабаровска называется **«Платинум Арена»**, без намеков в графике вывески и параграфемике на латинское происхождение имени.

А уж гуманитарно-филологический центр ономастики любого русского города – названия **книжных магазинов** – пока в Хабаровске абсолютно «русскоязычен» и кириллоцентричен. Достаточно сказать, что флагман еще советской книжной торговли – **«Книжный мир»** в начале улицы Пушкина, в шаге от центральной площади и центральной же улицы, не только выстоял в лихие 1990-

⁶ Ночные клубы Хабаровска, за вычетом современных реалий и колорита, – те же молодежные дискотеки поздних советских времен.

е, но сегодня, можно сказать, процветает, и гордо носит вывеску в строгой гражданце.

Вообще статистика⁷ свидетельствует: латинской графикой обозначаются примерно 15 % городских объектов Хабаровска – зданий, сооружений, мест сферы торговли и бытовых услуг (включая автомастерские, «салоны красоты» и под.), развлечений (включая игорные заведения, турфирмы, «ночные клубы» и под.), общественного питания (от ресторанов до столовых), спорта и физкультуры (включая фитнес-клубы, дающие большое количество латиницы на вывесках).

Бесспорное лидерство здесь занимают **магазины одежды и обуви**, которые как-то вдруг, в одночасье, все – от крупных, в отдельно стоящих зданиях, до малюсеньких, в отгороженных пластиком клетушках в торговых центрах и на рынках, стали именоваться в Хабаровске «бутиками» (судим прежде всего по теле- и радиорекламе). Причем названия «бутиков» на латинице, как правило, сочетаются с разнообразной параграфемикой, например, с рисунком женской туфельки рядом с вывеской типа «**Iren**», абриса платья, шляпки, чаще всего – с полнозначной рекламой на витрине: здесь характерен пример с торговым салоном «**Mango-MNG**» на первом этаже Хабаровского ЦУМа, чьи импозантные манекены в больших витринах, видимые днем и ночью, не позволяют спутать «бутик», например, с отделом тропических фруктов.

Иногда названию на латинице сопутствуют развернутые торговые термины, написанные по-русски: «**Pauline. Платье для особого случая**» (как произнесут разнообразившиеся покупатели название магазина: «Паулине» или «Полина», хозяевам, получается, неважно, да и эффект «чего-то изысканно-иностранныго» все равно должен сработать). Иногда торговый термин дан даже крупнее, чем название: на улице Льва Толстого, недалеко от центра хабаровской торговли – Центрального рынка, находим на вывеске крупно ключевой термин «**немецкая ОБУВЬ**», а рядом мельче – имя собственное со строчной «**m.shoes**». Иногда для того, чтобы правильно дешифровать малоинформативное название на латинице, данное как большая «шапка» над магазином, например, «**TEX Line**» на торговых рядах сбоку от того же Центрального рынка, необходимо обследовать при-

⁷ Анализировалась база данных рекламных заказов медиа-холдинга «Приамурские ведомости» за 2007 г. и популярная в Хабаровске ежегодно обновляемая электронная база адресно-телефонных данных «Хабаровск», а именно «Хабаровск-2007».

легающее пространство, и тогда обнаружится целый ряд информационно достаточных «пилонов отдельно стоящих»: «**TEX Line – мужская одежда, женская одежда, обувь и сумки**».

Разноалфавитные системы и параграфемика – почти обязательное дополнение к вывескам на латинице. Обязательное, да не совсем, именно «почти» (вспомним, что в городе нет специальных законов и отдела мэрии, регулирующего информативную достаточность языка города).

В середине 2000-х в известном районе Хабаровска, в районе остановки «Институт культуры», где главный корпус Хабаровского института искусств и культуры, обелиск жертвам сталинских репрессий, небольшой рынок, отделение «Сбербанка» и проч., выросло стеклобетонное здание, в любую погоду отражающее много света, единственной вербальной приметой которого являются большие алые буквы «**SUPER GOOD**». Здание далековато, метрах в 50, отстоит от бойкой городской магистрали, связывающей «спальный» Южный микрорайон с центром, от улицы Краснореченской, поэтому совсем маленькую табличку на входе с информацией о том, что это «продуктовый магазин» с таким-то режимом работы, практически можно «вывести за скобки». Можно спорить о языковом вкусе давшего название этому супермаркету, но, скорее всего, он небезупречен. Впрочем, жители окрестностей из серых «хрущоб» Первого микрорайона, прокопченных углем частных домиков, и работники близлежащих небольших предприятий, а также студенты и преподаватели ХГИИК яркому пятну на сером сукне их куска городского ландшафта, кажется, рады и диссонанса от появившегося рядом с обыденным «сверх-хорошего» не испытывают.

Недалеко от Центрального рынка, на улице Пушкина, в квартале от Ким Ю Чена до Амурского бульвара – вообще почти мистическое место, где аптеки и магазины появляются с чудовищной быстротой и с такой же быстротой исчезают. При этом носят, мягко говоря, причудливые названия. Одно из последних «приобретений» квартала – некое заведение под названием «**Kiss cat**» (которое я бы, например, перевел на русский с глаголом-императивом и винительным объектным – как «Поцелуй кошку», хотя, конечно, возможны и другие варианты, например, с родительным субъектным «кошки»). Никаких других обозначений, включая невербальные (не считая неинформативный абрис кота), у входа в заведение нет, и только войдя в него, узнаешь, что это магазин женской обуви, с какими-то фантастическими ценами. Но входящим сюда стоит по-

советовать быть осторожными: заведение уже успело прославиться у жителей дома, на первом этаже которого оно находится... ночными пьянками продавщиц и их драками с покупателями (вот и не верь после этого в гипотезу Сепира-Уорфа!).

Понятно, что многие *фирменные* магазины иначе как с правильной, исконноязычной, «брендотожественной» вывеской и в Хабаровске, и в каком-то другом городе России появляться просто и не могут, и выглядели бы очень и очень странно с вывеской в графике, производной из кириллицы. И Закон «О рекламе» к таким относится лояльно. В Хабаровске с начала «перестройки» было и сейчас есть немало магазинов бытовой техники от южнокорейских или японских ТНК типа «Samsung» или «Sony». Очередной такой с названием «**Sony Centre**» открылся недавно на улице Ленина. Проведем маленький эксперимент: напишем вот здесь – «Центр Сони», и сразу вызовем вполне понятную улыбку. Фирменный магазин и станция техобслуживания еще одной, уже автомобильной ТНК в Хабаровске вполне логично, коротко и ясно называется «**Toyota Centre**». Не требует дополнительных знаков магазин «**Savage**», куда, надо полагать, ходят девушки, строящие себя «под Ксению Собчак», да вот она, кстати, на билборде рядом с магазином на Ким Ю Чена.

Хотя и здесь в Хабаровске есть случаи, когда латинская графика, пусть фирменных магазинов, но всё же грубо вторгается в традиционную городскую семиотику и традицию и разрушает их. Яркий пример находим в районе недавно, к 150-летию Хабаровска, к маю 2008-го года отреставрированного, подновленного железнодорожного вокзала, прилегающей к нему площади и части упирающегося в вокзал Амурского бульвара. Зданием вокзала хабаровчане гордятся – он красив в любое время суток и в любую погоду. Напротив здания – единственный в городе памятник тому, кто дал городу имя – Ерофею Хабарову (перед реставрацией площади шла дискуссия, не повернуть ли его лицом к Амуру, нет, сошлись на том, что пусть лучше он стоит, как стоял, лицом к вокзалу, приветствует гостей). Рядом с вокзалом – подновленный, а лучше сказать, вновь возведенный супертехнологичный кинотеатр с традиционным названием «Дружба». В сотне метров от вокзала – старейший, намоленный, более чем столетний Христорождественский храм на улице Ленинградской. Примыкает к району и улица Владивостокская. Чуть поодаль от Владивостокской – улица Московская. Другими словами: весьма выдержанная семиотика с концептами Трансибы, российского дальневосточного традиционализма и пер-

впроходчества. Была бы. Но – в двадцати метрах от вокзала большой стеклянный куб с большими буквами – «FRANCESCO DONNI». Оставим открытым вопрос, какая часть этого «франческодонни» первична, а какая «Made in China» – вопрос для Хабаровска отнюдь не тривиальный, скажем лишь, что сема «евразийства», «европоприсутствия» или «современности» в данном случае всё-таки скорее излишня, чем оправданна.

Впрочем, в данном лингвистическом исследовании мы не можем полностью отмахнуться от экономических вопросов, в особенности от того, насколько товар, прежде всего – одежда и обувь, заявленный как «от европейского производителя», известных брендов, действительно этим заявлениям соответствует, а насколько является произведенным в соседнем огромном Китае, то есть хорошего или плохого качества подделкой под европейские и американские бренды. Как ни странно, ни дискуссий в СМИ, ни тем более официальных заявлений, разъяснений властей по этому весьма актуальному вопросу вы не встретите, не услышите. Автор этих строк, будучи когда-то штатным журналистом и сейчас являясь активным нештатным автором нескольких хабаровских СМИ, не понаслышке знает о негласном табу на тему чистоты импортного товара в Хабаровске и, между прочим, на тему городской ономастики тоже (кроме случаев, когда власти сами инициируют обсуждение некоторых вопросов городской топонимики). Остается довольствоваться личным опытом, данными общения со знакомыми, многие из которых служат как раз в сфере торговли, с продавцами, да и просто прислушиваться к здравому смыслу. Оценки доли китайской продукции с «именами» европейских и американских производителей по этим данным лежат между 100 и 99,9% в области одежды и обуви, и от 100 до 90% в области бытовой техники. Особо убеждают в этих цифрах всего лишь два фактора.

Первое: стоит просто взглянуть на географическую карту (лучше глобус) и примерно прикинуть расстояние от Милана до Хабаровска и, скажем, от Харбина до Хабаровска, чтобы понять, почему, например, женские туфли в том же магазине «FRANCESCO DONNI» с соответствующим лейблом стоят в рублевом эквиваленте всего от 50–70 долларов, а сапоги – от 100, максимум 300 (и что компенсировало в цене той «телушки» и «полушку» и «рубль за перевоз»).

Второй фактор – потребительский опыт. Автор этих строк иногда по субботам играет в футбол с молодыми журналистами местных редакций и хорошо помнит случай, когда один из них сильно

сокрушался о спортивных туфлях, которые купил за две с половиной тысячи рублей как «португальские» и которые рассыпались в прах через два часа нагрузки. Не удивителен его истерический смех после того, как автором этих строк ему были воочию предъявлены спортивные туфли несуществующей уже страны Чехословакии и уже несуществующей фирмы «Цебо», что верно служат любителю активного отдыха... 25 лет, то есть они – «сверстники» незадачливого покупателя «португальских бугс».

«Одноразовая жизнь» одежды и обуви в Хабаровске во многом и объясняет засилье в городе «бутиков» со стилизованными под иностранные названиями. Расчет на то, что хотя бы на уровне подсознательного и / или эмоционального желания приобщиться к прочной цивилизации, покупатель, а чаще, конечно, покупательница (скажем, по имени Анна) всё же пойдет в магазинчик с вывеской, скажем, «Annet», а не на китайские ряды Центрального рынка, что опять же на уровне подсознательного и/или эмоционального желания как бы отождествит эту Annet как с незнакомкой из Европы, так и с самой собой, при этом увидит «торговый термин» «бутик», круг соблазнения завершит замаскированный под разъяснение рекламный слоган «Лучшее из Европы», как в магазинчике на углу Шеронова и Муравьева-Амурского.

Есть в Хабаровске и более «тонкие» приемы из серии «Ах, обмануть меня не трудно, я сам обманываться рад»: как правило, они связаны с контаминацией алфавитов. Скажем, магазин женской одежды на той же улице Шеронова, но уже ближе к Амурскому бульвару, имеет такую вывеску: «**Defile**», а магазинчик «одежды и обуви из Европы» возле Т-образного перекрестка Льва Толстого и Карла Маркса называется «**Ajсберг**». Почему «более тонкие»? Наверное, потому, что совершенно иноязычная лексика и полностью иностранная графика как в силу своей меньшей информативности, так и в силу тезаурусной «чужести» на том же подсознательном и эмоциональном уровне, а то и на рациональном, несет в себе некий напор, отпугивающую агрессивность. А при контаминации алфавитов, во-первых, появляется игра (игра завлекает), во-вторых, на уровне тезаурусной оценки остается категория «свой» («свой» в тезаурусном подходе, который, хотим мы или нет, знаем о нем или нет, но все мы используем в обыденной практике, означает «хороший»), а, в-третьих, при не тотальной, деликатной и дозированной латинице нетотально, дозированно, деликатно появляется всё та же

сема «прочности», «европейскости», «цивилизованности», может быть, «романтичности».

Надо бы добавить, что вообще Европа, Запад, от Польши до Португалии, для российских дальневосточников, в отличие от их соотечественников из Центрального или Северо-Западного федеральных округов, – вообще экзотика, несбыточная мечта. Здесь даже российские области, лежащие на Восточно-Европейской равнине, называют коротко и ёмко – Запад. А торговая и курортная Поднебесная многими хабаровчанами и владивостокцами к концу 2000-х исхожена вдоль и поперек.

Конечно, есть в Хабаровске городские объекты и жестко ориентированные на западную культуру и как бы совершенно объективно несущие имена иностранного происхождения. Прежде всего, англоязычные. Мы уже начинали говорить о ночных клубах Хабаровска – местах, ориентированных на западные стили отдыха, музыки, танца, манеры общения молодежи. В афишах, газетных колонках и рекламных листовках их встречи именуется не иначе как *party*, ключевая фигура *party* обозначается как *DJ* (*Ri-boy*, *Ivog-e*, и так далее), стандартной является фраза: «*В клубе действует система FC & DC*». Соответственно, названия этих клубов в Хабаровске в основном англоязычны, вывески выполнены в латинской графике всевозможными вычурными шрифтами, в газетных объявлениях (см., например, колонку «Ночная жизнь» в газете «Хабаровск выходной») эти названия не терпят кавычек: **Berlin Club Inc**, **Heart Club**, иногда они с «ложной аббревиативностью» – **HSPTL**, иногда с сознательными грамматическими ошибками языка-источника – **Mechanika Club**. Однако некоторая усталость от англоязычного штампа уже прорвалась и здесь названиями типа «**Небо**», «**Астероид**» или даже так: «**СанТа**» в гражданице. В последнее время появилось несколько испаноязычных названий, например, **El Tempo**.

В **банковской** сфере Хабаровска, о которой мы говорили как о кириллицеориентированной, тоже нет доминирования одной графики. С одной стороны, общероссийские банки с иноязычными названиями, имеющие филиалы в Хабаровске, никак не могут только ради города пребывания изменить свой логотип и вывеску, например, банк «**Trust**» на улице Шеронова, к тому же специализирующийся именно на *трастовых* операциях. Впрочем, банки в Хабаровске имеют обязательным элементом своих вывесок дублирование латиницы кириллицей, в данном случае рядом с *Trust* латиницей обнаруживаем надпись «*национальный банк Траст*». С другой стороны,

желание хоть как-то подтолкнуть подсознательное желание клиента в сторону «европейскости», «прочности», о котором мы сказали, рассуждая о «бутиках», есть и здесь. Так, «**Далькомбанк**», который долгие годы городская молва квалифицировала как «губернаторов» (стоит – рукой подать от здания краевой администрации, Хабаровского «Белого дома», а много лет обслуживал счета правительства края и принимал «транши» из Москвы), перестав быть таковым, то есть перестав получать маржу от ведения краевого счета (он был отдан в Хабаровское управление Центробанка), изменил первую букву в логотипе и на вывеске с русской «Д» на латинскую «D».

Процентов на 50 латинизированы **рекламные агентства** (фирмы, мастерские) Хабаровска, что понятно: во-первых, современная реклама – изобретение американцев и французов; во-вторых, «русская реклама» – это, скорее, «лубок», «стёб», в которую серьезный рекламодатель сильно вкладываться не будет. Лидер по продаже «наружки» – фирма «**Gallery**».

По нашим данным, стопроцентно латинизированы названия и вывески *игорных заведений* Хабаровска. Наиболее заметны «**Casino Rafaela**» на Краснореченской, остановка «19 школа» и напротив оной; «**Casino Turist**» на первом этаже гостиницы «Турист»; сеть игорных павильонов «**Cash**», кстати, не от необходимости ли закрыться в середине 2009 года сейчас, в начале 2009-го, уже сильно поредевшая?

Эстетика вывесок игорных заведений Хабаровска, кстати, вызывает очень большие сомнения: зачастую она просто аляповата, как, например, вывеска заведения «**Z. Crazy Slot**» на углу Шеронова и Уссурийского бульвара. А вывеска игорного зала «**Vegas**» на центральной улице города Муравьева-Амурского, да еще и с баром «**Slivki**» (?) в левой части своего входа, на наш взгляд, просто отталкивающая. На ассоциацию с феерическим городом Лас Вегасом этот полуподвальчик ну никак не тянет. Надо полагать, менее всего владельцы игорных заведений Хабаровска рассматривают названия и вывески в плане маркетинговой стратегии и рекламы, то есть клиентов им, кажется, и так хватает.

Из уже приведенных рассуждений и примеров ясно, что мы не склонны объяснять выбор кириллицы или латиницы в названиях городских объектов Хабаровска исключительно вкусом их владельцев, что прямо выводилось бы из факта, что жестких законов о городской ономастике на федеральном уровне почти нет, на местном, хабаровском вообще нет. Всё же выбор между этими графиче-

скими системами объясняется достаточно объективными экономическими, психологическими и культурными причинами, этот выбор основан на специфических для каждого случая алгоритмах. За редкими исключениями «номинативного волюнтаризма»: «Kiss cat», «Vegas» и под., – только подтверждающими общие тенденции.

Мы не назвали еще одну культурную особенность Хабаровска: он толерантен к политическим трактовкам российской истории, о чем говорят следующие факты.

В перестройку на высоком берегу Амура, возле городской достопримечательности – Утеса, был реставрирован, по сути снова возведен памятник легендарному губернатору Восточной Сибири графу Николаю Муравьеву-Амурскому, а на центральной городской площади имени Ленина все время новой России стоит не только не тронутый политическими оппонентами, но и почти всегда со свежими цветами памятник «имениннику» сей площади. До революции главная улица Хабаровска носила имя Муравьева-Амурского, после – Карла Маркса. С перестройки до сего дня эта улица поделена ровно надвое – от Амура, исторического центра до площади Ленина – Муравьева-Амурского, дальше – Карла Маркса.

Первая от Амура городская площадь тоже «поделена» между двумя мифологемами – «советской» и «возвращенной» России. Эта совсем небольшая площадь одновременно называется и Комсомольская и Соборная: вторая, надо полагать, – это площадка перед Градо-Успенским собором, символически заложенном Литургией, отслуженной на этом месте патриархом Алексием Вторым в 2000-м, и поставленном с его благословения несколькими годами позже на месте одноименного храма, взорванного большевиками в 1930-х годах, а первая – это, надо полагать, место вокруг памятника комсомольцам 1930-х годов.

Наверное, отчасти новая, «рыночная» Россия ассоциируется у горожан и властей с некоторой политической толерантностью и в отношении «давнорыночного» Запада, отсюда отношение и вообще горожан, и, в частности, пожилых людей, составляющих большую часть подписчиков местных газет, слушателей и зрителей телерадиокомпаний «Дальневосточная», к «иностранным магазинам» тоже довольно терпимое. Во всяком случае, дискуссий в местных СМИ или где-то еще о «засилье иностранных названий» в Хабаровске пока не слышно.

Тенденции к продолжению «латинизации» и «антиславянизации» городской среды в городе проявляются и сегодня (пока не

говорим, хорошо это или плохо). Прежде всего, это касается тенденции открытия в городе не одиночных объектов, а торговых, общепитовских, развлекательных и прочее *сетей*. Например, фитнес-центры, растущие в 2000-х гг. в Хабаровске как грибы в тайге, растут именно кустами и, как правило, с вычурными иностранными названиями (в полном соответствии с экзотикой самого термина «фитнесс»): «**Fiex**», «**Ferrum**», и так далее.

Не так давно появилось ЗАО с вполне читаемым названием «**Мир кофе**». Но оно принесло за собой целую сеть кафе-ресторанов с названиями на основе русского алфавита, но с сильной стилизацией под японскую иероглифику и с японскими же корнями. Вот пример логотипов.

Необычно для Хабаровска и даже ломает сложившиеся тенденции и негласные правила (например, не затемнять графикой и/или «лингвотворчеством», городские объекты центра, прежде всего центральной городской площади) кафе, входящее в сеть «Мир кофе» под названием **R-Café**, чья вывеска выполнена тонким малоинформативным шрифтом, а оттененный дефисом префикс на вывеске сливается с корнем, делая знакомое многим и в латинской графике слово *Café* довольно темным – RCAFÉ. Это, на наш взгляд, *относительно* плохо, так как затемняет ясность городского ономастикона.

А вот *однозначно* плохо, когда **детские** заведения – магазины, игровые площадки и др., начинают «играть в латиницу». Всё, что касается детей, их просвещения, без ложного пафоса – будущего нации, и несерьезное отношение – «игра ради игры» – здесь неуместно и опасно. Скажем, центр детской обуви в самом центре Хабаровска, на территории знаменитого на весь Дальний Восток Детского парка называется «**Золотая Ангилопа**», но на вывеске и в наружной рекламе обозначается латиницей – «**Золотая Antilopa**». Зачем? Так дети и к родному языку могут получить странное от-

ношение, а иностранного таким «методом» вообще не выучат, к иностранному не приобщатся.

Пример другой игры, скорее положительный, найдем в названии парикмахерской «**ZimaLetto**» – район Центрального рынка. Понятно, что в 600-тысячном мегаполисе нужно много парикмахерских, выбор названий для них небесконечен, возможны штампы и повторы, оригинальность здесь не претит. В данном же названии, кроме игры на контрасте простого (зима – лето) и сложного (латинизированные сросшиеся русские слова), есть и «игра в европейскость» – возникает нечто италоидное, то есть присутствует креативность, которая, надо полагать, есть и у самих мастеров-парикмахеров. Во всяком случае, на это намекает вывеска и сопутствующая ей наружная реклама.

А вот и пример «игры на грани фола». В середине 2000-х в Хабаровске открылась сеть магазинов женского белья с мощной рекламной поддержкой, прежде всего в виде наружной рекламы – с табло и билбордами по всему городу, на оживленных магистралях от «спальных» Южного и Северного микрорайонов к центру, в самом центре. Сеть называется «**SISINDOM**». Так можно и заиграться. Сегодня «SISIN» дом, а завтра?

Ну и, наконец, несмотря на то, что наша тема – *латиница* в городской среде Хабаровска, близость КНР, КНДР, Республики Южная Корея и Японии, не позволяют нам здесь обойти и вопроса *иероглифики* в хабаровской городской среде. Сразу скажем: она мала и несущественна, чему много причин⁸. Как-то сразу, в раннюю перестройку не прижились в Хабаровске китайские ресторанчики – с красными фонарями у входа, с иероглифами и драконами над крышами, с владельцами – настоящими китайцами, относительно дешевые, – такие, как во Владивостоке. Исключение – ресторан «**Пекин**», но это больше в такой, московской парадигме: как бы русский китайский ресторан, с русской администрацией, большинством персонала, ну и китайские иероглифы на вывеске скорее дополняют колоритом и оттеняют название, выполненное в гражданице. И еще –

⁸ В Хабаровске, в отличие, например, от Владивостока, и в целом не так сильна культура городского дешевого – в смысле ежедневного, регулярного – общепита, «ресторан» у нас – это именно «дорогой ресторан», где нужно оставить немало денег, а потому поход туда редок, праздничен: в хабаровских ресторанах чаще «кутят», чем просто ужинают

ресторан «Сянган»⁹: вывеска решена просто – русский гражданский алфавит, рядом дубль-вывеска на китайском в китайской же иероглифике, на витринах – фото китайских поваров, но в европейских белых куртках и поварских колпаках. Кстати, здесь предлагается «шведский стол»...Точек торговли китайским «промышленным» товаром, проще и правильнее сказать, «китайским ширпотребом» в Хабаровске много, но они не имеют иероглифической графики и синоцентричной параграфемике по простой причине: чтобы лишний раз не напоминать о синонимичности китайского и плохого качества (см. также суждения о хабаровских «бутиках»).

Рестораны, открытые этническими корейцами, но россиянами, в Хабаровске есть, но нередко они носят нейтральные по отношению к Востоку названия, или вообще как бы исходят из западноевропейской культуры. Например, заведение на Амурском бульваре в левом углу здания «Гражданпроекта», позиционируемое как ресторан в основном корейской кухни, часто заказывающее телерекламу на местных каналах, устно, в той же телерекламе называется «Ре-жент», на вывеске и на рекламных щитах обозначается как «**Regent**», а чтобы не оставалось сомнений в королевском обслуживании, элемент параграфемике – корона.

Наиболее гармонично сосуществование трех графических систем – кириллической, латинской и иероглифической – на вывеске старейшего в постсоветском Хабаровске ресторана «Саппоро» с дублированием названия по-английски и по-японски. Семиотическую законченность этому имени придает несколько моментов. Японский город Саппоро – побратим Хабаровска. Здание ресторана соединено со старейшим каменным домом Хабаровска, бывшим доходным домом купца Плюснина¹⁰, и сходно с ним в архитектурном отношении: краснокирпичный купеческий стиль, одинаковая высота... Недалеко – гостиницы «Интурист» и «Парус», где традиционно останавливаются иностранцы, те же японцы. В нескольких шагах – хабаровский филиал японского банка «Мичиноку», опять же с вывеской в русской графике, латинской и иероглифами.

Итак, на сегодняшний день латиница в городской среде Хабаровска выглядит если не абсолютно сбалансированной с основной

⁹ Сянган – это не совсем традиционный Китай, он больше известен как Гонконг, это особый административный район КНР, долгие годы бывший частью английских колоний, отсюда семы «запада» и «экзотичности» (получается, двойной?) в названии.

¹⁰ Теперь – здание Дальневосточной государственной научной библиотеки с отдельным залом японской культуры.

русской графической системой, то, во всяком случае, не вносящей особого дисбаланса. Её присутствие не ощущается как агрессивное, не вызывает отторжения горожан.

3.3.2 Чита

Разнообразие графики давно стало неотъемлемой частью среды российского города. В многочисленных надписях она выполняет не только утилитарную информационную функцию, но также несет определённую эстетику и даже, возможно, сама формирует городскую среду, особым образом организуя пространство города, становясь ориентиром в нём.

Весьма интересными в отношении графики, её особенностей представляются городские вывески, а также щитовая реклама как основное пространство городской письменности, которые в значительной степени проявляют современные тенденции в этой сфере. Среди них названы тенденции 1) разрушения единства письменности и активизации графико-орфографического иноязычия, 2) возрождения элементов дореформенной кириллицы, 3) усиления параграфемного компонента письма [Шмелева 1997, 118–119; Григорьева 2000, 48].

Вывески и наружная реклама Читы представляют собой материал, в графическом отношении подтверждающий отмеченные особенности письменности городской среды. При этом использование кириллицы и латиницы в них является основным, традиционным элементом, той графической основой, без которой функционирование вывесок было бы невозможным.

Кириллица в городских надписях Читы используется, естественно, очень широко, так как составляет традиционную основу письма для носителей русского языка. Кириллицей могут быть выполнены названия любых городских объектов – от официальных («серьёзных») до игровых, шуточных. При этом обращают на себя внимание случаи модификации и разного рода обыгрывания кириллицы.

Наиболее естественным из таких способов является включение в надписи элементов дореформенной кириллицы – букв ъ, і, ѣ (реже – Ѡ). Например, **ПРИВОЗЪ**, **КОВРОВЫЙ ДВОРЪ**, **ДЪЛО**, **КОПЪЙКА** (вывески магазинов), клуб **ЛАДЪ**, игровой клуб

МИЛЛИОНЪ. На фоне других кириллических надписей они, безусловно, выделяются, становятся символом старинных русских традиций, и в то же время не затрудняют восприятие вывески или рекламы. Однако отсутствие необходимых знаний у создателей вывесок может вызвать и явные ошибки в использовании дореформенных элементов: **ХЛЕБЪ**, **ВЕЩЬ** (названия магазинов), **ЗАБАЙКАЛЬСКИЕ ОБЛАСТНЫЕ ВЪДОМОСТИ** (табличка редакции газеты), **МИЛЛИОНЪ**.

Привычность кириллицы делает возможным её «обыгрывание» в рекламе и вывесках различными способами. Например, реклама «**АПЕРАТИВНАЯ ПОЛИГРАФИЯ**» – первая буква исправлена на О, но выделение начального А и конечного Я сохраняется. Зафиксированы и другие примеры: **косметика** и **парфюмерия** (от А до Я).

Кириллица также (гораздо чаще латиницы) становится своеобразным фоном для параграфемных элементов, позволяя актуализировать смысл названий, эффективно их «обыгрывать». Так, в названии сети канцелярских магазинов **ДЪЛО** не только использована буква Ъ, но и стилизована под перо для чернильной ручки. В названии ресторана **ПРИВОЗЪ** помимо Ъ использовано изображение колеса, заменяющего собой букву О. Весьма своеобразно оформлена вывеска магазина **БУКЕРЪ**: букву Е заменяет стилизованная запятая (изменена ориентация знака: он направлен не влево, а вправо), в результате получилась надпись, создающая множество смыслов, воспринимать которые каждый может по-своему: от русского *бука* до английского *book*.

Ещё один способ использования кириллицы – модификация шрифта, создание нового варианта начертания букв, что даёт при сохранении понятной и легко воспринимаемой надписи эффект «иноязычности» или «старинны». Это используется при создании надписей в стиле японского (**Киндай**), китайского (**Пекин**, **Манчжурия**), греческого письма (**ГЕРМСС**) и старинного начертания кириллицы (**Марфа**, **Купец**, **Забайкальские узоры**).

Таким образом, кириллица не только остаётся основной графической системой в городской среде, но и служит базой для различных экспрессивных элементов в надписях.

Латиница в городских вывесках и рекламе используется тоже весьма широко и помогает создавать необычные, экспрессивные надписи. Как представляется, наиболее частыми являются так называемые «графические интернационализмы», т. е. названия все-

мирно известных компаний, фирм, их товаров, которые обычно (или всегда) сохраняют свою первоначальную графическую форму: **Coca-cola, Toyota, L'Oreal** и др. К этой же группе, думается, примыкают и многочисленные интернет-адреса магазинов и фирм, также традиционно (и, наверное, единственным способом) выполненные в латинице и размещаемые на вывесках и рекламных плакатах. Помимо иноязычных названий, на вывесках латиницей могут быть написаны и давно освоенные русским языком слова (например, **OASIS, DIPLOMAT, SCORPION**), а также названия, созданные по типу иностранных (**ALUCOM**).

Весьма активно используются для создания вывесок и отдельные графемы латиницы, внедряемые в кириллические написания. Этот способ можно признать самым продуктивным в создании вывесок, рекламы, товарных знаков и т. п., поскольку одна необычная графема легче воспринимается адресатами на фоне привычных знаков и позволяет выделить её. Например, в Чите: **ПАРТИЗАН, MARKET, ZOOMАГАЗИН**. В результате становится возможным создание (или актуализация) новых, дополнительных смыслов названия, выстраивание ассоциативного ряда, экспрессии надписи.

В городской среде Читы отмечены также случаи «переплетения» латинских и кириллических графем, т. е. использование в надписи нескольких букв латиницы, чередующихся с буквами кириллицы. В этом случае они не всегда воспринимаются адресатами как иносистемные («необычные»), и следовательно, почти не выполняют тех функций, которые реализует одна латинская графема в кириллической надписи, например, **Ромео и Джульетта**.

Помимо собственно букв в надписях используется знак **&**, не свойственный русской традиции письма. Тем не менее, он широко используется и в кириллических надписях: **Детская одежда & обувь, Столы & стулья, Подушки & одеяла**.

Гораздо реже в городских вывесках латиница используется не только для написания самого названия, но и для пояснительных надписей: **«Дикий койот» – yens end casual wear, «Colins» – 2009 spring – summer new collection, WELLA COLOR PODIUM SALON**. Как представляется, такие написания могут быть адресованы только тем, кто владеет иностранным языком, и, по нашим наблюдениям, существуют в городских надписях недолго (зафиксированные 4–5 лет назад, некоторые из них сейчас исчезли с улиц города).

Необходимо отметить также, что параллельного (латинского и кириллического) написания названий в городской среде становится меньше. Так, подобные случаи зафиксированы на дорожных указателях «**A 166 ЗАБАЙКАЛЬСК ZABAŪKALSK**», «**OASIS fleur – ОАЗИС салон цветов**». Также отмечены случаи оформления иноязычных надписей по-русски: **Иль де боте** (ср. 3.3.1), **Л'ЭТУАЛЬ** и др. Думается, данные примеры демонстрируют стремление владельцев магазинов быть более понятными покупателям и этим привлечь их.

Особый интерес представляет совмещение знаков латиницы и параграфемных компонентов. Как представляется, такие надписи демонстрируют избыточность экспрессивных графических средств, которая, возможно, затрудняет их восприятие: **ДОЧКИ & СЫНОЧКИ** – в изображении символа & «встроено» изображение соски, **GAMEBOX** – букву O заменяет изображение мишени.

В целом, использование латиницы в письменности городской среды можно охарактеризовать как весьма активное. Продуктивность этого процесса подчёркивается не только множеством примеров, но и случаями совмещения знаков разных алфавитов, включением в надписи параграфемных элементов.

Подводя итог описанию использования в городской среде Читы кириллицы и латиницы, необходимо отметить их «мирное» сосуществование, когда применение ни одной из систем письма не отрицает применение другой, а, напротив, алфавиты дополняют друг друга. Графемы латиницы становятся экспрессивными средствами на фоне кириллицы и наоборот; с ними сочетаются параграфемные элементы; и всё это создаёт выразительные, нетривиальные надписи и в целом неповторимый облик современного российского города.

3.3.3 Красноярск

Какими средствами пользуется современный имядатель Красноярска, формируя ту часть городского вербального быта, которая наиболее зрелищна, так как специально предназначена являть горожанину свой облик, своё имя, позиционировать себя теми или иными языковыми и графическими средствами? Что происходит в городском ономастиконе и торговом нейминге, где делят пространство

две графические системы – кириллица и латиница? В поисках ответов на эти вопросы рассмотрим факты.

Первое, что можно увидеть, – *область латинских именованний*. Этот сегмент наименований может быть назван **участком абсолютного господства латиницы**. Тон в этой области задают заимствования, которые вошли как часть названия. Это могут быть названия услуг, товара и фирм: **GLORIAJFANS, DVD, MP3**.

Освоение заимствований здесь явно не популярный процесс. Иноязычная графема (вместе с названием и значением) входит в язык и городской быт. «Перевод» латинской графики в кириллическую может осуществляться двумя способами – переводом слова (*быстрая еда, горячая собака*) или транслитерацией (*хот дог, фаст фуд, секунд хэнд* и пр.). Но это другая область отношений между кириллицей и латиницей. Отметим, что оба способа реализованы в торговых названиях, например: **Fast Food** и **СЭКОНД ХЭНД**.

Слова-наименования этой группы составляют хорошо известные международные названия, востребованные пользователем. При оформлении витрины имядатель может располагать оба названия – в латинском исполнении и кириллическом – рядом:

pasta pizza risotto паста пицца ризотто

COFFE-BAR CIAO! Кофе-бар ЧАО

Салон парикмахерская КЛАССИК CLASSIC

Это говорит о том, что выбран путь мирного **сосуществования** двух графических систем, каждая из которых выполняет свою функцию: латиница подчёркивает заимствованность, «иностранность» предлагаемой услуги или товара, а кириллица адаптирует для восприятия и понимания потребителя, использующего свой язык при освоении мира. Это вид использования двух систем письменных знаков, по нашему мнению, можно назвать **диалогом**. Его цель при этом – донести до горожанина информацию на его языке, точнее графике.

Диалог может быть использован в обратном направлении, то есть когда кириллическое традиционное название передаётся с помощью латиницы

ИНГОССТРАХ *Ingosstrakh*

Цель такого «перевода» – желание войти в сферу интересов тех, кто использует латинские названия как основные. Речь идёт о хорошо известном явлении: мировая экономическая жизнь связана с латинской графикой. Поэтому многие русские названия предстают перед

горожанином в преобразованном через иноязычную систему виде. «Диалогичность» такого неймингового хода понятна и оправданна.

Вместе с этим на улицах Красноярска найдём множество примеров, когда использование латиницы в названии мотивировано лишь одним – её престижностью (по мнению имядателя, прежде всего):

photo studio Impuls
LAVAREDO РЕМОНТ ДОРОГОЙ ОБУВИ
ART-GALLERY ТОН
DecoRoom стильные шведские обои в наличии

CAMELOT
режим работы 11–20
без выходных

Об этом факте филологам хорошо известно: для русского человека «заграничное» обладает необъяснимой прелестью, привлекательностью и ценностью. Следовательно, название, изображённое латиницей, выполняет и рекламную роль: оно обещает нечто лучшее по сравнению с отечественным.

Цель таких названий – повысить статус самого заведения, оказываемой услуги, качества товара. Насколько это связано с известной западной фирмой или товарной маркой – не важно. Имядатель может просто использовать «инографему». Как нам кажется, здесь налицо конкуренция использования двух систем, причём кириллица не выдерживает соперничества:

бар BLACK & WHITE
брокерская компания UTRADE-RU

Однако в этом довольно широком потоке престижных «иноязычий» есть те, появление которых объясняется другой причиной. Эта тенденция – найти название, которое одинаково хорошо и удобно воспроизводится на латинице и кириллице. Это объясняется опять-таки весьма прозрачной причиной – господством латиницы в Интернете, где размещается информация о торговом или ином заведении. Один из ярких примеров – название магазин «**Магазин дверей**», рядом с которым размещена вывеска – **dveri.ru**. Вообще электронные адреса разных заведений – например, банков – так часто размещаются на рекламных щитах, что уже воспринимаются как часть обозначения:

ВТБ 24 www.vtb24.ru

Здесь стоит отметить, что «компьютерная латынь» стала использоваться в составе городских онимов: в Красноярске есть магазины **Даром.RU** и **ВОТКА.RU**, турфирма **КУДА.RU**¹¹. Под влиянием как интернета, так и общего «англоязычного» настроения современного горожанина во многих красноярских названиях встречаются латинские форманты – вкрапления в кириллические надписи. Наиболее известным и тиражируемым является формант **-RU**, однако есть и редкие примеры: компания **ЦИФРА.com**, клиника **ЛОР.net**.

Вторжение латиницы в состав кириллического слова характерно не только для компьютерных словечек. Особенно показательны в этом отношении два названия – «**Зоомир**» и «**Зоомакет**». Возвращение словообразовательному элементу «зоо», заимствованному, но хорошо освоенному русским языком, его исконной латинской графики характерно на фоне рассматриваемого процесса.

Итак, можно сказать, что область «латинского» существования в современной красноярской среде достаточно обширна – это не единичные примеры, а направление в использовании иноязычия на вывесках города. И самое главное, латинское присутствие весьма разнообразно по проявлению, так как вызвано разными причинами. И вот, нейминговая почва оказалась подготовленной для более сложного взаимоотношения латинских и кириллических знаков в одном названии. Можно сказать (хотя, возможно, это мало что объяснит), что наличие двух графических систем даёт повод к языковым играм.

Эту область уже нельзя назвать господством латиницы, это *область смешения двух систем, или внедрения одной графики в другую*. «Латинско-кириллическое» игровое начало может быть представлено по-разному: от остроумного и талантливой обыгрывания названий (вполне уместного, потому что замысел и результат понятны потребителю) до сложных случаев, чрезвычайно трудно объяснимых (быть может, только модой).

Смешение латинских и кириллических букв различается количественно. Чаще всего обыгрывается инографема, то есть латиница вводится в служащую основой кириллическую надпись-название:

Языковой клуб Спикер
ДОМ на Баумана
эротический бар Зажигалка

¹¹ На этот факт обращалось внимание, отмечены подобные названия и в других городах, напр., БАТАРЕЙКА ПЛЮС.РУ, ТЕЛЕФОН.РУ, ФЛОРИС.RU в Новосибирске [Шмелева 2007в, 18]. Здесь, как мы видим, латиница может уступать кириллице.

типография РИО ПРЕСС
магазин оригинальных подарков ИЗЮМИНКА

Количество вводимых латинских графем может быть разным. Зависит это, скорее всего, от субъективных ощущений имядателя, которые ограничены следующим соображением: одним из критериев предельно допустимой нормы иноязычного знака должна быть **узнаваемость** названия, его «читаемость». Пишущий, точнее тот, кто создаёт название, должен опираться на перцептивную базу читающего, то есть слово с использованием латиницы должно прочитываться как понятное:

Радио ZEBRA
КЛУБ ДяgileV

Как кажется, здесь латинский знак сближается с параграфемным элементом в названии. Законы дизайнерского использования того и другого, на наш взгляд, одинаковы. Приведём примеры, когда в названии использован вроде бы латинский знак, однако он близок параграфемному элементу:

сеть уличных мультикасс **KASSIP**

В использовании латинских элементов есть свои наработанные приёмы, которые тиражируются, поэтому не совсем могут быть названы языковой игрой. Это становится стандартным приёмом. Пожалуй, наиболее показательный пример – названия компаний и магазинов **Окноff** и **Босяkoff**.

Интересные случаи, когда основой названия служит латиница, а кириллический элемент в него входит на правах гостя: пивной бар **ВЕЕРЛОГА**, магазин сотовых телефонов **FLASHка**. Примеры названий, когда оно написано латиницей, не всегда можно назвать латинскими (или английскими) – имядатель использует одинаковость начертаний букв: магазин DVD **точка**.

Наконец в обширной области латинского господства выделим «обратную транслитерацию», которая передаёт русские слова латинской графикой. О причинах такого нейминга – а их по крайней мере две – можно в каждом случае лишь догадываться: либо это желание повысить статус заведения, придать ему западный, иноземный флёр; либо быть легко опознаваемым в англоязычных адресах интернета:

школа английского языка KCLASS
теплые окна из сибирской лиственницы ZIMA

Нельзя отрицать, что, возможно, выбор латинской «оболочки» продиктован игровым началом: **клуб MALINA**.

Таким образом, становится очевидным, что латиница основательно вошла в языковую среду города. Она оказалась освоенной по нескольким направлениям сразу.

Прежде всего, в названиях используются некоторые семантические приращения к латинскому шрифту и заимствованию: чужое, следовательно, лучше своего. Востребована латинская графема как средство, позволяющее разнообразить внешний облик названия, как некоторое параграфемное средство языка. Наконец, есть незначительная часть названий, в которые на равных правах входят оба языковых знака.

В городской среде можно выделить область латинского господства. Такие названия в современной языковой действительности всегда будут востребованы. Отсюда идёт мощный конкурентный напор, именно здесь наблюдается конкуренция с русскими названиями. Однако есть в городском нейминге и область сосуществования двух графических систем. Этот путь кажется наиболее верным, ведь понятие толерантности применимо не только к людям. Хотя за названием всегда стоит человек.

3.3.4 Великий Новгород

На первый взгляд, Великий Новгород латиницу не жалует. Как, впрочем, и положено самому древнему российскому городу, отмечающему свое 1150-летие. Но это не значит, что Новгород избегает иноязычной лексики, её довольно много, но на городских вывесках и в рекламе он воплощается в кириллице:

**салон красоты БЬЮТИ,
юридическая фирма КОМИЛЬФО,
магазин косметики Л'ЭТУАЛЬ,
парикмахерская КУАФЁР
компьютер-центр КЕЙ,
магазин обуви ШУЗ¹²...**

¹² Последний уже закрыт, ему посвящался отдельный материал в рубрике «Город в лингвистических зеркалах» – [Шмелева 2006]. Там, в частности, подчеркивалось,

Об иноязычной лексике ономастиконе Новгорода уже приходилось писать [Шмелева 2006д; 2007; 2007г; 2008; 2008а], здесь же важно еще раз подчеркнуть: мода на иноязычие лексическое и графическое – не одно и то же. Новгород не жалуется как раз графическое иноязычие. Но не жалуется – не значит абсолютно непроницаем для них.

Наиболее популярна латиница у новгородских рестораторов. Кафе на Людогощей улице именуется **CAFÉ LE CHOCOLAT**. Почти напротив скромное пивное заведение

BEER HARBOUR –

это известная в городе компания «Пивная гавань» представила себя как бы в переводе на английский; совсем недавно в поддержку этой традиции на улице Зеленой открылся магазин разливного пива **beerлога**¹³. Кстати сказать, эта компания увеличила удельный вес латиницы в письменности Новгорода: кроме названного, у неё есть заведения **GAUDEAMUS** и **GRAND**, правда, все это в обрамлении названия компании. Новые рестораны явно предпочитают латиницу: **CASA DEL MARA, TERRAZA, VERTIGO, LA CHATTE...**

Интересно, что при этом образуются особые территории, подержанные латинице. На улице Студенческой на первом этаже пятиэтажного дома открылся ресторан итальянской кухни с понятным названием **NAPOLI**, который, продвигая себя на новгородский рынок, даже организовал серию передач на телевидении. Вскоре в том же доме открывается спортивный клуб с названием **CAMP NOU**. Можно было даже написать в лингвистической рубрике о том, что образовался «полюс новизны»: **NAPOLI** – буквально ‘новый город’ (*Неаполь* по-гречески, и эта огласовка у нас больше известна, чем итальянская), **CAMP NOU** – ‘новое поле’, так называется стадион футбольной команды «Барселона»¹⁴ – и всё это в Новгороде [Шмелева 2008б]. Спортивный клуб сменился спортивным же заведением **poker club ROYALE**, а оно должно было закрыться в силу извест-

что английское слово *шуз* было встроено в рекламный слоган ШУЗ – ДВИЖЕНИЕ БЕЗ ОБУЗ!

¹³ Вееллога – это гибридное написание, похоже, входит в число популярных в самых разных городах: оно отмечено в Красноярске (см. 3.3.3), а также, как можно узнать в интернете, в Москве, Самаре, Казани, Новосибирске, Ростове-на-Дону... При этом орфография слова варьируется: **BEERЛОГА, BEERлога, ВееРлога, beerЛОГА, veerЛога, Beer-Лога, Beer&Лога...** В Самаре есть ночной клуб на берегу Волги **BEERЖА**. То есть слово *веел* уже вошло в наш словарный запас.

¹⁴ Информация от М. Кашина

ных законодательных действий. Теперь концентрация латиницы на этом пяточке снизилась, если не учитывать, что до **café LA CHATTE** с кокетливо изогнувшейся кошечкой на вывеске, «переводящей» название для горожан, к буквально два шага. Совмещающая питание и развлечение, немногочисленные клубы города репрезентируются вывесками на латинице, напр., **LONDON**.

Надо сказать, что редкая «точка питания» не боится свое название на латинице кириллической версией. Так, например, выглядит вывеска

irland pub GREENSLEEVES ирландский паб

Находящееся недалеко от него **café МОККО** обозначено так на карнизе дома, табличка же на двери сообщает: здесь **кафе МОККО** (впрочем, слово *мокко* состоит из букв, общих для кириллицы и латиницы, принадлежность к последней на вывеске выдают высокие спинки букв К в надписи на карнизе). Еще более выразительно демонстрирует свою приверженность кириллице **кафе ГРИЛЬЯЖЬ café: Ъ** – безусловный сигнал знакомства с предыдущей версии кириллицы.

Интересен в этом отношении клубный ресторан, на вывеске которого красуется **ILL-DE-FRANCE**, в газетной рекламе только **Иль-де-Франс**, а в интернете оба варианта одновременно. Как разъясняется в рекламе, название представляет собой наименование одной из провинций Франции, так сказать «Подпарижье», но для новгородцев его переводят как «Островок Франции в Великом Новгороде» (Новая новгородская газета. 5.11.2008).

С учетом даже таких, параллельных наименований, среди ресторанов и клубов их около 4%. Как кажется, эта цифра не дает оснований говорить о засилье латиницы.

Вслед за «точками питания» привязанность латинице обнаруживают магазины одежды и обуви, приспособившиеся выносить на свои вывески известные зарубежные бренды. Так, хорошо известны в городе **LA DANZA, GERRY WEBER, SELA, VIZ-A-VIZ, ZENDEN**. Интересно в этой связи вспомнить, что некоторое время просуществовал на Людогощей магазин мужской одежды с вывеской **R²**; на вопрос, что она обозначает, продавщицы ответили: известный итальянский бренд! Из других магазинов можно назвать цветочные: **Red Rose, Pot-e-fleur**.

Заведения, культивирующие красоту, предпочитают весьма изысканные наименования, но графически обходятся кириллицей.

Исключения: салон красоты **Simona**, центр ногтевого сервиса **Catherine**, свадебное агентство **L'amour**. Еще раз подчеркну: выбор латиницы не следует автоматически за выбором иноязычного слова, это подтверждают название парикмахерских – уже упомянутой **КУАФЁР** и новой **НАТУРЭЛЬ** – куда уж французистей – а кириллица!

Из фактов проникновения латиницы в кириллическое написание можно привести названия клуба **Зазеркалье**, студии красоты **BronZa** и музыкального магазина **Иллюзион**. Можно отметить также, что в логотип торговой фирмы **Виктори Плюс** входит латинская **V**. Таким образом, данные новгородского ономастикона подтверждают наблюдения лингвистов о литерах-лидерах проникновения в русское слово [Григорьева 2004, 240].

Техника изображения русской лексики латиницей для ономастики Новгорода не характерна. Но один пример привести можно **Nevod Café** у самого кремля (в этом же здании мебельный магазин «Кремлевский», продуктовый сети «Квартал» и парикмахерская «Гламур»). В телефонном справочнике он значится как **НЕВОД**, а многие его еще помнят как **ОКЕАН**¹⁵.

Из этого факта можно сделать вывод об одной специфической функции латиницы в Новгороде, обусловленной его статусом туристического центра. Надписи на латинице предназначены для иностранных туристов. Так обозначены основные ориентиры в городе, заведения, напр., гостиница **BERESTA PALAS**. При этом обозначении новгородских реалий латиницей иногда возникают сложности. Так, при возвращении Новгороду его исторического эпитета *Великий* при въезде в город надпись выглядела **VELICIJ NOVGOROD**. Журналисты не без сарказма указали на то, что такая надпись должна читаться как Велисий Новгород (Новгородские ведомости 22.06.2002), и вскоре надпись приобрела вид **VELIKIJ NOVGOROD**.

Таким образом, не ставя перед собой цели показать латиницу в ономастическом ландшафте Великого Новгорода исчерпывающим образом, можно сказать, что она занимает в нем довольно скромное место. При этом важно отметить, что есть латиница, ориентированная на разных адресатов – «для них» и «для нас». Значение латиницы «для них» – чисто утилитарное, она должна помочь иностран-

¹⁵ Под таким названием его можно найти в справочнике [Зайцев, Кушнир 1980, 174].

ному туристу попасть туда, куда ему надо, может быть, узнать о том, что ему неизвестно. Значение латиницы «для нас» – культурное, она оказывается знаком европейских стандартов потребления – будь то ресторан, салон красоты или цветочный магазин. Назвавшись груздем, то есть обозначив имя своего заведения латиницей, владельцы как бы обязуются предъявить европейский уровень обслуживания. И именно так прочитывает его горожанин, потенциальный клиент. Насколько это соответствует реальности, вопрос – другой, и совсем не лингвистический.

Подводя итог рассмотрению роли латиницы в ономастическом ландшафте современного российского города, можно отметить три момента.

Во-первых, за этим стоит стремление видеть мировые бренды на языке оригинала, тем самым ощущая свой город в контексте глобальных процессов потребления – и это одна из возможностей преодоления границ. Эффект преодоления границ возникает при появлении в городской среде любого иноязычного слова, но в первую очередь топонимов (NAPOLI, ILL-DE-FRANCE, LONDON).

Во-вторых, широкое применение латиницы – свидетельство известного уровня образованности горожан, их осведомленности в разных областях – от географической, до музыкальной, – на что рассчитывают, например, владельцы ирландского паба с названием GREENSLEEVES, отсылающим к знаменитой английской песенке XVI века. Но в первую очередь здесь предполагается языковая компетенция современного горожанина: чтобы понять и оценить вывеску *beer.лога*, надо знать, что BEER – это пиво, и что в итоге такого «вычитывания» английского слова в русском, не только проясняется пенный напиток, но и остается семантика места обитания – дремучего и нецеремонного.

В-третьих, в этом явлении нельзя не увидеть то, что специалисты именуют языковой ксенофилией – модой на иноязычные элементы [Лешкова 2009]; в нашем случае можно говорить о графической ксенофилии, которая представлена во всех наших городах, но, по видимому, в разной степени. Напомним, возникшей на фоне абсолютной монополии кириллицы в городской среде советского города.

Глава 4.

ГРАЖДАНИЦА: РУССКАЯ ОРФОГРАФИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ И ЯЗЫКОВОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО

В этой главе предлагаются материалы, касающиеся истории отечественной орфографической мысли. Стоит отметить, что это действительно малоизвестные факты, что будет понятно тем, кто знаком с монументальным исследованием русской орфографии [Григорьева 2004] (4.1; 4.3). В разделе 4.2. раскрывает одна из страниц русской орфографии, драматизм которой ощущается на фоне общей картины отношений к центральному орфографическому труду XIX века. Завораживающие сведения излагаются в разделе 4.3, где показано, как история письма связана с политикой и как недалеко мы были от того, чтобы рассуждать о кириллице исключительно в историческом аспекте.

4.1 «РУССКОЕ ПРАВОПИСАНИЕ» Я. К. ГРОТА В ЗЕРКАЛЕ МНЕНИЙ «ЗА» И «ПРОТИВ»

Орфографический трактат академика Я. К. Грота был создан по поручению Второго отделения Императорской Академии наук и стал ответом на запрос времени: орфографическая практика второй половины XIX века при отсутствии определяющей теории отличалась неупорядоченностью и разнообразием.

Переизданный в 1869 г. Вторым отделением Академии наук Словарь русского и церковнославянского языка (1-е изд. – 1847 г.) был настолько небезупречен в орфографическом отношении, несмотря на высокий авторитет Академии, что сразу же возникла потребность в его переработке. Ориентировавшиеся на него грамматики и орфографические руководства по-прежнему не способствовали упорядочению, а лишь тиражировали разногласия, которые множились орфографической анархией печати: «нет у нас журнала, нет книги, у которых не было бы своей, особенной системы орфографии»; у нас столько же орфографий, сколько журналов и книг» [Белинский 1844, 485, 486]. Причину орфографической разногласности видели в том, что правописание «есть произвол привычки, предания, педантизма, а не выражения духа русского языка» [Там же, 487].

Неупорядоченность не устранялась грамматиками Востокова, Греча, Давыдова и даже Буслаева, а «отсутствие в грамматических и словарных трудах твердых руководящих принципов для установления единых правил правописания» было основной причиной господствующей неупорядоченности [Библиографический указатель 1954, 11].

Актуальность орфографического вопроса становилась все более очевидной. «Посреди важных вопросов, занимающих общество, совестно было бы беседовать с читателями об орфографии, если бы и этот скромный предмет не удостоился обратить на себя почти общее внимание» – так характеризовали орфографическую ситуацию [Грот 1862]. «Игра в так называемое правописание так обуяла умы русского человека, – сообщал журнал «Библиотека для чтения», – что надо удивляться, как доселе... не догадаются издать какое-нибудь лото... Куда ни явись, того и жди, что навстречу пустят вам какой-нибудь озадачивающий вопрос о том, как перенести то

или другое слово... или как и почему надо писать то или другое слово...» [А. С. 1862, 80].

Газета «Голос» в публикации Ник. Скандовского выражала сожаление об отсутствии единого кодекса орфографических требований и анархическом состоянии русского правописания: оно дошло до такой степени, что «во всем свете нет человека, который в своем сочинении не сделал бы, по крайней мере, 20 грамматических ошибок»; принимаемое за ошибку одним преподавателем, не принималось другим и наоборот. Вследствие «узаконившейся орфографической беззаконности» школьники безосновательно оставались на второй год или оставались за стенами университета [Скандовский 1872].

Орфографические руководства 80-х годов XIX столетия не решали проблемы упорядочения. Разнобой и явные его несовершенства по-прежнему были одной из главных причин малограмотности и безграмотности. «У нас не только что школа, то и свое правописание (у всякого монастыря, значит, свой устав), но и что учитель, то и свое излюбленное написание»: «учителя элементарных школ придерживаются правописания Кирпичникова, Говорова, Поливанова, Антонова и др.; преподаватели средних учебных заведений – Академического словаря, Буслаева, Грота, Павского и др.» – так сообщалось в одной из работ того времени [Разыграев 1885, 28]. Бедственное состояние русской орфографии объяснялось тем, что «это был период поисков», «естественный процесс отбора лучших способов написаний», период господства хоть и с незначительными расхождениями, но все-таки индивидуальных, «основанных на произволе пишущего» орфографий [Щенников 1956, 67–81].

Выступления многих авторов были направлены на устранение «анархического состояния» русского правописания через его упрощение [Тулов 1874; Новаковский 1872]. И в сложившемся хаосе разноречивых суждений о русском правописании, с одной стороны, и далеких от орфографического единства реальных текстов – с другой, относительный порядок был учрежден академиком Я. К. Гротом. Его «Русское правописание» – это первый орфографический труд, установивший правила русского правописания, которые в полемике «за» и «против» продержались вплоть до 1917 г. «Не довольно писать: надобно писать грамотно! – эти слова Я. К. Грота сделали с осени 1883 г. главным вопросом Академии наук (отделение русского языка и словесности) вопрос о русском

правописании и определили в значительной степени его дальнейшую судьбу.

Все члены отделения единодушно считали, что нормы русского литературного языка уже достигли достаточной стабильности и что нет необходимости в коренных изменениях его правописания и необходимо лишь внимание к тем явлениям, которые в литературных текстах представляют некоторые колебания. Об этом же писал и сам Я. К. Грот в предисловии к первому изданию: «Во многих случаях наше правописание установилось давно уже, хотя и не всегда правильно: изменять его в подобных случаях не представлялось удобным, потому что такого рода изменения могли бы только поколебать существующее соглашение и вызвать новые разноречия в нашем письме. Поэтому принято было за правило по возможности держаться утвердившегося обычая, отступая от него только тогда, когда общеупотребительные начертания оказывались положительно *неверными* или слишком *непоследовательными*» [Грот 1885, III–IV]. Члены отделения в большинстве случаев одобряли практические рекомендации к правописанию, которые предлагал Я. К. Грот.

Его орфографическое руководство, созданное с целью «удовлетворить сознаваемую всеми потребность привести русское правописание к желательному единообразию», было сразу же напечатано в Сборнике Академии наук ОРЯС по распоряжению Императорской Академии наук (декабрь 1884) [Грот 1885] и издано отдельной книгой [Грот 1885а]. Только в 1885 году эта книга выдержала 4 издания, при жизни автора – 10, а до 1917 г. – 22. Это свидетельство того, как велик был спрос на надежное орфографическое руководство.

По воспоминаниям И. В. Ягича, когда первый экземпляр Руководства был напечатан [Грот 1885], автор его «не прибег сразу к авторитету Отделения, чтобы по примеру Французской академии провозгласить *sic volo sic jubeo*»¹: он предполагал сначала прислушаться к голосу педагогов и обо всем докладывал в заседаниях отделения, считая изложенное в Руководстве не одним своим голосом, а голосом всего Отделения [Памяти 1913, 71]. Чтобы разъяснить многие возникшие по поводу Руководства недоумения, Грот составил новую общую записку, в которой были сделаны объяснения, уступки и изменения, а в 1886 г. – эта записка читана по частям в заседаниях Отделения (Опубл. в: Сб. ОРЯС. Т. 40. Изд. 5).

¹ Латинское выражение: Так я хочу, так велено [СИВИ, 394]

Как свидетельствует И. В. Ягич, «не увлекаясь высокомерною уверенностью в своей непогрешимости», и Отделение, и автор Руководства единодушно выразили желание «улучшить свой труд при содействии знатоков русского языка и в особенности преподавателей», и после пятого издания Грот предложил разослать Руководство известным русским филологам с тем, чтобы их отзывы рассмотрены были потом в особой комиссии. Он исходил из представлений о правописании как явлении условном, которое устанавливается «не наукой только, а в значительной степени и обычаем» [Памяти 1913, 72].

Основные положения орфографической программы Я. К. Грота сводились к следующему: русская азбука включает 35 букв, в числе которых буква **V**, но она заключена в скобки, потому что «почти никогда не употребляется». Буквы *И* и *Е* получают особое назначение с помощью надстрочных (*И̇* и *Е̇*), но им пока нет места в русской азбуке. Автор руководства считает, что буквы в русской азбуке, как и в других языках, расположены «без всякой системы» и при научном рассмотрении письма «первою задачей должно быть приведение букв азбуки в правильный порядок, основанный на свойстве изображаемых ими звуков» [Грот 1916, 2–3]. К работе прилагалось два списка для заучивания: слова с буквой **Ѡ** – около 60; первообразные слова с буквой **Ѣ** – свыше 150 слов.

Автор выделяет в правописании два основания: фонетическое и этимологическое. В первом случае слова «пишутся сходно с произношением»; во втором – «когда в письме, с одной стороны, соблюдается производство слов, а с другой – отражается древнее, уже изменившееся произношение или вообще употребляются общепринятые издавна начертания, не указываемые живой речью». В русском правописании «преобладает характер этимологический», и «господствующее начало его заключается в том, чтобы, согласно с непрерывно развивающейся исторической жизнью языка, в начертаниях ясны были следы происхождения и состава слов» [Там же, 20–21].

Печать встретила предложенное академиком правописание с большой осторожностью и даже враждебностью. В большинстве своем издательства сохраняли прежнюю орфографию, но Министерство народного просвещения согласилось сделать «Руководство» обязательным для школы. Циркуляр от 21 мая 1885 г. «О введении в средних и низших учебных заведениях составленной академиком Я. К. Гротом книги “Русское правописание”» сделал

правописание по Гроту обязательным, и школа проявила к нему «безрассудный догматизм»: те орфографические тонкости, которых Грот коснулся лишь в научных целях, вопреки намерениям автора, именно школой были возведены в ранг абсолютной обязательности, и это привело к бессмысленной школьной «гротомании», основанную на диктомании.

Орфографическое руководство Я. Грота вызвало целый поток полемических публикаций. Недовольство, возникшее и в педагогических, и в ученых кругах сразу же по выходе книги, продолжалось долгое время. Акад. А. И. Соболевский в числе первых заявил о своем категорическом несогласии как с приведенными в руководстве этимологическими аргументами написания отдельных слов, поскольку они «не имеют никакого значения при решении вопроса о написании» [Соболевский 1885, 156–161], так и с тем сравнительным методом, к которому прибегает автор: он «кажется странным и непонятным» [Соболевский 1886, 368].

Давая отрицательную оценку руководству Грота, авторы других публикаций отмечали:

– правописание по Гроту «страдает крупными и очевидными недостатками» [Воеводский 1898] и представляет собой набор орфографических противоречий [Фита 1885];

– автор орфографического руководства, «освещая во многих случаях общепринятое правописание слов фонетикой и этимологией происхождения, часто ссылается на простой обычай (“освещает обычаем”), не обосновывая его никакими законами ни фонетическими, ни этимологическими» [Кремлев 1898, 42];

– вместо коренных средств, оно «представляет полумеры, всегда и везде не достигающие цели и лишь сбивающие с толку» [Степович 1886, 30];

– «без всякой надобности и оснований увеличивает путаницу в нашем правописании» [Соболевский 1886, 157] и под.

В связи с работой «Возможно ли применить русское правописание академика Я. К. Грота к практике?», в которой заключалась резкая критика предлагаемой академиком орфографии, не всегда, по мнению рецензента, соответствующей реальности [Доброписцев 1886], Академия наук (чтобы не вводить в заблуждение читателей) поручила Гроту составить объяснительную записку и коснуться

всех (не только Доброписцева) замечаний, ответить на высказанную критику [Извлечения 1886].

Статьей «Несколько разъяснений по поводу замечаний о книге «Русское правописание» Грот не только ответил М. Е. Доброписцеву (он «имеет смутное представление о предмете, в котором берет себе роль верховного судьи»), но и всем другим критикам его работы. Отметив, что «Русское правописание» выявило чрезвычайное разнообразие взглядов и оценок («не было ни одного вопроса, по которому не обнаружилось бы двух противоположных мнений»), он еще раз обозначил свои взгляды на русское письмо и возможности его упрощения [Грот 1886]:

– «не преобразовывать русское правописание, вообще стоящее на верном пути, взялись мы, а желали только упорядочить его, сообразаясь с господствующим обычаем, исправляя лишь явно ошибочное, решая сомнения в спорных случаях, приводя в сознание то, что писалось бессознательно» [Там же, 2];

– русское письмо продолжает быть фонетическим (нет диграфов, триграфов), но «это фонетическое начало подчинено этимологическому [Там же, 3–4];

– никакой будущности не имеют предположения тех, которые думают, что со временем удастся ввести вполне фонетическое правописание, потому что, как и язык, письмо «нельзя свести с его исторической почвы и двинуть по новой искусственной колее» [Там же, 7];

– ввести в школе однообразное письмо, но вместе с тем «школа должна чуждаться всяких опытов, еще сомнительных в своем результате и может быть неприемлемых в будущем» [Там же, 9];

– успешное обучение русскому языку требует, чтобы учитель знал «о современных успехах науки», имел «ясное понятие о физиологии звуков, фонетике и ее отношении к орфографии» [Там же, 16];

Однако несмотря на очевидные недостатки орфографического руководства (отсутствие твердости принципов и последовательности), как итог истории, как некая картина правописания определенного времени «Русское правописание» оценивалось и как «весьма полезный справочный труд» [Степович 1885, 367].

Открывая торжественное заседание, посвященное 100-летней годовщине со дня рождения академика Я. К. Грота, А. А. Шахматов отметил, что «многолетними его трудами достигнуто упорядочение нашего русского правописания» [Памяти 1913, 3]. В речи Е. В. Петухова сказано, что Я. Грот выступил в помощь педагогическому отде-

лу и внес «в хаос разноречивых суждений и мнений по правописанию известный порядок»; что он «обнаружил полное внимание к практическим потребностям школы и жизни и в спорах со своими противниками постоянно сохранял спокойную уравновешенность, отсутствие педантизма и необходимую твердость» [Там же]. Своим орфографическим руководством, подчеркивал И. В. Ягич в воспоминаниях, «он выполнил долг, который сам признавал за собой, долг научного деятеля, сознающего обязанность приходить обществу на помощь»: из всех его работ именно Русское правописание более всего способствовало известности имени автора в широких кругах русского общества, так как все знали, что такое «писать по Гроту».

Возникшая противоположность в оценках «Русского правописания» не была лишена оснований: с одной стороны, оно действительно впервые объясняло многие вопросы, которые в продолжение целых столетий продолжали быть спорными и автор его «выполнил долг научного деятеля, сознающего обязанность приходить обществу на помощь» [Рождествен 1908, 7]; с другой же – автор своим авторитетом закрепил явные орфографические нелепости; совершив важное для русского правописания дело, во многом ухудшил его: желательное однообразие не только не было достигнуто, скорее «поколеблено существовавшее соглашение, чего так опасался почтенный академик, сделавшийся таким образом против воли Никоном русского правописания» [Васильев 1896, 3].

Орфографические труды Грота служили эталоном в составлении многих руководств по правописанию, но в большинстве своем они являли собой механические переработки и искажение его орфографических рекомендаций. Так, «Сборник правил русского правописания, составленный на основании “Филологических разысканий” академика Я. К. Грота Иваном Вальковым» (СПб., 1875) заключал в себе больше недостатков, чем достоинств. Именно этот сборник вызвал письмо в редакцию с возмущениями самого академика («некоторые рассуждения и правила, вовсе не согласные с моими взглядами ни вообще с основаниями науки») с пожеланием автору не ставить имя Грота в заглавии [Письмо 1876].

«Молох XX века». Эта книга К. Г. Житомирского – решительное выступление против существующих правил правописания, которые «не выдерживают даже самой снисходительной критики», а «сумбурные, плохо обоснованные “правила” дискредитируют науку вообще»: «научное мирозерцание, выработка которого является

главной целью образования, может только пострадать, если среди наук имеется хоть одна, не признающая стройности мышления». Он против служения *орфографическому Молоху*, которому приносятся большие жертвы. Решительность автора проявилась и в оценках понимания грамотности, которую он определил как «результат начитанности и правильного понимания грамматики», как следствие хорошего образования, а не его цель. В понимании автора, грамотность может быть критерием образованности только в том случае, если не пройден путь специального обучения, если не зазубривались «целые орфографические лексиконы наизусть»; она есть форма, в которой содержание (если оно есть) выявится, а изъяны самой формы не представляют смертельной опасности. Вывод его таков: «пусть общество изобилует людьми мысли, пишущими “дело”, чем тупицами, заучившими орфографию “дѣло”» [Житомирский 1915, 27–28].

Спустя 23 года известный русский педагог и деятель народного образования, методист по начальному обучению, последователь К. Д. Ушинского, В. А. Флёрв, используя эту же метафору, назовет свою статью «Поверженный Молох». Один из активных сторонников реформирования орфографии, чему противостояли многие представители властных кругов, он выразит искреннюю радость по случаю начала реформы, которой «так страстно желало и добивалось всё мыслящее передовое общество, все любящие родину, видящие в просвещении ее силу»; в результате которой «свергнут Молох, ежегодно и ежечасно пожиривший миллионы детских сил и детских радостей» [Флёрв 1917].

Значительной поддержкой орфографической позиции К. Г. Житомирского станет запоздалая рецензия на его книгу, опубликованная в журнале «Для народного учителя»: «Гротографию, ныне общепринятую, ни в коем случае не следует считать правописанием: гротовская система (если только здесь допустимо употребление этого слова) письма построена на таких вопиющих логических несообразностях, с таким обилием нарушений законов фонетики русского языка, этимологического и исторического принципов, что Академия наук давно уже сочла себя вынужденной заявить во всеобщее сведение, что гротовская орфография отнюдь не есть орфография академическая и именуется таковой совершенно облыжно» [Семенов 1915].

Через 12 лет со времени появления орфографического трактата Я. К. Грота журнал «Филологические записки» сообщал, что «на-

чертания, введенные почтенным академиком, прививаются очень туго»; что не по Гроту продолжают писать и писатели, и публицисты и издаются классики; что только школа является тем местом, где более ревностно следуют Гроту, но и здесь это достигается не всегда и с большим трудом, потому что по требованию одного преподавателя следуют орфографии Грота, по требованию другого – возвращаются к прежним догровотским написаниям [Васильев 1896, 1]. Но главным препятствием к усвоению гротовского правописания в школе, как отмечалось в статье, служило то, что «в книгах, которые ученик читает, и, прежде всего, в учебных руководствах, он встречает в большинстве случаев прежние начертания», хотя «орфографию учебников, в особенности по русскому языку... стали соглашать с академическим руководством, но пока это соглашение остается более на словах, чем на деле» [Там же, 1–2].

Но тем не менее с течением времени школа стала жертвой учрежденного Гротом правописания. Введенное министерским распоряжением как обязательное [О введении 1885], оно способствовало тому, что русский язык стал самым трудным предметом или, по выражению московского педагога М. Щепкина, – «злым духом русской школы», потому что преподавание основывалось на зубрежке и бесконечных диктовках. Орфографическая дрессура в школе лишала преподавание языка лингвистического смысла, приводила к отождествлению понятий язык и письмо.

В связи с этими обстоятельствами орфографическое руководство Я. К. Грота стало одним из поводов к возбуждению вопроса об упорядочении и упрощении русского правописания. Мысль эта возникла именно в недрах школы, и одним из первых выступил против письма по Гроту известный московский педагог Вл. П. Шереметевский. Выражая несогласия с Руководством Грота, он утверждал, что оно «наградило школу такой новой системой орфографии, которая далеко оставляет за собой прежнюю и в научном, и в педагогическом отношении и которую в честь составителя следовало бы по справедливости наименовать *гровотграфией*» (выделено авт.) [Шереметевский 1897, 309].

Орфографические статьи Вл. П. Шереметевского стали началом активных выступлений за реформу. Преемник его как председателя в комиссии преподавателей русского языка при Учебном отделе Общества распространения технических знаний С. Гр. Смирнов включил в программу комиссии в 1895 г. специальный вопрос – «о хода-

тайстве перед Академией наук об упрощении русского правописания и об отмене обязательного следования руководству Я. К. Грота».

Кроме того, следует заметить, что каким бы ни было стремление навязать «гротопись» и каким бы ни было мощным противодействием ему, к концу XIX века сформировалось, как указывает Евг. Аничков, главный редактор серии «Русские классики» для фирмы «Деятель», три типа орфографий при доминировании гротовой:

догрововская орфография, воплощением которой стала суворинская газета «Новое время», государственные типографии и большие казенные учреждения;

орфография по Гроту, которая, во-первых, узаконила далекие от подлинной этимологии написания и, во-вторых, не отличалась абсолютным единообразием. Кроме того, орфографическое руководство академика Грота растиражировано в словарях и пособиях разных авторов на их собственный манер, что не служило орфографическому единству;

«интеллигентская» орфография – манера письма, больше всего распространенная в студенческой среде и ставшая знаком особого этикета и щегольства: без буквы *Ъ* на конце слов [Аничков 1923, 79].

В начале XX столетия антигрововская эпопея достигла небывалых масштабов.

Публичная лекция Р. Ф. Брандта «О лженаучности нашего правописания», прочитанная автором в Педагогическом обществе при Московском университете как доклад отделению российской словесности (1899 г.), положила начало организованному движению за реформу против «ходячей орфографии». Он, как и его многие предшественники, показал на примерах ненаучность и непоследовательность существующего правописания «по Гроту». В оценках деятельности Грота было больше хулы, чем понимания и одобрения. Считалось, что Грот-теоретик признавал в орфографии этимологию (= словопроизводство), но на практике предпочел обычай, явился защитником узаконенных орфографических непоследовательностей. Против «гротографии» было высказано множество суждений:

«...голос разума оказался бессильным перед привычкой, и Грот закрепил своим научным авторитетом явные нелепости» [Брандт 1901, 27];

«...как бы ни относились, несомненно одно: делая отдельные и частные уступки звуковой стороне языка, Грот явился защитником

исторической традиции и этимологического начала в письме» [Куницкий 1901, 36];

«Русское правописание» Грота, «изобилуя правилами и написаниями чисто субъективного характера, не только не уменьшило спорного числа написаний, но даже увеличило его» [Богородицкий 1909, 143].

Орфографическому руководству Грота посвящены многие публикации журнала «Для народного учителя». В их числе – работа М. Семенова «Об укрощении строптивой», в которой дается самая нелицеприятная оценка и книги, и установленного в ней правописания:

– «...высиженная вдали от жизни, в тиши уединенного кабинета», книга «сделалась для наших школ книгою судебных уставов, на основании которых разбита не одна карьера, загублена не одна молодая жизнь»;

– «Грот не упростил, а еще более запутал нашу орфографию, усвоение ее сделалось почти невозможным. Творение Грота – это сборник несообразностей. Мы никогда не окончили бы, если бы вздумали все те бесчисленные, часто совершенно неосновательные исключения из правил, ненужные нарушения давно установившихся традиций, наконец, уклонения от выводов здравого смысла, которые буквально пестрят каждую страницу *Русского Правописания*, внося невообразимую путаницу в наше и без того не легко усваиваемое письмо»;

– «Пора перестать относиться к *Руководству* Грота как к непогрешимому оракулу. Неясностей, погрешностей там немало, противоречий еще больше. Гротом должно пользоваться, но исключительно для защиты интересов ученика» [Семенов 1907].

Комиссией по упрощению русского правописания, образованной из профессоров Новороссийского университета и преподавателей русского языка средних учебных заведений г. Одессы при педагогическом отделе Историко-филологического общества Новороссийского университета (председатель – А. П. Флёрв) решение московских педагогов было обсуждено и одобрено, поскольку было очевидно, что орфография Грота представляет собой «схоластический пережиток, играющий роль *сильного тормоза просвещения*» [Флёрв 1903]. В печати одобрительное мнение «орфографическому почину» было выражено в некоторых публикациях представителей этого общества [Доклад 1903; Лазурский 1903].

Но и на этом этапе антигровотской кампании положительные оценки не были абсолютным исключением: «Русское правописание» при всех его недостатках впервые объясняло многие вопросы, которые в продолжение целых столетий продолжали быть спорными» [Рождествин 1908, 7].

При всей противоречивости оценочных суждений было все-таки очевидно, что правописание, рекомендованное акад. Гротом как *академическое*, получившее статус обязательного для школы, не решило всех орфографических задач и не служило эталоном при издании академических изданий. Именно этой сложившейся ситуацией были «сформулированы» три вопроса, адресованные Отделению русского языка и словесности Педагогическим обществом при Казанском университете:

1. «Признает ли Академия наук правописание, рекомендованное акад. Я. К. Гротом, *своим*?

2. Признает ли Академия наук это правописание *научным*?

3. Не усматривает ли сама Академия наук в этом правописании внутренних противоречий и притом такого рода, что они наводят на мысль о необходимости его систематизации в том и другом смысле?» [Протокол 1905, 4].

Главное Управление военно-учебных заведений тоже выразило озабоченность сложившейся ситуацией, обратилось к Императорской Академии наук с вопросом, «признает ли Академия наук Руководство акад. Я. К. Грота официальным изданием, обязательным для школ всех ведомств», и обратилось с предложением «поставить на обсуждение вопрос об упрощении русского правописания в тех пределах, какие сама Академия признает целесообразными» [Протокол 1905, 5–6].

Критическое отношение к рекомендованному Я. Гротом правописанию «не затрагивает интересов Академии наук». На руководство акад. Грота было бы ошибочно «смотреть как на изложение требований по правописанию, исходящих от Отделения русского языка и словесности», поскольку оно было составлено по поручению Отделения одним из его членов и не может быть принято «за свод орфографических правил, выработанных самим отделением в том его составе, какой оно имело в первой половине 1880 годов».²

² Членами Отделения помимо Я. К. Грота были А. Ф. Бычков, А. Н. Веселовский, М. И. Сухомлинов, И. В. Ягич.

Отделение русского языка и словесности не может представить принципиальных возражений против «желательности заменить правописание акад. Грота другим, более простым и более систематичным» – таков ответ на два поставленных временем вопроса [Протокол 1905, 7]. Вопрос о научности правописания по Гроту был оставлен без ответа по причине его неразработанности.

Именно сложившаяся ситуация стала поводом к созданию Орфографической комиссии 1904 г., где было принято решение об упрощении русского правописания «в интересах школы и русской культуры»³.

В последующий период, параллельно процессу разработки проекта упрощения орфографии, дискуссии о «гротописси/гротোগрафии» не прекращались. Брошюра педагога-словесника, преподавателя 1-й Петроградской гимназии и Смольного института [Миртов 1915–1916] стала в значительной степени сенсационной своими грубыми отзывами об орфографическом руководстве и заключала в себе «крик о спасении» от правописания «по Гроту», которое автор называет русско-немецким. «Журнал Министерства народного просвещения» откликнулся на это событие двумя публикациями: первая (декабрь 1915) принадлежала сыну автора «Руководства» Карлу Яковлевичу Гроту; вторая (март 1916) – известному языковеду-слависту Н. Каринскому. Оба автора выступили против А. В. Миртова с обвинениями. Первый справедливо упрекал его в попытке сокрушить правописание Грота не научными доводами, а немецким происхождением автора [Грот 1915, 251–256]; второй – в отсутствии новизны и объективности при изложении фактов [Каринский 1915, 94–97].

Статью А. Миртова «О русско-немецком правописании Я. К. Грота (ответ К. Гроту)» публикует журнал «Родной язык в школе». Автор по-прежнему безапелляционно оценивает труд Грота как вредный и совершенно недопустимый в школьном преподавании, предлагая изъять его из школьного употребления как источник искажения русской речи. Ничем не оправданные сложности этого правописания, их изучение в школе закрывают сам язык, который, по его глубокому убеждению, является одним из самых главных средств национально-патриотического воспитания [Миртов, 1915–16]. И в более поздней работе [Миртов, 1916] дается решительный и

³ О работе Орфографической комиссии 1904 г. [см.: Григорьева 2004, 82–90].

однозначный ответ «нет» «писанию по Гроту» (40 с.) (Подробно этот эпизод рассматривается в разделе 4.2).

В ходе дискуссии указывается на непомерные трудности усвоения правописания и отсутствие веских соображений для оправдания требований безукоризненной грамотности по Гроту, поскольку «отсутствие самой системы правописания» не влияет на «укрепление стройного логизма мысли учащихся», а напротив, создает «неизбежность чисто механических навыков письма» [Попов 1916–1917, 75]. Решительно отвергнув возражения «охранителей существующего правописания», он выражает приветствие вновь пробуждающемуся в русском обществе интересу к упрощению и вместе с тем уверенность, что «раздающиеся теперь пока еще робкие голоса, может быть, даже тщетно призывающие к единению, по окончании войны будут подхвачены мощным хором пробудившегося сознания общественного мнения, и русское правописание избавится, наконец, от бесцельного гнета педантичных требований школы «писать по Гроту» [Там же, 79]. Высказывает пожелание создать единый свод правил русской орфографии, который бы устранял все противоречия «Руководства» Я. К. Грота при условии, что законодательницей в этом вопросе должна стать Академия наук [Олейник 1916].

К научной и педагогической критике «Русского правописания» акад. Грота присоединил свою отрицательную оценку Ученый комитет Министерства народного просвещения, отметив, что «этот жесткий бич русской школы с каждым днем утрачивает все большее и большее число сторонников» и вызывает «законное желание пересмотреть гротовские измышления» [Миртов 1916–1917, 106–107].

Реформа орфографии 1917 г., которая прошла сложный и длительный путь воплощения, превратив «Русское правописание» академика Грота из злобы дня в историю. В числе последних публикаций, где уделялось внимание правописанию Грота, – [Сакулин 1918]. Убеждая сомневающихся в необходимости реформы, которая все больше и больше становилась фактом жизни, несмотря на катаклизмы; обращаясь к сохраняющим верность старому письму, автор сообщал, что Руководство Грота лишь по недоразумению считалось академическим, что «нет никаких оснований ждать нового *академического* правописания» и что правописание, окончательно принятое Подготовительной комиссией на совещании 11 мая 1917 г., является единственно авторитетным» [Там же, 22].

Итак, «Русское правописание» Я. К. Грота не получило однозначной оценки: оно возникло между орфографическим хаосом и относительным, но порядком; между орфографической свободой и осознанием орфографии как нормы. С одной стороны, оно, вопреки развивающейся орфографической тенденции к упрощению, закрепило «орфографический обычай»⁴. Но, с другой стороны, при всех отрицательных оценках оно обозначило некоторые рамки орфографической свободы предшествующего периода и придавало орфографии статус официальности. Оно способствовало внедрению единообразия и этим сыграло серьезную роль «в истории государственной стандартизации русского письма», поскольку «впервые устанавливалась единая система и устранялись мучительные орфографические шатания последнего периода «вольности дворянства» и неорганического обучения родному языку» [Виноградов 1946, 74–75]; оно открыло возможность «сознательного регулирования развитием орфографии» и внесло «некоторые поправки в сторону согласования и сближения письма с произношением» [Щенников 1956, 429]. Наконец, оно способствовало развитию научной мысли, пробудило орфографические силы и стало решительным аргументом в пользу реформы, которая устранила, выражаясь словами Р. Ф. Брандта, орфографическое наследие «не достаточно сведущих, но зато крайне смелых грамматистов» [Брандт 1904].

4.2 А. В. МИРТОВ ПРОТИВ Я. К. ГРОТА

История русского правописания полна драматизма: с 60-х годов XIX века споры шли по поводу каждого правила, борьба велась по каждому слову. Наше внимание привлекает несколько забытая страница этой истории – голос А. В. Миртова в защиту русской

⁴ Представляя «Русское правописание» Я. К. Грота в контексте истории, нельзя не упомянуть его первый монументальный труд «Спорные вопросы русского правописания от Петра Великого доньне» (СПб, 1773), в котором автор предстал как сторонник реформаторского пути русской орфографии, выступал за исключение «лишних» букв и некоторых написаний, которые не соответствовали живому состоянию языка.

орфографии против руководства «Русское правописание», составленного академиком Я. К. Гротом.

Алексей Василькович Миртов родился 8 августа 1886 г. в Симбирске, в многодетной семье гимназического учителя математики и географии, получившего высшее образование в духовной академии. Учился хорошо, в той же гимназии, где учились и Ульяновы. Семья нуждалась в средствах, и он с шестнадцати лет стал подрабатывать уроками латинского языка и грамматики русского языка, а в 1906 году поступил на историко-филологический факультет Санкт-Петербургского университета, где его учителями были Ф. Ф. Фортунатов, И. А. Бодуэн де Куртенэ, А. А. Шахматов. В 1910 году А. В. Миртов окончил университет с дипломом первой степени и в звании кандидата наук, что можно приравнять к современной защите дипломной работы в классическом университете. Это дало ему право преподавать историю русского языка, правописание и методику в 1-й Петроградской гимназии, а позже и в Смольном институте. О его исключительно напряженном труде, творческом отношении к преподаванию и высоком профессионализме свидетельствуют многочисленные учебно-методические пособия, программы, разработки, таблицы склонений и спряжений, публиковавшиеся в первые же годы работы и официально допущенные к использованию в учебном процессе Ученой комиссией Министерства народного просвещения.

В 1915 г. в издательстве товарищества «М. О. Вольф» опубликован его «Учебник по истории русского языка»; в Петрограде рекламировались ранее опубликованные учебные пособия А. В. Миртова:

«Как научить и научиться грамотно писать. Методика орфографии» (3-е, переработанное издание 1914 г., первые два издания опубликованы в 1911–1912 гг.) [Миртов 2000],

«Как научить и научиться писать сочинения» (2-е изд., первое вышло в 1913 г.), «Литературное утро в школе» (поэтический сборник на тему: За Родину, война, Галиция, славяне),

«Стенные таблицы (в четыре краски) для скорого и наглядного изучения латинских спряжений. 4 таблицы с объяснительным текстом» (1911),

«Стенная таблица латинских склонений. Большой формат» (1911–1912),

«Цветные таблицы латинских склонений и спряжений. Малый формат».

В 1916 г. таким же образом рекламировались пособия:

«Предупредительные диктанты» (1915),
«Систематический курс правописания» (1913),
«Как не путать ё и е?» (с обзором всех способов изучения букв ё) (1914).

Уже в начале своей педагогической деятельности А. В. Миртов стал активным сторонником реформы русского правописания и неустанно критиковал правила, действовавшие с 1885 г., – первого издания известного труда академика Якова Карловича Грота «Русское правописание», санкционированного Вторым отделением Российской Академии наук. В 1916 г. вышло 22-е, последнее, издание этого руководства (см. о нем раздел 4.1).

Интересна предыстория руководства. В 1873 году Я. К. Грот в составе тома «Филологические разыскания» опубликовал капитальный по замыслу труд «Спорные вопросы русского правописания от Петра Великого доныне», что было решительным шагом в правильном направлении – обозреть, критически осмыслить, оценить практику письма, систематизировать орфографические навыки в определенных устойчивых правилах [Грот 1873]. С осознанием ответственности сам автор формулирует свою цель скромно: «Цель настоящего труда заключается вовсе не в каких-либо нововведениях и даже не в окончательном решении всех спорных вопросов нашего правописания (такая задача была бы слишком смела), а в том только, чтобы историческим путем уяснить мыслящему читателю настоящее состояние русской орфографии и способствовать к большему единообразию весьма желательно не только по теоретическим причинам, но и по чисто практическим соображениям: ясно, как разноречия в правописании неблагоприятны для школы и как они неудобны для типографий» [Грот 1873, IV]. Здесь же он замечает, что добиться согласия в этом мало надежды.

Действительность подтверждает истинность этой мысли. Переиздание этого труда (1876) дало повод автору пересмотреть и переработать его по новому, более обширному плану. Книга состоит из двух частей объемом 460 страниц. В первой части даны физиология звуков и анализ звуков русского языка [Грот 1876, 3–89] с обозрением взглядов русских и зарубежных ученых по вопросам фонетики, разбор Грамматики М. В. Ломоносова, трудов Востокова, Греча, Павского, Каткова, Срезневского, Буслаева и т.д. Во второй части изложена славяно-русская азбука и ее история, дан очерк истории русского правописания [Там же, 185–245], критический обзор современного право-

писания [Там же, 245–372], включая слова заимствованные и имена собственные. Из обозрения орфографических представлений Ломоносова, Тредиаковского, Сумарокова и их последователей Я. К. Грот заключает, в частности касаясь Ломоносова: «В общем характере нашего правописания конечно восторжествовала система Ломоносова, но в частности, несмотря на громкую славу этого писателя, его орфография ни при жизни его, ни после не сделалась общею» [Там же, 190–191]. Касаясь правописания после Ломоносова, он пишет: «...орфография наша в первые десятилетия по смерти Ломоносова далеко не установилась. Некоторые слова писались просто неправильно; насчет других были разные мнения» [Там же, 198].

Так же внимательно Грот присматривался к орфографической практике образцовых писателей, в частности Н. М. Карамзина, А. С. Пушкина. Эпохой в успехах русского правописания он считает издание в 1793 году «Московского журнала»: «Всегдашнюю свою заботу о чистоте и правильности языка Карамзин распространял и на орфографию: отдавал себе строгий отчет в употреблении не только каждого слова, но и каждой буквы, не устраняя из своего письма ни одной. Таким образом, ему должно быть приписано установление не только литературного языка, но и правописания русского».

Вместе с тем Грот обращает внимание на постепенное изменение в правописании Карамзина: «он вначале писал не так, как мы теперь пишем и как сам он писал впоследствии (примеры из «Московского журнала»: *растѣніе, щастіе, не чего, по томъ, поселенцовъ, Руской народъ, лица, этова* (просторечное), *естьли, сверхъ, яишница, молошный, порутчикъ, серебряной, ни кто, лѣсница, ни чѣмъ, почтилліонъ*). И новое правописание: *почтильіонъ, истина* (вместо прежнего *истинна*), *лучше* (не *лутче*), *плечо, искусство, лекаръ, лечить* (без «ять»), *ввечеру* (вместе) и т. п. : [Там же, 205–206].

Обратившись далее к орфографической практике Н. И. Греча, в его «Опыте о русских спряжениях» (1811) и особенно в его издании «Сына Отечества» (1812), Грот делает вывод: «Господствующим направлением Греча было не исследование законов языка, для чего необходимо справляться и с историею его, и с народною, вообще с живою речью, а установление *правил* по избранным литературным образцам. Когда же образцы не давали ответа, или когда между ними замечалось разногласие, – придумывались правила чисто условные, основанные на механической правильности построения фразы, или на внешних соображениях» [Там же, 210].

Любопытны примеры, которыми иллюстрирует Грот свое наблюдение. Так, выражение *всклоченные волосы* Греч заменял выражением *всклоченные волосы*, «не обращая внимания на то, — замечает Грот, — что вся Русь говорит иначе». Произвольным правилом считает Грот и написание наречия *близь* для отличия от существительного *близь*. Как видим, критика нормализатора не удалась. Убедительнее оказалось здесь же другое возражение Гречу — в том, что надо писать *наизусть*, а не *наизусть*, «потому что (по Гречу. — В. Д.) предлог *изъ* требует родительного падежа: *усть*». С сожалением Грот отмечает: «Но авторитет Греча, проповедывавшего эти произвольные правила в многочисленных изданиях своей грамматики и проводившего их, вместе с товарищем своим Булгариним, в журналах, в «Северной Пчеле» и в отдельных книгах, был так велик, что правила этого рода сделались господствующими и держались почти неизменно лет двадцать, то есть до середины 1830-х годов» [Грот 1876, 211].

Оригинальные отступления от карамзинской (более или менее устоявшейся) орфографии появляются в «Вестнике Европы» Каченовского и еще больше в «Отечественных записках» Краевского. В частности, входило в обычай черточкой соединять слова в устойчивых сочетаниях и в адвербиализующихся формах типа *по-крайней-мере*, *по-счастью*, *во-первых*, *по-видимому*, *между-темъ*, *едва-ли*, *въ-самомъ-деле*, *въ-следствие*, *въ-последствии*, *потому-что*, *для-того*, *въ-течение*, *должно-быть*, *как-можно-строже*, хотя *несмотря* писалось вместе [Грот 1876, 212]. Дело дошло до того, что некоторые слова стали с предлогами писать вместе: *ксожалению*, *ксчастью*, что вызывало недоумение и протест читателей.

В 1860 году в воронежском журнале «Филологические записки» издатель А. А. Хованский напечатал большую обзорную статью «Взгляд на правописание вообще», в которой, не вдаваясь в критику, показал разноречивость правил русского правописания и беспомощно заключил: «Что ж нам, наконец, остается делать, чтобы установить единство в правописании? Остается одно — доказывать право употребления той или другой буквы, изыскивать и выяснять то начало, на котором можно было основать неоспоримое доказательство того или другого правила, — в остальном согласиться не трудно, а согласие в этом необходимо: оно святое дело» [Хованский 1860, 6]; Цит. по: [Грот 1876, 228].

С 1860 года в Петербурге, во 2-й гимназии, проводились педагогические собрания, на которых ученые, издатели, журналисты, учителя обсуждали вопросы правописания – состав алфавита и орфографические правила. Единодушно признали, что в гражданском алфавите буквы «фита» и «ижица» излишни. Высказывались предложения исключить ъ на конце слов. Спорили о важности и необходимости буквы «ять». Инициатор этих бесед педагог и методист Вл. Як. Стоюнин предложил писать букву ё, введенную Н. М. Карамзиным, после шипящих и *ц* на месте *о*. Но он же, с одной стороны, сознавал, что русское правописание традиционно основывается на этимологическом (морфологическом и словообразовательном) принципе, а с другой – предлагал писать на слух, т. е. фонетически. По существу это было покушение на основы правописания, чего сначала собрание не предполагало и на что не имело права. Было ясно, что только утвердившись в печати, новое правило может получить признание в обществе и быть узаконенным. Поэтому постепенно, в 1862 году, эти собрания прекратились. Оценивая последствия орфографических совещаний, Я. К. Грот пророчески заметил: «... никакие крутые преобразования в языке, предпринятые по теории, не удаются, хотя бы и имели за себя авторитет известных специалистов» [Грот 1876, 233].

В критическом обозрении современного ему русского правописания он прежде всего называет в качестве основного его историко-этимологический (морфологический) принцип, подчиняющий себе письменные правила. Так, прежние фонетические написания слов *зделать, прозьба, щеть, щастие, истинна, лутче, протчий* и т. д. заменены морфологическими *сделать, просьба, счет, счастье, истина, лучше, прочий*. Но наряду с морфологическим принципом в определенных конкретных случаях действует и фонетическое написание; например, прежние, архаические формы *шестый, хромый, концемь, дружекъ, естли* вытеснены новыми: *шестой, хромой, концомь, дружокъ, если*, как произносятся. Принять в качестве единственно верного только морфологический принцип означало бы писать *возпитать, двадцать, чужий, плечё, хороше* и т. п., но так не пишут. Следовательно, «оба начала должны делать друг другу уступки всякий раз, когда в противном случае одно из них было бы слишком резко нарушено и когда такую уступкой достигается большее удобство либо в понимании формы или состава слова, либо в верности изображения звука» [Грот 1876, 247]. Но кроме основных

принципов, существуют еще условное правописание («по произвольному соглашению») и основанное на ложных толкованиях – ошибочное.

Не углубляясь далее в обозрение конкретных спорных и трудных вопросов и случаев написания (удвоение согласных – грамматическое и фонетическое, приставки *воз-*, *низ-*, *раз-*, *из-* перед согласными, буквы *ч*, *т* и *д* перед другими согласными, различные случаи правописания гласных, шипящие перед гласными, применение буквы *ѣ*, правила употребления буквы «ять» и еров, правописание иностранных слов и т.д.), заметим, что Я. К. Грот проделал многотрудную работу и принял на себя рискованную ответственность, создавая на этой основе руководство «Русское правописание». В предисловии к первому изданию (в январе 1885 г.) он подчеркивал: «...каждый вопрос подвергался тщательному пересмотру на собрании всех наличных членов Отделения русского языка и словесности, и решаем был с общего согласия». И тут же предупреждал: «Во многих случаях наше правописание установилось давно уже, хотя и не всегда правильно: изменять его в подобных случаях не представлялось удобным, потому что такого рода изменения могли бы только поколебать существующее соглашение и вызвать новые разноречия в нашем письме» [Грот 1908, III]. После третьего издания в текст вносились изменения в объяснениях правил, дополнения, в Указателе добавлено много слов и проставлены ударения. В пятом издании учтены отзывы и замечания в критике, значительно расширен Справочный указатель, приведены допустимые варианты написаний и т. д. В предисловии к десятому изданию автор уверял: «Ни одно из присланных мне замечаний не осталось без самого внимательного с моей стороны обсуждения» [Грот, 1908, VI].

Правила русского правописания «по Гроту», просуществовавшие в письменной практике более тридцати лет (последнее переиздание – в 1916 году), не были совершенны, не снимали вопросы, сомнения, содержали очевидные ошибки и прочие недостатки, на которые неоднократно в разное время указывали известные ученые – академики А. И. Соболевский, Ф. Е. Корш, В. И. Ягич, профессора В. А. Богородицкий и Е. Ф. Будде, известный этимолог А. Г. Преображенский, В. И. Чернышев, автор книги «Упрощение русского правописания» и особенно известной книги «Правильность и чистота русской речи». Проф. В. А. Богородицкий в «Очерках по языковедению» писал: «Мы не можем не упрекнуть Я. К. Грота за его

учебное Руководство по русской орфографии, которое, изобилуя правилами и написаниями чисто субъективного характера, не только не уменьшило числа спорных вопросов, но даже увеличило его» (цит. по: [Миртов 1915, 4]). Я. К. Грот не предложил пишущим никаких существенных изменений в алфавите и в орфографии, особенно тех, которые давно назрели; напротив, он на последующие десятилетия закрепил в правописании **ь** на конце слов, практически не нужные церковнославянские буквы: *i*, *ѣ*, фиту, сохранил на практике формы прилагательных на *-аго* типа *чистаго*, *гласнаго*, окончания множ. числа прилагательных – мужского рода *-ые/-ие*, женского и среднего – *-ья/-ия* и т. п.

Проект реформы русского правописания был готов уже в 1912 году, но окончательно принят Орфографической комиссией Академии наук только 11 мая 1917 года, а утвержден уже новым, Советским правительством Декретом Совета Народных Комиссаров 13 октября 1918 года. В этот промежуточный период и выступает А. В. Миртов со своими критическими заметками по орфографии. В брошюре, изданной в 1915 году в Петрограде с политизированным названием «Русско-немецкое правописание академика Я. К. Грота» (издание Н. Карбасникова), А. В. Миртов проанализировал ошибки и противоречия правил Грота (по 19-ому изданию «Руководства» 1910 года) на примере 58 слов из справочного указателя, приложенного к «Русскому правописанию». Так, он защищает написание слова *безымянный* (как в Академическом словаре и в произведениях А. С. Пушкина и И. С. Тургенева) вместо *безымѣнный* – по Гроту, не соглашается с раздельным написанием наречий *вдребезги*, *дотла*, *вследствие*, *зараз* и др., с формой инфинитива *итти* вместо *идти*. По-русски, – считает Миртов, – слово *Британія* следует писать с одним *н*, а не с двумя – *Британнія*, как у Грота. Несуразностью, чуждой русскому языку, Миртов считает гротовскую форму *циколотокъ*, муж. р., вместо *циколотка* или *циколка*, как у И. С. Тургенева, что сейчас считается просторечным. А. В. Миртов возражает против действительно непохожих на русские новообразований Грота типа *формуловать*, *классифиловать*, *цитовать* («цитировать») и *редижировать* вместо *редактировать*. По Гроту, слово *шелковый* должно писаться только с *ѣ*, Миртов указывает на народное *шелковой*, цитируя А. С. Пушкина. Грот различает правописание корня в словах: *экзамен*, но *экзаминатор* – Миртов видит в этом излишнюю путаницу и предлагает писать в корне только *е*. У Грота

слово *душ* отнесено к жен.р. и пишется с *ь*, Миртов, ссылаясь на живую речь, указывает, что в русском языке это слово мужского рода. Гротовское написание *горленка* он исправляет на *горлинка*, сравнивая его с *горлица*, написанию *буднишний* предпочитает *будничный* [Миртов, 1915].

Заметим, что не все предложения и возражения Миртова против Грота убедительны и приемлемы. Не привилось, например, *времяпровождение* вместо *времяпровождение*, не утвердилось предложение изменять глагол *дышать* по двум типам спряжения с различием ударения: *дышишь* и *дышишь*, не стало произносительное *близь* (предлог) письменной нормой, *несмотря* (предлог) и наречие *навстречу* стали писать вместе, как у Грота (у Миртова вслед за Богородицким *несмотря* – отдельно), слово *мужчина* – по Гроту, у Миртова – *мущина*. В другой своей брошюре «Можно ли писать «по Гроту?»», в статье «Тетеря!», Миртов старательно доказывает, что слово *тетеря* в уменьшительной форме должно писаться с *ь* – *тетерька* (как *нянька*), а распространенную в речи форму *тетерка* связывает с влиянием петроградских ресторанных меню (по Гроту) [Миртов 1916, 24–27]. И все-таки в современном правописании утвердилось *тетёрка*. Не все случаи ударения, предложенного Миртовым, бесспорны. Но в большинстве случаев он был прав, потому что верно ориентировался на русскую художественную классику, разговорно-литературную речь, авторитетные исследования крупнейших ученых-русистов.

В небольшой по объему работе решены многие сложные вопросы правописания. В критических выступлениях А. В. Миртова привлекает эрудиция, тонкое чувство слова, внимание к детали, аналитизм, острая мысль и горячий полемизм. Он убедительно опровергает точку зрения Я. К. Грота на происхождение слова *грубиян*. Грот производит это слово от немецкого *Gróbian*, Миртов же считает это слово чисто русским – от глагола *грубить* (ср. *горлан*, *буян* и даже *бестиян* – у Тургенева). Он старательно изучает русских классиков и с сожалением замечает, что и учебники, и произведения художественной литературы по-прежнему издаются по Гроту – с ошибками. В 1916 году А. В. Миртов снова возвращается к этой теме в брошюре «Можно ли писать «по Гроту?» К вопросу об искажении русской речи академиком Я. К. Гротом» [Миртов 1916]. Самого Я. К. Грота уже не было в живых. Он умер в 1893 году. Побуждением к этой публикации стала болезненная реакция

сына академика Я. К. Грота, оскорбленного критикой Миртова. Это несколько не смутило Миртова, и он еще более резко высказался о трудах Грота и о нем самом.

В свете мировых событий того времени легко понять, что он не был объективен и беспристрастен в оценке личности Я. К. Грота. По мнению Миртова, Грот «фактически далеко не был специалистом по русскому языку, он плохо знал теорию языка и почти не был знаком с историей русского языка», Грот «не вполне владел русской речью», а правописание по Гроту назвал «узаконенным произношением петроградских немцев», прозрачно намекая на его этническое происхождение [Миртов 1916, 24–27].

На самом деле Я. К. Грот был широко образованным филологом и педагогом. Ему было доверено воспитание и обучение царских наследников. Он знал европейские языки – итальянский, французский, шведский, английский, естественно, и немецкий, вполне владел русским, хорошо знал русскую и европейскую литературу, переводил и сам писал, общался с выдающимися современниками – В. И. Далем, П. А. Плетневым, И. И. Панаевым, М. П. Погодиным, И. А. Крыловым, В. А. Жуковским, Н. В. Гоголем, Ф. И. Буслаевым, П. Я. Вяземским, И. И. Срезневским, И. В. Ягичем, И. А. Гончаровым, С. Т. Аксаковым и многими другими учеными, писателями, государственными деятелями. Вице-президент Российской Академии наук, почетный член многих научных обществ, академий иностранных государств, российских и иностранных университетов, исследователь и публикатор сочинений Г. Р. Державина, И. И. Хемницера, К. Н. Батюшкова, А. С. Пушкина, один из авторов Академического словаря русского языка [Грот 1912]. Совсем не случайно ему было поручено составление правил русского правописания, эти правила в основном дошли и до наших дней. И всё же они были слишком отягощены традиционными, архаическими церковнославянскими нормами, тогда как печать, образование, делопроизводство требовали их упрощения, реформирования в соответствии с новым временем и новыми потребностями. Общество нуждалось в реформе, в демократизации письменности. Критический голос А. В. Миртова против правил Грота в то время был одним из многих, но он действительно касался не только правил, но и личности почтенного ученого и отдавал духом великодержавного национализма.

А. В. Миртов разделял определенные общественные настроения в России, бывшей в состоянии войны с Германией. Патриот,

глубоко русский, воспитанный в набожной семье, родом из кондодвой, глубинной, волжской России, миролюбивый, он не понимал политиков, желавших поражения России в войне с Германией, и с простотой обывателя ненависть к врагу переносил на всех немцев, даже тех, кто верно служил России.

К тому же правила Грота были действительно далеки от идеала. Выросший в немецкой семье, Я. К. Грот воспринимал русскую речь сначала в устах прислуги, владевшей просторечием, а потом в образцах русской художественной литературы. Ошибки, которые он допускал, можно объяснить частью вовсе не немецким языковым мышлением, а влиянием просторечия, например: *песельник* вместо *песенник*, *кухольный* вместо *кухонный*, *Овдотья* вместо *Авдотья*, *шафка* вместо *шавка* – и в произношении: *первьый*, *зерькало*, *коверькать* и т. п. Дело, конечно, не в происхождении Я. К. Грота, едва ли этого втайне не сознавал А. В. Миртов, а в сложном состоянии, неупорядоченности произношения и правописания, где смешивались формы письменной и устной речи. Это ведь показал и сам Я. К. Грот в капитальном труде «Спорные вопросы русского правописания». А его руководство «Русское правописание», в оценке проф. А. Б. Шапиро, «сыграло в свое время важную роль для школы и печати, так как в нем содержался ряд прямых и точных ответов на орфографические вопросы, вызывавшие споры и сомнения» (Цит. по: [Современный 1952, 516]). Что касается лишних букв в гражданском алфавите и архаических окончаний, то Грота можно было бы упрекнуть только в том, что ему не достало решимости, смелости, русской хватки, чтобы довершить реформу Петра.

В русском правописании есть такие правила, которые трудно усвоить, но еще труднее применить на практике, потому что они предполагают хорошее знание грамматики – морфологического состава слова, словообразования, синтаксического строя предложения. Это относится, в частности, к правилу правописания причастий и прилагательных с одним или двумя *н*. В брошюре 1916 г. А. В. Миртов приводит символический диалог из книги К. Житомирского «Молох XX века» между Гротом и Здравым Смыслом по поводу правописания отглагольных образований.

ГРОТ: Надо в письме руководиться историей, обыкновенно славянским языком.

ЗДРАВЫЙ СМЫСЛ: Значит, надо писать: *сделанный*, *снесенный*...

ГРОТ: Нет, в причастии надо писать два *н*.

ЗДРАВЫЙ СМЫСЛ: Значит, *сделанн, снесенн...*

ГРОТ: Нет, это краткие формы. Мы отступаем от славянского языка только в полной форме.

ЗДРАВЫЙ СМЫСЛ: В таком случае, как же поступить со словами, произведенными от причастий?

ГРОТ: Надо следовать словопроизводству.

ЗДРАВЫЙ СМЫСЛ: Это в самом деле остроумно. Я понимаю теперь, почему собственно вы в полных формах причастий нарушили традицию. Так как имена, происходящие от причастий, часто переносят ударение к самому суффиксу, особенно в народном языке (ср. *куращий, служащий* – причастия, и *куращий, служащий* – имена), то в данном случае будет после ударения слышаться удвоение **н**. Вы, значит, пишете *названный, положенный, приданный, засушенный, сваренный, изученный* и т. п. по образцу «*названный, положонный, приданное, сушонный, варённый, учонный, смышлённый*».

ГРОТ: Нет, нет. Именно в этих словах, как и во всех причастиях, получивших значение имен, мы пишем одно **н**: *званный, жданный, вкопанный* и проч. Именно для того, чтобы отличить прилагательное от причастия, ибо ударение не надежный руководитель, так как обыкновенно совпадает в причастии и в имени. Именно отсутствие удвоения верный признак прилагательного.

ЗДРАВЫЙ СМЫСЛ: Хорошо. Если в именах прилагательных, звучащих, как причастия, но не происходящих от причастий, как «*бездыханный, неубранный, окаянный*» или в никогда не употребляющемся в качестве причастия народном «*желанный*» пишется одно **н**, то надо писать одно **н** даже в тех, которые происходят от причастий.

ГРОТ: Опять не угадали. Именно «*бездыханный, неустанный, окаянный*» мы пишем с двумя **н**, чтобы не думали, что они происходят от причастий. Так же мы пишем упомянутое вами «*желанный*».

ЗДРАВЫЙ СМЫСЛ: Следовательно, одно **н** вы пишете для отличия от причастия. Понимаю, «*приданое, подданный*».

ГРОТ: Нет, нет. «*Подданный*» мы пишем два **нн**.

Здесь у здравого смысла пропадает всякое терпение и он откажется понимать Грота.

А. В. Миртов заключает: «Если хотите писать по Гроту, то гоните здравый смысл и свой и своих учеников; если же Вам дорог здравый смысл, то гоните Грота!...» [Миртов 1916, 34].

Думается, что критики ждали от Грота слишком многого. Он же смог обобщить только то, что наработано прежде практикой

письма и печати. В «Правилах русской орфографии и пунктуации» 1956 года, утвержденных Академией наук, союзным Министерством высшего образования и федеральным Министерством просвещения, сформулированы условия написания одного или двух *n* в отглагольных образованиях. Заметно, что в них чувствуется и логика прежних правил – по Гроту. Но и в настоящее время эти правила кажутся по-прежнему трудными, и Орфографическая комиссия, подготовившая новейшие правила орфографии и пунктуации [Лопатин 2000] и нового «Русского орфографического словаря» [1999], руководствуясь всё тем же здравым смыслом, предлагает несколько упростить интересующее нас правило. В указанной статье читаем: «...предлагается облегчить правило написания одного и двух *n* в причастиях и отглагольных прилагательных (писать всегда одно *n* в словах, образованных от глаголов несовершенного вида и не содержащих приставки, типа *зруженный, стриженный, крашенный*, независимо от того, имеются ли при них пояснительные слова)» [Лопатин 2000]. По этому вопросу можно договориться или принять это предложение как руководство, без обсуждения, но можно ли обнаружить в этом правиле некую закономерность развития строя языка?

В критических публикациях А. В. Миртова, если оставить в стороне негативные эмоции, справедливо указывалось на неупорядоченность самих принципов правописания, на смешение в правилах исторических традиций с живым произношением. Он насчитал пять действующих принципов: 1) историческая традиция; 2) произношение; 3) аналогия; 4) дифференциация значений, например: *мир* и *мир*; 5) принцип заимствований. Согласовать, свести воедино эти принципы трудно. Поэтому, – считает он, – преобладает 6-й, авторитарный принцип – произвол: по Гроту.

В 1918 году, откликаясь на введение новых правил орфографии Декретами Народных комиссаров и распоряжения Наркома просвещения А. В. Луначарского, А. В. Миртов публикует в Петрограде брошюру «Новое правописание русского языка. Систематический указатель орфографии, сост. по принципам комиссии при Академии наук». Вопросы правописания не оставляли его внимания и после, на протяжении всей последующей педагогической и научной деятельности.

4.3 ПУТЬ К РЕФОРМЕ

Публичная лекция профессора Московского университета Р. Ф. Бранда «О лженаучности русского правописания» (1899) решительно положила начало орфографическому движению XX века, наиболее значимыми участниками которого были академики Ф. Ф. Фортунатов, А. А. Шахматов и П. Н. Сакулин, в то время приват-доцент.

П. Н. Сакулин становится участником орфографических событий сначала как член Педагогического общества при Императорском Московском университете, а несколько позже в составе Орфографической комиссии под председательством профессора Р. Ф. Брандта – 4 января 1900 г., где был разработан первый наиболее полный и приемлемый проект орфографического упрощения. Комиссия пользовалась научной помощью академика Ф. Ф. Фортунатова, и результатом 14 заседаний ее стал доклад, составленный П. Н. Сакулиным. Рассмотренный и частично измененный сначала в заседании Отделения преподавателей русского языка и словесности, а потом в двух соединенных заседаниях того же отделения и отделения начальных училищ, доклад этот был представлен на обсуждение общего собрания и подвергнут тщательному разбору еще на трех заседаниях. И только на заседании 26 мая 1901 г. большинством голосов он был утвержден лишь с некоторыми изменениями, чтобы в дальнейшем на основании выработанного проекта возбудить соответствующее ходатайство перед министерством народного просвещения.

«Не подлежит никакому сомнению, – сообщалось в докладе, – что усвоение грамотного русского языка есть огромный труд для учащихся и учащихся (так в то время называли учителей – *Т. Г.*). Положение тем печальнее, что они по чистой совести не могут признать своих занятий безусловно полезными и необходимыми; они не имеют утешения в сознании, что их работа, хотя и тяжела, но дает положительные и ценные результаты...

Положение ненормальное и поистине драматическое. Грамотность – это какой-то Молох, в жертву которому мы безжалостно приносим и интересы общего образования, и судьбу учащихся. Буква в священной своей неприкосновенности царит в нашей школе, налагая тяжелую материальную дань на все население и задерживая стремление к живому знанию. Было бы величайшим благодеянием

не только для школы, но, без преувеличения можно сказать, и для всей страны, если бы оказалось возможным устранить эти путы, тормозящие развитие русской школы» [Доклад 1901, 6–7].

Вслед за этим докладом П. Н. Сакулин пишет пять статей, где снова представляет себя решительным сторонником нового пути для русского правописания:

Ложная тревога (ответ кн. С. Н. Трубецкому) (Курьер. 1901. № 130);

Проект упрощения русской орфографии (Курьер. 1901. № 149);

Несколько слов кн. С. Н. Трубецкому (Курьер. 1901. № 150);

Ответ критику доклада об упрощении русской орфографии (Журнал МНП. 1902. Ч. 342 (авг.) Отд. 4. С. 53–62);

Академик Ф. Е. Корш о русском правописании (Курьер. 1902. № 165).

Орфографическое наследие академиков Ф. Ф. Фортунатова и А. А. Шахматова исчисляется незначительным количеством публикаций, но их участие в орфографическом движении XX в., безусловно, является первостепенным. Фонд Ф. Ф. Фортунатова в ПФА РАН хранит обширные материалы, свидетельствующие об их деятельном участии в обсуждении и решении орфографических задач времени: протоколы с заседаний Орфографической подкомиссии и частная переписка.

А. А. Шахматов включается в реформаторское движение как защитник новой орфографии от посягательств министра внутренних дел Д. С. Сипягина, подготовившего проект, обязывающий органы печати к орфографической регламентации: не печатать книги без букв Ъ на конце слов и Ь после шипящих, с заменой буквы *Ѣ* буквой *Е*. Ответ А. А. Шахматова (подготовлен при участии акад. А. И. Соболевского), представленный Отделению русского языка и словесности в декабре 1901 г. и переданный затем министру народного просвещения, во-первых, предотвратил появление запретительного правительственного указа и, во-вторых, определил отношение ученого к орфографической злобе дня.

В предложенном научному собранию выступлении А. А. Шахматов заявлял, что «весьма естественно стремиться к большему единообразию в правописании», к «согласованию его или с живым произношением, или с историческим развитием языка». Всякая попытка ввести в правописание большее единообразие должна вызывать одобрение, а целесообразность предлагаемых

упрощений может быть выявлена только на опыте. Отсюда – «в интересах усовершенствования русского правописания желательно видеть ничем не ограниченную свободу его в произведениях печати» и, напротив, маложелательно «закреплять обязательным распоряжением какую бы то ни было из существующих систем», поскольку ни одна из них «не может быть названа хотя бы отчасти совершенною». Определение достоинств и недостатков одной из этих систем определяется практикой, а властное вмешательство в дело правописания не защитит его в будущем от изменений. Иными словами – вряд ли достигнет того, «что достигалось контролем самого общества» (ПФА РАН Ф. 134. Оп. 1. № 235. Л. 1–4).

1904 год стал знаменательным и в истории русского правописания, и в орфографической деятельности Ф. Ф. Фортунатова, А. А. Шахматова и П. Н. Сакулина. В заседании Орфографической комиссии под председательством Августейшего президента Императорской Академии наук Великого князя Константина Константиновича в числе 50 участников, видных представителей науки, школы, культуры, печати, принимали участие и Ф. Ф. Фортунатов как товарищ (заместитель) председателя, А. А. Шахматов, выполнявший обязанности секретаря, и П. Н. Сакулин.

На первом (и единственном) заседании этой комиссии, где вопрос о реформе «единогласно был решен в утвердительном смысле», не было выступления А. А. Шахматова. Речь Ф. Ф. Фортунатова проникнута уверенностью в необходимости освободить русское письмо как от потерявших опору в языке букв, так и излишних правил. Не одобряя фонетических намерений в планируемом упрощении правописания Ф. Е. Корша и Р. Ф. Брандта, свою задачу как ученого он видел в том, чтобы лишить орфографию «ложного ореола научности» и в разработке проекта упрощения обозначить границы компромисса между фонетикой и историей языка [Протокол 1905].

П. Н. Сакулин подробно остановился на основных положениях орфографических взглядов противников и сторонников, акцентируя внимание комиссии на необходимости дифференцировать при обсуждении вопросов упрощения такие понятия, как язык и письмо, а отсюда освободиться от ложного предубеждения, что изменения в орфографии приведут к изменениям в языке, и сохранять неизблемым этимологический (морфологический) принцип орфографической системы русского языка.

В своем безупречно корректном и тщательно продуманном выступлении П. Н. Сакулин виртуозно парировал все доводы противников упрощения. Ни настойчивое утверждение орфографических консерваторов о принципиальной невозможности производить изменения в орфографической системе (А. С. Будилович, А. И. Томсон), ни консерватизм грамотного человека (А. И. Томсон), ни их опасения реформой «нарушить единообразие правописания и породить долгие *культурные* неурядицы» (А. И. Томсон, А. С. Будилович, А. С. Белкин), ни утверждение об отсутствии экспериментальных данных, необходимых для проектирования реформы (А. С. Белкин, А. С. Будилович), ни, наконец, настойчивые уверения в том, что в настоящий момент «нет серьезной необходимости в изменении русского правописания» не могли поколебать его убеждение в настоятельной необходимости реформы: «таков общий взгляд педагогов, таково мнение многих выдающихся ученых» [Протокол 1905, 31].

Уровень теоретической компетентности рядовых и даже лингвистически образованных носителей языка в то время был таков, что многие из числа орфографических консерваторов уверенно заявляли: реформа орфографии не нужна, ибо она причинит явный ущерб достоинствам русского языка. Не отрицая известной аналогии в истории языка и письма, П. Н. Сакулин вместе с тем указал на важные и существенные отличия.

Язык. В общей истории его роль сознательных реформаторов остается ничтожной, и узус языка изменяется путем медленных, невольных и бессознательных перемен, вносимых в речь говорящими. Язык является продуктом коллективной работы всего народа (и особенно избранной его части – писателей), и было бы столь же преступно, сколь и невежественно, посягать на свободный рост языка, одного из основных признаков народности.

Письмо. Уже в самом своем генезисе оно является результатом сознательной деятельности изобретательных умов. Письмо, как и язык, не остается абсолютно неизменным во времени. Оно изменяется, но иным способом, чем язык. Доля бессознательности, произвольности есть и в истории письма, но она очень незначительна и уменьшается прогрессивно по мере распространения образования. Именно образование дает пишущему теоретические основы правописания и возможность сознательного отношения к письму, а это, в свою очередь, вызывает стремление внести необходимые измене-

ния в сложившуюся систему правописания, если она не находится в надлежащем соответствии с живыми явлениями языка.

Ссылаясь на работу Г. Пауля «Principie der Sprachgeschichte», П. Н. Сакулин настоятельно подчеркивал единую для всех принявших идею упрощения мысль о том, что изменения в орфографии «гораздо больше обязаны отдельным личностям, чем изменения в языке, и обыкновенно происходят не с медленной постепенностью, а скачками» [Протокол 1905].

Рассуждая о русском правописании с точки зрения русских людей, он считал, что традиционность, например, английской орфографии должна служить не образцом неприкосновенности, на чем настаивали защитники существующей системы письма, а, напротив, предостережением и уроком, насколько опасно допускать застои в орфографии. Выразив общий взгляд педагогов и мнение многих выдающихся ученых, докладчик убеждал участников комиссии, что реформа правописания, удалившегося от живого языка, необходима («у правописания есть своя область, хотя и смежная с языком, но самостоятельная, и порядки этой области вполне подлежат сознательному воздействию компетентных людей»): она не угрожает ни интересам народности, ни достоинствам самого языка, но, напротив, будет служить культурному просвещению народа [Протокол 1905].

Убедительно в защиту реформы прозвучали его заключительные слова: «Если изменение орфографии не угрожает ни интересам народности и просвещения, ни достоинству нашего литературного языка, то зачем медлить с реформой? Неужели логика ума и жизни окажется бессильной перед логикой механических привычек глаза и руки? Положительного решения вопроса с напряженным вниманием ждет от нас русский учитель, ждут тысячи тысяч русских детей. Реформа дала бы школе возможность расширить и углубить свои образовательно-воспитательные задачи, и это подняло бы уровень русского просвещения и значительно помогло бы культурному росту всего нашего общества» [Там же].

Как известно, на первом заседании орфографической комиссии вопрос о реформе был решен «единогласно в утвердительном смысле». Большинство голосов (42 против 3) было санкционировано исключение лишних букв; обсужден проект предстоящего упрощения и избрана для его окончательной разработки и утверждения Орфографическая подкомиссия (в состав ее вошли лучшие лингвистические силы), в числе семи членов которой были академики Ф. Ф.

Фортунатов (председатель), А. А. Шахматов и П. Н. Сакулин, который принимает самое живое участие во всех заседаниях подкомиссии, и его авторитетное мнение часто становилось определяющим в решении отдельных орфографических споров.

Спустя некоторое время после заседания, 12 мая 1904 г., П. Н. Сакулин прочел доклад по вопросу об упрощении в Отделении преподавателей русского языка и словесности и в Отделении по начальным училищам, и уже тогда предложил ввести новое правописание в полном объеме, так как для реформы представлялся очень удобный момент: как правительство, так и общество были заняты мыслью о введении всеобщего обучения и улучшения структуры средней школы [Сакулин 1904].

В этом же 1904 г. им было опубликовано еще две работы, разъясняющие научные и педагогические основания предполагаемого упрощения, чтобы сформировать теоретически правильное представление о нем не только в кругу рядовых носителей, но и в филологической среде:

- Новый фазис в истории орфографического вопроса (Русские ведомости. 1904. № 140, 141);
- Язык и правописание (Русь. 1904. № 129).

Не сомневаясь в целесообразности реформы, в одной из статей этого года он выражал желание, чтобы «начатое дело упрощения орфографии было доведено до благополучного конца, чтобы новое правописание после тщательного теоретического обсуждения получило возможность широкого практического применения и во всяком случае сделалось бы достоянием всей русской школы» [Вопрос 1904, 164].

Уже после заседания орфографической комиссии, в сентябре 1904 г., подводя итог ее деятельности и уверенно глядя в орфографическое будущее, П. Н. Сакулин напишет: «Пожелаем же, чтобы начатое дело упрощения было доведено до благополучного конца, чтобы новое правописание после тщательного теоретического обсуждения получило возможно широкое практическое применение и во всяком случае сделалось бы достоянием всей русской школы. Тогда свободней вздохнут тысячи тысяч русских детей и школа окажется в состоянии расширить и углубить свои воспитательно-образовательные задачи, что в свою очередь благотворно отразится на общем культурном росте нашего Отечества» [Сакулин 1904, 164].

Желанием придать гласности все, связанное с обсуждением орфографического вопроса, продиктованы инициатива и непосредственное участие Ф. Ф. Фортунатова, А. А. Шахматова и П. Н. Сакулина в опубликовании материалов заседания Орфографической комиссии («Правительственный вестник» от 30 апр. и 1 мая 1904 г.) и «Предварительные сообщения Орфографической подкомиссии» (СПб., 1904). Год спустя под редакцией Ф. Ф. Фортунатова будет издан «Протокол первого заседания Комиссии по вопросу о русском правописании, состоявшегося 12 апреля 1904 г.» [Протокол 1905].

Опубликованные материалы вызвали живой отклик общественности «за», но больше «против» реформы, и в орфографической полемике Ф. Ф. Фортунатов, А. А. Шахматов и П. Н. Сакулин оказались в центре событий. Их тактические и стратегические устремления были направлены на то, чтобы защитить идею реформы от посягательств и досадных недоразумений, предавая гласности намерения комиссии и мотивы этих намерений; защитить, выявляя подлинный ход орфографических событий: только открытый диалог с обществом «поможет делу и успокоит умы».

Авторы статей противников вмешательства в существующую систему письма призывали общество «не утешаться успокоительными заявлениями комиссии, а стоять на страже “священных кирилло-мефодиевских традиций”, ибо “Россия слишком широка, чтобы перестраивать свою письменность по выговору, и слишком стара, чтобы переучиваться грамоте у московских и казанских шмельейстеров» [К.Л.М. 1904].

Позиция Ф. Ф. Фортунатова и А. А. Шахматова в отношении орфографической реформы была раз и навсегда определенной: в интересах русской культуры и просвещения необходима реформа существующего правописания «ввиду того вреда, который приносят школе действующие ныне орфографические требования» [Протокол 1905]. «В интересах дела и правды» они вступали в полемику с оппонентами, которые пытались воспрепятствовать начатому делу упрощения.

Статья А. А. Шахматова от имени всей Орфографической подкомиссии «По поводу реформы русского правописания» (Правительственный вестник от 20.04.04. № 93) служила орфографическому просвещению общества. Автор настаивал на том, что решающий голос в реформе должен принадлежать не Академии, а широкому кругу педагогов, публицистов, ученых. Он выявлял основанные на

слухах недоразумения, связанные с работой подкомиссии и не имеющие оправдания. Его рассуждения убеждали общество в том, что «желательно получить право гражданства для нового правописания не только в интересах ограждения русского печатного слова от внешних стеснений», но и для того, «чтобы путем свободного соревнования выяснить сравнительные выгоды и удобства старого и нового правописания», чтобы для окончательного выбора того или другого была предоставлена «возможность взвесить и оценить целесообразность и разумность» предложенных комиссией упрощений.

Обращаясь к широкой общественности, он заявлял, что сторонники реформы надеются на беспристрастный суд общества, надеются именно этим путем, путем свободного доступа нового правописания в печать, провести его в школу, где «потребность в упорядочении правописания вопиющая»: основное время тратится на изучение орфографии в ущерб изучению родной речи. Он предлагал теоретическое оправдание реформе, утверждая, что изучение правописания не есть изучение языка и реформировать правописание как одно из внешних проявлений живой речи вовсе не означает посягательств на живой язык.

Отвечая блюстителям кирилло-мефодиевских традиций, в другой статье «*Audiat et altera pars*»⁵ («Русь» от 10.05.04. № 17) А. А. Шахматов подчеркивал революционность миссии солунских братьев (созданием письменности для славянских народов они утвердили будущность и широкое развитие именно слову, а не его внешней оболочке – букве) и великую роль Московских приказов и Петра Великого, которые «скидывают наложенные на русский язык и русское письмо иноземные цепи». Определяя дальнейший ход развития русского письма, он выявляет негативную роль строителей правописания XVIII в., которые, «минуя всякие традиции и живую связь с XVI и XVII столетиями, обращаются к церковной славянщине как законодательному для языка источнику», в то время когда она «уже не имела ничего общего с языком Кирилла и Мефодия». Она в то время уже отражала «не только сложный исторический процесс, который неизбежно подчиняет себе и мертвый книжный язык, но также и искусственную работу весьма искусных в науке о языке грамотеев».

⁵ Следует выслушать и другую сторону (*лат.*) [СИБИ, 120].

В этой же статье указывает он также и на великую роль М. В. Ломоносова, которому «стоило немало усилий отстоять здравые орфографические приемы», изложенные в его грамматике с требованием, чтобы правописание «не отходило далече от главных российских диалектов» и «чтобы не удалялось много от чистого выговору». С сожалением отмечается, что «многое из ломоносовской орфографии отвергнуто и забыто» по вине составителей школьных грамматик, которые «облекли русский язык в тот самый иноземный мундир, в котором мы его застаем, правда, уже с прорехами и заплатами». В заключение он высказывает несомненное убеждение в том, что комиссия по вопросу о русском правописании предлагает такие новшества, «в которых люди знающие, действительно знакомые с непрерывною нитью, соединяющей нашу письменность с первыми начатками ее на Руси, усмотрят возвращение к старине; русские люди, чутко относящиеся к родной речи, поймут, что не искажена эта речь, а освобождена от уродливых наростов, путем письма проникающих и в произношение».

Сознавая важность и необходимость упрощения, Ф. Ф. Фортунатов, обращаясь к своим многочисленным адресатам, утверждал, что реформа не предполагает никакого давления сверху; она проводится в интересах будущих поколений:

– «мы не хотим никакого насилия в деле реформы правописания, мы, напротив, желаем освободить наше правописание от официальных пут, какие на него надеты в настоящее время... Уверен как сторонник реформы, что общество без всякого насилия, совершенно свободно убедится в превосходстве нового правописания... Реформа правописания не дело Академии наук как ученого учреждения, но люди науки, входящие в состав этого ученого учреждения, как скоро поставлен вопрос об упрощении, обязаны высказаться за упрощение, если они будут убеждены в том, что не пострадают ни интересы науки, ни интересы просвещения» – из письма президенту Академии наук от 18 апреля 1904 г. (ПФА РАН. Ф. 9. Оп. 1. № 842. Л. 251);

– «мысль Вашего высочества относительно того, что наилучшее место для этого заявления (имеется в виду заявление “По поводу реформы правописания” – *Т. Г.*) именно в “Правительственном вестнике”, а не в частной газете, признана членами Подкомиссии по новом обсуждении вполне правильно: ведь в этом заявлении нет ни слова в защиту принудительных мер в деле осуше-

ствления реформы, а, напротив, высказывается мнение о желательности полной свободы при введении нового правописания, и потому напечатание этого заявления в правительственной газете не может вызвать в обществе никаких нежелательных для нас недоразумений» – из письма президенту Академии наук от 22 апреля 1904 г. (ПФА РАН. Ф. 9. Оп. 1. № 842. Л. 252);

– «мы имеем в виду не лиц, уже усвоивших правописание, а будущие поколения» – из письма А. А. Шахматову от 11 июня 1904 г. (ПФА РАН. Ф. 134. Оп. 3. № 1606. Л. 233).

В письме к президенту Академии наук от 7 июня 1904 г. Ф. Ф. Фортунатов выражал сожаление по поводу орфографической некомпетентности антиреформаторов. За единичным исключением, они «не имеют элементарных сведений ни об отношении правописания к языку, ни о природе и истории языка»; хотя это незнание нельзя поставить им в большую вину (школа не дает никаких сведений), но «люди образованные должны были бы сознавать, что знания, вынесенные из школы... или случайно приобретенные впоследствии, частью, может быть, из источников мутных, являются во всяком случае недостаточными для критического отношения к тем выводам, какие делаются учеными специалистами на основании научных данных» (ПФА РАН. Ф. 9. Оп. 1. № 842. Л. 226).

Познакомившись с мнением Л. Толстого, литературный авторитет которого был безусловно велик (он был против реформы), Ф. Ф. Фортунатов снова обращается к президенту, настаивая, что «литература и теория орфографии – совершенно различные области» и даже самый великий «писатель-художник может быть в то же время некомпетентным судьей при решении орфографических вопросов». Упоминание Л. Толстого о реформе немецкой орфографии как раз и свидетельствует в пользу науки: «проведена она в печати не литераторами, но учеными, знакомыми с немецким языком в его истории и с историею немецкого письма» (ПФА РАН. Ф. 9. Оп. 1. № 842. Л. 243).

Избранная 12 апреля 1904 г. Орфографическая подкомиссия приступила к работе на следующий день, ясно сознавая важность, сложность, ответственность и определенность предстоящей задачи. При обсуждении вопросов орфографической реформы были приняты во внимание все предшествующие орфографические работы, известные проекты упрощения, письма частных лиц и организаций.

Было проведено 12 заседаний (10 из них – в 1904 г.; 2 – в 1910 г.). Результатом орфографических дискуссий на этих заседаниях стал проект предлагаемых правил правописания с подробным указанием тех научных оснований, какими руководствовалась Подкомиссия. Проект был опубликован как «Постановления Орфографической подкомиссии» (СПб., 1912) и служил руководством к проведению орфографического упрощения.

После кончины в 1914 году Ф. Ф. Фортунатова, которого А. А. Шахматов по праву назвал «душой задуманной реформы», дело упрощения было забыто в тех кругах, от которых зависело ее законодательное воплощение. Но не забыто той частью российско-го общества, для которой были небезразличны культурные и образовательные задачи страны.

Пятая секция Всероссийского съезда по народному образованию в Петербурге (на рождественских каникулах 1913 г.) уделила много внимания орфографическому вопросу, заслушав соответствующие доклады, которые вызвали горячие отклики участников съезда. Доклад проф. П. Н. Сакулина вызвал особенный интерес. Изложив краткую историю вопроса об упрощении русского письма, автор утверждал, что мысль о необходимости упрощения возникла не в кабинете какого-нибудь теоретика, а в недрах педагогических обществ. Он уверенно заявлял, что научность реформы гарантируется участием в ее разработке выдающихся русских ученых, что реформа назрела, а ее осуществление является настоятельной потребностью страны [Сакулин 1914].

1917 год был полон орфографическими событиями, непременно участниками которых были акад. А. А. Шахматов и проф. П. Н. Сакулин. Прежде всего – I Всероссийский съезд преподавателей русского языка средней школы (проходил в Москве 27 декабря 1916 г. – 4 января 1917 г.). Наряду со многими вопросами преподавания русского языка съезд не мог не уделить внимания и вопросу об орфографическом упрощении, поскольку после некоторого затишья поток ходатайств в отделение словесности Императорской Академии наук о необходимости реформы был особенно велик. И снова – в числе орфографических сообщений на съезде – доклад «Об упрощении русского правописания» П. Н. Сакулина, который решительно заявлял, что научная и педагогическая сторона самой идеи упрощения не может быть поколеблена теми несостоятель-

ными с научной точки зрения возражениями, которые высказывали в печати орфографические консерваторы.

По вопросу о реформе съезд принял резолюции. В основу их снова были положены идеи доклада П. Н. Сакулина и Р. Ф. Брандта «Мнимонаучные возражения против правописной реформы»:

1. В интересах русской школы и всей русской культуры настоятельно необходима скорейшая реформа в том направлении, какое она получила в трудах Орфографической комиссии при Императорской Академии наук.

2. Тяжелые обстоятельства не могут служить препятствием, а, напротив, – устранению всего, что мешало до сих пор развитию народного просвещения.

3. Необходимо возбудить ходатайство перед Императорской Академией наук, чтобы а) состоящая при Академии наук Орфографическая комиссия завершила работу, начатую еще в 1904 г.; б) чтобы Академия наук оказала свое авторитетное воздействие к проведению реформы в жизнь школы.

4. Необходимо обратиться в Министерство народного просвещения с ходатайством, чтобы вопрос о необходимости упрощения русского правописания на тех основаниях, которые выработала Орфографическая комиссия при Академии наук, был поставлен на ближайшую очередь

5. Обратиться в Комитет по народному образованию в Государственной Думе с ходатайством оказать содействие проведению реформы [Первый 1917, 57].

После кончины академиков Ф. Ф. Фортунатова и Е. Ф. Корша, также одного из неприменных сторонников орфографического упрощения, А. А. Шахматов в сущности, как пишет П. Н. Сакулин в публикации 1922 года, «один остался на борони». Вопреки мнению орфографических консерваторов, преодолевая их сопротивление, он твердо «верил в правоту и важность» готовящейся реформы и был убежден, что она «оправдана исторически и научно». Он «непрестанно помнил об интересах народа, о тех миллионах, которым еще предстояло приобщиться к грамоте». Подобно Фортунатову и Коршу, он отдавал себе отчет в том, что именно на нем «лежит как бы обязанность освятить реформу своим научным авторитетом» и «стоял он на вахте, тревожно вглядываясь в горизонт и выжидая благоприятной погоды» [Сакулин 1922, 306–307].

Февральская революция стала той благоприятной погодой, которая создала условия для воплощения реформаторских замыслов, и решение I Всероссийского съезда, в отличие от многих предыдущих решений, имело скорые последствия: 11 (24) мая, в святопамятный день великих просветителей славянства Кирилла и Мефодия, проходило историческое заседание Подготовительной комиссии, которую возглавил, продолжив дело, начатое академиком Ф. Ф. Фортунатовым, А. А. Шахматов. И здесь П. Н. Сакулин как действительный член комиссии, по словам А. А. Шахматова, «мужественно отстаивал необходимость реформы во имя широкой демократизации знаний» [Протокол 1917].

В заключительной речи на совещании при Академии наук по вопросу об упрощении русского правописания 11 мая 1917 г. академик А. А. Шахматов (председатель Подготовительной комиссии) сказал:

«Случайной причине мы обязаны тем, что собрались для решения вопроса о преобразовании русского письма в день, посвященный памяти первоучителей славянских Кирилла и Мефодия, апостольской деятельности которых мы обязаны великим духовным наследием, сохраненным нами в течение многих веков, а именно – богатейшим нашим литературным языком. И вот может возникнуть мысль, сошлись ли мы сегодня, 11 мая, для того, чтобы разрушить дело просветителей славянства, или, напротив, укрепить его в том самом направлении, которое было ими предуказано.

Отвечая на эту мысль, я прежде всего самым решительным образом утверждаю, что реформа правописания, даже наиболее радикальная, не может посягнуть на живой язык: письмо – это видимая глазу и только глазу грамотного человека оболочка живой речи, а именно живая речь, притом только она, а не ее письменная условная оболочка, является тем ценным духовным достижением каждого народа, о правах которого громко заговорил св. Мефодий в борьбе с триединой ересью; эта ересь утверждала право проповедовать слово божие только за тремя языками: еврейским, греческим и латинским. Перенесенный в Древнюю Русь вместе со священным писанием древнеболгарский язык, как язык церкви и просвещения, был усвоен нашими предками не как нечто мертвое и чуждое, а как свое родное; в итоге многовекового развития на русской почве этот древнецерковнославянский

язык слился так тесно с народным русским языком и образовал вместе с вошедшими в него русскими элементами такое однородное целое в виде нашего литературного языка, что только люди с серьезной филологической подготовкой в состоянии разъяснить, что в этой нашей литературной речи свое русское и что наносное древнеболгарское. Указанное развитие древнецерковнославянского языка на русской почве свидетельствует о том, что учение славянских первоучителей было воспринято нами в глубоком внутреннем смысле, а смысл его в том, что не форма управляет духом, а дух преобразует форму; не человек создан для субботы, а суббота для человека.

Но в настоящем случае в предстоящей нам задаче, повторяю еще раз, нам придется иметь дело не с преобразованием языка, а с преобразованием письма, решительно не касающемся языка: язык будет оставлен нами в полной неприкосновенности для того, чтобы он свободно и непринужденно развивался в дальнейшем по тем внутренним законам, которыми определяется его жизнь...

Можно с уверенностью сказать, что если бы русское духовное просвещение в конце XIV и в XV веке не подвергалось мертвящему влиянию южнославянских грамматических школ, задумавших регулировать искусственными правилами то, что на Руси регулировалось обычаями, стариной и пошлюхой, наше письмо, следуя данному ему еще в XI в. в Киевской Руси направлению, было бы гораздо совершеннее, чем наше современное, и гораздо точнее передавало бы на письме звуки живой речи, которую одну можно признать народным, национальным достоянием.

Итак, переходя к предстоящему нам преобразованию русского правописания, мы, как я думаю, последуем тому самому началу, которое заставило солунских братьев отказаться от мысли навязать болгарам, чехам, мораванам чуждый им греческий язык и побудило их дать этим славянам священное писание на их языке. Мы откажемся от исконно чуждых русскому языку или ставших ему с течением времени чуждыми написаний и заменим их написаниями, соответствующими русским звукам. Весьма желательно было бы, чтобы это преобразование не вызвало в нашей среде разногласий, не вос-

кресило среди нас треззычников или их духовных последователей и дало бы нам окончить начатое дело с той любовью к просвещению и к русскому народу, с которой оно начато безвременно от нас отошедшим ученым, академиком Ф. Ф. Фортунатовым» (Протокол заседания Совещания по вопросу об упрощении русского правописания 11 (24) мая 1917 г. – ПФА РАН. Ф. 134. Оп. 1. Л. 240).

Совещание признало реформу целесообразной и своевременной и утвердило решение о ее немедленном проведении. Здесь же были приняты «Постановления», включающие в себя 13 пунктов предстоящего упрощения с комментарием и краткой исторической справкой к каждому из них. Комментарии к каждому пункту «Постановлений» свидетельствовали о том, что авторам реформы важно было не только исключить и упростить, но провести это с предельным тактом со своей стороны и с полным пониманием со стороны общества. За исключением правила о написании приставок на З, которое было определено как «резкое фонетическое пятно на наиболее морфологическом участке нашего правописания», выпирающее из системы, а потому не облегчающее дело, а требующее к себе усиленного внимания [Пешковский 1930], «Постановления» 1917 г. стали в большинстве случаев разумным синтезом орфографических предложений 1904–1912 годов, то есть предложений, связанных с именем академика Ф. Ф. Фортунатова (Ф. 9. Оп. 1. Ед. 1058. Л. 119). Этим была отдана дань великому делу, инициатива которого бесспорно принадлежала ему.

По утверждению В. И. Чернышева, «никогда не приходилось от него слышать каких-нибудь пессимистических мнений о будущем этого дела; <...> никогда не высказывался он и в пользу каких-либо уступок противникам реформы для благополучного ее проведения в жизнь. Он несомненно сознавал и силу науки, и значение массового общественного мнения, и важность требований самой культурной части страны» [Чернышев 1970, 633]. Этим утверждалась убежденность А. А. Шахматова в том, что, имея исторические и научные основания, орфографическое упрощение «составляет насущную потребность страны, рвущейся к просвещению». Он «не обманул ожиданий» и «до конца выполнил свой научный и гражданский долг» [Сакулин 1922, 306–307].

Постановление Совещания при АН встретило поддержку Государственного комитета при Министерстве народного просвещения

при Временном правительстве, которое приступило к введению упрощенной орфографии в школах, не дождавшись предполагаемого детального обсуждения постановлений совещания от 11 мая 1917 г. в Академии наук, то есть без окончательного решения Академии. И это не удивительно, потому что вопрос об упрощении русской орфографии, выдвинутый самой жизнью, особенно был насущным именно для школы. Русская школа получила наконец новое правописание, которое планировалось (в соответствии с циркулярами Министерства народного просвещения **от 17 мая и 22 июня**) ввести **с 1 сентября 1917 г.** (за полгода до событий Октября) постепенно, начиная с младшего отделения начальной школы, избегая элемента насилия над желаниями самих учащихся. Кстати, оба циркуляра отражают отдельные фрагменты уже известных докладов и статей П. Н. Сакулина.

О том, что вопрос об орфографическом упрощении был для П. Н. Сакулина вопросом научной и педагогической чести, свидетельствует тот факт, что в период после циркуляров и в основном до октябрьских событий 1917 г. он неутомимо занимался орфографическим вопросом. Прежде всего – он выступил в нескольких периодических изданиях, отстаивая права нового правописания. В статье «Важный шаг» (Русские ведомости. 08.06.17. № 123), заявлял, что упрощение делается не в угоду малограмотным людям, а «по соображениям научного и педагогического свойства», поскольку, «освобождая письмо от традиционного балласта, она существенным образом облегчит усвоение русского правописания и даст возможность школе, особенно народной, использовать духовные силы учащихся в ином, более продуктивном направлении», а это, по его мнению, «должно плодотворно отразиться на росте нашей культуры». Он отверг все опасения и скептические высказывания, что сейчас не время для таких событий, как реформа орфографии, сказав, что она, напротив, заслуживает самой широкой общественной поддержки и, несмотря на сложность момента, «нельзя отказаться от маленькой жертвы в интересах большого культурного дела».

Статья «Орфографические страхи» (Русские ведомости. 30.06.17. № 147) заключала в себе сожаление автора об отсутствии научно-орфографической компетентности общества, которому предстоит (автор в этом не сомневался) рано или поздно пережить период перехода к новому письму. «Конечно, в этом вопросе, – общалось в статье, – каждый пишущий имеет свой законный голос.

Но будем искренними и признаемся, что огромное большинство пишущих не обладает ясным представлением о научных основах правописания; что люди, в других отношениях вполне образованные, здесь обнаруживают поразительную неосведомленность. Кажется бы, это обязывает их к известной осторожности суждений. Но, к сожалению, очень часто мы видим совершенно обратное явление: человек смело кладет свое мнение против мнения авторитетнейших специалистов, каковы академики Ф. Ф. Fortunatov, Ф. Е. Корш, А. А. Шахматов. Не замечая того, люди бродят в орфографическом тумане, даже во мраке. А во мраке легко порождаются всякие призраки, которые пугают и без того встревоженное воображение...». Новые разъяснения по поводу «Русского правописания» Я. К. Грота в связи с решением совещания 11 мая 1917 г. и о важности начавшейся реформы он предлагал и в других своих публикациях: Насущная реформа (Дело народа. 1917. № 57); Новое правописание и школа (Русские ведомости. 1917. № 206).

Кроме газетных, научно-популярных статей для широкого круга читателей, им издано две книги, где он настойчиво убеждал их в нецелесообразности гротовской орфографии, которая «в разладе с историей и свойствами самого языка» [Сакулин 1917], демонстрируя достоинства нового правописания, он вновь убежденно и в который раз настойчиво отстаивал решение Орфографической подкомиссии о необходимости графико-орфографического упрощения [Сакулин 1917а].

Популяризация реформы в широких слоях общества через издание брошюр, книг, чтение лекций на орфографические темы – такие цели ставила перед собой «Лига правописания», проект которой был создан по инициативе и при участии П. Н. Сакулина. В педагогических журналах он вел раздел «Библиография к вопросу о введении орфографической реформы». В частности, в статье «Необходимая справка» он с уверенностью заявлял, что реформа все больше и больше становится фактом жизни, несмотря на жизненные катаклизмы, и предлагал читателям еще раз историческую справку о русском правописании, чтобы устранить те сомнения, которые «смущают педагогическую совесть даже педагогов». В заключение он, дабы развеять раздумья всех сомневающихся, уверенно заявлял, что «руководство Грота лишь по «недоразумению» считалось академическим», что «нет никаких оснований ждать нового *академического* правописания» и что «правописание, оконча-

тельно принятое на совещании 11 мая, является единственно авторитетным» [Сакулин 1918].

Вся его орфографическая деятельность этого периода была направлена на то, чтобы реформа прошла в строгом соответствии с основными замыслами. И в том, что после Октября 1917 г. были отброшены все эволюционные намерения и декретивно выброшены из наборных касс исключенные реформой буквы (по замыслам реформаторов с ними следовало знакомить школьников), нет вины авторов реформы. И в том числе – П. Н. Сакулина. Он остается в истории русской орфографии как педагог и ученый, желавший блага и русскому просвещению, и русской культуре: активный участник трех орфографических комиссий (1900, 1904, 1917); член Орфографической подкомиссии, принимавший самое живое участие в обсуждении всех пунктов упрощения; участник двух съездов преподавателей русского языка; автор 13-ти статей, 5-ти докладов и 2-х книг; составитель библиографических указателей и инициатор создания «Лиги правописания» – П. Н. Сакулин, прошедший все этапы орфографического пути, отнюдь не случайно был назван «главнейшим поборником реформы», первым после академиков Ф. Ф. Фортунатова и А. А. Шахматова по степени причастности к самой идее упрощения русского правописания [Чернышев 1970, 652].

Новое упрощенное правописание вошло в жизнь, и реформа вскоре получила всеобщее признание: она стала значительной вехой на пути к грамотной России, а имена Ф. Ф. Фортунатова, А. А. Шахматова и П. Н. Сакулина навсегда вписаны в историю орфографического движения, связанного с ее подготовкой и проведением.

4.4 ОРФОГРАФИЧЕСКОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО 30–50 ГГ. XX ВЕКА

История научно-практического и общественно-политического интереса к письменной речи на протяжении всего XX с полным правом позволяет нам считать орфографию «коренной проблемой государственной власти» [Колесов 2003, 7]. Орфографические события зачастую оказываются отражением календаря политического:

постреволюционный орфографический радикализм и плюрализм в 20–30-е годы строителей нового государства; тоталитаризм власти и орфографический режим 40–60-х, Свод 1956 с его бескомпромиссной орфографической нормой и стремившаяся к абсолюту идея стандартности и одинаковости с типовыми названиями улиц и планировками квартир, перестройка и современная Россия с новой редакцией правил и альтернативной орфографией, или ОРФО-артом, живых журналов [Библия падонков 2007].

Продолжение реформы орфографии 1917 года, став одной из важнейших и первостепенных государственных задач революционной России, вылилось в масштабную кампанию по ликвидации безграмотности. Опыт работы школ грамоты, созданных Всероссийской чрезвычайной комиссией по ликвидации безграмотности, уже в первые послереформенные годы показал, что «овладение даже реформированной орфографией связано с громадными трудностями», и это создает серьезные «затруднения темпам ликвидации неграмотности» [О новом 1930, 6].

«Октябрьская революция сократила срок существования тесно и плохо скроенного орфографического костюма», но новый был шит тоже вовсе «не в расчете на рост многомиллионного потребителя» [Там же, 15]. И после реформы орфография осталась «значительным препятствием к овладению культурой рабочекрестьянскими массами», к тому же «бесплодное расточительство времени и сил на мнемоническое усвоение условнейших правил нашей орфографии есть, безусловно, вопиющая бесхозяйственность» [Проект 1930, 6,52]. Уже в публикациях «Вестника литературы» за 1919 год, пытавшихся подвести некоторые итоги реформы, прозвучало утверждение о том, что «новая орфография нуждается еще в дальнейшем усовершенствовании» [Евгеньев 1919, 4; Кривенко 1919, 5].

Общий итог орфографических дискуссий 30-х годов – реформа 1917 года не оправдала тех надежд, которые на нее возлагали: «реформа, которая была проведена, далеко еще не завершена» [Теверская 1926, 54], «борьба за реформу русского правописания еще не кончена» [Вахтеров 1923, 12], «в низовой учительской гуще в самых отдаленных и противоположных углах РСФСР назрело одно требование: нужна дальнейшая реформа орфографии» [Топоров 1929, 95], «о необходимости реформы свидетельствуют вопиющие

факты поголовной безграмотности и едва ли не единодушный вопль учительства» [Черных 1930, 114].

С учетом того, каким, например, по мнению А. Топорова, должно быть это дальнейшее реформирование правописания, была напечатана статья автора «Долой балласт!»: *отжывиший, наши, закричат, ождать, предыдущая, случайно, значат, чюжда, заметиш, угодиш, обиженным, молодеж*. Интересна, в частности, его мотивация написаний *революция, социализм*, дающая наглядное представление о духе орфографического радикализма этого времени: «В словах иностранных вместо *ци* писать *цы*. Это ясно без длинных доказательств. Иностранцы наше *ы* (*Рыков, Цыганков, Корытов*) ломают по-своему. Приведенные в скобках фамилии они читают: *Рикофф, Циганкофф, Коритофф* и т.д. и ничего в этом не видят дурного. В «отместку» мы в их словах букву *и* после *ц* sloмаем на *ы*. Око за око!» [Топоров 1929, 94].

Реформа 1917–1918 оказалась «по преимуществу реформой алфавита», которая подвела итог почти полуторавековой дискуссии о дублетных буквах, поэтому в основе послереформенного правописания оказалась «орфография Грота без тех недостатков, которые устранила «куцая» реформа 1917 г., но с массой колебаний, которых не устранил ни Грот, ни реформа и к которым прибавлялись и все прибавляются новые» [Стефанский 1929, 2]. Участники орфографической дискуссии эмоционально говорят об «орфографической расхлябанности», «орфографическом хаосе» и «распаде орфографии», «орфографическом безначалии», «тяжелом кризисе», «непоследовательности» и «разброде», «дезорганизованности на орфографическом фронте», «орфографическом винегрете» [Мамонов 1930; Суворовский 1927; Кут 1930; Проект 1930; Стефанский 1929; Устинов 1929].

Послереформенная орфография оценивается в большинстве публикаций как «трудная и бессистемная» [Фалев 1925, 94], «насквозь условная» [Стефанский 1929, 2] и «полная несуразностей» [Кут 1930, 3], «антинаучная», оставленная «русскому пролетарию его классовым противником» [Мальцев 1930, 89], она по-прежнему продолжает «стоять в центре внимания всей учебно-воспитательной работы. Мы являемся свидетелями и творцами величайшей социалистической стройки и не удалить гнилые зубы, не выбросить ненужный балласт из нашей школьной работы было бы преступно» [Устинов 1929, 3].

Составной частью дискуссий 20–30-х г. оказывается и вопрос о своеобразной ревизии и «чистке букв», «о социальной революции в русской азбуке» [Рязанцевский 1925, 97], которая, как тогда казалось, должна была максимально «трудофицировать» правописание и привести к «письму без лишних букв» [Поливанов 1928, 94]. Здесь обсуждались, например, предложения об упразднении *заглавных* букв, воспринимавшихся как «отголосок далекой эпохи, сугубо собственнической», откуда и идет «все это никчемное орфографическое чинопочитание» [Южный 1928, 19], «эти азбучные дворяне в наш век электричества и радио пользуются незаслуженным вниманием», «смертный приговор прописным предreshен». В качестве эксперимента в периодическом издании полиграфической и книжной промышленности «Журналист» за 1930 г. появляется серия публикации без прописных.

Также звучали предложение отказаться от разделительных **Ъ** («устранение твердого знака казалось неотъемлемой принадлежностью реформы», поэтому «многие типографские кассы и машинки уже не имеют твердого знака») и **Ь**, ликвидировать «многовековой порок» русской азбуки – буквы **Я, Ю, Е** ([Ушаков 1923, 20; 1926, 61; Рязанцевский 1925, 97; Поливанов, 1927, 185; Пешковский 1930, 108].

П. Я. Черных, комментируя материалы орфографической полемики, в частности, на страницах журнала «Просвещение Сибири», отмечает ее политизированность и категорично заявляет: «Если предполагаемая реформа не произойдет организованно, то она случится как-то стихийно» [Черных 1930, 114]. Орфографический вопрос вновь, как и в дореформенный период, становится «боевым в педагогической журналистике»: в «Учительской газете» в 1929 году появляется рубрика «За *решительную реформу* правописания» (выд. мной – *С. Н.*), а в «Красной газете» 1930 года – рубрика «Языковеды о *реформе* орфографии» (выд. мной – *С. Н.*). Об общем интересе и активном внимании к вопросам орфографии свидетельствует, например, и содержание второго выпуска журнала «Русский язык в школе» за 1936 год, где из 16 статей 12 связаны с вопросами орфографии.

Для абсолютного большинства участников дискуссии 30-х годов «необходимость новой коренной орфографической реформы» казалась абсолютно очевидной [Фалев 1925, 95]. Одной из причин «настоятельной потребности в новой» реформе и неудовлетворен-

ности итогами последней называлась подготовка реформы 1917 г. «в условиях старого режима», а потому она «носит яркие следы своего происхождения, выражающиеся в компромиссности и постоянной оглядке на правые националистские круги» [Аванесов, Сидоров 1930, 110; Щерба 1930, 126]. Так, в связи с общей орфографической революцией» решение первого послеоктябрьского Проекта реформы правописания 1930 г. сохранить написаний *ис-, вос-, нис-* в соответствии с предложением предыдущей реформы 1917 г. было подвергнуто следующей критике: «Всем известно, что последняя реформа правописания целиком выросла на буржуазно-демократической почве...узаконивая написание *ис-, вос-, нис-* новый проект, несомненно, слишком большую дань отдает авторитету реформы 1917 года, что недопустимо по соображениям политического характера» [Ушаков 1930, 108].

И только «единичные голоса призывали к умеренности», говорили о «необходимости повременить с реформой» [О новом 1930, 15]. В числе сторонников *упорядочения*, а не нового реформирования и упрощения, последовательно выступал, например, Д. Н. Ушаков, находивший опасным стремление подвергать «организм нашей орфографии столь частым операциям», в настоящий момент «и печать, и школа заинтересованы в упорядочении в сторону единообразия и последовательном разрешении отдельных недоуменных случаев» [Ушаков 1927, 4], «неотложная задача, выполнение которой завершило бы реформу» – создание полного орфографического справочника. [Ушаков 1923, 24]. Правила нового правописания «только-только стали прививаться», поэтому допустимы лишь «частные коррективы» [Соколов 1929, 80].

Е. Поливанов, анализируя итоги осуществления реформы и признавая ее «реальные результаты», пишет: «думаю... именно в данном направлении – в отношении «мелочей орфографии» – нам предстоит в ближайшие годы уточнить и завершить реформу» [Поливанов 1927, 88]. Любые попытки нового реформирования приведут к тому, что «среди широких общественных кругов в еще больших размерах расплеснется волна безграмотности» [Соколов 1929, 80]. Об опасности «рецидива неграмотности» и «необходимости вторично ликвидировать неграмотность миллионов масс» в случае радикальной реформы предупреждает и Н. С. Державин [Языковеды 1930, 2]. Таким образом, все вновь вводимые уточнения

«должны носить характер не самостоятельной работы, а лишь завершения реформы 1917» [Там же].

Между тем повседневная практика печати и школы требовала срочного разрешения неотложных орфографических вопросов, поэтому начинается процесс стихийного реформирования правописания. Результатом явились десятки ведомственных технико-орфографических словарей и справочников, орфографических сводов и инструкций, создание которых «не только не упростило, не уоднообразило, а внесло еще большую сумятицу в орфографическую практику» [Филиппов 1931, 102]. Желание «обеспечить в большей или меньшей степени единство орфографии в своих изданиях побудило некоторые издательства (а также типографии) к установлению своей «местной» орфографии». При этом каждый, конечно же, шел «своим путем рецептурных указаний по части орфографии», что вызывало «крайний разнобой» и «полную неразбериху» [Обнорский 1934, 460]. Вместо авторитетного издания получался «какой-то орфографический винегрет, из которого каждый берет то, что ему по вкусу... То, что в одном орфографическом справочнике называется «белым», в другом именуется «черным» [Стефанский 1929, 2].

В условиях такого «правописного самотека» послереформенного периода оказывается просто невозможным твердо сослаться на хотя бы «до некоторой степени наиболее официальную точку зрения» в решении того или иного орфографического вопроса – именно так характеризуют эту ситуацию в зарубежных изданиях [Фесенко 1955, 152].

«Свидетелем» состояния орфографической практики этого периода истории письма является и СУ, где отражена непоследовательность правописания более 600 слов. Третью часть этих дублетных написаний образует группа *оди́ночная/удво́енная со́гласная* (205 единиц): *ак(к)орд, ат(т)естат, балован(н)ый, бар(р)икада, великорос(с)ы, грам(м)офон, грип(п), доп(п)инг, ип(п)одром, катар(р), компрес(с), корал(л), мол(л)юск, рес(с)урс, стел(л)аж.*

Нельзя не отметить, что этот тип вариантности в СУ отражает один из давних споров теории и практики отечественной орфографии: следует ли сохранять у иноязычного слова его первоначальную орфографию или нет. Полемика по данному вопросу была продолжена и в 30-ые годы. Так, Б. В. Томашевский признает, что предложение «о запрещении двойных согласных даже положительно вредно» [Томашевский 1930, 2]. Д. Н. Ушаков, наоборот,

полагает, что иностранных словах «возможно вполне устранение двойных букв» [Ушаков 1926, 64].

Разумным «лингвистическим национализмом» называет отмену удвоенных согласных в иноязычных и Т. Тевверская, аргументируя это так: «В условиях замедленной жизни предшествующих эпох удвоенные буквы, возможно, вполне гармонировали с их звуковыми обозначениями. При лихорадочном темпе нашего времени удвоенные буквы – это пережиток старины» [Тевверская 1926, 58].

Можно привести следующие «больные» случаи послереформенного правописания: иноязычные слова (*проэ(е)кция, ат(т)аше*) и прописные буквы (*Губернский Отдел Народного Образования и Губернский отдел народного образования*), передача гиперфонема (*кра(о)пива, потче(и)вать*), *о-е-ё* после шипящих и *ц* (*чо(е/ё)ртовщина, трецо(е/ё)тка, гарцо(е)вать, танцо(е)вать*), слитных, раздельных и дефисных написаний наречий, сложных прилагательных и существительных, производных предлогов, союзов и частиц (*впросак/ в просак, вовсю/ во-всю, попустому/ попустому, яркозеленый/ ярко-зеленый, народнохозяйственный/ народно-хозяйственный, прейс-курант/ прейскурант, причем/ причем, не то/ нетто, то есть/ то-есть, ни с чем (не)сравнимый*) [Обнорский 1934, 58–469].

В целом же, круг неустоявшихся и спорных написаний до принятия Свода 1956 года охватывал почти более 25 групп слов. Так, например, только в корневой морфеме это были случаи непоследовательного обозначения мягкости (*нян(ь)чить*), употребления букв *э* и *е* в заимствованиях (*пенсне(э)*), *ы* и *и* (*ци(ы)рюльник*), *е* и *о* (*чо(е)лка, шо(е)пот*), безударных гласных (*пласти(е)лин, нава(о)ждение*), чередующихся безударных гласных (*промо(а)кательная бумага, ра(о)внение*), ударной гласной в случае вариантного произношения (*кры(и)нка*), согласных (*ас(з)бест, форштадт(форштит)*), удвоенных согласных в иноязычных словах (*пер(рр)он, кан(нн)ибал*) [Крючков 1952].

Итогом орфографических дискуссий 20-30 гг. стало создание в ноябре 1929 г. первой после реформы академической орфографической комиссии в Главном управлении научными, музейными и научно-художественными учреждениями (Главнаука) под председательством ученого секретаря Главнауки Г. К. Костенко. В состав орфографической подкомиссии, которой руководил И. В. Устинов, вошли преподаватели высшей школы, рабочих курсов, методисты и

представитель ассоциации корректоров (всего 12 членов, в том числе Д. Н. Ушаков, М. Н. Петерсон, И. Н. Шапошников). Помимо орфографической подкомиссии существовали еще пунктуационная подкомиссия (единственная на тот момент в мире) и подкомиссия по транскрипции иностранных слов и собственных имен и фамилий (подкомиссия по латинизации). Именно последняя под руководством профессора Н. Ф. Яковлева, участвовавшего в создании более 70 алфавитов на основе латиницы для малых народов советской государства, разработает три возможных варианта латиницы и для русского письма, опубликованных в VI выпуске «Культуры и письменности Востока» [Материалы 1930, 208–219].

В переходе на латиницу видели «возможность коренным образом рационализировать систему русского письма и русскую орфографию и тем самым удешевить и ускорить обучение грамотности в СССР» [Яковлев 1930, 41; Хроника 1930]. Хотя, конечно же, в первую очередь обсуждались политические мотивы такого перехода. Кириллица воспринималась как идеологически чуждая «социалистическому строительству» форма графики, как алфавит «самодержавного гнета» и «великорусского шовинизма». Латиница, наоборот, могла послужить «внешним выражением внутреннего единства пролетарской культуры в СССР при всем разнообразии ее национальных форм» [Яковлев 1930, 40].

Публикации, подробно освещавшие работу комиссии, настойчиво подчеркивали политическое и производственное значение предстоящих орфографических изменений: «в эпоху реконструкции народного хозяйства на основе индустриализации и коллективизации сокращение времени, затрачиваемого на овладение техникой грамотного письма, приобретает большое политическое значение»; «мы не можем не позаботиться о том, чтобы облегчить усилия наших друзей узнать правду о СССР непосредственно из первоисточников»; «полиграфическая промышленность в значительной степени будет освобождена от непроизводительных расходов» [О новом 1930, 7].

Всего в составе орфографической части проекта были заявлены 20 предложений. В следующий же «Свод орфографических правил» 1936 года (1 ред.), подготовленный под руководством Д. Н. Ушакова, уже войдет 175 (!) пунктов.

Отметим здесь только те пункты Проекта 1930 г., которые еще раз прозвучат уже в «Предложениях по усовершенствованию русской орфографии» 1964 года:

1. Установить в качестве отделительного знака только один, именно букву **ь**. Писать *съезд, объявление, субъект, конъюктура, трехъярусный, пью, шью, ружье*;

2. Не писать **ь** после шипящих в следующих грамматических формах: *доч, вещь, рож (сущ. 3 скл.), настез, сплош (наречия), стричся, стрич, реж, режете, еш, еште, моеш, моешься (формы инфинитива, повелительного нак., 2 л. ед.ч.)*;

3. После **ж, ч, ш, щ** и **ц** ударяемое **о** писать через букву **о**: *пчолка, черный, шолк, жорнов, лжот, жоны, шол, шопот, облицовка, но пчела, чернеть, щека, желтеть, жена, шептать*.

4. Удвоенные согласные писать лишь в следующих случаях встречи одинаковых букв в корнях и приставках *поддержка, оттепель, рассказ, контрреволюция*, но *субота, коммунист, класовый, оппозиция, тона, искусство*.

Несмотря на отрицательную оценку Проекта 1930 и на до сих пор встречающиеся категоричные утверждения специалистов о том, что все его предложения ориентировались на письмо малограмотных и не имели серьезного научного обоснования [Маркова, Шкатова 1993], орфографическая практика 30–50-х годов закрепила как рационально обоснованные и полезные предложения Проекта о правописании **-ье** в окончаниях существительных предложного падежа единственного числа среднего рода (*в ущелье, на побережье, о счастье*); правописании существительных общего рода *запевала, обедала*; о слитном правописании приставок **анти-, ультра-, контр-**; правописании отдельных слов – *идти, калач, ватрушка, мачеха*.

Еще одним важным результатом появления Проекта 1930 следует считать предпринятую А. М. Пешковским попытку теоретического осмысления подходов к реформированию орфографии вообще, принципов подготовки и проведении изменений в правописании. Прежде всего, Пешковский четко разграничивает понятия **урегулирования** и **упрощения письма**. Так, в понимании автора, **упрощение правописания** – «реформа, дело большого масштаба, больших перспектив и большой ломки», «устанавливать частые реформы правописания невыгодно, гораздо выгоднее произвести одновременно капитальный ремонт всего орфографического здания, чем ремонтировать время от времени комнату за комнатой, всякий раз нарушая

нормальную жизнь жильцов». Основные черты того, что бы могло называться реформой – «крупный удельный вес реконструкции, колоссальные и принципиальные технические трудности, относительная несрочность» осуществления. Тогда как *урегулирование, или упорядочение*, – это «дело буквально двух недель и нескольких сотен рублей», его отличает «мелкий масштаб, абсолютная легкость, абсолютная срочность» [Пешковский 1930, 95].

Основные требования, по мнению автора, к реформированию правописания заключаются в следующем:

1. Четко знать «предел, до которого смело можно пойти в реформаторстве». Граница этого предела – возможность без труда читать книги с дореформенной орфографией: привыкший читать по реформированному правописанию должен «понимать без большого труда написанное до реформы» [Там же, 111]. Проанализировав количество орфографических изменений, вызванных реформой 1917, на 1000 букв, он получает «пороговый» показатель 7,33 %. В то время как, например, Проект 1930 года предусматривал только 2,6 % изменений, соответственно, он «количественно не использовал всех возможностей, реформу можно было провести гораздо радикальнее» [Там же, 111].

2. Реформа должна ориентироваться прежде всего на читающего, а затем уже пишущего: «большинство людей гораздо больше читает, чем пишет» [Там же, 103].

3. Новое правописание должно легко усваиваться как людьми, не владеющими к данному моменту еще никаким правописанием и теми, кто уже является грамотными.

4. При унификации спорных написаний отдавать предпочтение тому варианту изменений, который меньше ломает орфографические привычки, т. е. считается с узусом последних 50-ти лет [Там же, 104].

Всего же в 30–50-е годы только официальные академические орфографические комиссии начинали свою деятельность пять раз, создав 10 проектов нормативных орфографических изданий, ставших важными этапами в разработке Свода 1956 г: «Проект реформы орфографии» 1930 г. (далее Проект 1930); «Свод орфографических правил» (1936) (далее Проект 1936 (1)), «Свод орфографических правил. 2 редакция» (1936) (далее Проект 1936 (2)) и «Объяснительная записка к сводам орфографических и пунктуационных правил» (1937) (далее Проект 1937); «Свод орфографических и

пунктуационных правил» (1939) (далее Проект 1939 (1)), «Правила единой орфографии и пунктуации. С приложением краткого словаря. 2 редакция» (1939) (далее Проект 1939 (2)) и «Правила единой орфографии и пунктуации. С приложением краткого словаря» (1940) (далее Проект 1940); «Правила русской орфографии и пунктуации» (1947) (далее Проект 1947) и «Правила русской орфографии и пунктуации» (1948) (далее Проект 1948), «Правила русской орфографии и пунктуации» (далее Проект 1951).

Сопоставление этих проектов позволяет проследить, каким образом шел процесс оформления (точнее, выбора) орфографической нормы для «застарелых колебаний», например, в области правописания *о/е* после шипящих, являвшегося «наиболее запутанным вопросом русской орфографии еще со времен Я. К. Грота», который и попытался впервые регламентировать правописание данной группы слов [Реформатский 1937, 65]. В орфографическом узусе «через всю историю нашего правописания с самого его начала идет постепенное вытеснение чуждых книжных написаний: *же, ше, ще, че, це* своими, диктуемыми произношением ударяемыми *жо, шо, цо, чо, цо*» [Проект 1930, 14]. Такие написания можно обнаружить уже у М. В. Ломоносова, а в первом издании романа «Басурман» И. И. Лажечникова (1838) последовательно выдержано написание через *о*: *чорный, шолковый, в чом, вошол* и т. д. Примеры колебаний в выборе *о* и *е* в корнях и суффиксах встречаем в фототипиях рукописей А. С. Пушкина и в изданиях его текстов, в «Толковом словаре живого великорусского языка» В. И. Даля, орфографических словарях XIX – нач. XX вв.

Разнобой в орфографической практике и рекомендациях различных ведомственных орфографических словарей и пособий в этой области существовал вплоть до принятия Свода 1956 года, являясь отражением борьбы *о* и *е* [Шапиро 1951, 13].

Так, относительно истории регламентации правила правописания *о/е* после шипящих в Проектах официальных орфографических комиссий 30-50 гг., мы можем сделать следующие выводы: во-первых, в традиционном виде (т. е. вошедшем в основных чертах в Свод 1956 г.) правило, четко обозначившее принцип сохранения единообразного орфографического облика корневой морфемы, ее тождества и морфематической мотивации написания (*шелк, т. к. шелка*), сложилось в 1939 году (первая редакция Правил), во-вторых, все дальнейшие его корректировки связаны только с уточнением правописания

отдельных групп слов, расширяющих список недостатков окончательной редакции правила в Своде 1956. Так, существенные колебания испытала орфография следующих четырех групп:

а) суффиксов причастий страдательного залога и производных от них: *напряженный, напряжен, напряженность, напряженно, сокращен, польщен,отягченный* (Проект 1930 –*о*, 1936 (1) –*о*, 1936 (2) –*е*, 1937 –*о*, 1939 (1) и последующие –*е*);

б) глаголов *размежевывать, растушевывать, выкорчевывать* и существительных *выкорчевывание, растушевывание, размежевывание* (Проекты 1930 –*овыва*, 1936 (1) –*овыва*, 1936 (2) –*овыва*, 1937 –*овыва*, 1939 (1) – *овыва*, 1939 (2) – *евыва*, 1940 – *овыва*, 1947 – *евыва*, 1948 – *евыва*, 1951 – *евыва*);

в) отглагольных существительных *корчевка, ночевка, размежевка, откочевка* (Проекты 1930, 1936 (1), 1936 (2), 1937, 1939 (1), 1939 (2), 1940 – через *о*, а Проекты 1947, 1948, 1951 – через *е*);

г) существительные типа *дирижер, стажер, акушер* (Проекты 1930, 1936 (1), 1936 (2), 1937, 1939 (1) – через *о*, а Проекты 1939 (2), 1940, 1947, 1948, 1951 – через *е*).

А. А. Реформатский, анализируя проблему правописания *о/е* после шипящих, пришел к выводу, что в этом вопросе выход может быть только в последовательной унификации либо «в сторону распространения написания под ударением с *о* без всяких исключений», либо «в направлении обратном, утверждая написания с *е* и тем отбрасывая эту орфографическую теорию на 100 лет назад». Кстати, вторую возможность не рассматривал ни один из Проектов 30-50-х гг., тогда как в дискуссиях 1962 и 1964 года подобные предложения звучали. *Tertium non datur* (третьего не дано) – таков его вывод [Реформатский 1937, 66]. Тем не менее орфографическая нормализация выбрала именно третий путь, и существующее сейчас правило стало своеобразным орфографическим капканом для пишущих [Дергачев 1955]. Оно лишено внутреннего единства и целостности, «в высшей степени непоследовательно с точки зрения системы современного русского письма» [Селезнева 2004, 125].

Непоследовательность действующего правила оказалась «заложена» проектом первой редакции «Свода орфографических и пунктуационных правил» 1939 (орфографическая комиссия под председательством С. П. Обнорского) и, несмотря на наличие вариантных написаний типа *жолудь* и *жедудь*, *жолоб* и *желоб*, *решотка* и *решетка*, *поножовщина* и *поножевщина*, *разжовывать* и *разжевы-*

вать, волчонок и волчонок, вплоть до 1956 г. (говоривших о возможности принятия узусом и иного решения), не была устранена последующими Проектами.

Представляется важным для теории орфографии и решение комиссией 1929–1930 гг. вопроса о вариативности орфографической нормы: допущение даже для ограниченного круга двойных написаний «совершенно неприемлемое предложение», комиссия не сочла возможным оставить «какие-либо компромиссы». Более того, одним из «наиболее значительных своих достижений» она считает именно то, что проектом «устраняются все случаи двойных написаний» [Проект 1930, 57]. Такое жесткое требование безвариантной и безальтернативной орфографической нормы по сути является предвестником ситуации орфографического режима, которую в 1932 году закрепило постановление ЦК ВКП(б) от 25 августа 1932 г. «Об учебных программах и режиме в начальных и средних школах» постановление ЦК ВКП(б) от 13 февраля 1933 г. «Об учебниках для начальных и средних школ», методическое письмо 1935 г. «Единый орфографический режим», предписывавшее учителю добиваться безупречной грамотности. Эти директивы были названы «боевой программой школы», где вопросы достижения «подлинной грамотности», в том числе и орфографической, подняты «до вопросов крупнейшего политического значения» [Борьба 1936, 10]. В 1935 году выходит одна из самых первых в этой серии брошюра Н. А. Костина «Орфографический режим в начальной, неполной средней и средней школе». В период с 1935 по 1960 гг. было издано почти 50 подобных изданий разных авторов (без учета 2 и 3 и т. д. редакций).

Широкий круг орфографических публикаций 30-50 гг. обсуждает вопросы организации орфографического режима в школе, признавая их «неотложным делом» и предписывая проводить «публичную орфографическую ревизию всех плакатов, стенгазет рукописных объявлений... устраивать суд над безграмотными», применять «социалистические методы в борьбе за орфографию»: ударничество, соцсоревнования и принятие «стахановских» «орфографических обязательств» [Ленинградский 1937, 193; Смирнов 1936, 6]. Осторожные замечания о спорности с педагогической точки зрения введения в школе орфографического режима первый заместитель наркома по просвещению Б. М. Волин окрестил «вредительской левацкой проповедью безграмотности» [Борьба 1936, 10].

При этом необходимо отметить, что впервые идея орфографического режима стала обсуждаться еще в конце 30-х гг. в среде методистов и учителей-практиков, которые полагали, что «успех в правописании не может быть достигнут», если в работе учителя не будет того, что «можно было бы назвать орфографическим режимом». В. В. Данилов был убежден, что «нет более ложного педагогического понятия, чем то, что мы можем дать образование человеку, не научив его писать *совершенно* грамотно» (выделено мной – С. В.) [Данилов 1927, 160].

Горячо обсуждалось в публикациях 30–50 гг. и несовершенство используемых в педагогической практике методов обучения орфографии (прежде всего недопустимость метода механического списывания – работы Л. В. Щербы, И. Лыкова, Н. С. Рождественского), воспринимавшееся как одна из объективных причин того, что «орфография – самый тревожный участок в школьной работе, а русский язык сейчас – главный поставщик школьной неуспеваемости» [Смирнов 1936, 13].

В 1935 г. в Центральном научно-исследовательском институте педагогики состоялось научное совещание по вопросам обучения орфографии, где выступил с докладом О. П. Афанасьев, выдвинувший «на первое место в деле усвоения письма значение грамматических знаний», поскольку «определяющим для русского письма является морфологический принцип». О главенстве именно этого принципа лингвисты последовательно начнут говорить в публикациях с середины 30-х гг. (например, [Ушаков 1936; Поливанова 1937; Гвоздев 1947; Шапиро 1951]). Тогда как еще несколько лет назад (в публикациях начала 30-х годов) вопрос о ведущем принципе орфографии был спорным, М. Н. Петерсон заметил по этому поводу, что «о принципах говорят давно, но нет еще детального изучения этих принципов» [Петерсон 1927, 175]. Так, орфографическая комиссия 1930 г. говорила о фонетическом и морфологическом принципе в их органической связи с неизбежным уклоном в сторону фонетики и приближения письма к действительно общим установившимся нормам русского литературного произношения.

Накануне начала работы этой комиссии «Учительская газета» организовала диспут, все участники которого высказались за реформу, но вот «по центральному вопросу – какой принцип должен занять доминирующее положение?» обнаружили «глубокие принципиальные разногласия». И. В. Устинов (председатель ор-

фографической комиссии 1929–1930 гг.) высказался за фонетический принцип, за него же ратовали многие авторы индивидуальных орфографических проектов этого времени. Л. В. Щерба, наоборот, полагал, что для русского письма применение фонетического принципа «дело безнадежное, и, в конце концов, при соблюдении этого принципа получается такое положение вещей, что приходится просто зубрить самым бессмысленным образом, как пишутся слова» [Щерба 1926, 47–48]. А. М. Пешковский видел в фонетическом принципе «покушение на морфологию». Р. И. Аванесов и В. П. Сидоров говорили о преимуществе «фонологического (или морфологического) письма перед фонетическим», поскольку оно, «создавая единство зрительного образа морфемы, значительно облегчает процесс чтения» [Аванесов, Сидоров 1930, 114]. Следует отметить и отсутствие в 30-ые годы единой терминологии в наименовании обсуждаемых принципов: традиционно-этимологическое / традиционно-историческое / историческое письмо, и этимологическое / этимолого-морфологическое / словопроизводственное / морфологическое / фонологическое письмо.

Таким образом, 30–50-е годы прошлого XX века можно с полным правом назвать периодом активного орфографического строительства, которое столкнулось с целым комплексом теоретических и практических вопросов: оценка реформы 1917 г., дальнейшее реформирование или упорядочение, ведущий принцип русского правописания, допустимость факультативности орфографической нормы, колебания в ее выборе для групп разнобоя, орфографический режим как средство борьбы за грамотность, переход с кириллицы на латиницу.

Глава 5.

СОВРЕМЕННАЯ ОРФОГРАФИЯ С ТЕОРЕТИЧЕСКИХ, ПРАКТИЧЕСКИХ И ДИДАКТИЧЕСКИХ ПОЗИЦИЙ

Главный герой этой главы – современная гражданка и масса проблем, которые связаны с ее теоретическим осмыслением, практическим использованием, дидактическим освоением. Не претендуя на исчерпанность в обсуждении так широко заявленной темы, авторы главы обращаются к такому почти не затрагиваемому аспекту его теоретического осмысления, который выявляет церковнославянские элементы в современной орфографии, что для многих читателей, видимо, будет неожиданностью (5.1). Такая простая, на первый взгляд, вещь, как буква Э, на самом деле сопряжена с целым рядом проблем письма и произношения, как показано в (5.2). Раздел 5.3 содержит фрагменты, в которых обсуждаются важнейшие моменты овладения русским письмом. В разделе 5.4 многие из затронутых вопросов получают новое освещение, так как в центре оказывается сознание пишущих, формируемое во многом школьным преподаванием. Таким образом, последний раздел объединяет все остальные, пытаясь объяснить многие проблемы письма и его изучения, практического использования через сознание пишущих.

5.1 ЦЕРКОВНОСЛАВЯНСКОЕ И РУССКОЕ В СОВРЕМЕННОМ ПРАВОПИСАНИИ

Вопрос о соотношении русского и церковнославянского начал в русской «гражданской» орфографии специально не исследовался – потому, очевидно, что считался элементарным. Совершенно очевидно, что истоки и гражданской азбуки, и орфографических норм, установившихся после реформы Петра I, лежат в церковнославянской письменности, и выбор, например, «ятя» или «естя» в XVIII в. определялся не тем, как говорили «наши деды», а тем, как они писали в церковных книгах. Предполагается, далее, как столь же естественное, не требующее особого обоснования, что эволюция русской азбуки и орфографии есть все большее отдаление от церковнославянского начала, все большее «обрусение», приближение к живому русскому языку.

В самом деле, устранение из русской графики буквы «ять» в 1918 году означало забвение именно письменной традиции, к чему и стремились инициаторы орфографической реформы начала XX века. Л. В. Щерба по этому поводу заметил: «Что касается исторического принципа, в котором собственно следует различать два принципа: “так говорили наши деды” и “так писали наши деды”, – то, по-видимому, орфографическая подкомиссия принимала в соображение первый и отвергала второй» [Щерба 1904, 230].

И все же вопрос этот не столь элементарен, как может показаться.

Так, если словоформы *живой*, *людской* и под., противопоставленные церковнославянским **живый**, **людскій**, являются, без сомнения, грамматическими русизмами (с морфемами хоть и общими генетически, но уже, по сути, разделившимися, состоящими из разных фонем), то фонетически совпадающие варианты *привёл(ъ)* – *привель* соотносены иначе: в первом имеется орфографический русизм, второй же, на мой взгляд, представляет неявные орфографические церковнославянизмы, поскольку употребление конечного «ера», а также *e*, произносимой как [o], – это дань церковно-книжной письменной традиции.

Известно, что даже в самых ранних церковнославянских текстах, созданных на Руси, уже имеются более или менее явные следы восточнославянского влияния, например, «юс малый» в формах

имперфекта или *є* в морфемах с неполногласием вместо старославянского **ѣ**: **несѣахъ / несѣхъ, врѣмѣ, дрѣво** > **неслхъ, время, древо**). В церковнославянской фразе **Изжившү же емү все, высть гладъ крѣпокъ на странѣ той** (Лк, 15, 14) причастие во всех отношениях, кроме орфографического, есть старославянизм: в старославянском языке праславянские сочетания *zg перед гласным переднего ряда (в данном случае на стыке приставки и корня) развивались в особый слитный звук, весьма точно, по-видимому, передававшийся буквенным сочетанием **жд** (**Иждивѣшѹ же кмѹ всѣа· высть гладъ крѣпкъ· на странѣ той** – Остр. Ев.). Ср. аналогичные графические параллели: **ижденѣши, иждени** (формы от основы наст. вр. глагола **изгънати**) – **изженѣши, изжени; възделѣти, възделати** – **възжелати** (**възжела сердцемъ и възгорѣ ся дүхомъ** – Слово о законе и благодати митрополита Илариона [Обнорский, Бархударов 1952]).

Правописание приставок *рас- раз-* – это орфографический старославянизм, поскольку под ударением в соответствии с произношением всегда пишется *о* (*розвальни, розлив, роспись, рассказы* – ранее *розказни*) и пр. В то же время *разумный*, сопрягаемое с *разум*, является уже лексическим старославянизмом.

Проанализируем возможные в старорусских и более поздних текстах варианты написаний:

- 1) *вода – вада*
- 2) *корова – карова*
- 3) *помагати – помогати*

Очевидно, собственно русскими (точнее, восточнославянскими) можно считать только вторые варианты, в которых отражено аканье. Первые варианты написаний не имеют особенностей, определяемых живой русской речью, они в *орфографическом* отношении скорее общеславянские, в том числе, как ни покажется странным, слово *корова*, которое, конечно же, является русизмом, но по иной примете – полногласному рефлексу общеславянского сочетания *tort. В орфографическом плане это слово совершенно аналогично какому-нибудь *соборомъ* (из ст.-сл. **сѣ-бор-омъ** или др.-русск. **сѣ-бор-ѣмь**). Орфографический вариант *помогать* весьма маловероятен в славянском диалекте, различающим [o] и [a] в безударном положении, но если бы русское правописание унаследовало **помагати**, единственно возможное в старославянском и преобладаю-

шее, по-видимому, в русском церковнославянском, у нас не было бы достаточных оснований считать такое написание церковнославянским, поскольку и в древнерусских текстах, не испытавших сильного влияния церковно-книжной традиции и написанных до возникновения аканья, ожидается только такой вариант.

В старину понятие орфографии (правописания), по существу, применимо было только к церковно-книжному типу литературного языка, отчасти к деловому языку, но никак не к эпистолярной письменности (ср., к примеру, «орфографию» «грамоток» XVII – нач. XVIII вв. [Котков, Панкратова, 1964]). Графический же облик слов в произведениях некнижной письменности определялся не исторической традицией или этимологией (по сути это одно и то же, ибо исторический принцип в большинстве, по-видимому, sluчаев не противоречит этимологическому), а фонетикой.

Собственно говоря, оценивая русское правописание в отношении его связей с церковнославянской орфографией, мы должны сосредоточить усилия на поиске орфографических русизмов, отделяя их от явлений общих (т. е. от таких написаний, которые нельзя расценить ни как восточнославянские, ни как старославянские, например: *вода, пчела*) и от церковнославянизмов.

Итак, какие изменения в орфографии, происшедшие после введения гражданского алфавита при Петре I, следует расценивать как отступление от церковно-книжной традиции и какие явления русской орфографии должны быть осмыслены как церковнославянизмы (старославянизмы)? Исчерпывающий ответ на этот вопрос в рамках небольшого раздела, конечно же, недостижим, и я готов перечислить здесь, с примерами и краткими комментариями, лишь десятка полтора явлений русского правописания, которые представляются наиболее интересными и важными в аспекте изучения взаимодействия русского и церковнославянского начал в истории русского языка.

Из числа орфографических русизмов прежде всего назову безударные окончания *-ой, -ей* (из древнерусских *-ии, -ии* с редуцированными гласными) им.-вин. ед. ч. м. р. адъективного склонения, обычные в письменности XVI–XVIII вв.; в церковнославянском им соответствуют окончания *-ый, -ий*. Ср.: **А сказаѡся Олекѡѡико челоѡѡѡкъ волноѡ. Ростомѡ челоѡѡѡкъ середней, волосомѡ и борода бела, старѡ, очи серы** [Новгородские записные кабальные

книги]; **И воевода Гандомирской, смотря того листа, бояромъ нашимъ в роспросѣ сказалъ, что онъ такой утвержденной листъ съ воромъ и ростригою писалъ** [Памятники истории смутного времени]; **И ннѣ он Аѡнасеѣ приехалъ жит на двор твоѣ сам третей; Михаѡловъ снѣ Растовскоѣ; столник котораѣ ихъ записавал** (Письмо И. И. Киреевскому от В. Григорьева [Котков, Панкратова 1964]).

Под ударением, как уже было отмечено, окончание *-ой, -ей* является приметой грамматического русизма: **Изволил купит полларшина парчи мнѣ на касон чепецъ** (Письмо Н. И. Киреевской от Т. Яблочковой [Котков, Панкратова 1964]).

В мягкой разновидности окончания практически во всех случаях безударны (*сам-третьей*, да еще местоимения *чей, сей* – единственные, по-видимому, исключения), но если бы имелись адъективные формы с ударным окончанием *-ей*, оно бы, без сомнения, вытеснило церковнославянское окончание *-ий*.

Безударные окончания *-ый, -ий* – ярчайшие примеры орфографических церковнославянизмов. Сохранение их и после реформы 1918 года привело, между прочим, к изменениям в орфоэпии (когда в России начальное, а позже и среднее образование стало обязательным) и к появлению церковнославянизма особого рода. Но прежде чем пояснить сказанное, приведу здесь несколько суждений акад. Л. В. Щербы, выдвинувшего понятие «идеального фонетического состава слова». Из многих объективно существующих произносительных вариантов слова трудно выделить такой, который адекватно бы представлял его фонетический состав и который можно было бы поэтому считать «фонетическим словом» [Щерба 1915, 21]. Выход из теоретического тупика ученый видел в психологической плоскости. «В самом деле, для нашего сознания в большинстве случаев ясно, что мы считаем необходимой фонетической принадлежностью данного слова, и это проявляется, когда мы, по тем или иным соображениям, произносим ясно, отчетливо, отчеканивая каждый слог..., например, *ga-va-r'it*» [Там же, 22].

«Тут надо заметить, что всякая письменность в общем всегда стремится в той или другой мере запечатлеть идеальный фонетический состав слов и только, в силу своей инертности не поспевая за изменениями языка, отражает в большинстве случаев прошлые эпохи» [Там же, 23]. В то же время общепринятое произношение слов (в

условиях распространения грамотности) на некотором синхронном срезе не свободно от их графического облика. «Поскольку... письмо поддерживает тот или иной вариант произношения, постольку оказывается и оно влияет на жизнь языка, особенно в современных условиях всеобщей грамотности и исключительно большой роли письменного языка в нашей жизни...» [Щерба 1942–1943, 157].

То, что Л. В. Щерба называет идеальным фонетическим составом слова, во многом определяется орфографией (представлением орфографического облика слова). Именно это привело к изменению фонетического состава форм типа *новый, русский, тихий*.

В живой русской речи, как явствует из старорусских и более поздних текстов, а также из фактов современных говоров, в заударном окончании этих словоформ реализуется тот же гласный, что и в прочих алломорфах с заударным гласным, соотносимым с ударным [o]; ср., например, словоформы дат. п. ед. ч. ж. р. адъективного склонения ([новъй], [рускъй] в соответствии с [живой], [марской]) или безударные и ударные окончания в именном склонении [садъм], [липтъй] в соответствии с [рабом], [рабой].

О том, что в русском языке в им.-вин. п. ед. ч. м. и ср. р., утвердилось, по сути дела, церковнославянское окончание, и именно под влиянием орфографии (орфографического церковнославянизма), свидетельствует ставшее господствующим произношение означенных словоформ с мягким заднеязычным согласным перед безударным окончанием ([руск'ий], [убог'ий], [т'их'ий] и т. п.). А между тем в живой русской речи в этих словах искони был твердый заднеязычный (перед непередним напряженным сверхкратким, перешедшим в [o]; ср. др.-русск.: *рѹсьскыи, оубогыи, тихыи*). В церковнославянском языке напряженные сверхкраткие прояснились без изменения подъема, и после перехода [ky], [gy], [xy] в [k'i], [g'i], [x'i] в словоформах с заднеязычным утверждается написание -ий (*Ѹбогѣи, людскоѹѣи*).

В том, что орфография в данном случае привела к изменению фонемного состава морфемы (а стало быть, к образованию особой флексии, генетически являющейся русской и церковнославянской одновременно), легко убедиться, попросив любого, владеющего литературным языком, произнести нараспев прилагательные в словосочетаниях *новый дом* и *новой книге*, в окончаниях которых, еще раз подчеркну, после падения редуцированных и, видимо, вплоть до XX века был тождественный фонемный состав. Изменения в произно-

шении анализируемых здесь словоформ дают основания для вывода о превращении орфографического церковнославянизма в морфологической. По сути дела, мы имеем здесь особого рода славянизм, противопоставленный и т. н. библеизмам (словам и формам, заимствованным из ц.-сл. текстов), и русским словам, созданным посредством ц.-сл. морфем, например, при калькировании латинской абстрактной лексики или в процессе создания новых научных терминов (*предмет, сознание, слагаемое, хладагент* и под.).

Такова же природа обычного в старорусских памятниках безударного форманта *-ей* мужских антропонимов с факультативно беглым [е]: *Афанасей, Дмитрей, Ле(в)онтей, Григорей (Афанасея, Афанасею, Дмитрею, Леонтея, Леонтью, Григорья* и т. д.). Ср.: **Василѣі, Аѡнасеі** в приведенном выше письме Григорьева; **102-го пришелъ передъ г҃убного старосту... Григорей Ѡминъ сынъ... Заняи есмя у Григорья восьмь рублевъ московскую денегъ; ...А идетъ во дворъ служити къ Левонтью къ Степану сыну Щеголева... Се язъ Емельянъ Ивановъ сынъ занялъ есмя у Леонтея у Степанова сына Щеголева денегъ четыре рубли...** [Новгородские, 192, 362].

Формант с небеглым [и] в подобных именах в современном языке – церковнославянская примета орфографического и фонетического характера (фонетического в той мере, в какой при старательном произношении имен *Василий, Григорий* и под. в косвенных падежах это [и] сохраняется).

Аналогичные противопоставления в женских антропонимах, очевидно, крайне редки, если вообще возможны (примеров типа *Клавдея* я не нашел, но готов допустить, что в цитированных здесь источниках вполне могло быть написано *Клѡвдея*, а не *Клѡвдия* или *Клѡвдья*). Русские и церковнославянские параллели здесь касаются фонетики (и только потому орфографии), поскольку в русском варианте ожидаемое [е] почти всегда выпадает (*Наталія – Наталья, Агафя – Агафья*), под ударением же, как обычно, реализуется [е]; ср.: *Анастасія – Анастасѣя, Настѡсья*.

В текстах XVI – нач. XVIII в. безударные окончания род. п. ед.ч. м. и ср. р. и вин. одушевленного м.р *-ого* в адъективном склонении обычны, даже преобладают. Так, в «Грамоте Царя Василия Иоанновича в Пермь Великую» (1606) из приблизительно двадцати словоформ прилагательных с безударным окончанием только два имеют ц.-сл. окончание *-аго* [Памятники, 16–19]. Церковнославян-

ские написания безударных окончаний *-аго / -яго* (*новаго, синяго, божьяго*) в XVIII в. вытеснили русский вариант и сохранились до реформы 1918 г., поскольку не противоречили акающему произношению.

Словоформы с ударным окончанием *-ого*, как и в предыдущем случае, – собственно русские, морфологически противопоставленные формам на *-агѡ* (род. п.) *-аго* (вин. п.): *живагѡ, простагѡ*, и т. п. Напомним, что восточнославянские формы развились из общеславянских членных форм (**prosta-jęgo*) испытав не только фонетические изменения (*-ājęgo > -ago*), но и аналогическое давление со стороны твердой разновидности местоименного склонения (*того, кого, которого*).

Сохранение заднеязычного на письме в местоименном и адъективном склонении следует, безусловно, расценивать как орфографический церковнославянизм (ср. написания в эпистолярных текстах нач. XVIII века: *московскова двора твоего дворник, не хотел ево пустит; четвертава жеребья преж сево* (Письмо И. И. Киреевскому от В. Григорьева, 1714 г. [Котков, Панкратова 1964]); *моево милостивова гсдря, прошу твоево къ себѣ милосердие, у батюшка своево, позумеитѣ залаатънова* (Письмо Н. И. Киреевской от Т. Яблочковой, ок. 1720 г.) [Там же]. Традиционные написания с *-ого, -его* в грамотках XVII–XVIII веков встречаются, по-видимому, значительно реже, чем фонетические варианты типа *-ова, -ава, -ово, -ево*.

Современные окончания род. п. ед. ч. ж. р. адъективного склонения (*ой, -ей*), противопоставленные церковнославянским окончаниям *-ыя, -ія*, появляются в русской письменности довольно рано (*Бє кѹпи нгѹменѣ василенъ ... дворѣ и дворницѣ все филиповѣ и шгородецѣ и за дворомѣ наволочокѣ в рамѣи земли промежѣ оулицами* – Двинские грамоты XV в. [Обнорский, Бархударов 1952]). В др.-русс. языке эти словоформы имели окончание *-ыѣ* или *-оѣ* (последнее появляется под влиянием местоименных форм типа *тоѣ*, как и рассмотренные выше русские формы *нового, простого*). В деловой письменности XVI–XVII вв. это окончание обычно, но отражает скорее стереотипные письменные навыки подьячих, чем живое произношение (*А на Иванѣ на Дементѣеве съ тоѣ слѹжилие кабалы взяти пошлины...* [Новгородские 1938]). Подчеркну, что только такие написания словоформ род. п. ед. ч. ж. р. прилагательных можно рассматривать как орфографические русизмы.

Древнерусская и старославянская флексия им. п. мн. ч. м. р. полных прилагательных и причастий **-ни** сменяется унифицированным окончанием **-ые** (из **ыѣ** / **ыя** – окончания им.-вин. п. мн. ч. ж. р. и вин. п. мн. ч. м. р.); ясно, что противопоставление **добрѣн, людскоуѣ** – *добрые, людские* касается морфологии. Это же окончание в формах вин. п. мн. ч. прилагательных и причастий, согласованных с неодуш. сущ. м. р., отлично от церковнославянского окончания **-ыа, -іа** (ср.: *на вѣки вѣчные, въ морскіе просторы* и т. п.), поэтому может быть отнесено к орфографическим русизмам.

По правилам дореформенной русской орфографии в им.-вин. п. мн. ч. прилагательных, согласованных с сущ. ср. и ж. р., сохранялось ц.-сл. окончание **-ыя** (*румяныя гимназистки, великія муки, простыя слова*); ср. из эпистолярного текста нач. XVIII в.: **Толка мнѣ в том зѣло печална что ты ѿт насъ ѿтлучаеѣса в такія далныя страны** (Письмо Н. И. Киреевской от Т. Яблочковой). При акающем произношении формы *румяныя* и *румяные* не должны были различаться. Вопрос в том, как в действительности представляли в XIX веке грамотные русские фонетический состав этих словоформ и произносили ли они отчетливое [а] в окончании, растягивая песенную строчку *гимназистки румяныя-а-а...*, подобно современному исполнителю «Москвы золотоголовой».

Трактовка написаний форм род. п. ед. ч. ж. р. лично-анафорического местоимения *ее* (*нее*), *еѣ* (*неѣ*), заменивших ц.-сл. варианты *ея* (*нея*) после 1918 г., зависит от того, как эти формы в норме читались – по-церковнославянски или по-русски.

Формы вин. п. ед. ч. ж. р. этого местоимения и до реформы 1918 г. писались «по-русски»: *ее, нее* (в соответствии с ц.-сл. формами **ю, ню**).

Поскольку звук [ф] в сильной для шумного согласного позиции является приметой нерусского (неславянского) слова, замена «фиты» «фертом» в таких словах, как **Видеємъ, Адонъ, Фома, каѡѣдра**, где «фита» употребляется в соответствии с греческой орфографией, должна быть расценена как отступление от ц.-сл. традиции, не связанное с влиянием живого русского языка. Аналогичные явления имеем в случае с буквами «кси», «пси», устранными из орфографии еще при Петре Великом.

Русскими следует признать и написания с «э оборотным» в нерусских словах, появившимся по необходимости, поскольку в рус-

ском литературном языке в новых заимствованиях [j] перед начальным или поствокальным [e] уже не развивался.

Из церковнославянской орфографии заимствовано разграничение написаний с «иже» и *i* десятиричным (вторая буква писалась перед гласной или *й*, а также в слове *міръ* в значении ‘все, что во круг, вне нас’, в отличие от омонимичного *миръ*, обозначающего состояние в міре или в душе).

Церковнославянские девербативы с суффиксом *-nie* (*ученіе, хожденіе, имѣніе*) подверглись некоторому «обрусению» – утрате суффиксального [и] (бывшего редуцированного), что, конечно, отразилось и в орфографии: *ученье, хождение* (ср. русские *вьюн, бьет, льет, чья* рядом с ц.-сл. **біѣтъ, ліѣтъ, чія**). Здесь можно заметить, что разграничение *i* десятиричного и «иже» в русской до-реформенной орфографии имело бы под собой некоторое фонетическое обоснование, если бы *i* писалось только в безударном положении перед гласной и не писалось бы перед *й* (*ученій, хожденій*). Именно в этой позиции гласный [и] в живой речи легко исчезает, причем не только в славянских словах, но и во многих заимствованиях (после устранения зияния): *бриллиантъ* > *брильянтъ, миллионъ* > *милльёнъ*, ср. также варианты заимствованных личных имен, в которых безударное [и] давно исчезло: *Марія* и *Марья, Софія* и *Софья*. И если бы в таких иноязычных словах, как *армія, арія, станція, лекція, комиссія*, [и] исчезло, это ничуть не противоречило бы тенденциям русской фонетики (вариант *комисья, арья* в живой речи совершенно не исключен, вариант *армя* маловероятен, но лишь из-за скопления согласных).

Написания с *и* (*i*) после отвердевших шипящих – это тоже, по видимому, дань церковнославянской традиции (ср. естественные польские написания типа *czy, żuć, szczyt, szynka*). Отмечу любопытный факт: в церковнославянском языке написания с **ы** как раз возможны – для разграничения омонимичных форм мн. и ед. чисел; ср.: **нашимъ, творящимъ** (тв. ед.) и **нашымъ, творящимъ** (дат. мн.). В то же время написания с *и* (*i*) после *ц* в корнях слов (заимствованных, как правило) в русском языке с церковнославянской традицией не связано, поскольку в церковнославянских текстах после отвердевания [ц] закрепляются соответствующие произношению написания с **ы** (**рцы, волцы, птци, отцы**), в том числе и в единичных корнях (**цымбалы**). Правила русской орфографии (применительно к славян-

ским словам) в этой части совпадают с церковнославянскими нормами, но если бы церковнославянской язык сохранил написания с *и* в окончаниях и суффиксах и после отвердения [ц], мы скорее всего писали бы *девици*, *лисицин* и т. п.

Как церковнославянские следует расценивать написания с *чн* на стыке морфем (из **чьн**) в русских словах типа *скучный*, *яичница*, *подсвечник*. По Шахматову, в живой русской речи [чн] перешло в [шн], но сохранилось в церковнославянском (**вѣчный**, **лчный**), поэтому произношение с мягкой аффрикатой «привилось и к русским словам, ср. *удачный*, *дачный*, *поперечный*. В сущности оно в таких словах так же искусственно, как в нередком произношении: *конечно*, *скучно*, *молочные продукты*» [Шахматов 1941, 96]. Вряд ли можно сомневаться, что распространение в наше время «искусственного» произношения [чн] в словах типа *булочная*, *селодочный*, *молочный*, *полуночник* объясняется влиянием орфографии.

Церковнославянской является и орфография слов *что*, *ничто*. В то же время неопределенное местоимение *нечто* (нѣчто), равно как *некий*, *некогда* в значении ‘когда-то’, *некто* и под., должны, по видимому, расцениваться как лексические славянизмы.

Завершу беглый обзор орфографических русизмов и славянизмов рассуждениями по поводу буквы «ѣ», вызывавшей, как представляется, более всего споров на рубеже XIX и XX вв. и устраненной, к радости тогдашних и будущих школяров, в 1918 г. Написания с «ѣ» в XVIII и XIX вв., на мой взгляд, продолжают церковнославянскую письменную традицию. Достаточно сравнить старорусские, и даже древнерусские тексты, в которых «ять» часто заменяется «естем» и наоборот. Ср. написания в одной из ранних берестяных грамот, которую по палеографическим и стратиграфическим данным историки относят ее ко второй половине XI в., с чем, по мнению В. И. Борковского, не согласуется замена «ѣ» буквой *є*, как и употребление *ѣ* вместо *ь*: **Грамота: ѡтѣ живнѡмира: кѣ микоуѣ: коупилѣ єси: робоу: пѣсковѣ: [вм. пѣсковѣ] а нынє ма: вѣ томѣ: ма кѣнагыни: а нынє са дружина: по ма пороучила: а нынє ка: посылѣи кѣ томоу: моужевѣ: грамотоу: є ли оу него роба: а се ти хочоу: конє коупивѣ: и кѣнажѣ моужѣ вѣсадивѣ та на съводы: а ты атче єси не вѣзалѣ коунѣ: тѣхѣ: а не ємаи: ничѣтоже оу него: (Грамота №109 [Арциховский, Борковский 1958]).**

Хаотичная мена букв ѣ, е, ь в Смоленской грамоте 1229 г., безусловно, свидетельствует об исчезновении редуцированных и о фонетическом совпадении ѣ и е (Что ся дѣкѣ по вѣрьменьемъ. то видето по вѣрьменьемъ. приказано боудѣте добрымъ людѣмъ. а любо грамотою оутвѣрдаѣте. како то боудѣте всемъ вѣдомъ. или кто послѣ живынъ встанѣте сѣ. того лѣтъ коли алѣбрахѣтъ. вадка ризкии оумьрлѣ. вздоумалѣ князѣ смольнескын. мьстиславѣ. двдвѣ снѣ. прислалѣ въ ригоу свогго лоучьшего попа. крьмеу. и съ нимъ оумьна моужа пантельу. и свогго горда смольнеска... [Обнорский, Бархударов 1952]).

Несомненно, соседство в каком-либо тексте написаний с ѣ или е в одних и тех же корнях или аффиксах означает совпадение фонетического содержания этих букв и отражает «борьбу» фонетического и традиционного принципа орфографии. Ср. у Афанасия Никитина: И татарове к нам канкали. качма не вѣганте. а мы тог(о) не слыхали ничего. а бежали есма пароусом; и оучали нас стреляти. и оу нас застрелили чка. а оу нихъ двѣ татариннов застрѣлили; а моѣ была мѣлая ржхляд(ь) вся в меншем сѣднѣ. а в болшом сѣднѣ есма дошли до моря... [Обнорский, Бархударов 1952].

В письме Т. Яблочковой (ок. 1720 г.) ѣ сохраняется лишь в 6 случаях из 14: дважды в корнях (лѣтъ и зѣло), четыре раза в формах дат. п. местоимений (мнѣ, себѣ): Млстивая моя гсдрня Настася Ивановъна здравне гсдрани моеи да сохраниѣт гсдѣ вѣтъ на множества лѣтъ ѿ...ѣа поздравляю теб[я] светѣ мои Настася Ивановъна с нар[е]ченнымъ твоимъ вѣручникомъ дажѣ бже чтовы мнѣ въ совершенствѣе слыша толка мнѣ в том зѣло печална что ты насѣ лѣчаесса в такия далняя страны а про меня мои светѣ изволишѣ напаметоват и я еще жива при милости гсдря своего батюшка и з дѣтѣми своими с Васею и с Алешаю прошу твоево къ себѣ милосердие пожалуи светѣ мои Настася Ивановъна попроси млсти у батюшка своево чтовы пожалывалѣ изволила купит поларшина парчи мнѣ на касои чепецѣ чтовы по лазоревои землѣ залотныя травочки или по зеленои или по чернои толка лѣтче по лазоревои и ты пожалуи светѣ мои извол посмотрѣт сама какая бы пристоѣне ѿ...ѣа за

семъ писавы [так в рукописи] **нѣвѣска твоя Тотяна яблочкова**
чѣломъ вѣетъ [Котков, Панкратова 1964].

На вопрос о том, когда в разных старорусских говорах произошло совпадение старого «ятя» и «естя» (исконного или из сильного ь) и сохранялись ли различия в произношении между *ѣ* и *е* в московском говоре в XVII или даже в XVIII в., вряд ли и в наше время можно ответить однозначно. Известно, что Ломоносов и Сумароков различали звуковое содержание этих букв, причем, как пишет П. С. Кузнецов, «если для Ломоносова мы вправе предположить, что... разграничению *е* и *ѣ* могло способствовать различие этих звуков в его родном поморском говоре, то для разграничения *е* и *ѣ* Сумароковым таких оснований не было» [Борковский, Кузнецов 1963, 138]. Не исключено, что «дебелость» *е* и «тонкость» *ѣ* в восприятии образованных людей XVIII в. (т. е. фактически овладевших церковной письменностью и церковнославянской грамматикой, поскольку иной тогда и не было) оказались следствием психологической «индукции», и чем меньше у тогдашнего носителя языка было знаний в области церковной грамоты, тем меньше различались для него на слух буквы *е* и *ѣ*. Ср. мнение по этому поводу П. С. Кузнецова: «Встает вопрос, во-первых, не относится ли различие *е* и *ѣ* скорее не к различию самих этих гласных звуков, а к различию качества соседних согласных; во-вторых, характерно ли хотя бы это последнее различие для живого московского говора XVIII или даже конца XVIII века, или же оно характеризовало в какой-то мере искусственные произносительные нормы литературного языка» [Борковский, Кузнецов 1963, 138].

Конечно, у противников *ѣ* была прочная позиция, и устранение этой буквы из русского алфавита объективно было, очевидно, позитивным шагом. И все же многие образованные русские люди испытывали тогда сожаление, потому что и алфавит, и орфография – компоненты духовной культуры народа, особой сферы, где сохранение традиций важнее новаций.

В заключение следует подчеркнуть, что, несмотря на все реформы, современное правописание сохраняет элементы церковнославянских традиций письма. Другое дело, что этот факт практически не отрефлектирован пишущими по-русски сегодня, что, в частности, и побуждает внести это сюжет в рассмотрение современных проблем русского письма.

5.2 ПИТЕР ПРИЕХАЛ В ПИТЕР, ИЛИ О ПРАВОПИСАНИИ БУКВЫ Э

Начать следует с рассказа о двух орфографических недоразумениях, которые произошли в разное время.

Первое из них случилось в 2006 г., когда на российские экраны вышел фильм Оксаны Бычковой «Питер FM». Картина тогда активно рекламировалась в московских маршрутных такси, и, постоянно читая надпись «Питер FM», я долго не мог понять, кому могло прийти в голову такое нелепое название фильма: в начале – имя какого-то никому не известного англичанина, а после него – не фамилия, а всего лишь два непонятных инициала. Нужно ли объяснять, что мое ошибочное восприятие названия «Питер FM» было обусловлено тем, что в русском языке существуют два слова, которые, имея разное произношение, пишутся совершенно одинаково? Это английское имя *Пи/тэ/р* (ср. название известной повести английского писателя Джеймса Барри «Питер Пэн») и разговорное название города Санкт-Петербурга *Пи/м'э/р*. Слова *Пи/тэ/р* и *Пи/м'э/р*, безусловно, омографы, причем, в отличие от хрестоматийных русских омографов *му́ка – мука́* или *за́мок – замо́к*, разницу между которыми легко обозначить знаками ударения, слова *Пи/тэ/р* и *Пи/м'э/р* на письме практически неразличимы.

Другое недоразумение произошло в 2002 г., когда я предложил газете «Первое сентября» статью о крайней нецелесообразности проведения экзаменов по русскому языку в форме тестов. Через некоторое время после встречи с редактором, мне позвонили и сказали, что статья опубликована, но не под моим, а под другим, придуманным журналистами более эффектным названием. Я отыскал свежий номер газеты, несколько раз просмотрел его, но своей статьи почему-то не нашел. Лишь довольно скоро мне удалось обнаружить свою фамилию под публикацией, которую я вначале принял за заметку о работе школьных буфетов. Журналисты озаглавили мою статью «Пустое пространство теста», и это */тэ/ста* я несколько раз прочитывал как кулинарное и потому не имеющее никакого отношения к моей статье */м'э/ста*. Как видим, и здесь существующие правила написания буквы э обуславливают появление двух омографов (в данном случае они одновременно и

омоформы), которые совершенно невозможно разграничить средстами русской графики.

Список омографов, связанных с правилами употребления буквы *э*, можно легко продолжить. Зададимся, например, вопросом: одинаково или по-разному произносятся фамилия известного российского художника XIX в. Николая Николаевича Ге и название русской буквы *з*? Если не опираться на языковой опыт, а попытаться найти ответ на данный вопрос в справочной литературе, то это окажется неожиданно сложной задачей. Дело в том, что по давней и едва ли оправданной традиции российские энциклопедии обычно не дают транскрипции никаких рассматриваемых в них слов, а орфоэпические словари, в свою очередь, не приводят информации о произношении имен собственных.

Транскрипцию фамилии *Ге* [г'э] все же можно найти в справочнике для работников радио и телевидения [ИЧ, 289]. Что же касается вопроса о названии буквы *з*, то он, как это ни странно, оказывается гораздо более сложным. В орфоэпических словарях информации о произношении названий русских букв почему-то нет. Что же касается толковых словарей, то в Малом академическом словаре мы читаем: «Г см. ге» [МАС. Т. 1, 294] и далее: «ГЕ, *нескл., ср.* Название буквы «г»» [Там же, 303]. Никаких указаний, как читать название этой буквы: /г'э/, т. е. в соответствии с написанием, или /гэ/, т. е. по правилам чтения многих заимствованных русским языком слов, в словаре нет. Неожиданную ясность вносят в этот вопрос выпущенные после смерти С. И. Ожегова переиздания его словаря. В начале многих из них приведена таблица с примечательным названием: «Русский алфавит с указанием правильного названия букв», где отмечено, что название буквы *б* следует произносить как [бэ], *в* – как [вэ], *г* – как [гэ] и т. д. А после таблицы следует примечание: «В предыдущих изданиях С. И. Ожеговым рекомендовалось произношение, букв б, в, г, п как [бе], [ве], [ге], [пе], однако в последнее время в силу тенденции к унификации установилось произношение названий этих букв как [бэ]. [вэ], [гэ], [пэ]. Это произношение и показано в настоящей таблице» [СО 1988, 16]. В то, что до 1960-х гг. названия русских букв не были унифицированы, довольно трудно поверить, однако этот факт убедительно подтверждает [СУ], где находим следующие статьи: «**Б**² [произн. б, бе или бэ]» (Т. 1, 74); «**В**¹ [произн. в, ве или вэ]» (Т. 1, 215); «**Г** [произн. г, ге или гэ]» (Т. 1, 531); «**П** [произн. п, пе

или *нэ*» (Т.3, 14). Однако при этом: «Д [произн. *д* или *дэ*]» (Т. 1,643); «З [произн. *з* или *зэ*]» (Т. 1, 882); «Т [произн. *т* или *тэ*]» (Т. 4, 631).

Но вернемся к приведенным нами в начале этой статьи примерам типа *Пи/тэ/р* – *Пи/т'э/р* или */тэ/ста* – */т'э/ста* и попытаемся разобраться в источниках подобной омографии. Начнем с обращения к утвержденным Академией наук СССР, Министерством высшего образования СССР и Министерством просвещения РСФСР «Правилам русской орфографии и пунктуации» [Правила 1956]. Хотя они изданы более 50 лет назад и с тех пор ни разу не переиздавались, это, как ни странно, единственный официально утвержденный свод действующих в настоящее время правил¹. В них об интересующем нас случае сказано следующее: «После согласных пишется *е*, кроме слов *нэр*, *мэр*, *сэр*, а также некоторых собственных имен, например: *Улан-Удэ*, *Бэкон*, *Тэн*» [Правила 1956, 10].

Авторитетный и проверенный временем справочник Д. Э. Розенталя несколько уточняет это правило, одновременно расширяя список исключений словом *пленэр*. «В иноязычных словах после твердых согласных, – читаем в нем, – пишется в соответствующих случаях *е*, например: *адекватный*, *денди*, *кашине*, *кеб*, *кепи*, *леди*, *метр* (“учитель, наставник”), *пенсне*, *стенд*, *тендер*. **Исключения:** *мэр*, *нэр*, *сэр* и производные от них слова (*мэрия*, *пэрство*), *пленэр* – живопись или киносъемка на открытом воздухе, а также некоторые собственные имена (*Бэкон*, *Бэла*, *Улан-Удэ*)» [Розенталь 1971, 8].

В то же время не менее авторитетный справочник К. И. Былинского и Н. Н. Никольского частично опровергает Д. Э. Розенталя, ставя упомянутое им слово *метр* («учитель, наставник») в ряд слов, где в виде исключения следует писать *э*. Одна из позиций, в которых, по утверждению этих авторов, пишется *э*, – «после согласных в середине следующих пришедших из иностранных языков слов и производных от них: *мэр*, *нэр*, *сэр* (*мэрия*, *пэрство*), *мэтр* (учитель, наставник)» [Былинский, Никольский 1998, 12].

В обновленном издании справочника Д. Э. Розенталя, подготовленном Е. В. Джанджаковой и Н. П. Кабановой, спорное слово *метр* / *мэтр* почему-то отсутствует в обоих возможных вариантах

¹ Все остальные доступные нам орфографические и пунктуационные предписания, в том числе и не снабженные министерскими грифами [Правила 2007], очевидно, представляют собой не что иное, как не имеющие юридической силы соображения частных лиц.

его написания, однако перечень из слов-исключений *мэр, пэр, сэр мэрия, пэрство* и *пленэр* снабжен уклончивой оговоркой, которая фактически дополняет данный список словами *рэкет* и *дзэн-буддизм*. «Написание многих заимствованных слов, – говорится в справочнике, – особенно в начальный период освоения их русским языком, испытывает колебания, например: *каратэ* и *карате, истэблишмент* и *истеблишмент*. В редких словах обычно сохраняется написание с *э*, например, *дзэн-буддизм*, в словах же, которые прочно вошли в русский язык, закрепляется написание с *е*, но следует обратить внимание на написание слова *рэкет* и его производных» [Розенталь и др. 1998, 9].

Наконец, новейший справочник под редакцией В. В. Лопатина еще больше расширяет перечень слов, в которых после согласных пишется *э*, во-первых, за счет уже знакомого нам спорного *мэтр*, а во-вторых, за счет новейшего лексического заимствования *рэн* ‘исполняемый под музыку ритмичный речитатив’. Теперь этот перечень выглядит так: *мэр, мэтр* ‘учитель, наставник’, *пленэр, пэр, рэкет, рэн, сэр* и производные от этих слов *мэрия, пэрство* и *рэкетир*. «Круг других слов (преимущественно узкоспециальных), – сказано в справочнике, – определяется орфографическим словарем» [Правила 2007, 22]. Помимо этого справочник вносит необходимую ясность и в правила написания названий букв русского алфавита. В соответствии с его рекомендациями *э* следует использовать «в названиях букв *бэ, вэ, гэ, дэ, зэ, нэ, тэ*, а также в составе аббревиатур, пишущихся по названиям букв, и слов, образованных от буквенных аббревиатур, напр.: *бэтээры, кавээнцик, гэнэушник, кагэбэшный*». Впрочем, далее следует примечание: «В словах *эсер, энес* и *эсдек* – старых аббревиатурах, обозначающих членов некоторых политических партий начала XX в., – по традиции пишется буква *е*» [Правила 2007, 23].

Из всего этого можно сделать следующие два вывода. Во-первых, под влиянием постоянно появляющихся в русском языке заимствований число слов, в которых после согласных букв следует писать не *е*, а *э*, все время увеличивается. И второе: к сожалению, уже давно сложилась традиция, по которой ни орфографические правила, ни исключения из них не принято сопровождать какими-либо обоснованиями.

Можно утверждать, что подобная практика изложения правил орфографии не является оптимальной, по меньшей мере, по двум

причинам. С одной стороны, этот догматический, т. е. рассчитанный не на понимание, а главным образом на механическое запоминание, способ передачи информации об орфографии ни в коей мере не способствует ее глубокому усвоению носителями языка. С другой стороны, – и это гораздо важнее – именно он формирует у подавляющего большинства грамотных людей ошибочное представление о полной немотивированности и, как следствие, об абсолютной незыблемости этих правил. В самом деле, менять и усовершенствовать можно только то, что подчинено хоть какой-то логике. Если же некий порядок не обусловлен ничем, кроме традиции, то любые попытки хотя бы немного его изменить просто не могут не вызывать всеобщего протеста.

Обращусь к аналогии. В России, как и в большинстве стран мира, принято правостороннее движение транспорта, целесообразность которого как будто бы не связана ни с какими рациональными причинами. Легко представить себе, какую волну ожесточенных возражений могла бы вызвать даже простая постановка вопроса о теоретической возможности перевода страны на левостороннее движение. И в то же время движение эскалаторов в Московском метро бывает как право-, так и левосторонним: выбор того или иного направления на каждой из станций зависит от особенностей пассажиропотока. Если, например, после открытия новой линии метро характер перемещения пассажиров на какой-либо станции изменится, администрация метрополитена вполне может поменять направление движения эскалаторов, и это вряд ли вызовет чьи-либо протесты, поскольку будет иметь рациональное обоснование.

Что же касается правил русской орфографии, то специалисты всегда преподносят их, не сопровождая никакими мотивировками. Не в этом ли кроется причина неизменно негативного отношения подавляющего большинства нефилологов к любым попыткам упорядочения или, тем более, усовершенствования правил русской орфографии?

Однако вернемся к рассматриваемому нами вопросу о правилах написания буквы *э* после согласных и попытаемся найти обоснования как самим этим правилам, так и исключениям из них. Совершенно очевидно, что по причинам исторического характера твердость или мягкость согласного, стоящего перед фонемой /э/, неспособна различать исконно русские слова. Так, при наличии слов /м'э/сто, /с'э/ть или /в'э/ра в русском языке просто не может быть

исконных слов /мэ/сто, /сэ/ть или /вэ/ра. Это приводит к тому, что при заимствовании иноязычных слов перед фонемой /э/ в них, как правило, может свободно звучать как твердый согласный (что обычно соответствует произношению этих слов в исходном языке), так и мягкий согласный (что в большей степени отвечает устройству фонетической системы русского языка). В результате в одних заимствованных словах орфоэпия предписывает произношение перед /э/ твердых согласных (например, ан/тэ/нна, биз/нэ/с, бифи/тэ/кс), а в других – мягких (например, /б'э/ж, брю/н'э/т, му/з'э/й). Однако поскольку даже при неверном произношении понимание этих слов не нарушается, а сами орфоэпические нормы с течением времени могут меняться, особенности произношения согласных перед /э/ нет смысла обозначать на письме. Поэтому в целях унификации написания и, очевидно, не без влияния того, как эти слова пишутся латиницей, установилось правило, в соответствии с которым в заимствованных словах после согласных следует писать *е*, а не *э*.

Вместе с тем имеется небольшое число заимствований, в которых выбор твердой или мягкой артикуляции согласного перед /э/ небезразличен. Это слова, корни которых при мягком произношении согласных совпадают по звучанию с корнями (или иногда с некорневыми морфемами) других существующих в русском языке слов, а при написании через *е* недостаточно отличаются от таких слов внешне. Именно эти слова и было принято считать исключениями, в которых после согласных следует писать *э*, а не *е*. Совершенно очевидно, что слово *мэр* было решено писать через *э*, поскольку при ином написании его корень совпадал бы с корнем русского слова *мера*, слово *пэр* – для того чтобы избежать сходства с корнями русских слов *перо* и *переть*, а слово *сэр* – из-за его совпадения с краткой формой прилагательного *серый*².

В дальнейшем в поле зрения лингвистов попало слово /мэ/тр (от фр. *maitre*) ‘учитель, наставник’. Совпадение по написанию со словом /м'э/тр (от греч. *metron* ‘мера’) ‘основная единица длины’, безусловно, требовало внесения его в список исключений, хотя

² На сходство подобных слов обращает внимание школьников М. В. Панов, когда предлагает им проанализировать роль твердости — мягкости русских согласных фонем на примере предложений: *Среди английских туристов был сэр Бивертраф. Волк говорит: «Вы меня бьете за то, что я сер». На здании была вывеска: «Палата мер и весов». К нам в гости приехал мэр французского города Дижона.* [Русский язык 1995, 208].

имелись и контраргументы. Дело в том, что написание *мэтр* вызывает неоправданное отличие этого слова от родственного ему *метрдомель* (от фр. *maître d'hôtel* букв. ‘хозяин гостиницы’), написание которого через *e* уже давно установилось. Очевидно, именно поэтому Д. Э. Розенталь считал необходимым писать слово со значением ‘учитель, наставник’ как *метр*, хотя в конечном итоге и оно вошло в список исключений и стало писаться через *э*.

Понятно, что в перечень исключений должно было войти и новейшее лексическое заимствование *рэн*, которое при ином написании станет вызывать неоправданные ассоциации со словом *репа*.

Поскольку в правилах русской орфографии, как уж говорилось, отсутствуют обоснования тех или иных решений, достаточно трудно объяснить причины внесения в список исключений таких слов, как *пленэр* и *рэкет*. Можно, однако, предположить, что, предлагая написание *пленэр* (от фр. *plein air* ‘вольный воздух’), авторы правил стремились подчеркнуть отсутствие в этом слове суффикса *-ер* (ср. *тренер*, *миллионер*, *пенсионер*), а в случае с *рэкет* – отграничить это слово от русских слов с корнем *рек-реч-* (ср. *изрекать*, *речение*).

Разумеется, перечень заимствованных слов, в которых после согласной следует писать *э*, не дает возможности избежать всех случаев омографии. Так, давно уже закрепились написания через *e* слов *Питер* (обозначающего как имя *Пу/тэ/р*, так и название города *Пу/т’э/р*), *тест* (вызывающего в некоторых падежных формах ненужные ассоциации со словом *тесто*), *пастель* (неотличимого в случае неправильного произношения от слова *постель*). В то же время стихийно складывающееся написание новейших лексических заимствований как будто бы четко ориентировано на произношение. Так, на наших глазах в русский язык вошел пока еще не зафиксированный словарями заимствованный из английского языка корень *флэш-* со значением ‘особый способ полупроводниковой записи компьютерной информации’ (ср. *флэш-память*, *флэш-карты*, *флэш-игры*, *флэшки*), и он сразу же получил распространение с написанием через *э*, что, во-первых, отражает произношение, а во-вторых, обеспечивает внешнее отличие этого слова от давно заимствованного из французского языка слова *флешь* ‘полевое укрепление в виде тупого угла’.

Подводя итоги, хотелось бы отметить следующее:

1. Практика изложения правил русской орфографии без их обоснований не является оптимальной, поскольку, с одной сторо-

ны, не способствует глубокому усвоению этих правил, а с другой – вызывает ложное представление о полной их немотивированности.

2. Орфографическое правило, в соответствии с которым в подавляющем большинстве слов иноязычного происхождения после согласной следует писать *е*, а не *э*, основано на том, что признак твердости – мягкости согласного, стоящего перед /э/, в русском языке не существен для различения слов, а сам характер такого согласного в конкретных иноязычных словах может с течением времени изменяться.

3. В число слов-исключений, в которых в позиции после согласной пишется *э*, входят слова, корни которых при написании через *е* потеряли бы свое внешнее отличие от корней или иных морфем других русских слов.

4. В связи с активным проникновением в русский язык на нынешнем этапе его развития иноязычных заимствований, число слов с написанием *э* после согласной, очевидно, будет расти.

5.3 ОБУЧЕНИЕ ОРФОГРАФИИ

5.3.1 Орфографическая зоркость

В методической литературе широко употребляется термин «орфографическая зоркость». О существовании этого термина и стоящего за ним понятия есть резон порассуждать специально.

Вначале орфографическую зоркость интерпретировали как умение *видеть* орфограммы [Текучев 1980, 252]. Позднее стало ясно, что это «способность, умение быстро обнаруживать» точки применения правил [Львов 1988, 65]. Но многие учителя продолжают ограничивать орфографическую зоркость умением *видеть* ошибкоопасные написания [Варганова 2005, 16]. Такое мнение поддерживается, в частности, тем, что орфограммы принято подчёркивать одной линией, чтобы усилить «влияние зрения» [Баранов 1991, 36]. Против подчёркивания трудно что-либо возразить, а в отношении исключительной опоры на зрение необходимо порассуждать.

На бескрайних просторах Интернета нам встретилась не только орфографическая зоркость, но и пунктуационная, а также: лингвистическая, языковая, грамматическая, орфоэпическая, интонационная, ритмико-интонационная, морфологическая, стилистическая, текстовая, культурологическая, эстетическая, литературная, художественная, поэтическая, писательская, акмеистическая, публицистическая, журналистская, читательская, критическая, корректорская, психологическая, когнитивная, педагогическая, политическая, историческая, социальная, этнографическая, полицейская, научная, стратегическая, комбинационная, душевная, духовная и др. Кроме прилагательных, в различении зоркости участвуют и существительные: отсюда *зоркость словарей и грамматик, государственных людей, мысли, сердца*; *зоркость к явлениям и фактам языка, к омонимам, к чуду, к великим фактам, к явлениям текущего дня; зоркость на противоречия; на человечность* и т. д. Среди перечисленных разновидностей зоркости есть и не имеющие никакого отношения к опоре на органы зрения, например, *орфоэпическая, интонационная, историческая, душевная* и многие другие.

Слово «зоркость» многозначное, у него есть прямое и переносное значение. Прямое связано с остротой зрения, умением хорошо видеть далёкие и мелкие предметы. Переносное – пронизательность, пристальность. Пронизательность относится к остро подмечающим, угадывающим, постигающим что-либо, наблюдательным людям [СОШ]. Толковые словари помогают осознать, что орфографическая зоркость – это умение не только видеть при помощи органов зрения ошибкоопасные написания, но и угадывать, постигать, наблюдать, подмечать их разными другими способами.

Связать орфографическую зоркость только с работой зрительной памяти мешают и следующие, по меньшей мере, четыре основания.

1. Современная лингводидактика признаёт, что в формировании орфографических умений и навыков участвуют не только зрительная, но и другие виды памяти: слуховая, речедвигательная, моторная.

2. Многие орфограммы имеют слуховые приметы: шипящие звуки в словах разных частей речи, [ца] на конце глаголов, стечение согласных (*кончатъ, хищник*), звук [й] после согласных перед гласными (*съел, вьёт*) и т.д. Перечислить все орфограммы, имею-

щие слуховые приметы, пока не представляется возможным, не у всех точек применения правил такие приметы выявлены.

Как считает М. Р. Львов, ученик при самостоятельном письме должен обнаружить орфограмму «на основании внутреннего, воображаемого слуха. Как срабатывает этот внутренний слух, пока не вполне ясно» [Львов и др. 2000, 309]. Не ясно потому, что при обучении орфографии опираться на слух обычно не учат. Но этому можно учить.

Е. С. Бойко предлагает актуализировать в школе аудирование как вид речевой деятельности с целью совершенствования правописной грамотности учащихся, она призывает обучать школьников «слушать орфограммы», «улавливать их на слух» [Бойко 2002].

Обнаружение слуховых примет у орфограмм, которые ранее не квалифицировались в качестве имеющих такие приметы, и опора на слуховую память при изучении соответствующих грамматико-орфографических тем – одна из ближайших задач всех специалистов, которые профессионально интересуются проблемой формирования орфографической зоркости.

В этом отношении представляет значительный интерес экспериментальное исследование Ю. Р. Юденко. Третьеклассники определяли орфограммы в глаголах первого и второго спряжения не на основе традиционного многоступенчатого алгоритма, а опираясь на аудиальный канал восприятия и слуховую память. У глаголов первого и второго спряжения основа настоящего и будущего времени оканчивается на сочетания *[-aj]*, *[-uj]*, *[-jэ]*, что хорошо улавливается на слух. В срезовой работе учащихся экспериментальных классов оказалось орфографических ошибок в 15 раз меньше, чем в контрольных [Юденко 2004].

3. Имеются нулевые орфограммы, которые в принципе невозможно увидеть. Они не выражены материально, то есть у них нет какого-либо графического выражения и линейной протяжённости (длины). Количество нулевых буквенных орфограмм и их вариантов невелико – всего пять. Все они связаны с неупотреблением мягкого знака и могут быть представлены следующими примерами: *грач*, *кончатъ*, *невтерпѣж*, *могуч*, *крепость*. Отсутствуя в графическом выражении, они присутствуют в иных, не доступных для глаза признаках.

Среди небуквенных тоже имеются нулевые орфограммы. От буквенных нулевых они отличаются спецификой выражения, не

отсутствием какой-либо буквы в написании слова, а слитным, контактным написанием его частей, отсутствием пробела. К таким орфограммам относятся: 1) написания *не* и *ни* со всеми частями речи (*ненастье, неправда (ложь); неказистый, нелживый (правдивый); некто, никто, никакой; ненавидеть; ненавидящий взгляд, незакончившееся собрание* (нет зависимых слов и противопоставления); *недоумеая; нелепо, невесело (грустно); некуда, никуда*; 2) слитные написания предлогов, образованных от наречий и от существительных с предлогами: *выйти навстречу гостям, стоять напротив окна; задержаться ввиду грозы, узнать насчёт экзамена; вследствие*; 3) слитные написания союзов *также, тоже, чтобы*.

Если к пяти нулевым буквенным прибавить тринадцать нулевых небуквенных, то вместе они составят 25,7 процентов от 70, общего количества изучаемых в школе точек применения правил. Как научить школьников видеть то, чего в принципе невозможно увидеть, а, следовательно, и нельзя подчеркнуть? Однако в школе подчёркивают буквы, слева и справа стоящие от орфограммы: *кончат, неряшливый, ненавидеть*. Сама же орфограмма, находящаяся между этими буквами, не подчёркнута. Это мешает учащимся понять, что такое орфограмма и неорфограмма, приводит, строго говоря, к фактическим ошибкам, выделению букв, не являющихся орфограммой, тормозит в конечном счёте успешное формирование орфографической зоркости.

4. Функционирование органов зрения или слуха при обнаружении орфограмм сопряжено с интеллектуальными действиями. Приведём по этому поводу слова двух авторов: «Глаза, в сущности, – мозг, вынесенный на поверхность человеческого лица» [Гефтер 1990, 18]; «Свежесть взгляда и зоркость связаны не с остротой зрения или особенностями сетчатки, а являются качествами мышления, потому что человек видит не только с помощью глаза, но главным образом с помощью мозга» [Лук 1978, 6].

Таким образом, орфограмму можно реально или мысленно увидеть или услышать, ощутить в мускульном движении органов речи или руки, обнаружить путем лингвистических рассуждений. Не для каждой орфограммы нужна опора на все перечисленные механизмы орфографической зоркости, но без этого перечня трудно обойтись.

Итак, будем различать узкое и широкое понимание исследуемого термина.

Орфографическая зоркость, в её узком понимании, – это способность, умение, навык быстро обнаруживать в чужом и своём тексте орфограммы и орфографические ошибки на основе различных видов памяти и лингвистических рассуждений. Некоторые авторы к орфографической зоркости относят и умение определять типы орфограмм [Теория 2005, 187]. Но такое умение опирается в большей степени на прочные знания. Можно найти орфограмму и ошибку, но не суметь причислить их к тому или иному типу. Поэтому указанное умение мы включим в широкое понимание орфографической зоркости. Тогда орфографическая зоркость, в широком её понимании, – это способность и умение, навык быстро обнаруживать как орфограммы, так и ошибки, свои и чужие, и умение определять их типы.

Как видим, термин «орфографическая зоркость» является не речевой, а языковой метафорой, не тропом, призванным сделать речь более образной, а «формой мышления» [Чудинов 2001, 10], «инструментом познания» [Галкина 2004], значит – средством постижения сложного механизма формирования орфографической грамотности, относящегося к языковому сознанию во всей сложности этого феномена.

5.3.2 Спонтанное усвоение орфографических правил *

Если находиться на позициях «антропоцентрической» лингвистики, то нас не может не интересовать то, каким способом каждый человек овладевает правилами орфографии и каким образом пользуется ими в своей письменно-речевой деятельности, т. е. при письме и чтении.

Мы полагаем, что существует два, по крайней мере, пути освоения орфографических правил – в одних случаях они осваиваются логическим путем, что предполагает их обязательное описание (кодификацию) и так называемое «актуальное сознание» (термин

* Работа выполнена в рамках исследований детской речи при поддержке РФФИ (гранты № 00-1509885 и № 97-06-80333); первая версия под названием «К вопросу о возможности спонтанного усвоения орфографических правил» опубликована в сборнике «Человек пишущий и читающий: проблемы и наблюдения. Материалы международной конференции (Санкт-Петербург, 14–16 марта 2002 г.)» (СПб, 2004. С. 30–39).

А. Н. Леонтьева – [Леонтьев 1947, 20]). В других же случаях (гораздо более многочисленных, чем это может показаться на первый взгляд) человек осваивает их самостоятельно, спонтанно, в процессе собственной речевой деятельности, при этом большую роль играет опыт не только и не столько письма, сколько чтения.

Очевидно, можно условно говорить о двух разрядах правил – одни из них определить как правила «первого эшелона» (речь идет о правилах, осваиваемых самостоятельно, неосознанно), вторые – как правила «второго эшелона», связанные с необходимостью их актуального сознания, предполагающие определенные размышления при выборе того или иного решения. Разумеется, граница между теми и другими у каждого человека своя; люди, наделенные так называемым «языковым чутьем», способны осваивать эмпирическим путем те правила, которые другие постигают только через описания и объяснения.

Между тем очень часто (особенно в педагогической практике) термин «правило» трактуется слишком узко – как нечто непременно подвергающееся описанию и предполагающее обязательное запоминание. Именно этим и объясняются всякого рода недоразумения, связанные с методиками «обучения без правил». Любая деятельность, очевидно, осуществляется по определенным правилам, просто в некоторых, достаточно при этом многочисленных, случаях существует возможность их спонтанного усвоения, основанного на тех способах категоризации языковых явлений, которые вырабатываются каждым индивидом самостоятельно. При использовании правил в этом случае степень осознаваемости самого процесса выбора решения сводится к минимуму.

Большая часть орфографических правил (как, заметим, и почти все правила графики) вообще никогда не подвергалась кодификации и даже не нуждается в ней (по крайней мере, для носителей данного языка как родного). Это оказывается реальным именно потому, что существует возможность их спонтанного усвоения. Эти правила постигаются на начальном этапе освоения грамоты, и в большинстве случаев их использование (мы не касаемся случаев патологии) не вызывает сложностей у пишущих, поэтому мы и не замечаем самого их существования.

Вспоминается известное и часто цитируемое высказывание С. Эрвин-Трипп относительно того, что «для того, чтобы стать носителем языка, <...> нужно овладеть <...> правилами. Это значит,

что нужно научиться вести себя так, как будто ты знаешь правила» (цит. по: [Слобин 1976, 106]). В этой фразе многозначенно слово *знаешь* – автор стремится разграничить два *знания* – практическое пользование и теоретическое осмысление. Мы убеждены, что на уровне практического пользования значительная часть орфографических правил доступна ребенку-первокласснику, еще незнакомому с какой бы то ни было лингвистической терминологией. Эти правила даже не переходят в «светлое поле сознания», поскольку к моменту сознательного освоения языкового механизма оказываются так прочно освоенными, что не нуждаются в формулировании, экспликации.

Что же такое прочное освоение? Мы понимаем под ним интериоризацию, свертывание, связанные с автоматизацией процесса письма. Высшая степень освоения правила – это, видимо, полное исчезновение соотнесенной с ним мыслительной операции. Человек не рассуждает: «Я напишу *скаЗка*, потому что – *скаЗать, рас-скаЗать*. Просто он уже не может написать иначе – графическая оболочка той или иной языковой единицы стала достоянием его сознания, сформировался некий графический образ данной языковой единицы. Очевидно, все морфемы осваиваются гештальтно, но при этом ребенку приходится учиться преодолевать звуковое варьирование алломорфов, воспроизводить морфему в ее единственном графическом облике, не зависящем от позиционных и комбинаторных чередований. В результате переработки опыта чтения и письма, а во многом – и в результате создания и упорядочения ментального лексикона, структурирования его особым (прежде всего – грамматическим) образом, создается нечто, что в работах предшествующих лет мы называли **внутренним графическим лексиконом**, а сейчас предпочли бы говорить не об особом ментальном лексиконе, отделенном от устного, но скорее о **графической репрезентации единиц устного ментального лексикона**.

Остается не до конца ясным, в какой степени совпадают единицы устного и графического лексикона – очевидно, тут нет полного изоморфизма. Но сейчас уже можно предположить, что некие интуитивно выработанные представления о единстве морфемы в отвлечении от конкретных ее звуковых разновидностей могут создаваться даже независимо от освоения чтения и письма, на самых ранних, «бесписьменных», стадиях построения ребенком собственной языковой системы. Однако, когда ребенок включается в пись-

менно-речевую деятельность, начинает читать и писать, единство графического облика морфемы, безусловно, закрепляется.

Таким образом, графический ментальный лексикон можно рассматривать как нечто вторичное по отношению к устному ментальному лексикону. У не владеющих грамотой людей, у детей, еще не выучившихся читать и писать, может существовать только устный лексикон, но возникновение и функционирование второго, письменного, во многом предопределено особенностями и способом организации (прежде всего – грамматической) первого, т. е. устного, лексикона. В отличие от «устного» ментального лексикона, «письменный» существует в виде определенных графемных сочетаний, манифестирующих слова, морфемы, слоги.

Очевидно, у каждого носителя языка имеется собственный внутренний графический лексикон, и доступ к нему также у каждого свой, он связан во многом с так называемой ведущей модальностью – один обращается к зрительному (точнее – спеллинговому) образу слова, другой ориентируется на его звуковую форму, третий напоминает движения руки при письме.

Важным является вопрос о том, каковы же единицы этого внутреннего ментального лексикона и каким образом они функционируют в процессе выбора графического решения, т. е. способа кодирования словоформы. Это связано с проблемой ее сегментации. Любая словоформа, как известно, представляет собой совокупность определенных морфем. Вместе с тем, любая словоформа предстает и как некий звуковой комплекс, представляющий определенную последовательность слогов.

Эта двойственная структура словоформы, предполагающая два разных способа ее членения, рассчитана на использование по отношению к ней двойной системы правил письма – правил графики и правил орфографии. В пределах компетенции графики – установление соответствий между фонемами и графемами безотносительно к значению языковых единиц. Графическими правилами предопределяются способы передачи определенных фонем и фонемных сочетаний – согласных со следующими за ними гласными, звука [j]. Установлением фонемно-графемных сочетаний в пределах значимых единиц – морфем и слов – ведает орфография.

Таким образом, пишущий сталкивается с необходимостью двойного членения одного и того же звукового комплекса – в зависимости от того, какая задача стоит перед ним. И в том, и в другом

случае работают ассоциативные механизмы, ведущие к аналогиям и основанные на опыте не только и столько письма, сколько чтения. О роли чтения в освоении правил письма первым со всей определенностью писал А. Н. Гвоздев, полемизируя с некоторыми своими современниками, утверждавшими, что не существует сколько-нибудь существенного влияния чтения на орфографию [Гвоздев 1934]. При этом он опирался не только на разнообразные проведенные им эксперименты, но и (что для нас в данном случае не менее существенно) на анализ письменных текстов одного ребенка, овладевшего многими орфографическими правилами самостоятельно: «Едва ли может быть сомнение, что основным фактором, обусловившим в данном случае правильное письмо разнообразных и достаточно сложных случаев правописания, обычно дающих многочисленные ошибки, является чтение» [Там же, 15].

Грамотный человек – это человек прежде всего с богатым графическим лексиконом, доступ к которому в каждом случае не представляет для него труда. В этом лексиконе хранятся образы слогов и морфем, а также морфемных сочетаний. Если такой лексикон создается у ребенка рано и без видимого структурированного обучения, обычно говорят о так называемой «врожденной грамотности».

Мы думаем, что дети сами строят собственную систему письма – подобно тому, как они строят грамматическую систему при опоре на получаемый ими речевой инпут. Они осваивают эмпирическим путем практически все правила графики (кроме единичных исключений) и очень многие правила орфографии. «Структурированное обучение», грубо вторгаясь в этот процесс, подчас оказывает отрицательное воздействие, деформируя стихийно складывающуюся индивидуальную языковую систему ребенка. Очевидно, даже в целях чисто практических необходимо знать, каким образом ребенок самостоятельно осваивает правила письма.

В свое время, в 30-х гг., такие исследования начал А. Н. Гвоздев – он первый обнаружил, что методика обучения правописанию, принятая в школе (им проанализированы учебники того времени), никак не связана с закономерностями освоения ребенком орфографических навыков. Он первый в России осуществил экспериментальное изучение освоения орфографии, при этом его интересовало не только «сознательное», но и «стихийное» освоение правил письма. Очевидно, помощь детям в освоении правил письма будет

тем успешнее, чем больше она коррелирует с процессами спонтанного («стихийного») освоения правил.

Экспериментальные исследования. В исследовании, посвященном процессу усвоения письма в норме и при патологии, мы осуществили ряд экспериментов, целью которых было выяснение того, какие из орфографических правил ребенок в состоянии освоить спонтанно, без помощи взрослых, и какие этапы проходит на этом пути.

Один из экспериментов заключался в том, что дети должны были выбрать способ графической передачи фонемы /а/ в слабой позиции, второй был посвящен выяснению способов передачи на письме фонемы /и/ (тоже в слабой позиции). Оба текста состояли из отдельных предложений. В них содержались разные орфограммы, представляющие целую серию орфографических правил: правописание безударных гласных в корне, как проверяемых, так и непроверяемых ударением³, правописание суффиксов наречий, окончаний существительных в пяти падежных формах, окончаний прилагательных, как полных, так и кратких, и др. Никакие из орфографических правил, которые надо было применить, к этому моменту не были пройдены детьми (было изучено лишь правило проверки безударной гласной в корне, но именно на это правило и было допущено наибольшее количество ошибок). В эксперименте участвовали учащиеся 1–2–3-х классов школы и группа дошкольников. Тексты зачитывались (по предложениям), затем дети вставляли пропущенные гласные.

Проанализировав осуществляемый детьми выбор графем в первом и втором эксперименте, мы пришли к следующему выводу: большая часть орфографических правил, применяемых детьми при выборе написаний в начальных классах средней школы, осваивается ими эмпирическим путем и практически не имеет отношения к изучаемым в школе правилам.

Осваивая письмо, дети проходят ряд закономерных этапов.

Первый этап – письмо при опоре исключительно на звучание (фонетическое письмо); при этом буквы используются в их основных (алфавитных) значениях, в нашем случае это проявлялось в

³ Забегая вперед, скажем, что фактор проверяемости существенной роли не сыграл: в корнях с проверяемыми гласными ошибок оказалось не меньше, чем в словах с непроверяемыми.

предпочтении *А* и *И*. Морфемный статус на этом этапе не играл сколь-нибудь существенной роли.

Второй этап – письмо при опоре на морфологический принцип, но применительно лишь к некоторым, отчетливо идентифицируемым морфемам – флексиям существительных, суффиксам наречий, окончаниям кратких и полных прилагательных. Можно говорить о том, что некоторые единицы ментального лексикона получают на данном этапе свою нормативную графическую репрезентацию. Процесс практического освоения морфологии, который начинается еще на втором году жизни и в основном (для устной формы речи) заканчивается к трем годам, получает свое закрепление в освоении нормативного способа графической репрезентации прежде всего флексий.

В дальнейшем происходит распространение морфемного принципа на правописание не только флексий, но и корневых морфем.

Если пользоваться терминологией Л. Р. Зиндера [Зиндер 1996, 21], дети начинают с использования основного аллографа, а потом уже переходят к второстепенным.

Переход от основного аллографа к второстепенным отчасти расшатывает первоначально сложившиеся звуко-буквенные соответствия, приводя к случаям так называемой гиперкоррекции; однако гиперкоррекция не затрагивает написания окончаний и большей части суффиксов, что говорит о достаточно прочном освоении их графического облика, а именно о том, что эти аффиксы уже стали достоянием внутреннего графического лексикона.

Лучше всего осваивается детьми правописание предлогов. При этом не играет роли возможность опереться на сильную позицию. Очевидно, это объясняется их краткостью, возможностью гештальтного освоения.

Легко осваивается правописание окончаний прилагательных (как полных, так и кратких) – без всякого специального научения.

Если иметь в виду правописание корней, то корни с *А* представляют для детей школьного возраста большую сложность, чем корни с *О* – они гораздо чаще меняют *А* на *О*, чем наоборот. Это кажется очень странным, но лишь на первый взгляд. Очевидно, отступления от адекватно-фонемного написания можно рассматривать как проявление своего рода гиперкоррекции. В дошкольном возрасте тенденция иная – использовать *А* во всех случаях.

Несколько иное распределение в выборе между *Е/И/Я*. Наблюдается относительное равновесие выбора между *Е* и *И* (как в случае ошибочных написаний, так и в случае правильных). Что касается *Я*, то эта буква уверенно используется детьми для передачи флексии именительного падежа (*яблонЯ*).

Фактор проверяемости до определенного времени не играет сколько-нибудь существенной роли при написании корней, но, видимо, интуитивно используется при написании флексии (*девочкой* как *стеной*).

На начальных этапах (у дошкольников) отчетливо прослеживается тенденция опоры на ударный слог той же словоформы, т. е. в альтернативной ситуации ребенок склонен выбирать ту же гласную, которая имеется в ударном слоге, что, очевидно, можно рассматривать как проявление внутрисловного прайминга (т. е. дети склонны писать *кОровы, сАбака*).

Наибольшее число ошибок в корнях с *А*, наименьшее – во флексиях с *О*.

В дошкольный период и в начальной школе ребенок активно осваивает сначала слоговой (это остается за пределами рассмотрения в данной работе), а затем и морфологический принцип письма – самостоятельно и независимо от школьного обучения. При этом первое осознаваемое им членение словоформы есть членение «основа – флексия». Правописание флексий существительных, прилагательных и глаголов (не касаемся пока личных окончаний глаголов настоящего и будущего времени) – самое простое для усвоения. Основа до определенного момента в сознании ребенка остается нечленимой, затем, видимо, происходит членение, но каждая словоформа членится с разной степенью легкости – это зависит от многих факторов – от степени семантической выделенности корня, от морфотактической прозрачности (совпадения границ слогов и морфем), от частотности морфем и т. п.

Истинная грамотность определяется не дисциплинированным соблюдением изложенных в учебнике или какой-либо другой книге правил, но умением сделать правильный выбор в альтернативной ситуации, под которой мы понимаем такую ситуацию, когда графика предоставляет в распоряжение пишущего два или несколько вариантов передачи определенной фонемы и лишь на уровне орфографии определяется нормативность одного из них. Таких ситуаций намного больше, чем кажется на первый взгляд, и любой чело-

век сталкивается с ними раньше, чем узнает о существовании орфографии как таковой. Более того, мы совершенно убеждены в том, что значительная часть правил вообще эксплицитно не изучается, а осваивается чисто эмпирическим путем. Об этом наглядно свидетельствует практика детского письма.

Мы считаем, что именно эта способность к эмпирическому освоению правил и лежит в основе того компонента речевой способности, которую мы можем условно назвать письменно-речевым (понимая под этим компонентом способность к порождению письменных текстов в соответствии с существующими нормами). Мы совершенно убеждены в том, что каждый ребенок строит сам не только базовую языковую систему, воплощенную в устной речи, но и так называемую письменно-речевую систему.

Думается, что дизорфография в таком случае может быть, по видимому, определена как специфическое нарушение письма, проявляющееся в отсутствии способности человека самостоятельно строить свою собственную графико-орфографическую систему на основе анализа получаемого им письменного и устного инпута. Напротив, тот, кто без труда и без видимой помощи других людей в состоянии сделать это, и есть человек, которого мы называем «абсолютно грамотным», говоря о феномене так называемой «врожденной грамотности».

Процесс использования орфографического правила постепенно автоматизируется, уходит из «светлого поля сознания», складывается так называемый «внутренний графический лексикон», в качестве единиц которого выступают звуковые комплексы, представляющие морфемы, в некоторых случаях – отдельные лексемы и словоформы.

Изучение соотношения детских нормативных и ненормативных написаний представляет интерес и с собственно теоретических позиций. Ненормативные написания являются разновидностью так называемого «отрицательного материала», на необходимости изучать который указывалось [Щерба 1931, 33]. Для лингвиста открывается интереснейшая возможность выявить реальную систему орфографических правил, часть которых, возможно, еще не попали в поле зрения специалистов-теоретиков. Исследование закономерностей этого «стихийного» освоения правил письма позволяет обнаружить иерархию правил как в сфере графики, так и в сфере орфографии, разграничить основные (базовые) правила и частные правила, а также вы-

явить отклонения от тех и других. В этом смысле очень важно изучение самой последовательности «стихийного» освоения правил, вскрывающей их внутреннюю организацию.

Важность изучения этого материала для педагогов и дефектологов настолько ясна, что нет необходимости ее доказывать. В целом мы присоединяемся к точке зрения Н. Д. Голева, убедительно аргументированной в его работах (см., напр., [Голев 1997; 2004]), относительно возможностей так называемой интуитивной орфографической деятельности, связанной с тем, что он называет морфемно-деривационной языковой базой. Несмотря на значительные терминологические различия, общие результаты исследований, проводимых у нас Санкт-Петербурге [Кузьмина 2005], в Москве [Богомазов 2000] и Барнауле, совпадают, что косвенно говорит в пользу их объективности.

5.3.3 Орфография мягкости в опыте первоклассника

Трудности освоения правил письма и динамику становления орфографических норм можно выявить, изучив детские спонтанные записи и тетради первоклассников. Материалом нашего исследования стали тексты письменных заданий, диктантов, а также самостоятельные записи первоклассников, полученные в ходе эксперимента, проводившегося на протяжении первого полугодия (от первых дней ребёнка в школе до окончания периода обучения грамоте). В эксперименте приняли участие ученики трёх первых классов Великого Новгорода (68 человек). Представим наблюдения над тем, как ребёнок-первоклассник осваивает правила письма, остановившись на примере передачи на письме мягкости согласных.

Теоретически эксперимент основан на положениях современной лингводидактики, выдвигающей в основу слоговой, или буквосочетательный принцип русской графики. Суть этого принципа состоит в том, что единицей письма и чтения являются не отдельно взятые буквы, а сочетание букв: фонемное соответствие букве может быть установлено только с учётом её окружения, то есть соседних букв. Слоговой принцип графики определяет две её особенности: обозначение на письме твёрдых и мягких согласных фонем и фонемы <j> [Русский язык 2005, 429].

Учитываются также данные диссертационных исследований, где, в частности, утверждается: «Многообразие способов графической репрезентации фонем, с одной стороны, является существенным достоинством системы русского письма, поскольку позволяет ему быть экономичным, однако, с другой стороны, осложняет её освоение» [Кузьмина 2005, 10].

Пишущий, как мы понимаем, должен учитывать, во-первых, алфавитные правила письма, во-вторых, – графические правила, устанавливая соответствие фонемы как букве (графеме), так и её окружению, и, в-третьих, – учитывать ограничения, накладываемые на графические правила случаями отступления от слогового принципа. Естественно, что столь сложная система кодирования письма сопряжена с многочисленными трудностями, особенно в начальные периоды её освоения.

Что же показал проведенный нами эксперимент?

Записи, сделанные детьми в период спонтанного освоения правил письма, свидетельствуют о том, что первыми постигаются алфавитные правила. Дети, освоившие буквы самостоятельно, чаще всего передают мягкие согласные фонемы так же, как и твердые (*мата* вместо *мята*, *вишна* вместо *вишня*, *лук* вместо *люк*) или реже маркируют мягкие согласные с помощью мягкого знака (*мьата* вместо *мята*, *вишня* вместо *вишня*, *льук* вместо *люк*). На этом этапе при передаче мягкости/твёрдости согласных дифференциация отсутствует, так как ребёнок использует единицу письма, состоящую только из одного графического знака. Этим правилом дети руководствуются на самом раннем этапе освоения письма (в дошкольный период и в первые дни пребывания в школе).

В добуквенный период обучения грамоте дети знакомятся с графическими схемами слогов, в составе которых есть твёрдые или мягкие согласные. В связи с этим в записях первоклассников появляются единичные примеры обозначения мягких согласных соответствующими гласными буквами. При этом даже один ребенок через определенные промежутки времени может выбрать два и более варианта обозначения мягких фонем : *завял – завал – завьял – завьял*; *мяч – мач – мьяч – мьяч*; *няня – нана – няняня – ньанья* и т. п.). С началом буквенного периода обучения грамоте намечается тенденция к нормативной передаче мягкости согласных посредством следующей буквы, то есть в освоении письма наступает второй этап – освоение графических правил. На этом этапе ребёнок, пости-

гая буквосочетательный принцип, постепенно отказывается от элементарного фонемно-графемного письма. При маркировке мягких согласных первоклассник в первую очередь исключает написания типа *мьяч, мьач, ньянья, ньанья*, однако написания *мач* вместо *мяч*, *нана* вместо *няня* и т. п. всё ещё продолжают отмечаться.

Переход от фонемно-графемного письма к буквосочетательно-му сопровождается «псевдонормативными» написаниями, типа – *чудо, чай, часто, щюка, лыжы, живу, мышы*, свидетельствующими о том, что ребёнок уже знаком с правилами отображения на письме мягкости согласных, что он осознаёт наличие определенных взаимоотношений языковых единиц и стремится отразить соответствие означаемого и означающего при передаче на письме твёрдости/мягкости согласных фонем. Поэтому функция гласных букв как маркеров мягкости распространяется на обозначение всех фонем, независимо от того, входят они в коррелятивные пары по твердости/мягкости или нет.

Освоение правил передачи на письме согласных, <ж>, <ш>, <щ> и аффрикат <ц>, <ч>, не входящих в коррелятивные пары по твердости/мягкости, – следующий этап освоения правил письма, и он сопряжен с многочисленными трудностями. Диктанты, проведенные в ходе эксперимента, показали, что первоклассники делают большое число ошибок при обозначении на письме согласных, не имеющих пар по мягкости/твёрдости. В словах с буквосочетаниями *жи* и *ши*, *ча* и *ща*, *чу* и *щу* около половины наших испытуемых допустили ошибки: *душыстой, живут, журчат, часто, чудные, щюка*. Ненормативное обозначение происходит из-за того, что в формирующейся системе письма маркировка твердости или мягкости, то есть графические правила, оказываются более значимыми. Ошибочные написания *шы, жы, чю, чя, цу*, с точки зрения ребенка, соответствуют осваиваемому им слоговому письму (слоговому принципу русской графики) [Степанова 2007, 109].

Ограничения в обозначении согласных, накладываемые на графические правила случаями отступления от слогового принципа, простираются в область орфографии. Однако самая первая и, казалось бы, самая простая орфограмма осваивается ребенком с трудом. Это происходит на протяжении длительного периода, иногда даже нескольких лет. Ошибки, природа которых не учитывает ограничения слогового принципа русской графики, встречаются в работах

учеников второго, третьего и четвёртого классов: *душыстой, чяца, зажужжыт, услышышь, засвищют* [Там же, 230, 234, 239].

Таким образом, устанавливая иерархию освоения правил письма, можно говорить о том, что алфавитные правила (фонематический принцип) осваиваются ребенком спонтанно; графические правила (слоговой принцип) – в первом классе в период обучения грамоте; написания, ограниченные отступлениями от слогового принципа, осваиваются на протяжении нескольких лет. Взрослый человек с его автоматическими навыками письма на родном языке не ощущает сложности принципов русского письма, первоклассники же проходят все этапы его освоения с приобретениями и потерями.

5.3.4 Изменение орфографии в восприятии современного общества⁴

Тема «Принципы русской орфографии» традиционна для вузовского курса современного русского литературного языка. В рамках этой темы весьма интересным и перспективным может быть обращение к проекту нового свода правил, который был подготовлен орфографической комиссией в Академии наук под руководством профессора В. В. Лопатина [Правила 2007]⁵. Несмотря на то, что работа над проектом приостановлена, знание и понимание данной проблемы студенту-филологу и учителю-словеснику крайне необходимы, поскольку, с одной стороны, позволит иначе увидеть языковые преобразования рубежа веков, с другой, – оптимизирует лингвометодическую работу по формированию правописной компетенции школьников.

Итак, цель занятия – изучить проект нового свода правил, а также с различные точки зрения по поводу его содержания и необходимости введения, чтобы выработать собственную позицию. На занятии, в котором принимают участие студенты-филологи, учителя-словесники, учёные-филологи и методисты, предлагается пакет ма-

⁴ Первая версия материала в виде статьи «О новом своде правил в контексте преподавания методики русского языка будущим учителям-словесникам» опубликована в журнале «Русский язык в школе» (2007. № 3. С. 101–103).

⁵ В данной публикации я не высказываю свою позицию по данному вопросу, поскольку не собственно проект предмет моих размышлений.

териалов: проект нового свода правил, публикации (пресса, мнение пользователей Интернета, дискуссии руководителя комиссии, а также её членов).

Занятие представляет собой деловую игру-тренинг с использованием направляемой дискуссии, посвящённой полемике, которая развернулась вокруг новой редакции правил. Легенда игры – «Второй раунд работы орфографической комиссии» над новым сводом правил орфографии и пунктуации. Студенты и учителя образуют две группы участников дискуссии. Преподаватели выступают в качестве организаторов, консультантов и арбитров.

В основу дискуссии ложится бинарная оппозиция «за – против», возникшая в ходе общественного обсуждения проекта. В начале формулируются вопросы:

Что вы знаете о новом своде правил?

Как вы относитесь к необходимости изменений в существующей системе орфографии и пунктуации?

Далее, в процессе постановки учебной задачи, мы акцентируем внимание на том, что учитель-словесник обязан иметь собственную позицию, и его мнение должно быть подкреплено фактами. На этом этапе следует познакомить студентов и учителей с результатами анкетирования, проведённого автором настоящего исследования с целью выяснить информированность педагогов и студентов о проекте, а также их отношения к предлагаемым нововведениям.

В анкетировании приняли участие учителя Санкт-Петербурга и Ленинградской области (31 человек), преподаватели ЛГУ им. А. С. Пушкина, РГПУ им. А. И. Герцена, СПбГУ и педиатрической академии (27 человек), студенты указанных вузов и СПбГУП (140 человек). При обработке результатов учитывалась специальность респондентов (в таблице это обозначено, как: филологи – *ф.*, нефилологи – *др.*).

Первый вопрос анкеты «Как часто Вы пользуетесь орфографическим словарём?»⁶:

⁶ Попутно отмечу, что некоторые студенты на занятии были удивлены: с какой целью задавался этот вопрос? К этому мы возвращаемся позднее: в процессе дискуссии пытаемся установить взаимосвязь между тем, испытывает ли человек необходимость пользоваться справочной литературой, т. е. к самоконтролю в области правописания, и принятием или отрицанием возможных изменений в русской орфографии и пунктуации.

Респонденты	Варианты ответов							
	нет, %		редко (иногда), %		часто, %		по необходимости, %	
	Ф.	Др.	Ф.	Др.	Ф.	Др.	Ф.	Др.
учителя	4,5	20	38	20	29	50	28,5	10
преподаватели	0	0	22	39	11	39	67	22
студенты	0	14,5	36	61	37	10	37	14,5

Очевидным является осознанное использование (по необходимости) словарей филологами. В то же время, настораживает отсутствие потребности в словаре некоторых учителей и студентов. Интересно, что чем выше языковая компетентность студенческой аудитории, тем больше у неё потребность в орфографическом словаре.

Второй вопрос анкеты «Что Вы знаете о работе над новой редакцией правил русского правописания?»:

Респонденты	Варианты ответов							
	ничего, %		изменение и отмена правил (упрощение, «писать, как слышим», «жиши» с «бы», исключить знаки препинания, изменить некоторые правила и т. п.), %		что-то слышали (обсуждается в прессе, Думе, специалистами и др.), %		знаю факты: знаком с проектом и его обсуждением, %	
	Ф.	Др.	Ф.	Др.	Ф.	Др.	Ф.	Др.
учителя	38	60	33,5	20	24	20	4,5	0
преподаватели	22	44	0	28	56	28	22	0
студенты	36	50	34	21	37	29	3	0

Как видим, только преподаватели-филологи не говорят об упрощении языка и отмене правил. Поразительно, что такое представление преобладает у учителей-словесников и будущих учителей, а ведь в XIX веке именно учительство было одной из важнейших движущих сил в борьбе за реформу орфографии [Григорьева 2004, 153–206]. Удручает и тотальное незнание фактов, касающихся проекта, респондентами-нефилологами, несмотря на то, что он активно обсуждался в СМИ.

Третий вопрос анкеты: «Нужны ли изменения в действующем своде правил? Почему?»:

Печальным, на наш взгляд, является равнодушное отношение многих учителей к проблеме. Но именно филологи (учителя и преподаватели) отметили необходимость изменений, указав при этом на сложность существующих правил и на необходимость взвешенных решений при подготовке новых.

Сопоставляя результаты ответов на первый и третий вопрос, можно обнаружить одну неутешительную закономерность: 20% учителей-нефилологов вообще не пользуются орфографическим словарём, столько же не интересуется судьба русского правописания, 60% считают, что изменения не нужны.

Респонденты	Варианты ответов									
	нет ответа		не нужны				нужны			
	не думали вообще об этой проблеме, «меня это не волнует», %	не могут определиться с окончательным ответом, %	«путаница», «всё устоялось», «бороться за чистоту языка», «Кому это нужно?», «можно выучить, «нет» без объяснения причин и т. п., %		проблемы новых учебников, экзаменов, подготовки кадров, изменения несовершенны, %		много исключений, сложная пунктуация, «жизнь меняется», язык развивается, нужны, но более продуманные, %			
	Ф.	Др.	Ф.	Др.	Ф.	Др.	Ф.	Др.	Ф.	Др.
учителя	0	20	9,5	0	34	60	9,5	0	47	20
преподаватели	0	0	0	33	33	33	0	6	67	28
студенты	0	10	5	6	62	50	3	3	30	31

После анализа результатов анкетирования аудитория делится на две группы. При этом мы моделируем реальную ситуацию: например, оппонентами становится группа депутатов, которая противостоит новому проекту в Думе: *«При взвешивании слезинок замученных школьников справедливо было бы бросить на другую чашу весов психическую травму грамотных, любящих язык взрослых людей»* (Борис Жуков, журналист), и члены орфографической комис-

сии: «Новая редакция правил русского правописания – не каприз лингвистов, а веление времени» (В. В. Лопатин, председатель орфографической комиссии). Группы изучают проект нового свода правил и публикации, затем готовят вопросы, отражающие точку зрения, противоположную той, которая отстаивается в предложенных им материалах, в результате чего разворачивается дискуссия, направляемая преподавателями. В процессе дискуссии участники игры фиксируют все вопросы, аргументы и контраргументы и пытаются сформулировать свою точку зрения по данной проблеме.

Другая важная задача, решаемая на занятии: студенты-филологи и учителя-словесники осознают, что уважающий себя образованный человек, тем более учитель, не может оперировать мнением «нравится – не нравится», не основанным на фактах.

Описанный вариант организации занятия, реализующий технологию игрового моделирования, способствует продуктивному формированию и становлению лингвометодической компетентности участников образовательного процесса. Педагогический анализ занятия в конце деловой игры станет основанием для её использования в школьной практике учителя русского языка и литературы.

После занятия студенты получают задание к экзамену: сформулировать собственную аргументированную точку зрения по данному вопросу. Некоторые студенты написали эссе, в которых высказали свою позицию.

Представлю наиболее показательные работы выпускников филологического факультета ЛГУ им. А. С. Пушкина:

1. *Я считаю, что проект нового свода правил необходимо реализовать на практике. Во-первых, данный проект является не реформой русского правописания, а модернизацией, т. е. основная масса правил останется в неизменном виде. Новый свод делает систему современных правил более логичной, без большого числа исключений. Следовательно, усвоение русской орфографии и пунктуации станет хоть немного легче. Но возникает другая проблема. Многие хорошие начинания ничем не заканчиваются из-за того, что изначально не были продуманы пути введения новаций. Перед внедрением нового свода правил необходимо провести консультации со всеми заинтересованными сторонами (учителями, филологами, журналистами, издателями и др.), узнать их мнение, услышать советы и рекомендации; обязательно познакомить с проектом население; продумать, как ввести свод в действие, при*

этом позаботиться о том, чтобы переход к новому был наиболее безболезненным для тех, кто учился по старому своду правил (О. Мусенко, студентка 4 курса);

2. Должна признаться, что обсуждение на занятии «реформы» орфографии, добавив фактических знаний о проблеме, все-таки не стало причиной формирования однозначного мнения о ней. В качестве своеобразного эпиграфа к данному эссе напрашивается фраза, услышанная мною еще на I-м курсе из уст преподавателя по литературе Древнего мира: «Обилие в языке варваризмов и вульгаризмов – верный признак упадка нации». Замечание, печальное из-за своей актуальности...

Лично для меня огромный пласт повсеместно употребляемых ныне слов, начиная с уже давно примелькавшегося «менеджера» вместо «управляющего», сомнительно звучат на слух и подчас чуть ли не оскорбительно выглядят в письменном виде, причем этот эффект не меняется в зависимости от написания: будь то «нэйл» или «нейл»-дизайн. На мой взгляд, подобные слова не выглядят уродливыми только будучи записанными латиницей.

Исходя из тех поправок «нового свода», которые предлагались к прочтению на занятии, я для себя решила, что наиболее значимые из них касаются именно заимствованных слов (в основном из сферы экономики, высоких технологий или обозначающих «иноземные» товары, услуги), которые уже достаточно прочно вошли в язык повседневного общения и склоняются, согласно парадигме собственно русских слов. Действительно, «узаконить» правописание этих слов необходимо. Однако возникает другой вопрос: как это сделать? Можно ли (корректно ли) в данном случае идти от практики (как самопроизвольно сложилось написание ряда слов в среде людей, которые первыми восприняли и начали их употреблять) к теории, то есть адаптировать правила русского правописания к этому «народному письму» или все-таки будет лучше подчинить новые слова принятой сегодня русской системе орфографии, то есть пойти от теории к практике?..

Не все представляется понятным и в вопросе о сфере применения будущих нововведений. Как добиться того, чтобы, например, ценники в магазинах, были написаны в соответствии с новыми правилами? Ведь то, что будет преподаваться в школах, вузах, что возьмут на заметку профессиональные корректоры, журналисты, не достигнет рядовых граждан (тех же продавцов). Или

выученная по новым учебникам норма будет сосуществовать с неграмотными надписями в общественных местах? Вообще, исключая заимствованную научно-техническую терминологию, будущая «реформа» в основном апеллирует к лексике, когда грамотное написание является не столь важным: вряд ли участники переписки обратит внимание на то, как написано – «Алка» или «Алка». В таком случае, останется сомнительным (опять же лично для меня), будет ли соответствующее новым правилам написанное на ценнике слово «плеер» являться признаком культуры нации?.. (А. Хаметова, студентка 3 курса.)

3. Слухи о возможной будущей реформе (именно реформе) русского языка были восприняты мною как еще один каприз нашего правительства. А в связи с тем, что никто даже и не пытался разъяснить эту ситуацию, то у меня, как, наверно, и у большинства россиян сложилось отрицательное отношение к такого рода нововведениям. Но знакомство с проектом нового свода правил многое объяснило. Во-первых, данный проект – не реформа всего русского языка, а лишь некоторые изменения в сторону упрощения и корректировки определённых правил. Принципы орфографии останутся на месте! Во-вторых, изменение – это не значит ломка языка, либо появление нового языка. Предлагаемые изменения делают изучение языка более доступным. На мой взгляд, проект нового свода правил – одно из доказательств нашей заинтересованности в дальнейшем развитии языка. Об этом замечательно сказал Константин Паустовский: «Истинная любовь к своей стране немыслима без любви к своему языку. Человек, равнодушный к своему языку, – дикарь. Его безразличие к языку объясняется полнейшим безразличием к прошлому, настоящему и будущему своего народа (Н. Г. Лукина, учитель-словесник).

Итак, проведенный эксперимент показал, что наряду с изучением письма необходимо активное исследование орфографического, или письменного сознания представителей разных фрагментов нашего общества, чему и будет посвящен следующий раздел нашей коллективной монографии.

5.4 МАССОВОЕ ПИСЬМЕННОЕ СОЗНАНИЕ

В центре внимания в этом заключительном разделе монографии оказывается обыденное письменно-языковое сознание, сформированное многовековым опытом владения и овладения механизмами письменно-речевой деятельности.

Существенной особенностью русской ментальности в сфере письменноречевой является значительный разрыв между стихийным овладением и владением языком, с одной стороны, и практикой обучения языку в школе, с другой стороны. С нашей точки зрения, одной из самых важных стратегических линий улучшения ментально-языковой ситуации с письменной речью в современной России является их сближение, усиление направления детерминации от первого ко второму. В таком же сближении нуждается область языковой политики (в частности, орфографического реформирования), которая нередко осуществляется под эгидой политических, культурных, образовательных «озабоченностей», но никак не потребностей повседневной письменно-речевой коммуникации.

Комплекс идей, связывающих перечисленные выше блоки, можно представить следующими тезисами.

1. Необходимость примата фундаментального (общетеоретического и конкретно-исследовательского) изучения ментально-языковой ситуации по отношению к прикладным выходам такого изучения – прежде всего школьной лингводидактике и далее языковому строительству. Иными словами, с нашей точки зрения, правильным является порядок вещей, при котором обучающие программы и реформистские предписания следовали бы из научных описаний объективных ментально-языковых тенденций.

Сказанное означает, что если бы автору доверили проводить реформу и наделили достаточными для того полномочиями, он начал бы ее с организации фундаментальных исследований тех ментально-языковых процессов, идущих в языковой системе, в повседневной речи и языковом сознании носителей русского языка и всего российского языкового сообщества, которые делают востребованными те или иные формы прикладной деятельности. Необходимость таких исследований вытекает хотя бы из того, что все их прикладные выходы неизбежно имеют своим предметом языковую и метаязыковую ментальность, и если реформаторы имеют целью

изменять ее, то они, по крайней мере, должны представлять, как она «устроена» и – главное – каковы будут следствия внедряемых новаций. То же самое касается коммуникативно-социальных (культурных) следствий. Это означает в свою очередь необходимость предшествования прикладным выходам исследований прогностического характера.

2. Говоря о фундаментальных исследованиях, мы имеем в виду прежде всего исследования, во главе угла которых стоит основополагающая функция языка – коммуникативная, которая по логике вещей и должна определять все выходы лингвистики в социальную сферу, чего явно не наблюдается в современной лингвистике, обслуживающей ее лингводидактические, культурно-речевые и «реформистские» выходы. Таковые детерминируются сейчас по большей части внешними по отношению к языку факторами. Главный коммуникативный вопрос – это вопрос о самом предназначении языка в жизни человека. От ответа на него зависит и ответ на вопрос о предназначении прикладных выходов. Вопросы типа «зачем нужно учить русский язык в школе?», «что значит совершенствовать язык?», «каковы коммуникативные следствия предлагаемых изменений?» и т. п. должны предполагать ответы с коммуникативным наполнением и ставиться в первую очередь. Этого мы пока не наблюдаем. В частности, в нашей лингводидактике по существу – то есть на деле, а не в декларациях! – не предполагается достижения цели сформировать языковую личность, способную решать многообразные коммуникативные задачи, которые ставит перед выпускниками школы современная социальная жизнь. ЕГЭ, заметим, в том виде, в каком мы их сейчас наблюдаем, лишь усиливают отрыв школьного языкового курса от коммуникативной действительности нашего могучего и прекрасного русского языка.

3. Отдельного тезиса здесь заслуживает русская орфография, которая базируется на правилах, восходящих не к коммуникативным, а к системно-языковым основаниям, применение которых возможно только с опорой на метаязыковые знания. Вследствие этого объект орфографической деятельности вычленяется из общего потока письменно-речевой деятельности как разновидности коммуникативной деятельности и становится предметом решения специальных задач, дистанцированных от главной коммуникативной функции речи. Учитывая тот факт, что освоение орфографических и пунктуационных правил занимает очень большое место в

реальном школьном курсе, нетрудно предположить, каким становится на выходе языковое сознание школьника, которое он будет носить в себе всю свою послешкольную жизнь.

Его базовой презумпцией становится явление, названное нами орфографоцентризмом, крайним (но отнюдь не редким) проявлением которого в обыденном метаязыковом сознании является отождествление русского языка с орфографией. Орфографоцентризм становится призмой, через которую ученик видит язык и, как следствие, – источником многочисленных металингвистических мифов, из которых соткано метаязыковое сознание школьника (и отчасти – учителя). Изучение этой мифологии до недавнего времени не входило в задачу теоретической лингвистики, тем самым утрачивалась возможность осуществлять прикладные формы деятельности с учетом тех ментальных реальностей, в которых они должны претворяться.

4. «Учет реальностей» – главный тезис, который определяет соотношение, с одной стороны, повседневной речевой практики и, с другой стороны, лингводидактической деятельности и языкового строительства. Модели обучения должны быть приспособлены к «реальностям» и вытекать из них. А не наоборот, как это нередко бывает. Та же орфографическая деятельность в идеале должна быть построена таким образом, чтобы органично следовать за общим процессом письменной речи, не выделяясь из нее и тем более не подчиняя себе. Последнее кажется маловероятным, однако многие факты говорят, что такое подчинение уже давно привычно для школьной «письменно-речевой жизни»; достаточно вспомнить совет ученикам, пишущим сочинения: «сомневаешься, как написать правильно, замени на более простое».

Скажем, в реальной письменной деятельности доминирует скоропись и беглое чтение. В ходе этих процессов сформировались свои закономерности, отработанные алгоритмы, отработанные в квадрильонах актов письменно-речевой деятельности усилиями глаза, руки и слуха. Они слиты воедино языковым сознанием в специфических формах письменной ментальности. Изучение этих ментально-графических процессов и включение его результатов в прикладные сферы как базовых компонентов овладения и владения языком в его письменной форме. Иными словами этот тезис может быть выражен следующим образом: механизмы естественного владения языком – основание методик обучения ему.

Именно последний аспект проблемы является основным предметом нашего раздела, в котором мы выделим лишь самые общие проявления. В сущности, будет лишь поставлена проблема массовой обыденной письменной ментальности и актуализирован вопрос о необходимости ее исследования, поскольку, по нашему мнению, вне учета особенностей данной фундаментальной категории трудно рассчитывать на серьезные успехи и в научном познании сущности письменной речи и эффективности в ее прикладных выходах в социальную сферу.

Современные процессы в письменной речи. Процессы, связывающие письмо и ментальность, подготовлены всей долгой эволюцией взаимодействия языка и мышления. Возможно, первые этапы этой долгой истории осуществлялись в те периоды, когда звуковая речь доказала свое право стать основной формой человеческой коммуникации. Не исключено, что этого права она добилась, вытеснив «молчаливый» жестовый язык. Во всяком случае, предположение об их конкуренции на заре человечества высказывалось неоднократно. «Победа» звуковой речи естественным образом унаследована теми системами письма, в основании которых лежит стремление передать в тех или иных формах звучащую речь. Единицы этих систем – графемы – в содержательном плане прямо или опосредованно восходят к явлениям фонетического уровня. Но даже при приоритете звукового письма, возникло немало систем, в частности, иероглифической, в которых наличествует гораздо меньшая зависимость от звуковой стороны речи, поскольку они стремятся к прямой связи графем и смыслов без опосредования звуко-артикуляционных детерминант.

Если это так, то сейчас мы некоторым образом наблюдаем ее продолжение, поскольку конкуренция звуковых и визуальных форм письменности обнаруживается в очень многих современных сферах речи. Любой научный или другой специальный текст (типа шахматной нотации) содержит в себе значительно (нередко подавляющее) число элементов, ориентированных только на визуальную запись и прочтение и не предполагают озвучивания. За ними следует обыденная письменная речь: онлайн-общение в Интернете, СМС-общение представляют собой симбиоз традиционного фонетического письма и символики, оторванной от звучания (типа смайликов).

В данный момент автор настоящего текста набирает его на новой клавиатуре, на которой разного рода значков-иероглифов ничуть не

меньше, чем букв и, судя по предыдущей клавиатуре, их соотношение увеличивается в пользу значков иероглифического типа.

Эффективный полигон для наблюдений за конкуренцией двух форм коммуникации представляют собой лекции-презентации. Нередко они представлены простейшей формой, в которой чтение лекции просто сопровождается показом ее письменного текста. По нашим предварительным опросам, именно он становится для большинства студентов **основным** каналом информации. Если такая тенденция усилится, то читать лекции будет студент, а преподаватель – их будет показывать, сопровождая показ звуковым комментарием как дополнительным (выразительным) способом передачи информации. Тем самым разорвется многовековая этимологическая связь слова *лекция* с латинским *lectio* «чтение».

Весьма своеобразным является также такой полигон, как передача иноязычных слов и выражений на родном языке, которая осуществляется в двух формах: транскрипции (передачи звучащего слова звукобуквами) и транслитерации (передачи написанного слова буквами). Первый способ ориентирован на слух, второй – на зрение. Можно задаться вопросами: правомерно ли говорить о преимуществах одного способа перед другим, каковы тенденции в их соотношении, какой способ предпочитают рядовые носители языка в обыденных ситуациях, которые встречаются все чаще в связи с потребностью международного СМС-общения, компьютерного общения, для чего создаются специальные программы и клавиатуры и в связи с чем возникает немало прикладных проблем; ср. дискуссию на эту тему, ведущуюся на Лингвофоруме в Интернете. Судя по всему, и здесь мы наблюдаем некоторое усиление транслитерационной тенденции, связанной с преимуществами отвлечения от звукового субстрата письменной речи. Это неоднократно отмечали участники вышеназванного Лингвофорума. Эти преимущества Д. И. Ермолович иллюстрирует таким примером:

«Небольшая группа итальянских туристов плыла на теплоходе по Женевскому озеру и, руководствуясь путеводителем на итальянском языке, планировала сойти с него у населённого пункта Pully, название которого они произносили как [пулли]. За несколько минут до подхода к причалу капитан объявил об этом по громкоговорящей связи и предложил пассажирам подготовиться к выходу. Однако по-французски название этого населённого пункта произносится как [пюи], и итальянцы не отреагировали на объявле-

ние. Только когда теплоход пришвартовался и они увидели на причале табличку, на которой это название было написано, они в спешном порядке стали покидать судно» [Ермолович 2001, 15-16].

Буквенный знак (особенно универсальных графико-алфавитных систем типа латиницы) стремится к независимости от бесконечно варьируемого звукового субстрата и в этом стремлении обнаруживает более сильные генерализующие возможности, сохраняя при этом способности выделения и узнаваемости. Идея самостоятельности письменной речи по отношению к звуковой хорошо известна лингвистике, однако есть все основания полагать, что она не стала в ней «теориеобразующей». Еще Ф.де Соссюр заметил, что «язык и письмо суть две различных системы знаков» [Соссюр 1977, 62]. Это означает, что суть языкового знака не только ассоциация понятия и акустического образа [Там же, 49, 99 и др.], но и в «ассоциации понятия и графического образа» и что они могут существовать вполне независимо друг от друга (иллюстрации функциональной возможности такой независимости, способной обслуживать естественные языки – в системах иероглифического письма). Пример показывает также, что усиление функциональности графической семиотики сопряжено с усилением целостного (не поэлементного) восприятия, узнавания (идентификации) и интерпретации словесного знака. Об этом аспекте письменной речи речь пойдет ниже.

Здесь уместно возвратиться к высказанной в начале раздела мысли о том, что исходное противостояние визуальной и звуковой речи продолжается в настоящее время, и прибавить в ее развитие несколько аргументов. Не исключено, что «победа» звуковой речи во много связаны с ее субстанциональными (физическими) преимуществами: независимостью от освещения, препятствий типа стены, расстоянием (услышать можно дальше, чем увидеть жесты или рисунки), быстротой и простотой создания речевых произведений и скоростью их передачи адресату, многообразием коммуникативных ситуаций, которые она способна обслуживать. Появление цифровой техники либо существенно нейтрализовало эти преимущества, либо отдало пальму первенства графической речи, не опирающейся на звучание. Для сотового телефона и компьютера не существует препятствий в виде темноты, стен, расстояний, расширяется спектр коммуникативных ситуаций, время передачи неуклонно сокращается, скорость набора существенно увеличивается и т. п. Нередко можно услышать откровенные признания опытных

наборщиков на компьютере о скорости набора, которая такова, что им кажется, что они набирают, быстрее чем думают. Разумеется, они имеют в виду, что быстрее набирают, чем проговаривают набираемый текст. Есть все основания для предположения об обретении графической речью все большей самостоятельности и о ее способности обслуживать напрямую (независимо от озвучивания) мышление; она все менее становится производной от звуковой формой речи.

В ситуации ослабления субстанциональных преимуществ звуковой речи в массовой коммуникации, отчетливее проявляются функциональные достоинства графической речи, в частности, ее способности к генерализации передаваемой информации. Нередко в этом параллелизме графическая речь становится главной, а звуковая подчиняется ей. Так, многие студенты на наш вопрос об основном источнике информации на лекциях презентациях отвечают, что таковым для них является тексты на экране (но особенно схемы, рисунки, таблицы), а устная речь лектора выступает как комментарий к ним. Однако значительная часть студентов отдает предпочтение устной составляющей лекции, преимущества которой заключены не только в привычности этой формы, но и в том, что возможности организовать непосредственное («живое») общение у нее больше, у звуковой речи шире диапазон гибкости, вариативности, креативности, выразительности и суггестивного воздействия на адресата. Энергетика звучащего слова непосредственно «подпитывается» субъектной энергетикой. Не исключено, что на наших глазах в глобальном масштабе происходит усиление контрастности функциональной дифференциации двух видов коммуникации: одна из них (графическая) дрейфует в сторону языка-знака, другая (звуковая) в сторону языка-внушения.

Пример иллюстрирует тенденцию к иероглифизации русской письменной речи. Письмо напрямую связывается с мыслью, минуя звучание. Это существенным образом нарушает сложившиеся у нас графоцентрические представления о вторичности письменной речи, формулой которых является тезис «письмо фиксирует звучащую речь». А если увязать эту формулу с представлениями о том, что речь выражает, фиксирует мысль, то получается двойное опосредование связи письменной речи с мыслью. Если теперь отвлечься от теоретических постулатов, а выводить закономерности реального функционирования языка из речевой практики рядовых носителей

языка и ее результатов – текстов естественной письменной речи, то легко убедиться, что иероглифизация давно и глобально (фундаментально, сущностно) представлена в стихийной письменноречевой деятельности во многих ее проявлениях, как внешних, так и особенно внутренних. Внешние проявления очевидны: обилие сокращений самого разного рода, начиная от титла в древних рукописях, кончая аббревиатурными сокращениями в современных научных текстах. Некоторые научные тексты с их сложными схемами, графиками в сущности представляют собой сплошной «иероглиф», напрямую и целостно отражающий научную идею. Но и бытовая письменная речь охвачена этой тенденцией. Вот характерный пример общения он-лайн на местном сервере:

[20:13:55] <Тигренок> Kerasin: ну и как тебе первые дни студенчества?

[20:14:04] <WooDoo> gylov: Рэп кал

[20:14:09] <Киоши> alehandro: ну и как?

[20:14:19] <Сыр> Lil' Мах: 😊 ну скажииниииниии 😊

[20:14:24] <VITĚK_RUS> ⚠️ можно какнить скорость скачки выше сделать ⚠️

[20:15:44] <elena555> ❤️❤️ Всем привет 😊

[20:15:45] <VITĚK_RUS> Peter_Petrelli: у тя какая?

[20:15:57] <Сыр> elena555: привет

[20:16:03] <Kerasin> elena555: Приветки 😊 !!

Данный текстовый фрагмент далек от канонов традиционного письма, он представляет собой густой замес фонетической транскрипции, параграфемики, пиктографии, иероглифики на фоне орфографической и пунктуационной свободы. Иероглифы типа смайликов становятся обычными в СМС, бытовой электронной переписке и т. п. Для нас важно подчеркнуть, что в таком общении происходит поиск форм скорописи, способной угнаться за мыслью, чувством (смайлики) – пусть в данном случае и бедными⁷.

Надо, однако, быть близоруким, чтобы не заметить и противоположных по отношению к иероглифизации моментов – приспособлению письменной речи к речи звучащей, в приведенном тексте

⁷ Совершенно очевидно, что редукция формы коррелирует в такого типа коммуникации с редукцией культуры и мысли, но данные моменты не являются предметом настоящей работы.

Таким образом, письменность не только является следствием и отражением ментального развития человека, но и сама она оказывает достаточно сильное воздействие на его мышление и сознание. Исследователи разных форм письменности отмечают их тесный симбиоз, определенный как «привязанность народа к своему письму» [Гельб 1982, 216]. Продолжая линию такого рода фактов-примеров влияния письма на мышление, обратимся и к современным письменноречевым процессам.

Так, можно поставить вопрос о разнообразном влиянии на мышление современного человека компьютерной письменности. В частности, существенным его свойством является относительно легкая возможность исправлений написанного, явно колеблющая постулат «бумажного» типа ментальности – «что написано пером, не вырубишь топором», но одновременно и функционально усиливающего его: текст становится более выверенным, моновариантным (и в этом смысле это функционально усиливает названный постулат). Мы полагаем, что названная возможность стимулирует развитие креативного компонента письменноречевого мышления. Сама скорость письменного набора на компьютере – фактор влияния на ментальность, который сближает мышление и его материальное воплощение и редуцирует звуковое бытие речи, отягощающее непосредственное взаимодействие между мыслью и текстом. Нередко можно услышать откровенные признания опытных наборщиков на компьютере о скорости набора, которая такова, что им кажется, что они набирают быстрее, чем думают.

Но особенно значимыми аспектами взаимоотношения письма и ментальности являются не субстанционально-функциональные, а имманентно-структурные. Утверждение звуковой речи в качестве примарной для первочеловека означало формирование знаковой системы с сильным синтагматическим механизмом речевого мышления. Звуковая речь принципиально «хронична»: один звуковой знак следует за другим во времени и формирование целого смысла сказанного в этих условиях предполагает высокоразвитое умение выводить таковой смысл последовательно-поэлементно. Эта особенность звуковой речи так или иначе передалась письменной, базирующейся на отражении звукового потока и его элементов. Визуальная речь в этом аспекте является более «пространственной», возможности изначального представления и «схватывания» целого у нее существенно большие. Поэтому звуковая и визуальная речь

коррелируют с разными полюсами антиномии «элементаризм – холизм» (разумеется, эта корреляция относительна).

Логическим следствием данной оппозиции является более тесная увязка звуковой речи с левополушарной частью коры головного мозга, отвечающей за аналитическое (выводимое) знание, а визуальной – с правополушарной. Многократно отмечалось, что именно правое полушарие является хранителем речевых механизмов¹⁰, и его способность к выводимости целого знания из частей является следствием элементаристских стратегий и тактик мышления, востребованных от него мощной синтагматичностью звуковой речи. Холистические потребности дополняли данные стратегии и тактики, в результате чего они вырабатывали способность речевой прогностики (предугадывания еще не сказанного и смыслов целого) и ретрогностики (возвращения к ранее сказанному, хранения темы высказывания на протяжении всего ее развертывания в речи). В свою очередь, способность поэлементного кодирования смысла и развертывания текста и поэлементного его декодирования и развертывания вырабатывало умение оперировать свернутыми и генерализованными смыслами в спонтанно-автоматическом режиме речи. В письменной речи эти способности проявляются в скорописи (особенно компьютерной) и скорочтении (особенно «про себя»), характерной для взрослого носителя языка, много читающего и пишущего. Здесь опора на холистические стратегии и тактики естественна и обычна.

Однако наша лингводидактика строится принципиально на элементаристских позициях, которые – через школьный курс русского языка – становятся фундаментальной презумпцией обыденного метаязыкового сознания. Эти позиции формируются, начиная с момента побуквенного обучения письму и чтению. Методики, ориентированные на обучение чтению путем холистического «схватывания» более крупных единиц (например, написанного слова) не находят системного внимания ни в начальной школе, ни в ее более взрослых продолжениях. Скоропись и скорочтение трактуются в школе как второсортные, поверхностные, не способствующие проникновению в сущность текста, хотя уже многократно доказано, что именно эле-

¹⁰ Например, Вяч. Вс. Иванов предлагает схему взаимодействия двух полушарий. Левое полушарие представляет собой механизм синтеза и анализа речевых сообщений, а правое является устройством для переработки текущей информации из внешней среды и содержит «смысловую словарь языка» [Иванов 1978, 28–29].

ментаризм (ползание по буквам и слогам, отдельным словам и фрагментам текста) во многих случаях отдаляют от сущности, которую заключает целое, а грамотное скорочтение никак не препятствует видению целого.

В нашей школе очень популярны методики аналитического чтения, «чтения под микроскопом» с актуализацией на текстовые детали, вплоть до точек и запятых, но практически не представлены методики чтения «под телескопом», то есть качественного холистического чтения.

Ставя вопрос таким образом, мы менее всего хотели бы принизить значимость элементаристской стратегии чтения, необходимой и эффективной во многих коммуникативных ситуациях. Владение ею обязательно для культурного носителя языка. Речь идет о необходимости переоценки роли и прав скорочтения в школе, тем более, что за пределами школы эти «права» давно завоеваны массовым читателем, в мы в связи с этим говорим не об открытии или восстановлении данного типа письменно-речевой деятельности, а о его изучении. При этом – что для нас особенно важно – мы полагаем, что механизмы скорочтения заложены и в самой звуковой речи (имеем в виду речевую прогностику и ретрогностику, свертывание текста и т. п.) и, следовательно, мы говорим о необходимости их выявления и описания в естественной письменной речи и их проекции в лингводидактику родного языка и языковое строительство.

Взаимодействие современной письменной речи и ментальности осуществляется и в направлении от первой ко второй. Иллюстрацией такого направления могут послужить взаимоотношения пунктуации и параграфематики, усиление которой среди множество факторов связано также и с прагматическим фактором. Стремление извлечь непосредственную прибыль касается всех сторон жизни общества, включая коммуникативную сторону. На этом фоне усиливается прагматическая функция языка в ее крайнем проявлении, которую можно назвать лингвомаркетологической, проявляющейся тогда, когда язык становится объектом или средством купли-продажи. При таком функционировании резко актуализируются **перлокутивные** свойства языка. Традиционное представление об орфографии и пунктуации по существу ограничивалось первыми двумя звеньями цепочки «иллокуция – локуция – перлокуция». Коммуникативный акт как бы заканчивался фактом правильного орфографического и пунктуационного оформления письменного

текста. На это нацелена и лингводидактика. Перлокутивная концепция ограничивалась туманными тезисами о некоем влиянии правильного написания на понимание, подкрепляемая надуманными примерами типа *помиловать нельзя казнить, статую золотую пику держащую* или назидательным рисунком бабушки, которая полощет котенка в тазике, потому что внук ее попросил в письме: «Бабушка полоскай моего котенка». Но системному изучению влияние орфографии и пунктуации на спонтанное понимание текста при его обычном чтении в лингвистике не подвергалось. В сущности нет ответа даже на простой вопрос о том, участвует ли орфография и пунктуация в осуществлении интерпретационной функции в процессах повседневного чтения¹¹, и если участвует, то в каких коммуникативных и текстовых позициях и в сознании каких читающих, в равной ли мере для разных типов орфограмм и пунктограмм и т. п.?

Поэтому в метаязыковом сознании многих понятие правильной речи тождественно понятиям хорошей речи, эффективной речи. В ситуации резкого выдвигания на первый план прагматики понятие эффективности обретает другой смысл. Востребованным оказывается лишь то, что реально воздействует на сознание адресата, побуждая его к тем действиям, ради которых тот или иной текст создается. Этим потребностям в рекламном тексте в большей мере отвечает параграфемика [Григорьева 2003].

На наших глазах происходит борьба традиционной системы пунктуации, которая ориентируется на отражение структуры предложения, звучания (интонации), и системы, ориентированной на прагматику. Реклама, как и интернет с его живым общением в чатах и блогах, равно как и студенческие конспекты лекций, частная переписка, переписка по sms – «не видят» обязательности в следовании нормативной пунктуации как самоцели. Они следуют принципу экономии коммуникативных усилий и сохранения речевой энергии и в

¹¹ Например, естественным образом возникает вопрос о том, способна ли пунктуация корректировать холистическое прочтение контекста, ориентирующего на его общий смысл. Ясно, что тексты типа *помиловать нельзя казнить* семантизируются не по запятой, а исходя из общего смысла. Такой контекст, скажем, как *царь, сурово сжав брови, решительно начертил «Помиловать нельзя казнить»*, задает определенный смысл, спонтанная семантизация которого вряд ли нуждается в фиксации внимания на запятой. Точно так же, по-видимому, деактуализирует пунктуацию параграфемика, например, расположение текста на строках, что мы сплошь и рядом наблюдаем на рекламных текстах.

соответствии с ним, избавляются от всего избыточного, ритуального, не имеющего прямого выхода в прагматику. И коммуникацию в указанных сферах никак нельзя квалифицировать как неуспешную, как совокупность коммуникативных неудач.

Студент пишет лекцию «для себя» и, имея громадный опыт успешного использования конспектов, не видит внутренних мотивов для соблюдения пунктуационных предписаний. Его прагматическая оценка находится далеко в неоднозначных отношениях со шкалой правильности. В sms, например, пунктуация практически вообще отсутствует, однако она вполне успешно обслуживает коммуникацию. Изучение ортологических дискуссий на чатах и блогах интернета показывает, что соотношение коммуникативной и культурно-знаковой функций орфографии и пунктуации явно складывается в пользу последней: участники обсуждения говорят о неграмотности кого-либо как о факте отсутствия общей культуры и культуры речи.

В рекламе прагматизм не столько стихийен, сколько осознан. Именно здесь параграфемика (расположение абзацев, строк, размер, цвет и другие особенности графем) демонстрирует свою перлокутивную эффективность, а традиционная пунктуация – избыточность. Графическое структурирование текста здесь осуществляется по принципу «замечаемости» его крупных структурных компонентов, среди которых отдельная буква и знак препинания практически неконкурентоспособны. В рекламных текстах находит свое подтверждение тезис «Правильность не только не единственный, но и не **главный** критерий хорошей речи», который традиционной ортоориентированной лингвистике кажется едва ли не кошунственным. Пунктуационная правильность, понимаемая в традиционном, школьном, смысле, в рекламе обесценивается (в прямом и переносном значении этого глагола). Ни для кого – ни для рекламодателя, ни рекламопотребителя – она не актуальна, поскольку информация, которую она несет, для них коммуникативно не значима.

В какой мере неактуальность пунктуации в рекламе может быть перенесена в другие сферы? На наш взгляд, в значительной, хотя, разумеется, не абсолютной. Точнее, может быть, здесь говорить о необходимости серьезного, в том числе и в первую очередь – научного отношения к этому вопросу. Реальный алгоритм обыденного чтения строится во многом на холистическом подходе читателя к тексту, исходящем из стремления сразу уловить интенцию и смысл

написанного в целом. Это не исключает необходимости поэтапной корректировки в процессе семантизации текста, но обуславливает место такой корректировки как дополнительного и факультативного, включение ее механизмов осуществляется в ходе возникновения потребности в ней. Ср. принципиальный вывод, полученный в интонационно-перцептивном эксперименте по восприимчивости текстов рядовыми читателями: «синтаксическая неоднозначность практически не замечалась русскоязычными носителями» [Власов 2008, 157].

Частным следствием холистической тенденции письменной речи, также имеющий глобальный характер, является тенденция к «**нероглифизации**», которую мы выше определили как ослабление опосредующей роли звучащей речи при установлении корреляций «смысл – письменный текст» и особенно – «письменный текст – смысл».

Тенденции массовой орфографической деятельности и орфографической ментальности. Все сказанное имеет прямое отношение как к массовому орфографическому (и пунктуационному) сознанию, формируемому в школе, и прежде всего к орфографоцентризму как его важнейшей презумпции. Сильнейший акцент на написании отдельных орфограммах не может не способствовать развитию элементаристских представлений о речевой деятельности.

Орфографическое поведение школьника формируется под влиянием таких установок, как «ошибкобоязнь», «опора на сомнение» («не сомневаешься, не сможешь применить правило и написать правильно»), «решение орфограммы – особый вид речевой (в сущности – метаязыковой) деятельности, требующий выхода из режима спонтанно-автоматической деятельности», без знания теории языка нельзя стать грамотным и т. п.

Труднодоступность орфографической грамотности в таком варианте ее достижения сакрализует орфографию в обыденном метаязыковом сознании и затушевывает ее естественную природу, вытекающую из естественности письменно-речевой деятельности, разрывает (в сознании) процесс обучения нормам письма (во многом теоретический) и процесс практики письма. Нормативные предписания (правила), которые носители языка получили в школе по части орфографического поведения, отнюдь не являются реальными нормами такового поведения за пределами школы и даже в самой школе, особенно если речь идет не только об уроках русско-

го языка. Реальное же орфографическое поведение и его ментальное обеспечение в процессах обыденного письма и чтения – предмет специальных исследований, пока еще весьма редких, если не уникальных. Далее выделим несколько аспектов (параметров) «правописного поведения», требующих, на наш взгляд, первоочередного изучения.

1) **Рациональное / интуитивное письмо.** Ранее автор неоднократно высказывал мысль о том, что в течение более ста лет русской нации навязывается сценарий ментального орфографического поведения, не свойственного ядерному типу русской национальной языковой ментальности. Имеется в виду тенденция к овладению и владению орфографическими нормами исключительно через рациональные правила и отвержению интуитивных алгоритмов орфографической деятельности, объявляемых второсортными. Правилами охвачен и рационализирован (причем в некачественном варианте рационализации) весь корпус «ошибкоопасных» пунктов письменной речи, что имеет тенденцию делать само письмо рассудочным процессом, а поскольку это в принципе не нужно (да, наверное, и невозможно в массовом, общенациональном, масштабе), то во внешкольной сфере наблюдается **глобальное неследование** предписываемому сценарию. Требуемые на уроках русского языка алгоритмы решения орфограмм остаются за стенами школы на вооружении лишь весьма немногих пишущих. Русский национальный тип сознания как раз характеризуется верой в силу интуитивного знания и познания, несклонностью к рассудочной мотивации действий.

Отказ от поэлементной аналитической стратегии в естественном письме особенно ярко обнаруживает себя в деактуализации проверочных действий как способа «решения» орфограмм. Уже имеются конкретные исследования, в которых убедительно показывается и доказывается, что сценарий проверки, являющейся фундаментом рационализации орфографической деятельности и ее производящего характера, реализуется в обыденной орфографической деятельности отнюдь не так продуктивно и эффективно, как хотелось бы многочисленным его (сценария) участникам. К таким исследованиям, в частности, относится кандидатская диссертация Л. Г. Пушкаревой, написанная под руководством проф. Б. И. Осипова. Эта работа, в частности, приводит к выводу о том, что проверка не только не играет особой роли для обыденного письма, но

и вообще, может быть, является помехой естественному орфографическому поведению¹². И это еще один сильный контрдовод по отношению к концепции эффективной орфографической деятельности как «искусства сомнения», разрешаемого рассудочной логикой (как утверждают многочисленные сторонники этой концепции, без выявления ошибкоопасных мест и их рациональной квалификации успех в орфографии недостижим) [Пушкарева, 2004]. Нам кажется более естественным рассматривать интуитивные методики овладения и владения русской орфографией, позволяющие избегать «мук сомнения», как стратегию орфографически грамотного письма. Справедливость этого убеждения черпается и в притче о сороконожке, разучившейся ходить, после того как она задумалась о том, правильно ли она ходит¹³.

При этом значимость традиционного письма, ориентирующегося на фиксацию в памяти ранее написанного, с возрастом усиливается. И это понятно. Если этап **овладения** орфографическими нормами предполагает креативность письменной деятельности (ребенком же всякое написание производится как новое!), то из этого вытекает необходимость поиска отправных точек письма в чувственной сфере. Известно, что дети склонны искать таковую опору в звучании. **Владение** же письменным языком в значительно большей мере опирается на уже прочитанное, соответственно – на априорное знание того, «как надо писать». В глубине языкового сознания (на его чув-

¹² Главный вывод, который сделан в диссертации Л. Г. Пушкаревой, заключается в том, что степень осознанности признака «проверяемость/ непроверяемость» орфограммы у рядовых пишущих невысокая: чаще всего однозначно проверяемые орфограммы воспринимаются как непроверяемые. Важен и эксперимент, проведенный в данном исследовании, который является ступенью к более глубокому изучению орфографической деятельности рядового носителя русского языка; в нем ставится цель изучения мотивов пишущего, влияющих на выбор буквы для обозначения орфограммы. Эксперимент позволил установить, что основным мотивом рядовых пишущих при выборе той или иной буквы из ряда возможных для обозначения слабой позиции в корне слова является знание графического облика слова, т. е. опора на зрительную или моторную память.

¹³ В качестве иллюстрации сказанному приведу пример из диалога М. Шагинян со своей внучкой, допустившей ошибки в письме бабушке. «Если сомневаешься, – покупает бабушка, – остановись и подумай, посмотри в словарь». «А я нисколько и не сомневалась» – ответила внучка. И большой вопрос – нужно ли таких смысленных девочек, которых большинство среди детей, переучивать, стремясь к эфемерному идеалу абсолютно безошибочного письма. Неоднократно отмечалось, что при переходе от начальных классов к старшим, когда вводится обучение по рациональным правилам, грамотность многих учеников существенно снижается.

ственном уровне) за этим алгоритмом орфографического поведения стоит уже не звуковой, а зрительный образ целостного написания (прежде всего – написания слова или типовых фрагментов слова, причем вовсе не обязательно морфем). К тому же взрослый человек, обобщая свой опыт пишущего и особенно читающего человека, знает (практическим знанием), что между зрительным образом читаемого и его смыслом нет обязательного озвучивания – написанное напрямую соединяется со смыслом, и непосредственность их связи лишь усиливается при скорописи и скорочтении.

Иными словами, между способом **овладения** орфографическими нормами, предлагаемым традиционной орфографической теорией, и способами **владения** ими существует противоречие, и, возможно, именно в нем заключены причины неудачи столетнего эксперимента обучения русской нации «по правилам»: нет ни малейших оснований утверждать, что за сто лет русская нация стала грамотней в орфографическом отношении, несмотря на горы теоретической и методической литературы, посвященной способам овладения правилами, несмотря на огромные количества времени, которое тратят на орфографию в школе, не соразмерное той малой (хотя и по-своему важной) роли орфографического компонента, которую он занимает в речемыслительной деятельности и речевой культуре как школьника, так и взрослого человека.

Понятно, что вывод о доминирующей практической ориентации русского человека, владеющего письменным языком, на **традиционный** принцип написаний предполагает, что и овладение письменной речью должно строиться, в значительно большей мере исходя из этой ориентации. Другая не менее важная ориентация связывается с формированием механизмов интуитивной грамотности, вытекающей из чувства морфемы и фонемы (см. об этом [Голев 2004]).

2) **Отражательное / условное письмо**. Письменная речь обычно не предполагает (и не может предполагать) цели достичь как можно большей полноты и точности при передаче смысловой и материальной стороны информации, которая в своей первооснове всегда богаче, чем информация, складывающаяся из суммирования смыслов отдельных элементов. Разумеется, это универсальный тезис, относящийся к естественной коммуникации вообще. Любая условная система стоит перед необходимостью ограничения передаваемой информации, минимизации средств (знаков) для этого. Для письменной речи возникает дополнительный аспект, обуслов-

ленный ее «возведением» к звучащей речи¹⁴, в связи с чем встает вопрос о степени отражения ее на письме.

В свете всего вышесказанного трудно однозначно согласиться с давним положением Л. В. Щербы о том, что для правописания «идеалом является возможно больший параллелизм между языком написанным и языком произносимым, и несомненно, что всякое правописание, даже самое консервативное, постоянно развивается в этом направлении» [Хрестоматия 1995, 45]. Отражательные тенденции в орфографии не всеобъемлющи, и им всегда противостоит «неотражательный» традиционный принцип, который не может квалифицироваться как некое отступление от отражательного принципа. А такую квалификацию часто приходится наблюдать: многим кажется, что «непроверяемые написания» – некий нонсенс русского письма, некое препятствие или неправильность, которые нужно преодолеть, стремясь достигать идеала, сформулированного Л. В. Щербой. Таким образом поэлементное письмо сливается с отражательной концепцией письма в единую стратегию, которая противостоит холистической стратегии, тесно связанной с иероглифической тенденцией.

Как кажется, сфера обыденной коммуникации развивается под сильным воздействием представления о языке, которое имеет в виду не столько языковое выражение (упаковку) мысли с ее последующей отправкой адресату, распаковывающего ее и т. п., сколько речевую деятельность, активизирующую сознание адресата, ср.: «Говорить значит не передавать свою мысль другому, а только возбуждать в другом его собственные мысли» [Потебня 1976, 54]. Именно в функциональном аспекте вполне справедливыми кажутся тезисы, исключающие стремление к полноте и точности передачи звуковой стороны речи: «сигнал», способный возбудить в сознании адресата его собственные мысли, вовсе не «обязан» стремиться к точности отражения звучащей речи, он вполне может быть достаточно условным по отношению к ней.

Приведем в завершение два тезиса, высказанных еще в начале XX века.

¹⁴ Было бы важно для теории письма поставить (хотя бы гипотетически) вопрос о возможности прямого «восхождения» письменной речи к внутренней речи (см. некоторые моменты такой постановки в нашей книге [Голев 1997]).

Первый тезис: «...Раз уже существуют вполне прочные ассоциации между зрительными и двигательными воспоминаниями слова в письме – с одной стороны, и значением его – с другой, то совершенно безразлично, передает ли начертание на самом деле точно или неточно звуковую сторону слова» [Томсон 1903, 11]. Это кажется принципиальным, если мы ставим проблему достижения эффективности письменной деятельности минимально необходимыми и достаточными для нее средствами, поскольку вскрывают, в частности, внутреннюю сущность такого его признака, как достаточность.

Второй тезис: «Достоинства письма определяются лишь его практической целесообразностью, насколько с наименьшей тратой сил и времени достигается означенная цель и, кроме того, усваивается письмо. И идеография, и неточное в звуковом отношении письмо может при известных условиях быть наиболее уместным» [Там же, 12].

3) **Иероглифическое / «позвуковое» письмо.** Последний тезис важен потому, что в концепции естественной орфографической деятельности понятие помехи неотделимо от понятия идентификации графических единиц при восприятии и порождении текста. Здесь возникает вопрос о степени иероглифичности русского письма, если под иероглифом понимать письменный знак, который непосредственно (без опоры на звучание) соотносится со смыслом. Он не ставился в связи с концепцией морфологического принципа русской орфографии как основного – при таком ее толковании устойчивый графический образ морфемы, узнаваемый как смысло-графическая целостность, обладает определенными признаками иероглифа. Отмечается наличие в русском письме собственно иероглифических знаков, напр., % или &.

С новой силой этот тезис актуализируется при рассмотрении языка с позиций лингвистики языкового существования, делающей акцент на фиксации в языковой памяти целостных операциональных блоков, более удобных для общения, чем их конструирование [Гаспаров, 1997]. В рамках лингвистики языкового существования целесообразно выдвинуть идею: минимально-элементное, каковым является пофонемное письмо (и чтение?), предполагающее такое конструирование (и отражающее идеал глубокого отражения звуковой речи), в условиях спонтанной письменной речи вытесняется послоговым, поморфемным, пословным, пофразовым письмом (и – особенно – чтением). Глубина элиминации звучащей речи в спон-

танной письменно-речевой деятельности в разных коммуникативных ситуациях и в разных типах письменно-речевой деятельности (особенно при скорописи и скорочтении, а особенно в деятельности читающего «про себя») – важная конкретно-исследовательская проблема коммуникативной орфографии. Изучение таких процессов неотрывно от более общих процессов, связанных с холистической тенденцией письменной речи.

Тезис о необходимости поэлементного письма строится на представлении о перегрузке ассоциирования комбинаций фонем, составляющих звуковых комбинаций фонем. Вернемся в этой связи к тезису о достаточности минимума усилий для осуществления обыденной письменной коммуникации, он неотделим от тезиса о наличии естественных, выработанных самим языком защиты от звуковых помех. В частности, такой внутрисловной защитой является избыточность дифференциальных признаков, различающих звуковые оболочки узуально закрепленных (словарных) единиц языка: «Каждый фонолог знает, как трудно бывает найти примеры минимальных пар всех требуемых фонематических корреляций: для это приходится долго перебирать словарный материал, отыскивая редкостные, иногда совершенно экзотические словесные единицы» [Гаспаров 1997, 76]. Внешнесловной защитой выступает контекст, позволяющий идентифицировать слово даже в слабо проявленном (неконтрастном) звучании. Это подтверждают и современные дериватологи, которые говорят, в частности, о том, что употребление производных слов переводит их из разряда производимых в разряд воспроизводимых¹⁵. Разумеется, это не единственная тенденция. Мы полагаем, в частности, что ядерный тип русской орфографической личности характеризует тенденция к интуитивной опоре орфографической деятельности на морфологические структуры

Возвращаясь к необходимости более сильных акцентов на холистические стратегии и тактики в лингводидактике письменной речи и – в связи с этим – их предварительного изучения на живом материале, почеркнем: повседневная письменно-речевая деятельность рядовых носителей русского языка обнаруживает тенденции к **холистичности и иероглифичности**, проявляющиеся в стремлении к

¹⁵ В цитируемой книге Б. М. Гаспарова мысль о доминировании в языке тенденции к воспроизводимости над тенденцией к производимости звучит довольно мощно – хотя, на наш взгляд, в ней присутствует момент абсолютизации этого свойства языковых единиц.

целостному охвату зрением написанного слова безотносительно к отдельным звуко-буквенным элементам.

Все сказанное, несомненно, влияет на структуру метаязыкового сознания очень многих рядовых носителей русского языка, которые в ситуациях обыденной письменно-речевой деятельности реально ведут себя в соответствии с принципами коммуникативной орфографии, тяготеющей к традиционному принципу орфографии и соответственно к иероглифизации письма, а своих метаязыковых рефлексиях и высказываниях об орфографии гораздо чаще актуализируют отражательные принципы [Голев 1999], что во многом определяется тем, как их учили в школе, уповая исключительно на эффективность правил: «написал правильно, но не смог объяснить, значит, недостаточно грамотен» – этот постулат обучения грамотному письму основательно внедрен в сознание всех участников школьной орфографической дидактики: и ее субъектов, и ее объектов.

Итак, основной пафос наших утверждений: необходимы широкие предваряющие исследования, опираясь на которые можно было бы эффективно воздействовать на практические сферы письменной речи. Эффективное воздействие предполагает соответствие предлагаемых мер тем реальным процессам, которые сложились в современной речевой деятельности и содержание которых по каким-то причинам до сих не стало предметом системного изучения современной грамматики – науки о письме и письменной речи. Мы очертили некоторые из таких процессов, протекающих в рамках тенденций к усилению холистических презумпций письменной речи, усилению «перлокутивности» письменной деятельности и иероглифизации ее инструментария. Другая важная идея – письменной ментальности, отражающей такие процессы и, в свою очередь, являющейся проводником в письменную речь тех ментальных изменений, которые происходят в обществе.

Отдельного обсуждения заслуживает вопрос о теоретической неподготовленности реформирования письменной речи. Открытыми остаются даже такие базовые понятия, как «прогресс», «совершенствование языка», «необходимость реформ». Последняя часто просто декларируется общими декларациями типа «язык меняется, и орфография должна тоже измениться», «орфографические нормы устарели» и т. п. Не квалифицированы такие понятия, как «момент необходимости» реформ и не разработаны методы расчета цены

реформ. В сущности, у нас отсутствуют прогностические концепции и методики, и реформы объявляются вне всякого расчета их (по)следствий в будущем. По этой причине реформы предлагаются при отсутствии убедительных ответов на вопрос о том, не эффективнее ли для общества в данный момент сохранение сложившихся норм и приспособление к ним обучающих методик, издательской деятельности и т. п.

Сказав о цене реформ, мы менее всего имели в виду финансовую сторону (хотя и она – далеко не последний фактор в вопросах реформирования), а цену ментально-психологическую, культурную и этическую. Ведь реформированием правописания, например, предлагается изменять не просто техническую сторону письменности, но чаще всего и область сознания, культурных и этических ценностей. К примеру, кто и как у нас рассчитывает потери психики, неизбежные при столкновении двух систем письма: дореформенной, зафиксированной в огромных массивах уже существующих текстов, и пореформенной? Разве мала вероятность того, что такое столкновение приведет к синергетическому разрушению норм, к эффекту слома автоматизма письменной речи, нарабатанного за многие десятилетиями разными поколениями пишущих и читающих на родном языке? Разве нормы в таком понимании не есть хранилище культурно-речевых ценностей? Трудно сказать, какой позитивный эффект дает написание *брошура* и *жури*, но не очень трудно предположить наличие негативного эффекта в сознании читателей новых текстов.

Один из негативных эффектов объявляемых намерений реформировать орфографию и пунктуацию и возбуждаемых ими общественных дискуссий является как раз отвлечение теоретической и практической мысли (а вслед за ними и обыденного метаязыкового сознания) от главных и глубинных тенденций письменной речи и сосредоточение ее на поверхностных их проявлениях. Так, фиксация внимания на орфографических и пунктуационных частностях укрепляет элементаристское мышление, отвлекая внимание рядовых носителей языка и ученых от холистических тенденций письменности. Ярчайший пример тому – шумная пиар-кампания по поводу обязательного написания буквы Ё, во главе которой стоит главный «эффикатор» России В. Т. Чумаков. Странникам этой идеи кажется, что они решают какие-то важные для общественной письменной комму-

никации вещи, но на самом деле к эффективности коммуникации они имеют в лучшем случае касательное отношение.

Особое место в очерченной метаязыковой сфере занимают вопросы реформирования русской орфографии. Регулярное обсуждение вопросов улучшения норм русского правописания воздействует на состояние метаязыкового сознания общества на всех его уровнях, активно влияя на представления о «рукотворности» языка, его норм и их функционирования. «Реформаторы» сделали из орфографии испытательный полигон своих идей, при этом нередко их проекты строятся на умозрительных теоретических посылках, без учета того обстоятельства, что реформируются не столько правила и нормы орфографии, сколько реальное языковое сознание рядовых пишущих и читающих на русском языке, формировавшееся уже несколько столетий. Знать закономерности его устройства и функционирования для реформаторов было бы весьма желательно; возможно, это сделало бы их реформаторскую энергию более конструктивной. Думается, однако, что это произойдет не скоро, так как пафос реформирования поддерживается обыденным метаязыковым сознанием, вытекающем из практики школьного преподавания орфографии и пунктуации и теоретизирований по этому поводу. Слишком прочно укоренились в сознании методистов, учителей, а вслед за ними и учеников такие явления, как орфографоцентризм, литературоцентризм и вера в действенность нормотворческих постулатов, по которым получается, что рядовые пишущие действуют именно так, как им предписано в школе.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, какие же выводы можно сделать из наших наблюдений и суждений?

Напомним, что мы начали с одной даты – 300-летия гражданicy. Осмыслить ее оказалось невозможным без обращения к судьбе кириллицы и к латинице, оказавшей важнейшее влияние на преобразование русского письма. Таким образом, мы вышли в пространство русского письма в его исторических и культурных аспектах.

В историческом плане можно отметить такой парадокс: преобразуя русское письмо, общество не отторгало напрочь как бы отторгаемые его элементы, а отводило им особое место. Так, 300 лет назад, преобразуя кириллицу в гражданское письмо, первородную систему письма оставили в сфере церкви. Где оно, надо сказать, тоже претерпевало изменения, которых избежала письменная традиция старообрядцев. Таким образом, все три системы русского письма – более чем тысячелетняя кириллица, трехсотлетняя гражданца и 90-летняя реформированная азбука – присутствуют в культурном опыте современного образованного человека, занимая собственные культурные ниши. Для нашего времени характерен не только интерес ко всем ипостасям русского письма, но и определенная мода на элементы, утраченные в ходе его преобразований. Об этом говорят факты современного ономастикона, поэзии и даже интернет-коммуникаций.

Это последнее обстоятельство – важнейшая черта современной культуры, внимательной к историческим моментам и, если можно так сказать, к своим элементарным частицам, которыми и оказываются буквы – маленькие носители значительной культурной информации.

Если под культурой иметь в виду не только некоторые результаты, но и стоящее за ними сознание, то самым решительным шагом в изучении

письма оказывается движение в сторону сознания, и – что особенно важно – массового сознания пишущих, которое надо «извлекать» из процессов и результатов письма и интерпретировать.

Таким образом, проблема письма и ее ядра – алфавита – связана с историей, культурой и массовой психологией, что повышает её значение до фундаментальной междисциплинарной проблемы. Иными словами, проблема алфавита, какой она выглядит при первом рассмотрении, расширяется до проблем письма как культурного достояния нации с его драматической историей, с одной стороны, и практической дидактики, озабоченной тем, как сделать письмо достоянием каждого носителя языка.

В плане лингвистической теории это означает, что, во-первых, в русской филологии сформировалась особая дисциплина – история отечественной орфографической мысли, представленная в нашей книге интересными страницами; во-вторых, особую историю составляет выявление всех совершенных и несовершенных шагов в преобразовании русского письма – то, что называют орфографическим, или – шире – языковым строительством. Наконец, методика обучения орфографии – значительная область современной лингводидактики, насчитывающая тысячи единиц библиографии, не теряет своей актуальности. Общество, в частности, ждет от нее ответа на вопрос: почему русское письмо упрощается, а число малограмотных не уменьшается, если не наоборот?

Последние разделы нашей книги показывают, что проблема письма выходит за пределы отведенных ему дисциплин графики и орфографии в область речеведения (поскольку мы имеем дело с особыми речевыми действительностями – письмом и чтением) и психолингвистики (раз мы сталкиваемся с особым видом сознания).

Если наша коллективная монография хоть в малой степени будет способствовать тому, чтобы в осмыслении всех этих многообразных проблем произошло продвижение вперед, мы будем считать свою задачу выполненной. Впрочем, сам труд собирания текстов более двадцати лингвистов под одной обложкой, в одном контексте – уже, как нам кажется, шаг вперед.

ПРИЛОЖЕНИЯ

	РУССКАЯ АЗБУКА (КИРИЛЛИЦА)		ДОРЕФОРМЕННЫЙ РУССКИЙ АЛФАВИТ (ГРАЖДАНИЦА)	СОВРЕМЕННЫЙ РУССКИЙ АЛФАВИТ
	буквы и их названия	цифровое значение		
1.	а – азъ	1	1. А - а	1. А - а
2.	б – буквы	-	2. Б - бѣ	2. Б – бѣ
3.	в – вѣди	2	3. В - вѣ	3. В – вѣ
4.	г – глаголь	3	4. Г - гѣ	4. Г – гѣ
5.	д – добро	4	5. Д - дѣ	5. Д – дѣ
6.	е – естъ	5	6. Е - е	6. Е – е
7.	ж – живѣте	-	7. Ё – ё	7. Ё – ё
8.	з – зѣло	6	8. Ж – жѣ	8. Ж – жѣ
9.	з – зѣмля	7	9. З - зѣ	9. З – зѣ
10.	н – нже	8	10. И - восьмеричное	10. И – и
11.	і –	10	11. І – десятиричное	-
12.	к – како	20	12. й – и краткое	11. й – и краткое
13.	л – люди	30	13. К – ка	12. К – ка
14.	л – мыслѣте	40	14. Л – эль	13. Л – эль
15.	н – нашъ	50	15. М – эмъ	14. М – эм
16.	о – онъ	70	16. Н – энъ	15. Н – эн
17.	п – покой	80	17. О – о	16. О – о
18.	р – рцы	100	18. П – пѣ	17. П – пѣ
19.	г – слово	200	19. Р – эрь	18. Р – эрь

20.	Т – твердо	300	20. С – эсь	19. С – эс
21.	оу – үкь	(400)	21. Т – тэ	20. Т – тэ
22.	ф – фертъ	500	22. У – у	21. У – у
23.	х – хьръ	600	23. Ф – эфъ	22. Ф – эф
24.	ω – отъ (омега)	800	24. Х – ха	23. Х – ха
25.	Ц – цы	900	25. Ц – це	24. Ц – це
26.	ч – червь	90	26. Ч – чэ	25. Ч – чэ
27.	Ш – ша	-	27. Ш – ша	26. Ш – ша
28.	Щ – ща	-	28. Щ – ща	27. Щ – ща
29.	Ъ – еръ	-	29. Ъ – твёрдый знак	28. Ъ – твёрдый знак
30.	Ы – еры	-	30. Ы – ы	29. Ы – ы
31.	Ь – ерь	-	31. Ъ – мягкий знак	30. Ъ – мягкий знак
32.	Ѣ – ять	-	32. Ѣ – ять	-
33.	Ю – ю	-	33. Э – э	31. Э – э
34.	а –	-	34. Ю – ю	32. Ю – ю
35.	к –	-	35. Я – я	33. Я – я
36.	л – юс малый	(900)		
37.	ь	-		
38.	ж – юс боль- шой	-		
39.	ѣ	-		
40.	ѣ – кси	60		
41.	ѣ – пси	700		
42.	ѣ – фита	9	36. ѣ – фита	-
43.	ү – ижица	400	37. (v) – ижица	

АЗБУЧНЫЙ ЛЕКSIKON

Азбука
 Азбуковник
 Азбучный
 Азы
 Алфавит
 Буква
 Букварь
 Буквенный
 Буквица
 Буквока
 Буквальный
 Буквально
 Буквоед
 Буквалист

Буквалистика
 Глаголица,
 Гражданица,
 Инициал
 Кириллица
 Кириллофоб
 Кириллофобия
 Латинница
 Литера
 Ёрик
 Паерок,
 Паерчик
 Херить (похерить)

АЛФАВИТНАЯ ИДИОМАТИКА

Азвучная истинабы
Бўква закона
Как А и Б
На глаголь лезть
На ять
Начинать с азов
Не видеть аза в глаза
Не знать не мыслить не понимать ни аза
Не миновать глаголя
Не понимать ни а, ни бэ
Ноги ижицей
От а до ижицы
От а до я
От аза до ижицы
Поставить бўквой П покоем
Прописать ижицу ижицу прописать
Прописным азом ноги растопырить
С большой бўквы
Мёртвая бўква
Бўква в бўкву
Сидеть на азах
Смотреть глаголем
Фертом ходить подпереться стоять смотреть
Ходить бўквой Г

АЗБУЧНЫЙ ПАРЕМИЙНИК

Аз да бўки а и все науки
Аз да бўки не избавят от мўки
Аз-алашки, бўки-бўкашки (барашки), веди-валяшки, глаголь-голяшки
Азвўка велика, а тридцать слов
Азвўка наука, а ребятам бўка (мўка)
Азвўки не знает, а читать садится
Азвўкў үчат, во всю извў кричат
Все люди, как люди, а мы, как мыслете.
Выгон на ять - голўбей гонять
Ёр да еры - үпали с горы, ерь да ять - некомў поднять
За аз да за бўки, так и үказкў в рўки
Како он - кон, бўки ерык - бык, глаголь, аз - глаз

Ни аза в глаза не знает
От фиты подвело животы
Сам ни аза в глаза, а людей ижицей тычет
Сказав А, придется сказать Б Кто сказал а, тот должен сказать и Б
Сперва аз да бұки, а там и науки
У Николы две школы: азбұки үчат да каноны твердят
Фита да ижица - к ленивому плеть ближится
Фита, ижица к розге ближится
Что было мұки, доқұки, а ни аза ни бұки
Я – последнее слово в азбұке (ответ: да аз первое)

АЛФАВИТ В ОНОМАСТИКОНЕ

ABC (Азбука ваших снов) (сеть магазинов)
 Азбука
 Азбука вкуса (сеть продовольственных магазинов)
 Азбука души
 Азбука счастья (магазин в Новгороде)
 Азбуковник (издательство в Москве)
 АШКА (прозвище)
 АШНИК (прозвище)
 БЭБЭ (прозвище)
 БЭХА (прозвище)
 БЭШКА (прозвище)
 БЭШНИК (прозвище)
 ВЕШНИК (прозвище)
 ВЭВЭША (прозвище)
 ВЭШКА (прозвище)
 ВЭШНИК (прозвище)
 ГЫР-ГЫР (прозвище)
 ГЫР-ГЫРЫЧ (прозвище)
 ГээМ (прозвище)
 ГЭ-ЭН (прозвище)
 Кириллица (издательство в Великом Новгороде)
 Леди Икс (магазин женской одежды в Великом Новгороде)
 Литера (типография в Великом Новгороде)
 Мистер ИКС (магазин мужской одежды в Великом Новгороде)
 Юс Юсыч (прозвище)

РУССКОЕ ПИСЬМО от СТАРОЙ АЗБУКИ до СОВРЕМЕННОГО АЛФАВИТА						
РЕФОРМА ПЕТРА ПЕРВОГО 1708–1710 гг.		РЕФОРМА АН 1735–1758 гг.	Н. КАРАМЗИН 1797 г.	Я. ГРОТ 1885 г.	РЕФОРМА 1917 г.	
исключены	вычеркнуты <i>Петром</i>	исключены	введены	исключены	исключены	
Ѡ ѡ	Ѡ (ѡ)	ѡ	ѡ (вм. Ѡ)	ѡ	ѡ	
Ѣ ѣ	Ѣ	ѣ	ѣ (вм. ѣ)	ѣ	ѣ	
Ѧ	Ѧ	Ѧ			Ѧ	
Ѩ					Ѩ	
Ѫ					Ѫ	
Ѭ					Ѭ	
Ѯ					Ѯ	
Ѱ					Ѱ	
Ѳ					Ѳ	
Ѵ					Ѵ	
Ѷ					Ѷ	
Ѹ					Ѹ	
Ѻ					Ѻ	
Ѽ					Ѽ	
Ѿ					Ѿ	
ѢѢ					ѢѢ	
ѤѤ					ѤѤ	
ѦѦ					ѦѦ	
ѨѨ					ѨѨ	
ѪѪ					ѪѪ	
ѬѬ					ѬѬ	
ѮѮ					ѮѮ	
ѰѰ					ѰѰ	
ѲѲ					ѲѲ	
ѴѴ					ѴѴ	
ѶѶ					ѶѶ	
ѸѸ					ѸѸ	
ѺѺ					ѺѺ	
ѼѼ					ѼѼ	
ѾѾ					ѾѾ	
ѢѢѢ					ѢѢѢ	
ѤѤѤ					ѤѤѤ	
ѦѦѦ					ѦѦѦ	
ѨѨѨ					ѨѨѨ	
ѪѪѪ					ѪѪѪ	
ѬѬѬ					ѬѬѬ	
ѮѮѮ					ѮѮѮ	
ѰѰѰ					ѰѰѰ	
ѲѲѲ					ѲѲѲ	
ѴѴѴ					ѴѴѴ	
ѶѶѶ					ѶѶѶ	
ѸѸѸ					ѸѸѸ	
ѺѺѺ					ѺѺѺ	
ѼѼѼ					ѼѼѼ	
ѾѾѾ					ѾѾѾ	
ѢѢѢѢ					ѢѢѢѢ	
ѤѤѤѤ					ѤѤѤѤ	
ѦѦѦѦ					ѦѦѦѦ	
ѨѨѨѨ					ѨѨѨѨ	
ѪѪѪѪ					ѪѪѪѪ	
ѬѬѬѬ					ѬѬѬѬ	
ѮѮѮѮ					ѮѮѮѮ	
ѰѰѰѰ					ѰѰѰѰ	
ѲѲѲѲ					ѲѲѲѲ	
ѴѴѴѴ					ѴѴѴѴ	
ѶѶѶѶ					ѶѶѶѶ	
ѸѸѸѸ					ѸѸѸѸ	
ѺѺѺѺ					ѺѺѺѺ	
ѼѼѼѼ					ѼѼѼѼ	
ѾѾѾѾ					ѾѾѾѾ	
ИТОГО: 43-5=38	38-2=36	37-2=35	35+2=37	37-1=36	36-3=33	

ПРИМЕЧАНИЕ:

- Ѡ – юс малый; ѡ – юс малый йотированный;
- ѡ – юс большой; ѡѡ – юс большой йотированный;
- ѡѡ – аз йотированный; ѡ – есть йотированный; ѡ – есть;
- ѡѡ – ук (ѡ – ук); ѡѡ – пси; ѡѡ – от; ѡ – омега; ѡѡ – кси; ѡѡ – зело;
- ѡ – и десятеричное; ѡ – и с краткой; ѡѡ – ять; ѡѡ – фита; ѡѡ – ижица.

БИБЛИОГРАФИЯ

СЛОВАРИ

- АА** – Ашукин Н. С., Ашукина М. Г. Крылатые слова. М., 1986.
- БМС** – Бирих А. К., Мокиенко В. М., Степанова Л. И. Русская фразеология. Историко-этимологический словарь. М., 2005.
- ДРС** – Древнерусский словарь XI–XVII вв. Вып. 5. М., 1978.
- ИЧ** – Иванова Т. Ф., Черкасова Т. А. Русская речь в эфире: Комплексный справочник. 5-е изд., стереотип. М., 2005.
- КЭС** – Шанский Н. М., Иванов В. В., Шанская Т. В. Краткий этимологический словарь русского языка. М., 1971.
- МАС** – Словарь русского языка в 4-х тт. / Под ред. А. П. Евгеньевой. М., 1981–1984.
- ММ** – Макаров В. И., Матвеева Н. П. От Ромула до наших дней: Словарь лексических трудностей художественной литературы. М., 1993.
- ПД** – Пословицы русского народа. Сборник В. Даля. М., 1957.
- РМ** – Михельсон М. И. Русская мысль и речь: Свое и чужое: Опыт русской фразеологии: Сборник образных слов и иносказаний: В 2 т. М., 1994.
- СГ** – Словарь современного русского города: Ок. 11 000 слов, ок. 1 000 идиоматических выражений / Под ред. Б. И. Осипова. М., 2003.
- СД** – Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка в 4-х тт. М., 1989–1991.
- СЖ** – Жуков А. В. Лексико-фразеологический словарь русского языка: Проект. Великий Новгород, 2002.
- СЗ** – Зализняк А. А. Грамматический словарь русского языка: Словоизменение. Около 100 000 слов. М., 1977.

- СИБ** – Бабкин А. М., Шендецов В. В. Словарь иноязычных выражений и слов. К–Z. Изд. 2-е. М., 1987.
- СК** – Современный толковый словарь русского языка / Под ред. С. А. Кузнецова. СПб., 2001.
- СКн** – Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вторая половина XIV – XVI в. Ч. 1: А–К / Отв. ред. Д. С. Лихачев. Л., 1988.
- СКр** – Крысин Л. П. Толковый словарь иноязычных слов. М., 2000.
- СМА** – Елистратов В. С. Словарь московского арга: Материалы 1980–1994 гг.: Около 8 000 слов, 3 000 идиоматических выражений. М., 1994.
- СНС** – Словарь новых слов русского языка (середина 50-х – середина 80-х годов) / Под ред. Н. З. Котеловой. СПб, 1995.
- СО** – Ожегов С. И. Словарь русского языка. Изд. 9-е. М., 1972.
- СОВ** – Словарь образных выражений русского языка / Т. С. Аристова, М. Л. Ковшова, Е. А. Рысева и др.; Под ред. В. Н. Телия. М., 1995.
- СОШ** – Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1992.
- СП** – Вальтер Х., Мокиенко В. М. Большой словарь русских прозвищ. М., 2007.
- СРВ** – Белянин В. П., Бутенко И. А. Живая речь: Словарь разговорных выражений. М., 1994.
- СС** – Словарь синонимов / Ред. А. П. Евгеньева. Л., 1975.
- ССЦ** – Душенко К. Словарь современных цитат: 5200 цитат и выражений XX и XXI вв., их источники, авторы, датировка. 4-е изд., испр. и доп. М., 2006.
- СТ** – Тихонов А. Н. Словообразовательный словарь русского языка. В 2 тт. Около 145 000 слов. М., 1985.
- СтС** – Старославянский словарь (по рукописям X–XI веков) / Под ред. Р. М. Цейтлин, Р. Вечерки и Э. Благовой. М., 1994
- СУ** – Толковый словарь русского языка / Под ред. Д. Н. Ушакова Т. 1–4. М., 1935–1940.
- СФ** – Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. В 4 т. / Пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. 2-е изд. М., 1986.
- СЧ** – Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. В 2 т. М., 1993.
- СШ** – Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / Отв. ред. Н. Ю. Шведова. М., 2008.
- СШБ** – Шанский Н. М., Боброва Т. А. Этимологический словарь русского языка. М., 1994.
- СЯ** – Яранцев Р. И. Словарь-справочник по русской фразеологии. Изд. 2-е. М., 1985.
- С XI** – Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 8. М., 1988.
- С XVIII** – Словарь русского языка XVIII века / Гл. ред. Ю. С. Сорокин. Вып. 2. (Безпристрастный – Вейэр). Л., 1985.
- ФСМ** – Фразеологический словарь русского языка / Под ред. А. И. Молоткова. Изд. 3-е. М., 1978.

- ШЗФ** – Шанский Н. М., Зимин В. И., Филиппов А. В. Опыт этимологического словаря русской фразеологии. М., 1987.
- ДК** – Dlugosz-Kurchabowa K. Słownik szkolny. Etimologia. Warszawa, 1998.

ЛИТЕРАТУРА

- 18 азбук 1996** – 18 знаменитых азбук в одной книге: Занимательные уроки / Худож. И. Панков, Л. Лукьянова. М., 1996.
- Аванесов, Сидоров 1930** – Аванесов Р. И., Сидоров В. П. Реформа орфографии в связи с проблемой письменного языка // РЯСШ. 1930. № 1. С. 110–114.
- Азбука 1710** – Азбука гражданская с нравочениями. Правлена рукою Петра Великого. Дана лета 1710.
- Азбука 1812** – Азбука 1812 г. / Худ. оформление Ю.А. Гапонова. СПб., 1993.
- Аксенов 1999** – Аксенов В. Ё – буква русского ёрничества // Независимая газета. 1999. 30 сент.
- Алфавитная 2001** – Алфавитная глобализация: К вопросу о всеобщем переходе на латиницу: Диалог писателя Юрия Ложица и акад. Олега Трубочева // Советская Россия. 2001. 14 дек.
- Амирова 1977** – Амирова Т. А. К истории и теории графемики. М., 1977.
- Аничков 1923** – Аничков В. Е. Правописание и классики // Русская школа за рубежом. Кн. 5–6. Прага, 1923. С. 78–87.
- Арутюнов 2001** – Арутюнов С. А. Всемирный переход на латиницу неизбежен // Независимая газета. 2001. 7 авг.
- Арциховский, Борковский 1958** – Арциховский А. В., Борковский В. И. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1953–1954 гг.). М., 1958.
- А.С. 1862** – А.С. По вопросу об упрощении русской орфографии // Библиотека для чтения. 1862. Т. 170 (апр.). С. 76–92.
- Ашнин, Алпатов, 2001** – Ашнин Ф., Алпатов В. Putin za realnijuje celi // Независимая газета. 2001. 31 марта.
- Баранов 1991** – Баранов М. Т. Применение графической наглядности в процессе обучения орфографии // Русский язык в школе. 1991. № 2. С. 35–40.
- Барсов 1788** – Российская грамматика Антона Алексеевича Барсова [1783–1788] / Под ред. и с пред. Б. А. Успенского. М., 1981.
- Барт 1994** – Барт Р. S/Z / Пер. с фр. М., 1994.
- Белинский 1844** – Белинский В. Г. [Рец. 1844]. Русская грамматика Александра Востокова, по начертанию его же сокращенной грамматики полнее изложенная; 6-е изд., испр. СПб., 1844 // Белинский В. Г. Полн. собр. соч.: В 10 т. Т. 8. М., 1981. С. 484–488.

- Белинский 1845** – Белинский В. Г. [Рец., 1845] Упрощение русской грамматики. *Uproscenie ruscoi grammatichi*. Соч. К. М. Кодинского. СПб., 1842 // В. Г. Белинский. Полн. собр. соч.: В 13 т. Т. 9. М., 1955. С. 328–345.
- Библиографический 1954** – Библиографический указатель литературы по русскому языкознанию 1825–1880. М., 1954. Вып. 1.
- Библия падонков 2007** – Библия падонков, или Учебнег албанского языка. М., 2008.
- Богдан 1859** – Богдан А. Д. О неудобности латинской азбуки в письменности русской. Рассуждение Богдана А. Д. Ведень, книгопечатня о. о. мехитаристов, 1859.
- Богомазов 2000** – Богомазов Г. М. Сосуществование двух фонологических систем в языке ребенка // Вопросы языкознания. 2000. №1. С. 102–110.
- Богородицкий 1909** – Богородицкий В. А. Очерки по языковедению и русскому языку: Пособие при изучении науки о языке. 2-е изд., испр. и значит. доп. Гл. 10. О правописании. Казань, 1909. С. 133–147.
- Бодуэн де Куртенэ 1912** – Бодуэн де Куртенэ И. А. Польский язык сравнительно с русским и древнецерковнославянским: Пособие для практических занятий по «Сравнительной грамматике славянских языков и для самообучения». СПб., 1912.
- Бойко 2002** – Бойко Е.С. Орфография русского языка в свете теории речевой деятельности как функционально-деятельностный подход в обучении // Лингвистика и школа: доклады международной научной конференции. Красноярск, 2002. С. 100–106.
- Борковский, Кузнецов 1963** – Борковский В. И., Кузнецов П. С. Историческая грамматика русского языка. М., 1963.
- Борьба 1936** – Борьба за грамотность – основная задача школы // РЯШ. 1936. № 1. С. 3–18.
- Брандт 1901** – Брандт Р. Ф. О лженаучности нашего правописания: Публичная лекция // Филол. записки. 1901. Вып. 1–2. С. 1–58.
- Брандт 1904** – Брандт Р. Ф. 1904. К орфографической реформе (Письмо в редакцию) // Русь. 1904. № 124.
- Брандт 1910** – Брандт Р.Ф. Петровская реформа русской азбуки. М., 1910.
- Брокгауз, Ефрон 2004** – Брокгауз Ф. А., Ефрон И. А. Энциклопедический словарь. Философия и литература. Мифология и религия. Язык и культура. М., 2004.
- Брукфилд 2001** – Брукфилд К. Письменность. М., 2001.
- Будилович 1877** – Будилович А. С. Очерки из сербской истории. СПб., 1877. (Первонач. напечат.: Слав. сб. Т. II. СПб., 1877. Отд. I. С. 291–345).
- Былинский, Никольский 1998** – Былинский К. И., Никольский Н. Н. Русский язык: Справочник по орфографии и пунктуации. 5-е изд., перераб. и дополн. М., 1998.
- Бычков 1889** – Бычков А. Отчего? Зачем? и Почему? Оскудение и искажение русской речи. Наблюдения А. Б. СПб., 1889.

- Варганова 2005** – Варганова Л. Д. Орфографическое программирование как способ подготовки к формированию орфографической зоркости // Начальная школа. 2005. № 6. С. 18–22.
- Васильев 1896** – Васильев А. П. Еще к вопросу о русском правописании // Филологические записки. 1896. Вып. 5–6. С. 1–8.
- Васильев 1916** – Васильев К. А. К вопросу об экономической борьбе с Германией (Новый русский алфавит). Киев, 1916.
- Васильев, Савина 2000** – Васильев Н. Л., Савина Е. В. Варваризмы в языке Пушкина // Филологические науки. 2000. № 2. С. 99–105.
- Вахтеров 1923** – Вахтеров В.П. Реформа правописания не закончена // Вестник просвещения. 1923. № 7–8. С. 12–18.
- Верещагин 2001** – Верещагин Е. М. Из истории кириллицы (2001) – http://www.gramota.ru/biblio/magazine/gramota/philology/28_118.
- Виноградов 1946** – Виноградов В. В. Русская наука о русском языке // Уч. зап. МГУ. М., 1946. Вып. 106. Т. 3. Кн. 1. С. 74–75.
- Виноградов 1982** – Виноградов В. В. Очерки по истории русского литературного языка XVII–XIX веков. М., 1982. С. 13.
- Виноградов 1994** – Виноградов В. В. История слов. М., 1994.
- Власов 2008** – Власов С. В. К истории буквы Ё: легенды и факты // Письменная культура народов России: Материалы Всероссийской научной конференции 19–21 ноября 2008 г. / Под ред. Б. И. Осипова. Омск, 2008. С. 25–30.
- Воеводский 1898** – Воеводский. Опыт упрощения русского правописания. Одесса, 1898.
- Войлова 2003** – Войлова К. А. Старославянский язык: Пособ. для вузов. М., 2003.
- Волина 1994** – Занимательное азбукведение: Книга для родителей, учителей и милых детей / Авт.-сост. В. В. Волина. 2-е изд., испр. М., 1994.
- Волков 1997** – Волков С. Азбука Битова // Звезда. № 5. 1997.
- Гак 1966** – Гак В. К. Беседы о французском слове. М., 1966.
- Галенко 2000** – Галенко В.Т. Русский язык и латиница // НТИ. Сер. 1: Организация и методика информ. работы. М., 2000. № 10. С. 35–42.
- Галкина 2004** – Галкина О. В. Метафора как инструмент познания (на материале терминов-метафор компьютерного интерфейса): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тверь: Тверской гос. ун-т, 2004.
- Гальченко 2001** – Гальченко М. Г. Книжная культура. Книгописание. Надписи на иконах Древней Руси. Избранные работы. М., 2001.
- Гаспаров 1997** – Гаспаров Б. М. Язык. Память. Образ. Лингвистика языкового существования. М., 1997.
- Гвоздев 1934** – Гвоздев А. Н. К вопросу о роли чтения в усвоении орфографии // Русский язык и литература в средней школе. 1934. № 4.
- Гвоздев 1947** – Гвоздев А. Н. Основы русской орфографии. М., 1947.
- Гельб И. Е.** Опыт изучения письма (основы грамматиологии) / Пер. с англ. М.: Радуга, 1982.
- Гефтер 1990** – Гефтер М. Суверенная провинция // Родина. 1990. № 11. С. 58–61.
- Гиршберг 1977** – Гиршберг В. Б. Человек в знаках зодиака Изборника 1073 г. / Изборник Святослава 1073 г.: Сб. статей. М., 1977. С. 185–203.

- Глинкина 2000** – Глинкина Л. А. От аза до ижицы. Оренбург, 2000.
- Голев 1997** – Голев Н. Д. Антиномии русской орфографии. Барнаул, 1997.
- Голев 1999** – Голев Н.Д. Когнитивный аспект русской орфографии: орфографоцентризм как принцип обыденного метаязыкового сознания // Отражение русской языковой картины мира в лексике и грамматике: Межвуз. сб. науч. трудов / Под ред. Т. И. Стексовой. Новосибирск, 1999.
- Голев 2004** – Голев Н. Д. О природе орфографической интуиции (к постановке проблемы) // Человек пишущий и читающий: проблемы и наблюдения: Материалы международной конференции (14–16 марта 2002 г. С.-Петербург). СПб, 2004.
- Горецкий 1986** – Горецкий В. Г., Кирюшкин В. А., Шанько А. Ф. Азбука: Для 4-летней начальной школы. М., 1986.
- Грамматика Смотрицкого** – Грамматики словенския правильное Синтагма (1619) // Грамматики Лаврентия Зизания и Мелетия Смотрицкого / Сост. Е. А. Кузьмина. М., 2000. С. 131–470.
- Грановская 1998** – Грановская Л. М. Библейские фразеологизмы // Русская речь. 1998. № 1. С. 74–75.
- Гречулевич 1853** – Гречулевич В. [Рец.] Образцы польского языка в прозе и стихах для русских, изданные П. Д. (Wzory języka polskiego. Proza i wierszen dla rossyan, wydane przez P. D.). (СПб., 1852. – 70 с.) // Журнал Мин. народного просвещения. 1853. № 4. С. 1–23.
- Григорьева 1993** – Григорьева Т. М. Орфографическая реформа 1917–18 годов // Знание – сила. 1993. № 8. С. 92–96.
- Григорьева 1996** – Григорьева Т. М. Русское письмо: от реформы графики к реформе орфографии: Научно-популярный очерк. Красноярск, 1996.
- Григорьева 1997** – Григорьева Т. М. О букве ЯТЬ и других исключенных реформой буквах // День и ночь. 1997. № 3. С. 132–135.
- Григорьева 1998** – Григорьева Т. М. Русская орфография XX в. (послереформенный период): Учебн. пособие. Красноярск, 1998.
- Григорьева 2000** – Григорьева Т. М. Графико-орфографические приметы современности // Активные процессы конца XX века: Тезисы докладов международной конференции. М., 2000. С. 47–49.
- Григорьева 2003** – Григорьева Т. М. Параграфемные явления в современном русском письме // Язык. Культура. Коммуникация: аспекты взаимодействия. Абакан, 2003. С. 68–73.
- Григорьева 2004** – Григорьева Т. М. Три века русской орфографии (XVIII – XX вв.) М., 2004.
- Григорьева, Осипов 2002** – Григорьева Т. М., Осипов Б. И. Русское письмо (От старой азбуки до современного алфавита) // РЯШ. 2002. № 2. С. 77–82.
- Грот 1912** – Грот К. Я. Материалы для жизнеописания академика Якова Карловича Грота (1812–1893). Хронологический обзор его жизни и деятельности. Составил К. Я. Грот (к 100-летней годовщине рождения академика 15 дек. 1912 г.). СПб., 1912.

- Грот 1915** – Грот К. Я. Письмо в редакцию (по поводу брошюры г. Миртова о руководстве акад. Я. К. Грота «Русское правописание» // Журнал министерства народного просвещения. 1915. № 12. С. 251–256.
- Грот 1873** – Грот Я. К. Филологические разыскания. Материалы для словаря, грамматики и истории русского языка. СПб., 1873.
- Грот 1876** – Грот Я. К. Спорные вопросы русского правописания от Петра Великого доныне. // Грот Я. К. Филологические разыскания. 2-е изд. Т. 2. СПб., 1876.
- Грот 1885** – Грот Я. К. Русское правописание: Руководство, составленное по поручению Второго отделения Имп. Акад. наук академиком Я. К. Гротом // Сб. ОРЯС. 1885. Т. 36. № 1. С. 1–144.
- Грот 1885a** – Грот Я. К. Русское правописание: Руководство, составленное по поручению Второго отделения Имп. Акад. наук академиком Я. К. Гротом. 3-е изд. СПб., 1885.
- Грот 1886** – Грот Я. К. Несколько разъяснений по поводу замечаний о книге «Русское правописание»: Записка акад. Я. К. Грота, читаная во II отд. Имп. Академии наук // Сб. ОРЯС. 1886. Т. 40. № 1. С. 1–55.
- Грот 1908** – Грот Я. К. Русское правописание. Руководство, составленное по поручению Второго отделения имп. Академии наук академиком Я. Г. Гротом. 18-е изд. СПб., 1908.
- Грот 1916** – Грот Я. К. Русское правописание: Руководство, составленное по поручению Второго отделения Имп. Акад. наук академиком Я. К. Гротом [1885]. 22-е изд. СПб., 1916.
- Данилов 1927** – Данилов В. В. К вопросу об этиологии современной школьной безграмотности // Родной язык в школе. 1927. № 1. С. 156–161.
- Дедицкий 1859** – Дедицкий Б. А. О неудобности латинской азбуки в письменности русской. Ведень, книгопечатня о. о. мехитаристов, 1859.
- Дергачев 1955** – Дергачев К. Устранить орфографические капканы // РЯШ. 1955. № 1. С. 34–36.
- Доброписцев 1886** – Доброписцев М. Е. Возможно ли применить русское правописание академика Я. К. Грота к практике? Разбор руководства, составленного акад. Я. К. Гротом. СПб., 1886.
- Доклад 1901** – Доклад педагогического общества, состоящего при Императорском Московском университете, по вопросу об упрощении русской орфографии // Вопросы воспитания и обучения. Труды педагогического общества, состоящего при Императорском Московском университете. М., 1901. С. 6–7.
- Доклад 1903** – Доклад комиссии по упрощению русского правописания. Новороссийск. [б. г., предположительно 1903].
- Дубровский 1852** – Дубровский П. П. Образцы польского языка в прозе и стихах для русских. СПб., 1852.
- Добиаш-Рождественская 1987** – Добиаш-Рождественская О. А. История письма в средние века. М., 1987.
- Дьяков 1999** – Дьяков А. И. Англоязычные варваризмы в языке города // Лингвистический ежегодник Сибири. Вып. 1. Красноярск, 1999. С. 113–120.

- Евгеньев 1919** – Евгеньев А. Новая орфография на практике // Вестник литературы. 1919. № 4.
- Евграфова 1998** – Евграфова С. М. Принципы русской пунктуации // Энциклопедия для детей. Т. 10. Языкознание. Русский язык. М.: Аванта+, 1998. С. 230–240.
- Житомирский 1915** – Житомирский К. Г. Молох XX века (Правописание). М., 1915.
- Жуковская 1963** – Жуковская Л. П. Первое палеографическое исследование в России // Развитие славяно-русской палеографии (В дореволюционной России и СССР) М., 1963. С. 12–16.
- Зайцев, Кушнир 1980** – Зайцев И. А., Кушнир И. И. Улицы Новгорода: Справочник. Л., 1980.
- Земская 2004** – Земская Е. А. Михаил Булгаков и его родные: Семейный портрет. М., 2004.
- Зиндер 1996** – Зиндер Л. Р. Введение в теорию письма // Прикладное языкознание. СПб, 1996.
- Зубова 2000** – Зубова Л. В. Современная русская поэзия в контексте истории языка. М., 2000.
- Зубова 2001** – Зубова Л. В. Поэтическая орфография в конце XX века // Текст. Интертекст. Культура: Материалы междунар. науч. конф. М., 2001. С. 50–52.
- Езерский 1914** – Езерский Ф. Народная русская азбука из 24 букв, как и в латинском, взамен 36: В 3-х ч. Ч. 1. Для составителей правописания; Ч. 2. Для учащихся; Ч. 3. Для учащихся. СПб.-М., 1914.
- Иванов 1881** – Иванов А. А. О рациональной передаче греческих и латинских слов в русской речи и в письме. Киев, 1881.
- Иванова 1990** – Иванова В. Ф. Графика // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990. С. 118.
- Иванова 1991** – Иванова В. Ф. Современная русская орфография. М., 1991. Гл. 7: Главнейшие факты истории русского правописания. С. 176–190.
- Ившин 2005** – Ившин В. Д. Манифест о международном английском алфавите // Человек в зеркале языка: Вопросы теории и практики: Сб. статей, посвященный памяти академика И. Л. Мещанинова. Кн. 2. М., 2005. С. 221–232.
- Ившин 2005а** – Ившин В. Д. Манифест о международном французском алфавите // Человек в зеркале языка: Вопросы теории и практики: Сб. статей, посвященный памяти академика И. Л. Мещанинова. Кн. 2. М., 2005. С. 233–243.
- Извлечения 1886** – Извлечения из протоколов Имп. Академии наук. Заседание ОРЯС за 1886 г. // Сб. ОРЯС. Т. 40. № 1. С. I–V.
- Ицкович 1974** – Ицкович В. А. Опыт описания современной пунктуации // Нерешенные вопросы русского правописания. М., 1974. С. 172–190.
- Кадинский 1842** – Кадинский К. М. Упрощение русской грамматики. Uproscenie ruskoj grammatiči, напечатанное двояким шрифтом русским и вновь предлагаемым латинским. СПб., 1842.
- Кадинский 1842а** – Кадинский К. М. Отрывок из грамматических заметок // Маяк. 1842. Т. 1. Кн. 2. С. 124–126.

- Кадинский 1857** – Кадинский К. М. Преобразование и упрощение русского правописания. СПб., 1857.
- Казначеев 2005** – Казначеев С. Покушение на кириллицу: Порча языка, или Полный абазз // Литературная газета. 2005. 24 февр. – 01 марта (№ 7–8).
- Каринский 1915** – Каринский Н. [Рец.] А.В. Миртов. «Русско-немецкое правописание акад. Я. К. Грота». Изд. Н. Карабасникова. Пг., 1915 // Журнал министерства народного просвещения. 1916 (март). Ч. 62. С. 94–97; см. также: Известия по народному образованию. 1916 (март). Ч. 48. С. 350–353.
- Ким 1998** – Ким И. Е. «Лингвистическое бессознательное» в русской фонетике и графике // Фонетика – орфоэпия – письмо в теории и практике: Сб. науч. тр. / Краснояр. гос. ун-т. Красноярск, 1998. Вып. 2. С. 4–14.
- Ким, Гетьман 2004** – Ким И. Е., Гетьман А. А. Место и функции дефиса в графической системе современного русского языка // Лингвистический ежегодник Сибири. Вып. 6. Красноярск, 2004. С. 62–73.
- Кирсанов 1999** – Кирсанов Д. Веб-дизайн: книга Дмитрия Кирсанова. СПб., 1999.
- Климанова, Макеева 2000** – Климанова Л. Ф., Макеева С. Г. АЗВГДейка: Азбука первоклассника: Учебн. для 1 кл. четырехлет. нач. шк. 4-е изд. М., 2000.
- К. Л. М. 1904** – К. Л. М. К вопросу о реформе правописания // Новое время. 1904. № 10116 (2 мая).
- Ковтун 1989** – Ковтун Л. С. Азбуковники XVI – XVIII вв. Старшая разновидность. Л., 1989.
- Ковтунова 1976** – Ковтунова И. И. Современный русский язык: Порядок слов и актуальное членение предложения: Учеб. пособие. М., 1976.
- Колесов 2003** – Колесов В. В. История русского языкознания. СПб., 2003.
- Кондратьев** – Кондратьев Ю. А. Методика преподавания церковнославянского языка // <http://paerok.narod.ru/stud/inner/method.htm>
- Копиевич 1700** – Копиевич (Копиевский) И. Ф. Latina grammatica in usum scholarum celeberrimae gentis sclavonico-rosseanae adornata. Studio atque opera Eliae Kopiewitz seu de hasta hastenii. Amsterdami. MDCC (сентябрь).
- Котков Панкратова, 1964** – Котков С. И., Панкратова Н. П. Источники по истории русского народно-разговорного языка XVII – начала XVIII века. М., 1964.
- Крейдлин, Кронгауз 2004** – Крейдлин Г. Е., Кронгауз М. А. Семиотика, или Азбука общения. М., 2004.
- Кремлев 1898** – Кремлев П. Мытарства одного юнца на письменных экзаменах по русскому языку // Рус. школа. 1898. № 12. С. 36–68.
- Кривенко 1919** – Кривенко В. С. Точки над И. Еще раз о новой орфографии // Вестник литературы. 1919. № 5. С. 9–10.
- Крысин 2004** – Крысин Л. П. Русское слово, своё и чужое: Исследования по современному русскому языку и социолингвистике. М.: Языки славянской культуры, 2004.
- Крючков 1952** – Крючков С. Е. Вопросы современной русской орфографии. М., 1952.

- Кузьмина 2005** – Кузьмина Т. В. Функциональный анализ фонемно-графемных соответствий в письменной речи детей (на материале согласных): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. С-Пб., 2005.
- Куницкий 1901** – Куницкий В. О возможностях упрощения русской орфографии // Образование. 1901 (нояб.). № 11. С. 33–43.
- Купина 1991** – Купина Н. А. Азбука поведения: Речевой этикет в стихах, рассказах и картинках. Свердловск, 1991.
- Кут 1930** – Кут А. Накануне введения нового правописания // Вечерняя Москва. 1930. № 283. С. 3.
- Лазурский 1903** – Лазурский В. Ф. Вопрос об упрощении орфографии у англичан, французов и немцев. Одесса, 1903.
- Ленинградский 1937** – Ленинградский орфографический фронт (отчет с мест) // РЯШ. 1937. Кн. 5. С. 193–194.
- Леонтьев 1947** – Леонтьев А. Н. Психологические вопросы сознательности учения. Вопросы психологии понимания // Известия АПН РСФСР. Вып. 7. М., 1947.
- Лесков 2001** – Лесков С. Битва вокруг алфавита // Известия. 2001. 25 авг.
- Летопись 2008** – Летопись Челябинской области: сб. док. и материалов: в 3 т. Т. 1. 1673–1917 / [сост.: Е. А. Калинкина, Е. П. Турова, И. С. Янгирова; гл. ред. А. П. Финадеев; науч. Ред. И.А. Новиков]. Челябинск, 2008.
- Лешкова 2009** – Лешкова О. О. «Свой среди чужих»: к вопросу об адаптации заимствований (на материале современного польского языка) // Славянские языки и культуры в современном мире: Труды и материалы. Дополнения. М., 2009.
- Лихачева 1977** – Лихачева В. Д. Византийские источники архитектурных фронтисписов Изборника 1073 г. // Изборник Святослава 1073 г.: Сб. статей. М., 1977. С. 204–216.
- Ломоносов 1775** – Ломоносов М. В. Российская грамматика. СПб., 1755.
- Ломоносов 1952** – Ломоносов М. В. Суд российский письмен, перед разумом и обычаем от грамматики представленных [1750-е гг.] // Ломоносов М. В. Полн. собр. соч. Т. 7. Труды по филологии. М.-Л., 1952. С. 379–388.
- Лопатин 2000** – Лопатин В. В. Орфография и пунктуация: обойдёмся без паники // Русский язык (еженедельное приложение к газете «Первое сентября»). 2000. № 37 (253), октябрь.
- Лук 1978** – Лук А. Н. Психология творчества. М., 1978.
- Луначарский 1930** – Луначарский А. В. Латинизация русской письменности // Культура и письменность Востока. Кн. 6. Баку, 1930. С. 20–26. См. также: Красная газета (веч. вып.) 1930. 6–7 янв.
- Львов 1988** – Львов М. Р. Словарь-справочник по методике русского языка: учеб. пособие для студентов пед. ин-тов. М.: Просвещение, 1988.
- Львов и др. 2000** – Львов М. Р., Горецкий В. Г., Сосновская О. В. Методика преподавания русского языка в начальных классах: Учебн. пособие для студентов высш. учеб. заведений. М., 2000.

- Мавродин 1967** – Мавродин В. В. Об одном изображении дикого зверя на фресках Софийского собора в Киеве // Культура и искусство Древней Руси: Сб. статей в честь проф. М. К. Каргера. Л., 1967. С. 43–49.
- Макарий 1994** – Митрополит Макарий. История русской церкви. Кн. 1. История христианства в пределах нынешней России до основания Русского царства (ок. 60–862). М., 1994.
- Малов 2002** – Малов В. И. Книга. М., 2002.
- Мальцев 1930** – Мальцев М. О новом правописании // Молодая гвардия. 1930. №21. С. 88–91.
- Мамонов 1930** – Мамонов В. В тисках орфографических противоречий. Миллион терзаний. Белгород, 1930.
- Маркова, Шкатова 1993** – Маркова В., Шкатова Л. История унификации русской орфографии. Челябинск, 1993.
- Материалы 1930** – Материалы по вопросу о латинизации русской письменности // Культура и письменность Востока. 1930. Кн. 6. С. 208–219.
- Мельников-Печерский 1909** – Мельников-Печерский П. И. Очерки попущины // Мельников-Печерский П. И. Полн. собр. соч. Т. 7. СПб, 1909.
- Мещерский 1958** – Мещерский Н. А. История Иудейской войны Иосифа Флавия в древнерусском переводе. М.-Л., 1958.
- Мещерский 1977** – Мещерский Н. А. Взаимоотношения Изборника 1073 г. с Изборником 1076 г // Изборник Святослава 1073 г.: Сб. статей. М., 1977. С. 90–99.
- Миртов 1916** – Миртов А. В. Русско-немецкое правописание академика Якова Карловича Грота. Пг., 1915.
- Миртов 1916** – Миртов А. В. Можно ли писать «по Гроту»? К вопросу об искажении русской речи академиком Яковом Карловичем Гротом. Пг., 1916.
- Миртов 1915–1916** – Миртов А. В. О русско-немецком правописании Я. К. Грота (ответ К. Гроту) // Родной язык в школе. 1915 / 16. № 6. С. 269.
- Миртов 1916–1917** – Миртов А. В. Ученый комитет МНП о правописании Грота // Родной язык в школе. М., 1916 / 17. № 2–3. С. 106–107.
- Миртов 2000** – Миртов А. В. Как научить и научиться грамотно писать? Общедоступная методика орфографии. Новое изд. Перепеч. с изд. 1914 г./ Подг. текста, предисловие и вступительная статья Л. Б. Парубченко. Барнаул, 2000.
- Михайлов 1992** – Михайлов А. В. Древнерусский текст: пунктуация и предикация: Автореф. дис... канд. филол. наук. СПб., 1992.
- Накорякова 2004** – Накорякова К. М. Очерки по истории редактирования в России XVI–XIX вв. М., 2004.
- Налимов 1979** – Налимов В. В. Вероятностная модель языка. М., 1979.
- Нарлох 2006** – Нарлох О. А. Латиница в белорусском письме // Письменность славян: прошлое, настоящее, будущее. Gdańsk–Красноярск, 2006. С. 150–159.
- Науменко 2003** – Науменко С. В. Кириллица & латиница (структурные группы варваризмов в современной орфографической практике // Лингвистический ежегодник Сибири. Вып. 4–5. Красноярск, 2003. С. 166–169.

- Немировский 2004** – Немировский Е. Я не советовал вводить латиницу в Сербии // Известия 2004. 25 мая.
- Нехамкин 2005** – Нехамкин С. О латинском алфавите // Известия. 2005. 22 марта.
- Новаковский 1872** – Новаковский В. И. Заметки о русском правописании // Филол. зап. 1872. Вып. 1–2. С. 15–26.
- Новгородские 1938** – Новгородские записные кабельные книги 100–104 и 111 годов (1591–1596 и 1692–1603 гг.) / Под ред. А. И. Яковлева. М.-Л., 1938.
- Ножин 1973** – Ножин Е. А. Основы советского ораторского искусства. М., 1973.
- Обнорский 1934** – Обнорский С. П. Русское правописание и язык в практике издательств // Известия АН ССР. 7 серия. Отделение общественных наук. 1934. № 6. С. 455–483.
- О новом 1930** – О новом правописании: сборник статей. М., 1930.
- Обнорский, Бархударов 1952** – Обнорский С. П., Бархударов С. Г. Хрестоматия по истории русского языка. Ч. 1. Изд. 2-е. М., 1952.
- Олейник 1916** – Олейник Е.А. Наша орфография // Для народного учителя. 1916. № 2. С. 15–20.
- Осипов 1990** – Осипов Б. И. История русского письма (Графика. Орфография. Пунктуация). Омск, 1990.
- Осипов 1992** – Осипов Б. И. История русской орфографии и пунктуации. Новосибирск, 1992.
- Осипов 1993** – Осипов Б. И. Графика, орфография и пунктуация русского лубка XVII–XIX в. // Русский язык донационального периода. СПб., 1993. С. 29–39.
- Осипов 1999** – Осипов Б. И. Учителю об истории русского письма. Омск, 1999.
- Осипов 2008** – Осипов Б. И. К проблеме общеевропейского алфавита (принципы отбора знаков) // Письменная культура народов России: Материалы Всероссийской научной конференции 19–21 ноября 2008 г. Омск, 2008. С. 115–117.
- Осипов 2008а** – Осипов Б. И. Языковая приемлемость кириллического и латинского алфавитов для языков народов России // Письменная культура народов России: Материалы Всероссийской научной конференции 19–21 ноября 2008 г. Омск, 2008. С. 117–118.
- Памяти 1913** – Памяти академика Я. К. Грота. Торжественное чествование 100-летней годовщины его рождения Императорской Академией наук 10 декабря 1912 г. СПб., 1913. (Содержит речи А. А. Шахматова, Е. В. Петухова и П. О. Морозова, воспоминания И. В. Ягича и А. Ф. Кони).
- Памятники 1909** – Памятники истории смутного времени / Под ред. А. И. Яковлева. М., 1909.
- Панов 1964** – Панов М. В. И все-таки она хорошая (рассказ о русской орфографии, её достоинствах и недостатках). М., 1964.
- Пекарский 1862** – Пекарский П. П. Наука и литература в России при Петре Великом. Т. 1. СПб., 1862.

- Первый 1917** – Первый Всероссийский съезд преподавателей русского языка средней школы в Москве 27 дек. 1916 – 4 янв. 1917. М., 1917.
- Петерсон 1927** – Петерсон М. Н. К вопросу о рациональной методике обучения орфографии // Родн. яз. в шк. 1927. № 5. С. 175–178.
- Пешковский 1930** – Пешковский А. М. Реформа или урегулирование? (По поводу проекта реформы орфографии, выработанного Главнаукой) // Русский язык в школе. 1930. № 3. С. 93–110.
- Письменная 2008** – Письменная культура народов России: Материалы Всероссийской научной конференции 19–21 ноября 2008 / Под ред. Б. И. Осипова. Омск, 2008.
- Письмо 1876** – Письмо к редакции «Филологических записок» Я. К. Грота // Филологические записки. 1876. Вып. 2. С. 7–8.
- Платонов 1917** – Платонов С. Ф. Полный курс лекций по русской истории. Петроград, 1917.
- По вопросу 1862** – По вопросу об упрощении орфографии // Учитель. 1862. Т. 2. № 17. С. 885–892.
- Подольская 1988** – Подольская Н. В. Словарь русской ономастической терминологии. М., 1988.
- Позднякова 2004** – Позднякова Л. Напечатана азбука общения // Известия 23.10.2004.
- Поливанов 1927** – Поливанов Е. К десятилетию реформы // Родн. яз. в шк. 1927. № 5. С. 180–189.
- Поливанов 1928** – Поливанов Е. К вопросу о заглавных буквах // Культура и письменность Востока 1928. Кн. 1. С. 91–95.
- Полное 2001** – Полное собрание русских летописей. Лаврентьевская летопись. Т. 1. М., 2001.
- Пономарева 2001** – Пономарева З. Н. Графический облик слова в современных русских текстах // Мир русского слова. 2001. № 2.
- Попков 2007** – Попков В. В. Проект общегерманского алфавита // Фонетика и письмо как непрерывно развивающееся явление. Омск, 2007. С. 95–108.
- Попов 1916, 1917** – Попов В. Проект упрощения русского правописания // Родной язык в школе. 1916–17. № 2–3. С. 74–80.
- Потебня 1976** – Потебня А. А. Мысль и язык. М., 1976.
- Правила 1956** – Правила русской орфографии и пунктуации / Утверждены Академией наук СССР, Министерством высшего образования СССР и Министерством просвещения РСФСР. М., 1956 – <http://www.rusyaz.ru/pr/>.
- Правила 2007** – Правила русской орфографии и пунктуации: Полный академический справочник / Под ред. В. В. Лопатина. М., 2007 – <http://www.alleng.ru/d/rusl/rusl18.htm>.
- Проект 1930** – Проект реформы правописания Сектора науки Наркомпроса РСФСР. М.-Л., 1930.
- Протокол 1905** – Протокол Первого заседания комиссии по вопросу о русском правописании. СПб., 1905.
- Пурмаль 2004** – Пурмаль А. П. А, Б, В... химической кинетики. М., 2004.

- Пчелов, Чумаков 1999** – Пчелов Е. В. Чумаков В. Т. Два века буквы Ё: история и словарь. М., 1999.
- Разыграев 1885** – Разыграев В. О причинах неуспеха по правописанию и возможностях избежать их. СПб., 1885.
- Ремнёва 2004** – Ремнёва М. Л. Старославянский язык: Учебн. пособие. М., 2004.
- Реформатский 1933** – Реформатский А. А. Техническая редакция книги (1933) // Реформатский А. А. Лингвистика и поэтика. М., 1987. С. 141–179.
- Реформатский 1937** – Реформатский А. А. Упорядочение русского правописания // РЯШ. 1937. № 1. С. 63–70.
- Рождествин 1908** – Рождествин А. С. Упрощение русского правописания. Казань, 1908.
- Розенталь 1971** – Розенталь Д. Э. Справочник по правописанию и литературной правке для работников печати. Изд. 2-е, испр. и дополн. М., 1971 – http://www.zipsites.ru/books/rozentala_spravochnik/.
- Розенталь и др. 1998** – Розенталь Д. Э., Джанджакова Е. В., Кабанова Н. П. Справочник по правописанию, произношению, литературному редактированию. Изд. 2-е, испр. М., 1998.
- Розов 1976** – Розов, Н. Н. Изборник 1076 года как памятник истории русской книги // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1976. Т. 35. № 6. С. 545–554.
- Русская 1978** – Русская разговорная речь: Тексты. М., 1978.
- Русская 1980** – Русская грамматика / Под ред. Н. Ю. Шведовой. Т. 1. М., 1980.
- Русская 1983** – Русская разговорная речь. М., 1973.
- Русский 1998** – Русский язык. Тесты 11 класс. Варианты и ответы государственного тестирования. М., 1998.
- Русский язык 1995** – Русский язык: Учебник для 5-го класса средней школы / Под ред. М. В. Панова. М., 1995.
- Русский 1999** – Русский язык. Тесты 11 класс. Варианты и ответы государственного тестирования. М., 1999.
- Русский язык 2005** – Русский язык: Учеб. для студ. высш. пед. учеб. заведений / Л. Л. Касаткин, Е. В. Клобуков, Л. П. Крысин и др.; Под ред. Л. Л. Касаткина. М., 2005.
- Руссков 1994** – Руссков С. П. Каллиграфия для учителей: Пособ. для учителей. Чебоксары, 1994.
- Рязанцевский 1925** – Рязанцевский. Дальнейшие упрощения русской азбуки. // Родной. яз. в шк. 1925. № 8. С. 96–98.
- Сакулин 1904** – Сакулин П. Н. Вопрос об упрощении русской орфографии // Вестник воспитания. 1904. № 6. С. 116–164.
- Сакулин 1914** – Сакулин П. Н. Упрощение русского правописания и возражения против него // Родной язык в школе. 1914/15. № 1. С. 21–22.
- Сакулин 1917** – Сакулин П. Н. Новое русское правописание. М., 1917.
- Сакулин 1917а** – Сакулин П. Н. Реформа русского правописания. Пг., 1917.
- Сакулин 1918** – Сакулин П. Н. Необходимая справка // Новая школа, 1918. № 1. С. 21–23.

- Сакулин 1922** – Сакулин П. Н. Научно-общественная деятельность А. А. Шахматова // Изв. ОРЯС Рос. АН. Т. XXV. Пг., 1922. С. 302–311.
- Сафаев 2004** – Сафаев Т. Я знаю людей, которые хотят мягко перевести русский язык на латиницу // Известия 2004. 25 мая.
- Селезнева 2004** – Селезнева Л. Б. Современное русское письмо. Категории и единицы. М., 2004.
- Селищев 1951** – Селищев А. М. Старославянский язык. Ч. 1. М., 1951.
- Семенов 1907** – [Семенов М.] М. С-ов. Об «укрошении стропливой» // Для народного учителя. М., 1907. № 9. С. 9–15.
- Семенов 1915** – [Семенов М.] М. С-ов. [Рец.] Молох XX в. (по поводу книги К. Г. Житомирского. М., 1915) // Для народного учителя. М., 1915. № 9. С. 14–18.
- Сенковский 1957** – Брамбеус [Сенковский О. И.] [Рец.] К. М. Кадинский. Преобразование и упрощение русского правописания СПб., 1857 // Сын Отечества. 1857 № 32. С. 753–756.
- Сенковский 1958** – Листки барона Брамбеуса. СПб., 1858. Ч. 2. С. 630–641.
- Скандовский 1872** – Скандовский Ник. Законно ли допускать учеников в университет за две или три орфографические ошибки? // Голос. 1872. № 162. (9 окт.).
- Слобин 1976** – Слобин Д. Языковое развитие ребенка // Слобин Д., Грин Дж. Психолингвистика. М., 1976.
- Смирнов 1908** – Смирнов В. Полный словарь иностранных слов, вошедших в русский язык с общедоступным толкованием их значения и употребления, с включением отдельных слов и фраз, употребляющихся в устной и письменной речи в их оригинальной иностранной форме. Настоящий справочник, необходимый для всех классов общества при чтении книг, газет и журналов и содержащий научные, художественные, литературные, политические и вообще технические термины по всем отраслям знания. Сост. на основе лучших энциклопедических словарей и специальных лексикографических трудов. М., 1908.
- Смирнов 1936** – Смирнов А. М. Высокая грамотность возможна лишь в системе всей воспитательной и образовательной работы школы // Русский язык 1936. № 2. С. 5–13
- Соболевский 1882** – Соболевский А. И. [Рец.] О рациональной передаче греческих и латинских слов в русской речи и письме А. А. Иванова. Киев, 1881 // ЖМНП. 1882. Ч. 222 (авг.). Отд. 2. С. 343–350.
- Соболевский 1885** – Соболевский А. И. [Рец.] Орфографические заметки. Русское правописание. Руководство, составленное, по поручению второго отделения Имп. Академии наук академиком Я.К. Гротом. СПб., 1885. // Русский филол. вестник. 1885. Т. XIV. С. 156–161.
- Соболевский 1886** – Соболевский А. И. Еще несколько орфографических разъяснений // Русский филол. вестник. 1886. Т. XV. С. 362–368.
- Соколов 1929** – Соколов Л. Изменять ли орфографию? // Просвещение Сибири. 1929. № 2. С. 77–80.
- Соколов 2001** – Соколов М. А дустом не пробовали? // Известия. 2001. 20 авг.

- Современный 1952** – Современный русский язык: Морфология. М., 1952.
- Сперанский 1929** – Сперанский М.Н. Тайнопись в юго-славянских и русских памятниках письма: Энциклопедия славянской филологии. Вып. 4.3. Л., 1929.
- Степанов 1983** – Степанов Ю. С. В мире семиотики // Семиотика. М., 1983. С. 5–36.
- Степанов 1991** – Степанов Ю. С. Несколько гипотез об именах букв славянских алфавитов в связи с историей культуры // Вопросы языкознания. 1991. № 3.
- Степанов 1993** – Степанов Ю. С. Славянские азбучные молитвы на фоне культурной традиции // *Philologia slavica*. К 70-летию Н. И. Толстого. М., 1993.
- Степанов, Проскурин 1993** – Степанов Ю. С., Проскурин С. Г. Константы мировой культуры. Алфавит и алфавитные тексты в период двоеверия. М., 1993.
- Степанова 2007** – Степанова Т. В. Письменная речь младшего школьника в аспекте гендерных различий: дис. ... канд. филол. наук. Великий Новгород, 2007.
- Степович 1885** – Степович А. Русское правописание (Заметка по поводу книги академика Я. К. Грота) // Женское образование. 1885. № 5. С. 359–367.
- Степович 1886** – Степович А. Чем должно быть наше правописание, наукой или искусством? (Еще по поводу книги академика Грота «Русское правописание») // Женское образование. 1886. № 1. С. 26–33.
- Стефанский 1929** – Стефанский И. О ветхом Гроте и социализме // *Вечерняя Москва*. 1929. № 280. С. 2.
- Суворовский 1927** – Суворовский А. Распад орфографии // На путях к новой школе. 1927. № 12. С. 8–16
- Сумароков 1787** – Сумароков А. П. К типографским наборщикам [1759] // А. П. Сумароков. Полн. собр. соч. 2-е изд. Т. 6. М., 1787. С. 307–315.
- Тарабасова 1982** – Тарабасова Н. И. Некоторые черты московской скорописи XVII в. // История русского языка. Памятники XI–XVIII вв. М., 1982. С. 170–220.
- Тахтамышов 1932** – Тахтамышов К. Латинизация на Северном Кавказе // Революция и письмо. 1932. № 4–5. С. 80–95.
- Теверская 1926** – Теверская Р. Упрощение орфографии // *Родной язык в школе*. 1926. № 10.
- Текучёв 1980** – Текучёв А. В. Методика русского языка в средней школе: учебник для студентов пед. ин-тов. Изд. 3-е, перераб. М., 1980.
- Теория 2005** – Теория и практика обучения русскому языку: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений // Е. В. Архипова, Т. М. Воителева, А. Д. Дейкина и др.; под ред. Р. Б. Сабаткоева. М., 2005.
- Толстой 1988** – Толстой Н. И. История и структура славянских литературных языков. М., 1988.
- Томашевский 1930** – Томашевский Б. Языковеды о реформе орфографии // *Красная газета*. 1930. № 86. С. 2

- Томсон 1903** – Томсон А. И. Категории правописания и методологии преподавания его в связи с проектированным упрощением русского правописания. Одесса, 1903.
- Топоров 1929** – Топоров А. Долой балласт // Просвещение Сибири. 1929. № 9. С. 92–98
- Третьяковский 1748** – Третьяковский В. К. Разговоръ между чужестраннымъ челоѡкомъ і Россійскимъ объ ортографіи старинной і новой і о всемъ что принадлежитъ къ сей матеріи. СПб., 1748.
- Тулов 1874** – Тулов М. А. Об элементарных звуках человеческой речи и русской азбуке: Пособие для обучающихся русской грамоте. Киев, 1874.
- Унбегаун 1995** – Унбегаун Б.-О. Русские фамилии / Пер. с англ. 2-е изд. М., 1995.
- Успенский 1994** – Успенский Б. А. Краткий курс истории русского литературного языка (XI–XIX вв.). М., 1994.
- Успенский 2005** – Успенский В. А. О единстве человеческого рода // Новый мир. 2005. № 1.
- Успенский 1971** – Успенский Л. В. Слово о словах. Почему не иначе? Л., 1971.
- Устинов 1929** – Устинов И. В. Реформа русского правописания 1917 года осталась незавершенной // Учительская газета. 1925. 19 окт. С. 3.
- Ушаков 1923** – Ушаков Д. Н. Чем не закончена реформа правописания? // Вестник просвещения. 1923. № 7–8. С. 18–25.
- Ушаков 1926** – Ушаков Д. Н. По поводу статьи т. Тверской // Родн. яз. в шк. 1926. № 10. С. 61–65.
- Ушаков 1927** – Ушаков Д. Н. Нужна ли дальнейшая реформа орфографии? // Учительская газета. 1927. № 17. С. 4.
- Ушаков 1930** – Ушаков М. В. Научно-лингвистические основы методики обучения правописанию // РЯСШ. 1930. № 2. С. 108–114.
- Фалев 1925** – Фалев И. О грамматике и орфографии на рабфаках // Родной язык в школе. 1925. № 8. С. 92–96.
- Фарыно 2002** – Фарыно Е. Европейска азбука! Възможна ли е? // Литературен форум. 12. II. – 18. II. 2002.
- Фесенко 1955** – Фесенко А., Фесенко Т. Русский язык при Советах. Нью-Йорк, 1955.
- Филинкова 2001** – Филинкова Е. О. Варваризмы в периодической печати: динамика и особенности использования (на материале журнала «Наука и жизнь») // Лингвистический ежегодник Сибири. Вып. 3. Красноярск, 2001. С. 166–172.
- Филинкова 2003** – Филинкова Е. О. Динамика и стратегия использования графико-орфографических иноязычий в периодической печати // Лингвистический ежегодник Сибири. Вып. 4–5. Красноярск, 2003 С. 26–34.
- Филинкова 2004** – Филинкова Е. О. Графико-орфографическое иноязычие в контексте полизнаковости русского письма постсоветского периода: Автореф. ... канд. филол. наук. Красноярск, 2004.
- Филиппов 1931** – Филиппов Н. Н. Книжная корректура. М.-Л., 1931.

- Фита 1885** – Фита или Ферт? Еще открытое письмо к академику Я. К. Гроту (По поводу 2-го изд. «Русского правописания») // Семья и школа. 1885. Кн. 2. Т. 1–2. С. 430–455.
- Флёров 1917** – Флёров А. П. Поверженный Молох // Педагогические известия. М., 1917. № 3–4. С. 11–22.
- Фридрих 2001** – Фридрих И. История письма. М., 2001.
- Хрестоматия 1995** – Хрестоматия по методике русского языка: Преподавание орфографии и пунктуации в общеобразовательных учебных заведениях. М., 1995.
- Хроника 1930** – Хроника. Вокруг реформы русского правописания. // РЯСШ. № 6. С. 170–171.
- Чаев, Черепнин 1964** – Чаев Н. С., Черепнин Л. В. Русская палеография. М., 1946.
- Чайковская 1988** – Чайковская Н. Н. Бессоюзное изъяснительное предложение. Алма-Ата, 1988.
- Черемисина, Колосова 1987** – Черемисина М. И., Колосова Т. А., Очерки по теории сложного предложения. Новосибирск, 1987.
- Черных 1930** – Черных П. Я. К вопросу о новом упрощении правописания // Просвещение Сибири. 1930. № 1. С. 114–115
- Черных 1952** – Черных П. Я. Историческая грамматика русского языка. М., 1952.
- Чернышев 1947** – Чернышев В. И. Ф. Ф. Фортунатов и А. А. Шахматов – реформаторы русского правописания / По матер. архива Академии наук СССР и личным воспоминаниям (1947) // В. И. Чернышев. Избранные труды. М., 1970. Т. 2. С. 557–652.
- Чудинов 2001** – Чудинов А. П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000): Монография. Екатеринбург, 2001.
- Чумаков 2005** – Чумаков В. В мире Онегина // Литературная газета. 2005. 20–26 июля.
- Шанский 1985а** – Шанский Н. М. В мире слов: Книга для учителя. 3-е изд. М., 1985.
- Шанский 1985б** – Шанский Н. М. Фразеология современного русского языка: Учебн. пособие для вузов. 3-е изд. М., 1985.
- Шапиро 1951** – Шапиро А. Б. Русское правописание. М., 1951.
- Шапиро 1974** – Шапиро А. Б. Современный русский язык Пунктуация: Учебн. пособие. 2-е изд. М., 1974.
- Шапошников 1998** – Шапошников В. Н. Русская речь 1990-х. Современная Россия в языковом отображении. М., 1998.
- Шарифов 2007** – Шарифов О. Латинизация алфавита. Узбекский опыт. 2007 // arba.ru.
- Шахматов 1941** – Шахматов А. А. Очерк современного русского литературного языка. Изд. 4-е. М., 1941.
- Шварцкопф 1988** – Шварцкопф Б. С. Современная пунктуация: система и ее функционирование. М., 1988.

- Шереметевский 1897** – Шереметевский В. П. [1891] К вопросу об однообразии в орфографии (Проект и опыт некоторых упрощений ради школы) // Шереметевский В. П. Соч. М., 1897. С. 240–309.
- Шмелева 1983** – Шмелева Т. В. Кодекс речевого поведения // Русский язык за рубежом. 1983. № 1. С. 72–77.
- Шмелева 1987** – Шмелева Т. В. Средства выражения метасмысла «преувеличение» // Системный анализ значимых единиц русского языка. Парадигматика в лексике и словообразовании. Межвуз. сборник. Красноярск, 1987. С. 82–92.
- Шмелева 1991** – Шмелева Т. В. Онимический взрыв // Всемир. 1991. № 2. С. 28–34.
- Шмелева 1997** – Шмелева Т. В. Письменность городской среды // Фонетика – орфоэпия – письмо в теории и практике: Межвузовский сборник научных трудов. Вып. 1. Красноярск, 1997. С. 114–123.
- Шмелева 1997а** – Шмелева Т. В. Ономастикон современного города // Международный съезд русистов: Тезисы докладов. Красноярск, 1997. С. 146–147
- Шмелева 1998** – Шмелева Т. В. Текст сквозь призму метафоры ткань // Вопросы стилистики: Межвуз. сб. науч. тр. Саратов, 1998. С. 68–74.
- Шмелева 2001** – Шмелева Т. В. Новгородский ономастикон // Слово и фразеологизм в русском литературном языке и народных говорах: Межвузовский сборник научных трудов. Памяти Николая Ивановича Лаврова. Великий Новгород, 2001. С. 187–193.
- Шмелева 2004** – Шмелева Т. В. Поставить точки над и (фразеологизм в современных текстах и словарях) // Словарное наследие В. П. Жукова и пути развития русской и общей лексикографии (Третьи Жуковские чтения): Материалы Международного научного симпозиума (21–22 мая 2004 г.) / Отв. ред. В. И. Макаров; НовГУ имени Ярослава Мудрого. Великий Новгород, 2004. С. 323–328.
- Шмелева 2004а** – Шмелева Т. В. Тривиальность (речеведческий сюжет) // Лингвистический ежегодник Сибири. Вып. 6 / Под ред. Т. М. Григорьевой. Красноярск, 2004. С. 115–123.
- Шмелева 2004б** – Шмелева Т. В. Алфавитная идиоматика // Филология XXI века: проблемы и методы исследования: Материалы научной конференции «Пушкинские чтения» / Под ред. Т. В. Мальцевой, Н. Е. Синичкиной. СПб, 2004. С. 34–40.
- Шмелева 2006а** – Шмелева Т. В. Алфавит в ономастиконе // Российский лингвистический ежегодник. 2006. Вып. 1 (8). Красноярск, 2006. С. 6–12.
- Шмелева 2006б** – Шмелева Т. В. Диалог алфавитов // Wschod – Zachod. Dialog jezykow i kultur / Pod red. Zoi Nowozenowej. Slupsk, 2006. S. 202–206.
- Шмелева 2006в** – Шмелева Т. В. Кириллическая азбука в русском языке // Русский язык: Методическая газета для учителей-словесников. 2006. № 10. С. 14–17.
- Шмелева 2006г** – Шмелева Т. В. ШУЗ для тех, кто носит трузера // Новая новгородская газета. 2006. 23 авг.

- Шмелева 2006д** – Шмелева Т. В. Уличная латынь // Новая новгородская газета. 2006. 29 нояб.
- Шмелева 2007** – Шмелева Т. В. Ономастический ландшафт Великого Новгорода // Новгородика-2006: Материалы науч. конф. 20–22 сент. 2006 г. Великий Новгород, 2007. Ч. 1. С. 132–140.
- Шмелева 2007а** – Шмелева Т. В. Алфавит в лексиконе: свое и чужое // Язык в движении: К 70-летию Л. П. Крысина. М., 2007. С. 629–642.
- Шмелева 2007б** – Шмелева Т. В. Идиомы и паремии «кириллического происхождения» // Фразеологизм и слово в языке и речи: Сборник статей. – Великий Новгород, 2007. С. 281–287.
- Шмелева 2007в** – Шмелёва Т. В. Фактура речи как фактор языковых инноваций // Современная филология: актуальные проблемы, теория и практика: Сб. материалов II Междунар. научн. конф. Красноярск, 2007. С. 15–19.
- Шмелева 2007г** – Шмелева Т. В. Романское слово на вывесках современного русского города // Un om, un symbol. In honorem magistri Ivan Evseev. – Bucureşti, 2007. P. 601–607.
- Шмелева 2008** – Шмелева Т. В. Красноярск как текст: французская страничка // Российский лингвистический ежегодник 2008. Вып. 3(10). Красноярск, 2008. С. 194–201.
- Шмелева 2008а** – Шмелева Т. В. Многоязычие (нов)городских улиц // Язык в контексте гуманитарных знаний: Сборник статей, посвящённых 60-летию профессора В. В.Иваницкого / Под ред. Н. В. Семёновой. Великий Новгород, 2008. С. 158–171.
- Шмелева 2008б** – Шмелева Т. В. Наш тёзка Наполи // Новая новгородская газета. 2008. 22 окт.
- Шмелева 2009** – Шмелева Т. В. Предшественник Ломоносова // Новгородский край в русской литературе / Отв. ред. В. А. Кошелев. Великий Новгород, 2009. С. 183–191.
- Щенников 1956** – Щенников Е. П. Значение трудов Я. К. Грота в истории русского правописания. Дис. ... канд. филол. наук. Куйбышев, 1956.
- Щерба 1904** – Щерба Л. В. Несколько слов по поводу «Предварительного сообщения орфографической подкомиссии» (1904) // Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974. С. 229–234.
- Щерба 1915** – Щерба Л. В. О разных стилях произношения и об идеальном фонетическом слове (1915) // Щерба Л. В. Избранные работы по русскому языку. М., 1957. С. 21–25.
- Щерба 1926** – Щерба Л. В. Основные принципы орфографии и их социальное значение (1926) // Щерба Л. В. Избранные работы по русскому языку. М., 1957. С. 45–49.
- Щерба 1930** – Щерба Л. В. К вопросу о реформе орфографии // РЯШ. 1930. № 5.
- Щерба 1931** – Щерба Л. В. О тройном аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании (1931) // Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974. С. 24–39.
- Щерба 1942–1943** – Щерба Л. В. Теория русского письма (1942–1943) // Щерба Л. В. Избранные работы по русскому языку. М., 1957. С. 144–179.

- Эпштейн 2000** – Эпштейн М. О будущем языка // Знамя. 2000. № 9. С. 212–213.
- Эпштейн 2005** – Эпштейн М. Варваризация и латинизация // [http://www. languages. Study.com/Russian-letter.html](http://www.languages.Study.com/Russian-letter.html). 2005.
- Юденко 2004** – Юденко Ю. Р. Повышение орфографической грамотности с учётом аудиальной модальности младшего школьника: автореф. дис. ... к. пед. н. Екатеринбург, 2004.
- Юдина 1994** – Юдина Е. И. Азбука музыкально-творческого саморазвития: Образовательно-игровое пособие по творчеству для учащихся. М., 1994.
- Южный 1928** – Южный П. Революция в нашей орфографии // Полиграфическое производство. 1928. № 10. С. 19–28.
- Юнусов 1932** – Юнусов К. О состоянии латинизации в Туркестане // Революция и письмо. 1932. № 4–5. С. 63–72.
- Юнусов 1932а** – Юнусов К. Латинизация в Узбекской ССР // Революция и письмо. 1932. № 4–5. С. 73–79.
- Юшманов 1932** – Юшманов Н. В. Латинизированный Коран // Революция и письмо. 1932. № 4–5. С. 181–182.
- Языковеды 1930** – Языковеды о реформе орфографии (Анкета веч. «Красной газетъ») // Красная газета (веч. выпуск). 1930. 12 апр.
- Якимович 1985** – Якимович Ю. К. Деятели русской культуры и словарное дело. М., 1985.
- Яковлев 1930** – Яковлев Н. Ф. За латинизацию русского алфавита // Культура и письменность Востока. Кн. 6. Баку, 1930. С. 27–43.
- Яламас 2001** – Яламас Д. А. Средневековая греческая грамматическая традиция и труды братьев Лихудов // Лихудовские чтения; Материалы науч. конф. Великий Новгород, 2001.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

- Бойко Евдокия Семеновна** – кандидат филологических наук, доцент Красноярского государственного педагогического университета имени В. П. Астафьева; Красноярск
- Булохов Виктор Яковлевич** – доктор педагогических наук, профессор Красноярского государственного педагогического университета имени В. П. Астафьева; Красноярск
- Выхристюк Маргарита Степановна** – кандидат филологических наук, доцент Тобольского государственного педагогического института имени Д. И. Менделеева; Тобольск
- Григорьева Татьяна Михайловна** – доктор филологических наук, профессор Сибирского федерального университета; Красноярск
- Голев Николай Данилович** – доктор филологических наук, профессор Кемеровского государственного университета; Кемерово
- Дегтярев Владимир Иванович** – доктор филологических наук, профессор Южного федерального университета; Ростов-на-Дону
- Ким Игорь Ефимович** – кандидат филологических наук, доцент Сибирского федерального университета; Красноярск
- Кознева Людмила Михайловна** – кандидат филологических наук, доцент Вологодского государственного педагогического университета; Вологда
- Копытов Олег Николаевич** – кандидат филологических наук, доцент Хабаровского государственного института искусств и культуры; Хабаровск
- Мишланов Валерий Александрович** – доктор филологических наук, профессор Пермского государственного университета; Пермь
- Науменко Светлана Васильевна** – кандидат филологических наук, доцент Канского педагогического колледжа; Канск Красноярского края
- Осипов Борис Иванович** – доктор филологических наук, профессор Омского государственного университета; Омск

- Семенова Наталья Владимировна** – доктор филологических наук, профессор Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого; Великий Новгород
- Сивкова Евгения Александровна** – кандидат филологических наук, доцент Челябинского государственного педагогического университета; Челябинск
- Синичкина Наталья Евгеньевна** – кандидат филологических наук, доцент Санкт-Петербургского государственного университета; Санкт-Петербург
- Сперанская Алевтина Николаевна** – кандидат филологических наук, доцент Сибирского федерального университета; Красноярск
- Степанова Татьяна Валентиновна** – кандидат филологических наук; старший преподаватель Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого; Великий Новгород
- Федосюк Михаил Юрьевич** – доктор филологических наук, профессор Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова; Москва
- Филинкова Елена Олеговна** – кандидат филологических наук, доцент Забайкальского государственного гуманитарно-педагогического университета имени Н. Г. Чернышевского; Чита
- Цейтлин Стелла Наумовна** – доктор филологических наук, профессор Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена; Санкт-Петербург
- Чабан Татьяна Юрьевна** – методист школы №106; Красноярск
- Шмелева Татьяна Викторовна** – доктор филологических наук, профессор Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого; Великий Новгород

Программа «Межрегиональные исследования в общественных науках» была инициирована Министерством образования Российской Федерации, «ИНО-Центром (Информация. Наука. Образование)» и Институтом имени Кеннана Центра Вудро Вильсона при поддержке Корпорации Карнеги в Нью-Йорке (США), Фонда Джона Д. и Кэтрин Т. МакАртуров (США) и Института «Открытое общество» (Фонд Сороса) в 2000 г.

Целью Программы является расширение сферы научных исследований в области общественных и гуманитарных наук, повышение качества фундаментальных и прикладных исследований, развитие уже существующих научных школ и содействие становлению новых научных коллективов в области общественных и гуманитарных наук, обеспечение более тесного взаимодействия российских ученых с их коллегами за рубежом и в странах СНГ.

Центральным элементом Программы являются девять Межрегиональных институтов общественных наук (МИОН), действующих на базе Воронежского, Дальневосточного, Иркутского, Калининградского, Новгородского, Ростовского, Саратовского, Томского и Уральского государственных университетов. «ИНО-Центр (Информация. Наука. Образование)» осуществляет координацию и комплексную поддержку деятельности Межрегиональных институтов общественных наук.

Кроме того, Программа ежегодно проводит общероссийские конкурсы на соискание индивидуальных и коллективных грантов в области общественных и гуманитарных наук. Гранты предоставляются российским ученым на научные исследования и поддержку академической мобильности.

Наряду с индивидуальными грантами большое значение придается созданию в рамках Программы дополнительных возможностей для профессионального развития грантополучателей Программы: проводятся российские и международные конференции, семинары, круглые столы; организуются международные научно-исследовательские проекты и стажировки; большое внимание уделяется изданию и распространению результатов научно-исследовательских работ грантополучателей; создаются условия для участия грантополучателей в проектах других доноров и партнерских организаций.

Адрес: 107078, Москва, Почтамт, а/я 231

Электронная почта: info@ino-center.ru,

Адрес в Интернете: www.ino-center.ru, www.iriss.ru

Министерство образования и науки Российской Федерации является федеральным органом исполнительной власти, проводящим государственную политику в сфере образования, научной, научно-технической и инновационной деятельности, развития федеральных центров науки и высоких технологий, государственных научных центров и наукоградов, интеллектуальной собственности, а также в сфере молодежной политики, воспитания, попечительства, социальной поддержки и социальной защиты обучающихся и воспитанников образовательных учреждений.

Министерство образования и науки Российской Федерации осуществляет координацию и контроль деятельности находящихся в его ведении Федеральной службы по интеллектуальной собственности, патентам и товарным знакам, Федеральной службы по надзору в сфере образования и науки, Федерального агентства по науке и инновациям и Федерального агентства по образованию.

Министерство образования и науки Российской Федерации осуществляет свою деятельность во взаимодействии с другими федеральными органами исполнительной власти, органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации, органами местного самоуправления, общественными объединениями и иными организациями.

АНО «ИНО-Центр (Информация. Наука. Образование)» – российская благотворительная организация, созданная с целью содействия развитию общественных и гуманитарных наук в России; развития творческой активности и научного потенциала российского общества.

Основными видами деятельности являются: поддержка и организация научных исследований в области политологии, социологии, отечественной истории, экономики, права; разработка и организация научно-образовательных программ, нацеленных на возрождение лучших традиций российской науки и образования, основанных на прогрессивных общечеловеческих ценностях; содействие внедрению современных технологий в исследовательскую работу и высшее образование в сфере гуманитарных и общественных наук; содействие институциональному развитию научных и образовательных институтов в России; поддержка развития межрегионального и международного научного сотрудничества.

Институт имени Кеннана был основан по инициативе Джорджа Ф. Кеннана, Джеймса Биллингтона, и Фредерика Старра как подразделение Международного научного центра имени Вудро Вильсона, являющегося официальным памятником 28-му президенту США. Кеннан, Биллингтон и Старр относятся к числу ведущих американских исследователей российской жизни и научной мысли. Созданному институту они решили присвоить имя Джорджа Кеннана Старшего, известного американского журналиста и путешественника XIX века, который благодаря своим стараниям и книгам о России сыграл важную роль в развитии лучшего понимания американцами этой страны. Следуя традициям, институт способствует углублению и обогащению американского представления о России и других странах бывшего СССР. Как и другие программы Центра Вудро Вильсона, он ценит свою независимость от мира политики и стремится распространять знания, не отдавая предпочтения какой-либо политической позиции и взглядам.

Корпорация Карнеги в Нью-Йорке (США) основана Эндрю Карнеги в 1911 г. в целях поддержки «развития и распространения знаний и понимания». Деятельность Корпорации Карнеги как благотворительного фонда строится в соответствии со взглядами Эндрю Карнеги на филантропию, которая, по его словам, должна «творить реальное и прочное добро в этом мире».

Приоритетными направлениями деятельности Корпорации Карнеги являются: образование, обеспечение международной безопасности и разоружения, международное развитие, укрепление демократии.

Программы и направления, составляющие ныне содержание работы Корпорации, формировались постепенно, адаптируясь к меняющимся обстоятельствам. Принятые на сегодня программы согласуются как с исторической миссией, так и наследием Корпорации Карнеги, обеспечивая преемственность в ее работе.

В XXI столетии Корпорация Карнеги ставит перед собой сложную задачу продолжения содействия развитию мирового сообщества.

Фонд Джона Д. и Кэтрин Т. МакАртуров (США) – частная благотворительная организация, основанная в 1978 г. Штаб-квартира Фонда находится в г. Чикаго (США). С осени 1992 г. Фонд имеет представительство в Москве и осуществляет программу финансовой поддержки проектов в России и других независимых государствах, возникших на территории бывшего СССР.

Фонд оказывает содействие группам и частным лицам, стремящимся добиться устойчивых улучшений в условиях жизни людей. Фонд стремится способствовать развитию здоровых личностей и эффективных сообществ; поддержанию мира между государствами и народами и внутри них самих; осуществлению ответственного выбора в области репродукции человека; а также сохранению глобальной экосистемы, способной к поддержанию здоровых человеческих обществ. Фонд реализует эти задачи путем поддержки исследований, разработок в сфере формирования политики, деятельности по распространению результатов, просвещения и профессиональной подготовки, и практической деятельности.

Научное издание

КИРИЛЛИЦА – ЛАТИНИЦА – ГРАЖДАНИЦА

Коллективная монография

Редактор Т. В. Шмелева

Компьютерная верстка Е. В. Горбачева

Изд. лицензия ЛР № 020815 от 21.09.1998.

Подписано в печать 26.11.2009. Тираж 500 экз.

Физ. печ. л. 17,85. Уч.-изд. л. 21,25. Формат 60 * 90 ¹/₁₆. Гарнитура *Times New Roman*.

Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого.

173003, Великий Новгород, ул. Большая Санкт-Петербургская, 41.

Лицензия ПЛД № 56–39.

Отпечатано в ЗАО «Новгородский ТЕХНОПАРК».

173003, Великий Новгород, ул. Большая Санкт-Петербургская, 41; тел. (816 2) 62-78-88.